Институт экономики
НАН Беларуси

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию Института экономики НАН Беларуси

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ НАН БЕЛАРУСИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 95-летию Института экономики НАН Беларуси

Минск БГУИР 2026

УДК 330.101(06)
ББК 65.01я43
Э40

Редакционная коллегия:

Д. В. Муха (главный редактор),
А. Г. Боброва, Т. С. Вертинская, А. В. Готовский, М. П. Курилович,
А. И. Лученок, Н. Н. Морозова, В. Н. Пилуй, А. С. Попкова,
Е. В. Преснякова, Т. А. Тетеринец

Материалы конференции рассмотрены на заседании ученого совета государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» и рекомендованы к опубликованию (протокол № 7 от 25 мая 2026 г.)

Э40 **Экономическая** наука: современное состояние и перспективы : материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию Института экономики НАН Беларуси / ред. кол.: Д. В. Муха (гл. ред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : БГУИР, 2026. – 279 с.

ISBN 978-985-543-890-9.

Представлены тезисы докладов, раскрывающих основные направления развития экономической науки в ретроспективной и перспективной проекции, представленных на Международной научной конференции, посвященной 95-летию Института экономики НАН Беларуси, состоявшейся 30 июня – 1 июля 2026 г. в г. Минске.

Адресовано научным работникам, работникам государственных органов и специалистам организаций различных форм собственности, аспирантам, магистрантам, слушателям и студентам экономических специальностей, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными научными исследованиями в сфере экономики.

УДК 330.101(06)
ББК 65.01я43

ISBN 978-985-543-890-9

© Институт экономики НАН Беларуси, 2026
© Оформление. УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси *В.С. Караника*…… 8

Приветственное слово Академика-секретаря отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси *А.А. Ковалени*……. 10

Приветственное слово директора Государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» *Д.В. Мухи*…….. 11

РАЗДЕЛ 1. ИННОВАЦИОННАЯ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Богдан Н.И. Новые показатели мониторинга инноваций…….. 14

Преснякова Е.В. Оценка научно-технологической безопасности Республики Беларусь: индикаторы, методика, расчет…….. 17

Аваева Д.С. Правовые средства адаптации нормативного правового регулирования к цифровой трансформации экономики…….. 20

Бондарь Д.П. Импакт-инвестирование в Беларуси: от теории к практике устойчивого развития…….. 23

Войтович Н.В., Витязь Ю.В. Развитие инновационного производства электротранспортных средств в Республике Беларусь…….. 25

Воробьёв А.Д. Роль цифровизации и интеллектуализации в обеспечении конкурентоспособности белорусской промышленности…….. 28

Карловская Г.В. Финансовое обеспечение устойчивого инновационного развития Республики Беларусь: особенности системного подхода……. 30

Кочерга О.Р. О некоторых направлениях развития законодательства в сфере оборота криптоактивов в Республике Беларусь…… 33

Лопатова Н.Г. Механизмы упреждения рисков цифрового преобразования организации 36

Павленко Г.В. Банковское инвестиционное кредитование реального сектора экономики в условиях цифровизации…… 38

Рогатко Д.А. Направления стимулирования роста кадрового потенциала научной и инновационной сферы в Республике Беларусь…….. 40

Ситкевич А.М. Совершенствование отбора и реализации инновационных проектов в Республике Беларусь с учетом санкционных ограничений…… 42

Скуратович Н.Е. К вопросу управления интеллектуальной собственностью инновационных предприятий……... 45

Смелова Н.Н., Кравцов А.В. Контроллинг – неотъемлемая составляющая в управлении привлечения депозитов……. 49

Соломко М.В. Состояние инновационного развития Республики Беларусь……..... 51

Стома Н.В. Обзор положения Республики Беларусь и Российской Федерации в Индексе конкурентоспособности промышленности…… 53

Цедрик А.А. Цифровая экономика Беларуси: вызовы на пути к достижению ЦУР…… 56

РАЗДЕЛ 2. МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Вертинская Т.С., Чжао Цинцю Модель межрегиональной интернационализации малого и среднего предпринимательства…… 58

Босько О.В. Механизмы цифровизации внешнеэкономических связей: ЭДО и система «единого окна»…….. 61

Додонов О.В. Характеристика начального этапа международных инициатив Китая в области экономического развития…… 63

О Док Хи Ключевые характеристики экономической среды АСЕАН…….. 66

Абрамчук Н.А. Методическое обеспечение развития внешней торговли Республики Беларусь в условиях глобальных вызовов и угроз……. 69

Булавицкая М.Г. Территориальные условия и факторы формирования центров экономического роста в целях углубления международных экономических связей Беларуси и Монголии…… 72

Гавриленко В.Г. Правовые основы международного экономического сотрудничества Республики Беларусь……. 75

Кашинская Н.С. Изменение места и роли Китая в мировой экономике на современном этапе развития…… 78

Коледа О.А. Трансформация экспортной специализации крупных городов Республики Беларусь в современных условиях: теоретический аспект…… 81

Луговская И.С. Белорусско-монгольское торгово-экономическое сотрудничество…….. 84

Сибирская А.В. Ключевые факторы и проблемы роста торговли Беларуси и России….. 87

Скрябина Т.А. Адаптация белорусского экспорта к санкционному давлению…… 90

Смольская Н.И. Тенденции «зеленого» финансирования в Китайской Народной Республике…… 93

Сулейков А.А. Партийная дипломатия как инструмент обеспечения внешнеэкономической политики: опыт КНР…… 96

Тавгень Е.О. Риски и особенности осуществления внешнеэкономической деятельности со странами Азии: субрегиональный анализ…….. 99

Тулейко Е.В. Тенденции и направления развития государственно-частного партнерства в странах БРИКС…… 102

Шведко П.В., Аксючиц А.В. Рекомендации по минимизации рисков при проведении внешнеторговых операций со странами Африканского региона…….. 105

РАЗДЕЛ 3. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

Лученок А.И. Управление элитами для преодоления институциональных ловушек в КНР…….. 109

Маркусенко М.В. Критерии оценки валютной политики с позиций обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь…… 112

Герасимова В.Г., Кузьменкова Н.С. Основные методологические подходы к совершенствованию налоговой системы Республики Беларусь в современных условиях…… 115

Готовский А.В. Новые механизмы обеспечения экономического роста с сохранением макрофинансовой стабильности в сложившихся для Республики Беларусь условиях….. 118

Лаврова О.И. Медиационный анализ факторов групповых взаимодействий в сфере потребления……... 121

Осмоловец С.С. Сущность финансового посредничества в условиях цифровой трансформации…….. 123

Рожковская Е.А. Макрофинансовая политика структурно-технологической модернизации экономики…… 126

Тетёркина А.М. Альтернатива прямому регулированию цен на потребительском рынке Беларуси…… 129

Шулейко О.Л. Внешний долг Республики Беларусь в системе обеспечения экономической безопасности: национальные особенности и международный опыт…… 131

Данилова Л.С. Меры по бесперебойному обеспечению внутреннего рынка отечественной плодоовощной продукцией…… 134

Доронкевич Г.А. Теории регулирования валютного курса: эволюция и роль в поддержании сбалансированности внутреннего валютного рынка…….. 137

Козловский И.А. К вопросу внешнего долга и его значения……. 139

Колесникова И.В. Денежно-кредитная политика и реальный сектор экономики: сбалансированная поддержка без нарушения монетарной стабильности…….. 142

Курбеко Н.А. Специфика регулирования фармацевтического рынка Республики Беларусь……. 145

Лычагина Е.С., Ганюков А.Н. Тарифная политика в электроэнергетике Республики Беларусь как фактор стимулирования электропотребления населения…….. 148

Мостовская О.С. Трансформация механизмов обеспечения населения жилой недвижимостью в Республике Беларусь……. 150

Недведцкий В.М. Макроэкономические и отраслевые условия организации функционирования водопроводно-канализационного хозяйства…… 153

Шестаков М.Е. Развитие рынка токенизированных облигаций Республики Беларусь… 156

РАЗДЕЛ 4. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОГРАФИЯ

Батова Н.Н. Цифровизация экологического управления как фактор модернизации государственной экологической политики Республики Беларусь……... 159

Боброва А.Г., Пилецкий К.В. Стратегические решения развития социальной политики Республики Беларусь…… 162

Тетеринец Т.А. Государственное управление развитием сельского человеческого капитала…….. 165

Чиж Д.А. Трансформация структуры форм собственности и видов прав на землю в Республике Беларусь…….. 167

Андилевко Т.В. Трудовая деятельность женщин – неоценимый вклад в устойчивое развитие Республики Беларусь…… 169

Воронецкая Л.Г. О выполнении государственной программы «Социальная защита» на 2021–2025 годы…… 172

Кот У.В. Направления модернизации демографической политики Беларуси: от компенсации к проактивному управлению рисками…… 175

Крицкая Н.В. Поляризация рынка труда в условиях экономических циклов: теоретическая модель и особенности Беларуси…… 177

Лебедевич М.В. Институционализация гражданско-патриотического воспитания как фактор накопления человеческого капитала в Республике Беларусь…… 180

Лемешевский А.А. Демографический дивиденд в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы реализации…… 182

Мурашко О.Ю. Домохозяйство как экономико-демографическая категория: эволюция, классификация и современные вызовы…….. 184

Мэн Цзялян Искусственный интеллект как фактор развития зеленой экономики в Китае…… 186

Рачкевич В.А. Контент-анализ как метод изучения государственных программ……... 190

Самцова Д.В. Адаптивный потенциал льноводства Витебской области в условиях изменения климата…… 192

РАЗДЕЛ 5. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Калинкович В.А. Малое предпринимательство в условиях современных экономических рисков……. 195

Попкова А.С. Факторы стимулирования экономического роста Китая……... 197

Цилибина В.М. Энергоэффективность как фундамент экономического роста Республики Беларусь…….. 200

Аксеневич А.М. Электронная коммерция как драйвер развития сельского предпринимательства и устойчивого роста белорусской деревни…… 203

Бабоян Эгине Трансформация механизмов создания стоимости в цифровой экономике: переход от линейных моделей к платформенным и экосистемным…… 206

Дорожкин С.Ю. Оценка экономического роста и принцип «выхода за рамки ВВП»….. 208

Дявго Я.А. Структурная трансформация сектора МСП в условиях макроэкономической нестабильности……. 210

Качан А.С. Восприятие бизнес-климата Беларуси в условиях высокой экономической турбулентности……. 214

Корженевский А.Г. Нейросетевое моделирование эффективности местных топливо-энергетических ресурсов как фактор сбалансированного экономического роста Республики Беларусь…… 217

Моторина О.И. Внешние источники финансирования белорусской экономики в 2025 году…… 220

Пашкевич И.В. Разработка организационно-экономического механизма оценки и совершенствования бизнес-среды Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации экономики…….. 223

Цедрик А.В. Перспективные направления в целях сбалансированного социально-экономического развития Беларуси: экологический и энергоэффективный аспекты…… 226

РАЗДЕЛ 6. ЭКОНОМИКА СФЕРЫ УСЛУГ

Милашевич Е.А. Факторы и эффекты цифровой трансформации мировой торговли услугами…… 230

Морозова Н.Н. Цифровизация как ключевой драйвер изменений в сфере торговли и новых форм занятости……... 233

Пилуй В.Н. Отдельные аспекты цифровизации услуговых видов деятельности Беларуси…… 237

Фёдоров Е.А. Направления государственной политики в сфере транспортных услуг в условиях структурных изменений и цифровой трансформации…… 240

Веремейчик Т.В. Состояние и перспективы развития инфраструктуры придорожного сервиса Беларуси…….. 243

Гурская Е.В., Круглик Д.А. Реализация туристических мероприятий в контексте социальных услуг…….. 246

Савлук Т.К. Влияние государственного регулирования на развитие ИТ-отрасли в обеспечении экономической безопасности…….. 249

РАЗДЕЛ 7. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Гладкая Е.Н. Снижение криминогенных рисков в экономике Республики Беларусь как фактор экономического роста и социальной стабильности…….. 253

Кочурко Ю.В. Правовые механизмы обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь…… 256

Курилович М.П. Правовое регулирование процессов адаптации к изменению климата в Республике Беларусь в условиях научно-технологического прогресса…… 259

Слижевская О.В. Теоретико-правовой анализ института авторского права…….. 262

Ашарчук Я.В. Виды технологий, направленных на охрану окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов в экологическом законодательстве Республики Беларусь…… 265

Бондарь Д.А. Новации правового регулирования деятельности в сфере обращения цифровых знаков (токенов)…….. 268

Зенькович В.Д. Деньги как объект гражданских прав…… 270

Хомич В.С. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта в контексте социально-экономических отношений Республики Беларусь: правовой анализ…… 274

Якубовский О.А. Правовые механизмы государственного управления кризисными процессами…… 277

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси Владимира Степановича Караника на торжественном заседании Международной научной конференции, посвященной 95-летию Института экономики НАН Беларуси

Минск, 30 июня 2026 г.

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

От имени Президиума Национальной академии наук Беларуси и себя лично разрешите поприветствовать вас на Международной научной конференции, посвященной 95-летию Института экономики НАН Беларуси.

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси – одна из старейших научных организаций страны – был основан в марте 1931 года в Белорусской Академии наук, собрал ведущих отечественных ученых-экономистов того времени.

Уже на старте своей деятельности Научно-исследовательский институт экономики Белорусской Академии наук объединил фундаментальные и прикладные исследовательские направления, отрабатывал наиболее актуальные задачи своего времени. На тот момент это были вопросы кооперации и коллективизации, теории размещения промышленного производства, государственного планирования развития экономики.

Эта эстафета была пронесена сквозь девять с половиной десятилетий, сформированы научные традиции, направления и школы.

На сегодняшний день Институт является крупнейшим национальным научно-методологическим центром, который проводит фундаментальные и прикладные исследования по актуальным проблемам национальной и мировой экономики, выявляет и обосновывает принципиально новые подходы к экономическому анализу и пути развития экономики Республики Беларусь.

Важнейшей функцией в системе планирования развития национальной экономики, выполняемой Институтом, выступает экспертиза разрабатываемых государственных научных, научно-технических и народнохозяйственных программ, инновационных проектов, проектов нормативных правовых актов экономической направленности с их наполнением новыми идеями и подходами.

Ученые Института принимали активное участие в формировании концепции модели социально-ориентированной рыночной экономики Беларуси. Теоретические и прикладные исследования в области макроэкономического регулирования и экономической политики заложили прочный научный фундамент для принятия ключевых государственных решений.

В поле деятельности Института находятся также международное сотрудничество с иностранными научными учреждениями по вопросам экономической науки, обобщение и практическое использование достижений мировой экономической мысли. В стенах Института регулярно проводятся международные научные конференции и семинары, готовятся крупные научные издания по актуальной проблематике социально-экономического развития.

Наличие такого института в стране приобретает в последние годы особую актуальность. В условиях фундаментальной трансформации мировой экономики, принципов международного сотрудничества, наблюдаемых сегодня, многократно возрастает роль экспертных центров, способных подойти к решению проблемы нетрадиционно, отбросив устоявшиеся догмы.

Институт экономики НАН Беларуси предлагает такие решения! И пусть не все они тут же принимаются на вооружение, находясь в авангарде передовой экономической мысли и где-то опережая устоявшуюся в стране систему взглядов, последующее развитие ситуации подтверждает правильность предлагаемых идей и необходимость их внедрения в практику.

Институт сегодня – это авторитетный научный центр, сочетающий фундаментальные исследования и прикладную аналитику по широкому спектру направлений. Экспертная деятельность учреждения востребована на всех уровнях – от научных дискуссий до практической реализации экономической политики на уровне отраслей, регионов и национальных программ.

Сегодняшнее мероприятие, помимо того, что является торжественным, также ориентировано на обмен опытом, выработку новых концепций и практических рекомендаций. В этой связи неслучайно, что на площадку Института экономики НАН Беларуси приглашены не только ведущие белорусские, но авторитетные зарубежные ученые. Прежде всего из дружественной нам Российской Федерации, иных стран. Вам предстоит определить новые подходы к нашей совместной экономической политике в быстро меняющемся глобальном мире!

Уважаемые коллеги!

В программе конференции – много интересных докладов по всему спектру актуальных направлений и исследований.

Убежден, что участники предложат свежие подходы, инструменты и механизмы развития.

Желаю плодотворной дискуссии, новых идей, прогрессивных решений и укрепления сотрудничества!

Поздравляю коллектив Института экономики с 95-летием! Пусть юбилей станет точкой роста, новым импульсом для научных открытий, для расширения горизонтов, укрепления позиций Института как центра притяжения идей и талантов.

Желаю вам, дорогие коллеги, крепкого здоровья, безграничных творческих сил, новых выдающихся достижений на благо белорусской науки и белорусского народа!

Международную научную конференцию объявляю открытой!

Благодарю за внимание!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси Александра Александровича Ковалени на торжественном заседании Международной научной конференции, посвященной 95-летию Института экономики НАН Беларуси

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

От имени Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси разрешите приветствовать вас на торжественном заседании Международной научной конференции, посвященной юбилею Института экономики НАН Беларуси.

Сегодня мы отмечаем удивительный юбилей – 95 лет! Это не просто цифра в календаре. Это возраст зрелой мудрости, когда за плечами – целая эпоха, а впереди – ещё больше открытий.

На протяжении долгих лет Институт экономики решает важные народнохозяйственные задачи, обеспечивая научно-методологическое сопровождение ключевых государственных решений по социально-экономическому развитию Республики Беларусь.

Цифры говорят сами за себя. Ежегодно сотрудники Института выполняют более 1000 поручений Администрации Президента, Совета Министров и других органов государственного управления. Уже четвертый год Институт экономики активно взаимодействует с Комитетом государственного контроля, вместе решая ключевые задачи по повышению эффективности экономического развития и обеспечению экономической безопасности страны.

Институт даёт экспертные заключения на проекты прогнозов социально-экономического развития, участвует в разработке важнейших правовых актов, постоянно проводит мониторинг мировых и внутренних экономических тенденций. Его мнение важно в вопросах регионального развития, внешней экономики, инноваций, инвестиций, социальной сферы и многих других направлений экономической политики. Без участия его сотрудников сегодня не обходится формирование ни одного стратегического и программного документа по вопросам развития страны.

И здесь принципиально важно подчеркнуть: в отличие от многих отраслевых исследовательских организаций, подведомственных конкретным государственным органам, Институт экономики выступает как независимая экспертная команда. В этом его особая ценность и сила.

Как головная организация по подпрограмме «Экономика» в рамках Государственной программы научных исследований, курируемой Отделением гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, Институт экономики задаёт тон целому направлению академической экономической мысли.

Я глубоко убеждён: вместе с нашими партнёрами – из высшей школы, других научных учреждений и государственных органов – мы получим достойные научные результаты. Они станут прочным фундаментом для самых важных экономических решений, которые ещё предстоит принять.

Дорогие юбиляры! Примите самые искренние пожелания крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, новых блестящих исследований и плодотворного сотрудничества. Пусть ваш опыт и молодость духа ещё долго служат на благо белорусской науки и экономики!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

директора Государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»
Дениса Викторовича Мухи
на торжественном заседании Международной научной конференции, посвященной 95-летию Института экономики НАН Беларуси

Уважаемые участники конференции, коллеги!

2026 год стал для Института экономики Национальной академии наук Беларуси поистине знаменательным – мы отмечаем 95-летний юбилей. Почти вековой путь, пройденный научным учреждением, – это летопись интеллектуальных свершений, служения науке и становлению белорусской государственности.

Основанный в 1931 году Институт прошёл через драматические испытания довоенных лет, эвакуацию в годы Великой Отечественной войны, восстановление и стремительное развитие в послевоенный период. С первых дней коллектив Института решал стратегические задачи государственного масштаба: от составления атласа БССР и экономического районирования республики до разработки первого пятилетнего плана и комплексных экономических прогнозов. За десятилетия научных изысканий ученые Института внесли весомый вклад в разработку стратегий устойчивого роста, модернизации промышленности, повышения конкурентоспособности национальной экономики, совершенствования региональной политики и развития человеческого капитала.

За 95 лет своего существования Институт экономики НАН Беларуси сформировал несколько ключевых научных школ, каждая из которых оказала значительное влияние на развитие экономической науки и практики в стране. В настоящее время активно работают школа ноосферного развития академика П.Г. Никитенко, нацеленная на переход к наукоёмкой, инновационной экономике; школа институционально-макроэкономического регулирования профессора А.И. Лученка, исследующая вопросы обеспечения стабильности экономики через управление институтами взаимодействия государства, бизнеса и населения; школа мировой экономики и международных отношений члена-корреспондента В.Ф. Медведева (ныне руководитель – доктор экономических наук Т.С. Вертинская), развивающая внешнеторговую и интеграционную политику в аспекте экономической безопасности. Эти научные школы сформировали широкий фундамент знаний, использующий отечественный и мировой опыт, и продолжают развиваться, способствуя устойчивому развитию экономики Беларуси. И, конечно, отдельно стоит выделить междисциплинарный кластер «Белорусская экономическая школа» под руководством академика В.Г. Гусакова. Созданный в 2015 году на базе института, он объединил сотни исследователей и стал уникальной площадкой для формирования современной политэкономии. БЭШ базируется на фундаментальных принципах политической экономии, государственного патернализма и социальной справедливости, противопоставляя себя чисто либеральным моделям. Данное направление стало важным вкладом Института в развитие национальной модели социально-экономического развития.

Исследования Института неоднократно становились основой государственных программ, прогнозов и решений, определяющих долгосрочные ориентиры развития Беларуси. С тех пор, безусловно, многое изменилось, но неизменной осталась главная ценность – уникальная атмосфера научного поиска, где уважают традиции и не боятся смелых экспериментов.

Сегодня Институт экономики – одна из ведущих научных организаций страны, осуществляющая фундаментальные и прикладные исследования по широчайшему кругу проблем. Коллектив Института насчитывает более 120 сотрудников, среди которых

практически 40 % – молодые учёные, а почти треть – обладатели учёных степеней. Такое сочетание опыта и молодости обеспечивает преемственность научных школ и постоянное обновление исследовательской повестки. Коллектив Института экономики может по праву гордиться как авторитетными учеными, результаты научных исследований которых получили отечественное и мировое признание, так и молодыми специалистами, которые с энтузиазмом включаются в исследовательскую деятельность, вносят новые идеи, осваивают современные методы и уже сегодня демонстрируют высокий уровень научной зрелости.

Институт вносит весомый вклад в экспертно-аналитическое сопровождение деятельности органов государственного управления, включая Администрацию Президента, Совет Министров, Комитет государственного контроля, профильные министерства и ведомства – экономики, промышленности, финансов, природных ресурсов, культуры и пр. Ежегодно коллективом Института выполняется около 30 научно-исследовательских работ в рамках государственных программ научных исследований, планов общегосударственного и отраслевого назначения, проектов НАН Беларуси, грантов Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, хозяйственных договоров. Десятки научных и научно-практических мероприятий, сотни статей в авторитетных изданиях, включая зарубежные, десятки монографий – таков годовой научный «портфель» Института экономики сегодня.

Круг решаемых Институтом вопросов охватывает проблемы от наращивания темпов экономического роста, повышения конкурентоспособности экономики на мировых рынках, достижения устойчивого развития до решения узкопрофильных задач по развитию отдельных отраслей и секторов экономики, совершенствования национальных политик (экономической, социальной, научно-технической и др.), обеспечения национальной безопасности страны и др.

В текущем году Институт традиционно вступает в новую пятилетку в качестве головной организации-исполнителя подпрограммы «Экономика» государственной программы научных исследований «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности» на 2026–2030 годы. Перед нами поставлены амбициозные задачи: разработка теоретико-методологических основ обеспечения научно-технологического суверенитета в условиях неоиндустриального и цифрового развития, формирование научных основ национальной безопасности во внешнеэкономической сфере, совершенствование государственной политики в области обеспечения финансовой устойчивости, эффективное управление человеческим потенциалом, развитие сферы услуг в рамках перехода к платформенным бизнес-моделям, трансформация правового регулирования экономических отношений в условиях интеллектуализации экономики. Всё это ответы на реальные вызовы, с которыми сталкивается суверенная Беларусь.

Тема юбилейной конференции – «Экономическая наука: современное состояние и перспективы» – глубоко символична. Она отражает не только научную повестку, но и стратегическую роль экономической науки в условиях глобальных трансформаций и необходимости поиска новых моделей устойчивого развития. Убеждён, что представленные в сборнике статьи станут значимым вкладом в развитие теории и практики экономической науки, помогут углубить понимание современных вызовов и предложить научно обоснованные решения, востребованные государством, обществом, научным сообществом и реальным сектором экономики.

Пользуясь знаменательным поводом, хотелось бы выразить слова благодарности руководству Национальной академии наук Беларуси и Отделения гуманитарных наук и искусств за неустанную поддержку Института во всех начинаниях и инициативах, мудрые советы и помощь, которые позволяют Институту оставаться на лидирующих позициях в сфере экономической науки.

Отдельную признательность хотелось бы выразить органам государственного управления и профильным ведомствам за поддержку, конструктивный диалог и содействие в реализации научных инициатив. Ваше внимание к развитию науки, готовность к сотрудничеству и понимание стратегической роли исследований – важнейший ресурс для всей научной сферы.

От имени руководства Института хочу также поблагодарить наших партнёров – научные организации, учреждения образования, общественные организации, предприятия реального сектора, экспертные сообщества – за доверие, совместные проекты и обмен знаниями. Институт особо ценит взаимодействие с зарубежными партнерами, с которыми за долгие годы установились прочные взаимовыгодные контакты. География наших научных связей охватывает более 15 стран: Азербайджан, Армения, Болгария, Казахстан, Камбоджа, Китай, Кыргызстан, Латвия, Молдова, Польша, Россия, Словакия, Тунис, Узбекистан и другие. Институт – член Ассоциации «Евразийский экономический клуб учёных», соучредитель Цифровой платформы экономического информационного пространства инициативы «Пояс и путь», в Институте активно работает Белорусско-Китайский аналитический центр развития.

С глубоким уважением и благодарностью обращаюсь к ветеранам Института – людям, чья мудрость, опыт и труд стали основой наших традиций, научных школ и достижений. Сегодня, оглядываясь назад, мы видим: Институт всегда выживал и развивался именно благодаря выдающемуся коллективу учёных, их самоотдаче, умению отвечать на вызовы времени.

Дорогие друзья! Желаю участникам конференции вдохновения, содержательных дискуссий и новых научных достижений. Пусть наш общий труд служит укреплению экономического потенциала Беларуси и приумножению её интеллектуального богатства!

РАЗДЕЛ 1. ИННОВАЦИОННАЯ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

УДК 338.1

НОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МОНИТОРИНГА ИННОВАЦИЙ

Богдан Нина Ивановна,
доктор экономических наук, профессор,
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Вследствие сложности современного инновационного процесса мониторинг и оценка инновационной политики постоянно совершенствуются. Современный мониторинг отличается от традиционных подходов интеграцией цифровых технологий, глобальным охватом и фокусом на социальные аспекты. Ученые Института экономики НАН Беларуси рассматривали вопросы оценки инновационного развития страны по международным индикаторам с учетом позиционирования страны в Глобальном инновационном индексе, в контексте современной оценки высоких технологий и задач устойчивого развития [1, с. 145].

Вместе с тем оценка инновационной деятельности Беларуси в контексте показателей Европейского инновационного табло (EIS) носит ограниченный характер. Исследователями Беларуси была проведена оценка позиционирования страны по расширенному спектру показателей Европейского инновационного табло и расчетом сводного индекса инноваций [2]. Эти оценки позволили расширить возможности компаративного анализа достигнутых результатов в научно-технической и инновационной сфере в Беларуси по международным стандартам. Однако из 32 показателей Европейского инновационного табло, отечественная статистика применяет только 13. Эта оценка является полезной, но недостаточной. Показатели Европейского табло совершенствуются с учетом современных тенденций технологического развития, что не находит адекватного отражения в белорусской статистике инноваций. Рассмотрим возможности расширения мониторинга инновационной деятельности в контексте современных индикаторов Европейского инновационного табло [3].

С учетом важности освоения новых знаний и формирования человеческого капитала для современного научно-технологического развития следует ввести показатель *«Доля населения в возрасте 25–64 г., вовлеченная в обучение в течение всей жизни*». Для ЕС этот индикатор по данным EIS-25 составлял 13,5 %. Отечественная статистика системы образования измерения процессов повышения квалификации и переподготовки кадров позволяет сделать такие расчеты. В 2024 г. показатель охвата обучения по программам дополнительного образования взрослых составлял 10,5 %.

В оценке привлекательности научно-исследовательской системы целесообразно ввести показатель *«Международные научные совместные публикации на миллион населения*». Он измеряет количество рецензируемых научных публикаций, соавторами которых являются исследователи по крайней мере из двух разных стран, нормализованное на миллион жителей. Этот индикатор наилучшим образом отражает как интернационализацию исследований, так и качество научного сотрудничества. По данным scimagojr.com в 2024 г. 59,6 % международных публикаций белорусских ученых были выполнены в соавторстве с исследователями из других стран. Учитывая общее число публикаций белорусских ученых в рейтинговых изданиях в 2024 г. и численность населения страны получим показатель, равный 164 публикации на миллион населения Беларуси, при среднеевропейском уровне – 1342 публикации, по данным EIS-25.

В разделе, характеризующем благоприятность инновационной среды, показатель «*Распространение широкополосного доступа в интернет»* показывает, сколько домохозяйств имеют доступ к быстрому интернету скоростью более 100 Мбит/сек (через волоконный или аналогичный). Так оценивается качество цифровой инфраструктуры страны (для сравнения,

Беларусь – 17,6 %; ЕС – 78 %). Дополнительно целесообразно использовать индикатор «*Доля населения с более высокими навыками, чем базовые цифровые навыки».* В программе «Цифровое десятилетие» ЕС ставит задачу, чтобы к 2030 году 80 % взрослых имели по крайней мере базовые цифровые навыки. В настоящее время, по данным EIS-25, около 27,3 % населения ЕС имеет более высокие, чем базовые цифровые навыки, в то время как около 56 % имеют, по крайней мере, базовые навыки. Исследование показывает, что страны с долей населения, имеющего более высокой цифровую квалификацию, как правило, имеют лучшие показатели по индексам инноваций и привлекают больше инвестиций в высокотехнологичные отрасли.

Важным показателем оценки современной инновационной политики должен стать индикатор, который активно используется международной статистикой: «*Прямое государственное финансирование и государственная налоговая поддержка НИОКР предприятий (в процентах от ВВП)»*. Размер совокупной поддержки НИОКР государством в секторе бизнеса составляет в ЕС 0,15 % ВВП (0,05 % – прямая и 0,10 % ВВП – косвенная). Наша оценка косвенной поддержки НИОКР (налоговая поддержка бизнеса) составляет в Беларуси только 0,04 % ВВП, если не учитывать налоговые стимулы для ПВТ. Косвенная поддержка науки в бизнесе в развитых странах расширяется и, по данным ЕС, превышает прямую.

Новым показателем оценки инвестиций в инновации является индикатор, характеризующий *«Использование цифровых технологий предприятиями с помощью облачной обработки данных*». Облачные технологии оценивают долю предприятий, использующих передовые онлайновые услуги, такие как: инструменты хранения данных, бухгалтерского учета или управления клиентами. По данным EIS-25, 45,3 % инновационных предприятий ЕС использовали облачные технологии. Статистика Беларуси свидетельствует, что 41 % предприятий использовали облачные сервисы в 2024 г. Цифровое развитие страны также характеризует индикатор «*Занятость в секторе ИКТ в процентах от общей занятости»*, для ЕС этот индикатор составляет 5 %, в Беларуси – 2,9 % в 2024 г. (3,4 % в 2021 г.).

В европейской практике в оценке эффективности инновационной политики основное внимание уделяется инновационной активности малого и среднего бизнеса (МСП) через показатели: «*Доля инновационных МСП с продуктовыми инновациями»* и *«Доля МСП с инновациями в бизнес-процессах» в общем числе МСП, %* (первый показатель составляет 24,95 %, второй – 41,7 %). Таким образом, стимулируется и контролируется оценка инновационной активности малого бизнеса, что чрезвычайно важно для современных технологических изменений. К сожалению, современная белорусская статистика эти индикаторы не оценивает, оценки предыдущих лет (2000–2005 гг.) были крайне низкими (3–4 %).

В последнее время актуальными стали исследования и оценка страны по заявкам на изобретения в сфере высоких и новейших технологий. Например, оценивается *«Число запатентованных «глубоких технологий – deep tech» с RTA ≥ 1 (в процентах от ВВП*). Запатентованные глубокие технологии – это патенты в передовых, высокоэффективных областях (ИИ, робототехника, квантовая технология, биотехнология, нанотехнология, современные материалы и т. д.). Индекс RTA ≥ 1 (Revealed Technological Advantage ≥ 1 означает, что страна специализируется на этой технологии по сравнению со средним мировым уровнем. Иными словами, она выдает в этой области больше патентов, чем ожидалось с учетом ее общей патентной деятельности. Доля ВВП позволяет нормализовать число таких патентов в зависимости от размера экономики, так что менее крупные, но инновационные страны могут быть сопоставлены с более крупными (например, Германия, Франция). Выделение числа патентов и заявок на патенты в сфере высоких и новейших (глубоких) технологий становится важной характеристикой для оценки эффективности инновационной политики и ее мониторинга и является необходимым условием управления развитием сектора высоких технологий в Беларуси.

Влияние инноваций на занятость, торговлю, производительность, и использование ресурсов оценивает показатель *«Доля занятости в наукоемких видах деятельности (производство и услуги) к общей занятости, %»*, который характеризует воздействие инновационных процессов на рынок труда и занятость (Беларусь – 35,47 % и ЕС – 15,2 %). Расчеты данного показателя в белорусской статистике (35,47 %) явно завышены, что отчасти связано с включением численности персонала в образование и здравоохранение, что противоречит методике ЕС, где указано, что оценивается занятость в бизнес-услугах. При коррекции данного измерителя по методике ЕС, данный показатель соответствует среднеевропейскому – 15,6 %.

Новые индикаторы инноваций ЕС характеризуют устойчивость/резильентность и производительность национальной инновационной системы. К ним относится *«Импорт высокотехнологичных материалов из стран, не входящих в ЕС».* Этот индикатор показывает, насколько внутреннее использование высокотехнологичных товаров и услуг государствами-членами ЕС зависит от импорта. Другими словами, индикатор показывает долю высокотехнологичных товаров и услуг, используемых фирмами, домашними хозяйствами и правительством для промежуточного или конечного потребления или инвестиций (валовые вложения в основной капитал), которые поступают из стран, не входящих в ЕС. Таким образом, индикатор оценивает устойчивость промышленности ЕС и ее технологический суверенитет и, по данным EIS-25, составляет 18,5 % от совокупного импорта. Для Беларуси оценка устойчивости экономики и технологический суверенитет имеют ключевое значение и введение аналогичного показателя, например, *«Импорт высокотехнологичных материалов из стран, не входящих в ЕАЭС»* было бы весьма целесообразно.

Новый раздел индикаторов инноваций направлен на оценку эффективности использования ресурсов и производительность труда. К ним относят три показателя. «*Продуктивность ресурсов»,* определяемая отношением ВВП (евро) к внутреннему потреблению материалов (тонны). Показатель исчисляют в евро на килограмм (€/кг), он составляет 2,5 €/кг в среднем в ЕС. Более высокие значения означают, что экономика генерирует больше экономных продуктов на единицу потребляемого материала. Эффективность использования материалов в ЕС растет, в 2000 году показатель составлял 1,5 €/кг, в 2020 г. – 2,2 €/кг. Расчет такого индикатора оценки эффективности использования материальных ресурсов является необходимым для Беларуси в связи с задачами снижения ресурсоемкости экономики. Другим показателем оценки эффективности инновационной политики в решении задач устойчивого развития является *«Производственная продуктивность выбросов CO_2»*, составляет в ЕС 10,4 долл. США на единицу CO_2, определяется отношением объема ВВП (в постоянных ценах, ППС) к выбросам CO_2 от внутреннего производства. Показатель дает представление о том, насколько эффективно экономика генерирует ценность при минимизации выбросов углекислого газа, и может помочь оценить прогресс в декарбонизации экономической деятельности, поощрении энергоэффективности и перехода к низкоуглеродным технологиям. Использование данного индикатора может содействовать принятию решений в таких областях, как устойчивая промышленная политика, инвестиции в экологически чистую энергетику и обосновать политические меры по стимулированию экономического роста при одновременном сокращении воздействия на окружающую среду. Показатель «*Производительность труда*» измеряется как ВВП (в постоянных ценах) на час работы, что позволяет осуществлять сопоставимость между странами. По данным EIS-25, производительность труда составляла в среднем в ЕС 40,3 тыс. евро ВВП за час работы. Наши расчеты показывают, что в Беларуси аналогичный индикатор составил по 15,6 тыс. долл. США ВВП за час работы.

Использование предлагаемых показателей для оценки инновационного развития Беларуси позволит расширить базу мониторинга для повышения эффективности инновационной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Муха Д.В. Инвестиционная политика в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития: методология, теория, практика. – Минск: Беларуская навука, 2025. – 458 с.

2. Богдан Н.И., Вениславский А.Г. Инновационная динамика: Беларусь и ЕС // Финансы, учет, аудит. – 2020. – № 12. – С. 30–34.

3. European Commission: Directorate-General for Research and Innovation, European Innovation Scoreboard 2025, Publications Office of the European Union, 2025. – URL: https://data.europa.eu/doi/10.2777/3239776 (дата обращения 14.04.2026).

УДК 338.28:001.89(476)

ОЦЕНКА НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИНДИКАТОРЫ, МЕТОДИКА, РАСЧЕТ

Преснякова Елена Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5, научно-технологическая безопасность – это состояние защищенности научно-технологического и образовательного потенциалов от угроз, препятствующих развитию научной деятельности, созданию и внедрению инноваций и передовых технологий в реальный сектор экономики и другие сферы.

Основные аспекты научно-технологической безопасности:

− защита от внешних угроз. Это включает предотвращение зависимости от иностранных технологий, которые могут быть использованы для давления (например, через санкции или отключение от критических систем), а также защиту от кибератак, использующих высокотехнологичные методы;

− контроль над внутренними рисками. Сюда входит регулирование опасных технологий (например, искусственного интеллекта, биотехнологий или ядерных разработок), чтобы избежать их неправильного использования, утечки или создания угроз для населения;

− устойчивое развитие. Обеспечение того, чтобы научные и технологические достижения способствовали прогрессу, а не создавали уязвимости, такие как экологические катастрофы или утрата конкурентоспособности экономики;

− инновационная независимость. Развитие собственных научных школ, технологий и кадров, чтобы минимизировать зависимость от импорта знаний и решений [1].

Оценка научно-технологической безопасности на макроуровне предполагает анализ состояния и устойчивости технологической системы страны в целом, с учетом ее способности противостоять угрозам, обеспечивать независимость и поддерживать развитие в условиях глобальной конкуренции. Это комплексный процесс, который включает использование различных индикаторов, анализ рисков и учет геополитических, экономических и социальных факторов.

Научно-технологическая безопасность оценивается в разрезе следующих направлений ее обеспечения: наукоемкость экономики; инновационная активность; кадровый потенциал науки; макроэкономическая технологичность; инвестиционная активность и иностранное участие в науке; цифровой суверенитет. Индикаторы научно-технологической безопасности сформированы по направлениям ее обеспечения (рисунок 1).

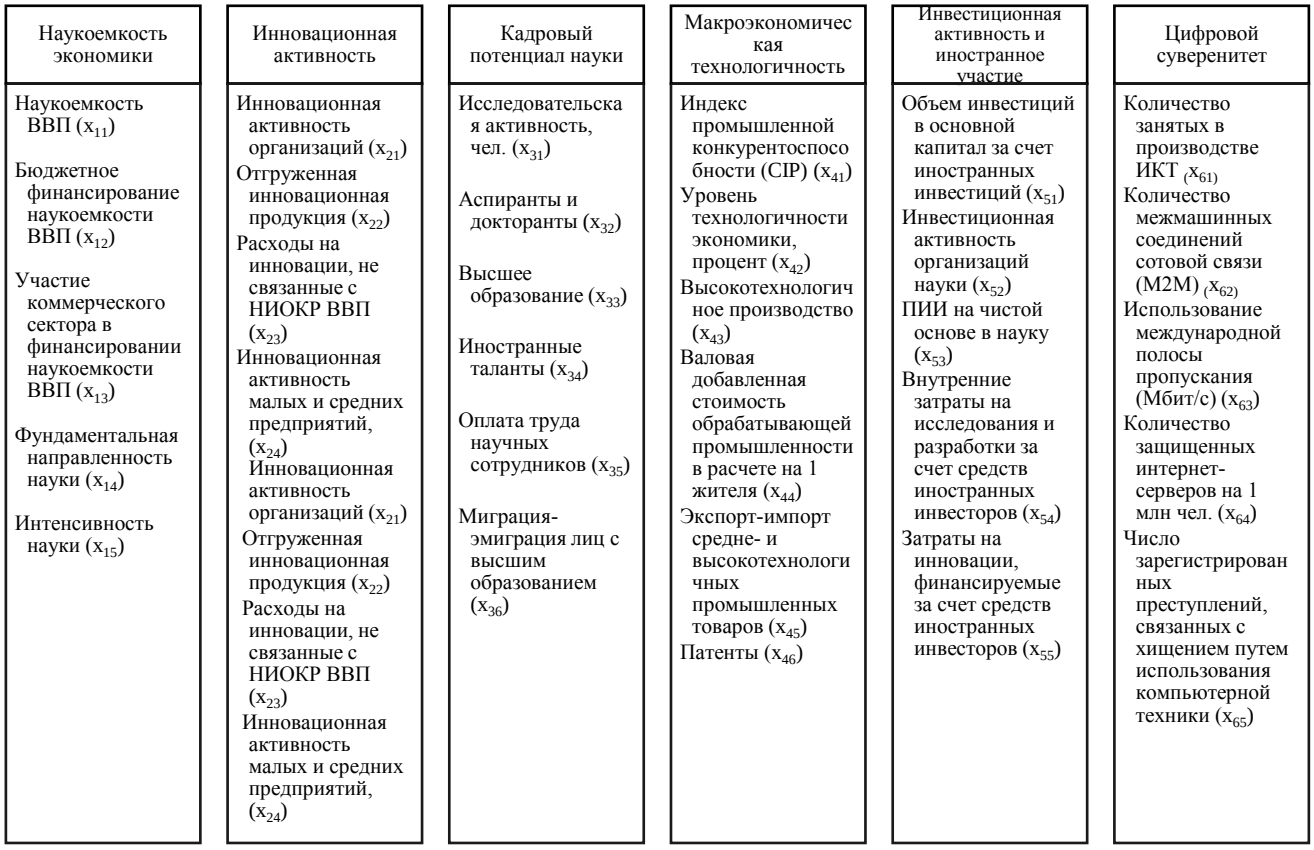

Рисунок 1 – Направления и индикаторы оценки научно-технологической безопасности

Пороговые значения индикаторов научно-технологической безопасности установлены на основе следущих принципов:

1) использование в качестве базы для сравнения средних значений в целом по интеграционному объединению – Европейский союз;

2) использование в качестве базы для сравнения значений за последний год Европейского инновационного табло (EIS-2024);

3) использование средних или наилучших данных по Республике Беларусь. Допускается использование экспертных оценок для проведения разумных расчетов и получения обоснованных данных на основе статистики Республики Беларусь;

4) использование при анализе динамики показателей научно-технологической безопасности минимального темпа роста – 100 % в качестве порогового значения. Предполагается, что темп роста должен быть свыше 100 %, а темп прироста – выше нуля.

Производится расчет уровня обеспечения научно-технологической безопасности по каждому показателю как соотношение фактического значения и порогового значения. Принимается, что уровень обеспечения научно-технологической безопасности может быть менее или равен 1 (формула (1)):

$$KSTsecurity_i = \frac{x_i}{xlim_i} \leq 1, \quad (1)$$

где $KSTsecurity_i$ – коэффициент соотношения значения показателя научно-технологической безопасности и его порогового значения.

Уровень обеспеченности научно-технологической безопасности по каждому из направлений рассчитывается по формуле (2):

$$Kis_j = \sum_1^n KSTsecurity_{i1}/n, \quad (2)$$

где Kis_j = уровень обеспеченности научно-технологической безопасности *(Scientific and technological security).*

n – количество показателей оценки научно-технологической безопасности.

Комплексный уровень обеспеченности научно-технологической безопасности рассчитывается по формуле (3):

$$Kis = \sqrt[6]{Kis_1 * Kis_2 * Kis_3 * Kis_4 * Kis_5 * Kis_6}, \quad (3)$$

В качестве подиндексов 1 ... 6 рассматривается соответствующее направление обеспечения научно-технологической безопасности [2].

Комплексный уровень интерпретируется следующим образом. Если значение индекса составляет ≥85 % – наблюдается устойчивое состояние научно-технологической безопасности, 70–84 % – удовлетворительное, 50–69 % – неустойчивое, <50 % – критическое.

Методика апробирована на примере данных Республики Беларусь за 2018−2024 годы. На основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, статистического портала ЮНИДО, портала Европейского союза Eurostat определены значения показателей научно-технологической безопасности; установлены пороговые значения для показателей научно-технологической безопасности [3].

По итогам проведенных расчетов составлена матрица уровня обеспечения научно-технологической безопасности с учетом направлений (таблица 1).

Таблица 1 – Матрица уровня обеспечения научно-технологической безопасности с учетом направлений

Направление	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Наукоемкость экономики	0,527	0,543	0,542	0,526	0,526	0,525	0,522
Инновационная активность	0,697	0,680	0,712	0,747	0,652	0,782	0,810
Кадровый потенциал науки	0,618	0,665	0,670	0,683	0,687	0,710	0,706
Макроэкономическая технологичность	0,822	0,797	0,807	0,791	0,828	0,824	0,807
Инвестиционная активность и иностранное участие в науке	0,980	0,962	0,784	0,706	0,435	0,700	0,684
Цифровой суверенитет	0,626	0,598	0,613	0,708	0,773	0,837	0,837
Комплексный уровень (Kis)	**0,697**	**0,695**	**0,682**	**0,688**	**0,635**	**0,721**	**0,719**

Примечание – Источник: авторская разработка.

Коэффициент обеспечения научно-технологической безопасности по каждому показателю с учетом: наукоемкости экономики в 2024 г. составил 0,522, что ниже значения 2018 г. на 0,005; инновационной активности в 2024 г. – 0,810, что выше значения 2018 г. на 0,113; кадрового потенциала науки в 2024 г. – 0,706, что выше значения 2018 г. на 0,087; макроэкономической технологичности в 2024 г. – 0,807, что ниже значения 2018 г. на 0,015; инвестиционной активности и иностранного участия в науке в 2024 г. – 0,684, что ниже значения 2018 г. на 0,296; цифрового суверенитета в 2024 г. – 0,837, что выше значения 2018 г. на 0,211.

Комплексный показатель уровня обеспечения научно-технологической безопасности в Республике Беларусь в 2024 г. достиг 0,719, что выше значения 2018 г. на 0,022 и выступает удовлетворительным значением в условиях внешних вызовов и угроз.

Обеспечению научно-технологической безопасности будут способствовать: баланс между фундаментальными исследованиями, формирующими научный задел, и прикладными разработками, ориентированными на коммерциализацию и решение конкретных задач экономики; формирование национального перечня критических и прорывных технологий,

имеющих стратегическое значение для суверенитета и развития страны; стимулирование частных инвестиций в науку через налоговые льготы, гранты и создание венчурных фондов; создание и поддержка сети инновационных кластеров, технопарков, центров трансфера технологий и инкубаторов, обеспечивающих интеграцию науки, образования и производства. Реализация данных рекомендаций потребует консолидированных усилий государства, научного сообщества и реального сектора экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в современных условиях / Д.В. Муха [и др.]; науч. ред. Т.С. Вертинская; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Беларуская навука, 2024. – 332 с. – (Белорусская экономическая школа).

2. Преснякова Е.В., Соломко М.В. Методика оценки уровня экономической безопасности в промышленном производстве в контексте реализации внутренних и внешних угроз // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Выпуск 16 / Мин-во образования Республики Беларусь, БГЭУ; [ред. колл.: А.В. Егоров (гл. ред.) и др.]. – Минск: Колорград, 2023. – С. 333–342.

3. Войтович Н.В. Научно-технологическая безопасность: понятие, сущность и зарубежный опыт ее обеспечения // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Выпуск 16 / Мин-во образования Республики Беларусь, БГЭУ; [ред. колл.: А.В. Егоров (гл. ред.) и др.]. – Минск: Колорград, 2023. – С. 67–74.

УДК 340.13

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА АДАПТАЦИИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аваева Дарья Сергеевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В современных условиях цифровая трансформация выступает одним из ключевых направлений социально-экономического развития государства. Формирование цифровой экономики объективно сопровождается возникновением новых общественных отношений или трансформацией уже существующих, что требует своевременной и адекватной нормативной правовой регламентации. В этой связи особую научную и практическую значимость приобретает исследование правовых средств, с помощью которых обеспечиваются регулирование, стимулирование и охрана общественных отношений, складывающихся в условиях цифровизации.

Категория правовых средств занимает важное место в понятийном аппарате общей теории права и отраслевых юридических наук. Ее значение обусловлено тем, что именно через систему юридических дозволений, запретов, обязанностей, ограничений, льгот, процедур и специальных правовых режимов обеспечивается достижение целей правового регулирования и реализация приоритетов правовой политики. Применительно к цифровой экономике правовые средства приобретают особую роль, поскольку позволяют не только закрепить новые модели правомерного поведения субъектов, но и создать благоприятные условия для внедрения цифровых технологий, развития инновационного предпринимательства, защиты данных, обеспечения информационной безопасности и укрепления доверия в цифровой среде.

Для Республики Беларусь рассматриваемая проблематика имеет особую актуальность, что обусловлено последовательным курсом на развитие ИТ-страны, построение цифровой экономики и совершенствование правовой среды для субъектов высокотехнологичной

деятельности. В этих условиях возникает необходимость научной систематизации правовых средств, используемых в механизме обеспечения цифровой трансформации экономики, а также определения их функционального назначения и места в системе современного правового регулирования. Рассмотрим их подробнее.

1. В зависимости от предмета правового регулирования можно выделить конституционные, гражданско-правовые, уголовно-правовые, административные, финансовые и другие правовые средства. На конституционном уровне, в частности, определяются нормативные правовые основы обеспечения доверия в цифровой среде. Так, конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни и защиты от незаконного вмешательства, обязанность государства по созданию условий для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании являются фундаментом для цифровизации услуг, идентификации и оборота данных. На уровне гражданского и хозяйственного права значимыми средствами выступают признание юридической силы сделок в электронной форме, закрепление правового статуса отдельных участников цифровых рынков, определение порядка обращения цифровых активов, а также установление специальных условий осуществления предпринимательской деятельности в цифровой среде. В рамках информационного права закрепляются нормы о лицензировании отдельных видов деятельности в сфере электросвязи и передачи данных, требования к защите информации в государственных информационных системах, правовые предписания, регулирующие функционирование центров обработки данных, нормы, закрепляющие требования к субъектам, осуществляющим обработку персональных данных.

2. По характеру правовые средства могут быть материально-правовыми и процессуальными. В числе материальных можно выделить управомочивающие, то есть, закрепляющие расширяющийся круг прав субъектов правоотношений в цифровой экономике (например, право на риск; право быть забытым); обязывающие правовые средства, позволяющие обеспечивать национальный контроль над информационно-коммуникационной инфраструктурой (к примеру, расширяющийся перечень обязанностей владельцев критически важных объектов информатизации), а также запрещающие, которые определяют действия, признающиеся недопустимыми (например, запрет на распространение определенной информации в цифровой среде).

Особое значение в рассматриваемой системе имеет закрепление норм-дефиниций, норм-принципов правого регулирования общественных отношений в цифровой экономике, оговорок, правовых презумпций и фикций, которые не охватываются одной отраслью, а пронизывают как отрасли частного права, так и публичного. Так, в отечественном и зарубежном законодательстве получили свое формальное закрепление такие понятия, как цифровая экономика, цифровизация, цифровая трансформация, краудфандинг и его формы, цифровые финансовые активы, цифровые права, искусственный интеллект, робот, Интернет вещей, технология блокчейн, криптовалюта, цифровая валюта центрального банка, смарт-контракт, токен, майнинг, виртуальный кошелек, цифровая платформа, оператор цифровой платформы, «умный город», цифровая экосистема и другие.

Важным средством правового обеспечения развития цифровой экономики является установление основных принципов нормативной правовой регламентации соответствующих отношений. В литературе указывается на необходимость признания принципами правового регулирования цифровой экономики общих принципов, которые следуют из Конституции и иных основополагающих нормативных правовых актов (о которых говорилось в первой части исследования), и специальных, система которых в настоящее время находится на стадии разработки. Полагаем, что ключевой рекомендацией для их определения и закрепления в национальной правовой системе является тезис, предложенный Г.А. Василевичем, который обратил внимание на неразрывную связь между общеправовыми, нравственно-правовыми, экономико-правовыми и иными принципами, при которой именно экономико-правовые являются первичными с точки зрения их восприятия и реализации [1, с. 9].

С учетом анализа технических, экономических и правовых аспектов содержания общественных отношений в цифровой экономике, опираясь на данные зарубежного опыта, предлагается рассматривать в качестве специальных принципов правового регулирования цифровой экономики следующие принципы: приоритета устойчивого цифрового развития; недискриминации по признаку используемой формы взаимодействия (цифровой, аналоговой); учета системной архитектуры технологии; проектируемого соответствия закону, в том числе требованиям безопасности; прозрачности технологий; многостороннего партнерства; содействия укреплению общественного доверия к цифровой экономике, преодолению «цифрового разрыва»; распределения рисков и дифференциации ответственности субъектов правоотношений в цифровой экономике и др.

К процессуальным можно отнести закрепление специального порядка использования электронных доказательств в гражданском и административном судопроизводстве, процедуры ограничения доступа к противоправному цифровому контенту, механизмы досудебного урегулирования споров, возникающих в цифровой среде. Отметим также введенный в 2021 г. новый способ внесудебной защиты прав субъекта персональных данных, реализуемый Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь. Так, согласно Отчету о деятельности Национального центра защиты персональных данных за 2024 г. были рассмотрены 1 304 обращения граждан и юридических лиц и 525 жалоб субъектов персональных данных, проведено 47 проверок, удалено свыше 24 млн записей из информационных ресурсов, а также документов с незаконно используемыми персональными данными [2].

3. По информационно-психологической направленности выделяются льготы и приостановления. Использование льготных правовых средств является важнейшим инструментом обеспечения стимулирования научно-технического развития и включает установление льгот по налогу на добавленную стоимость, корпоративным налогам, таможенным платежам, установление мер, направленных на финансовую поддержку ИТ-компаний, развитие альтернативных форм инвестирования и др. Также распространены инструменты грантовой поддержки, льготных кредитных ставок, которые могут быть направлены на поддержку всех видов деятельности в сфере ИКТ или отдельных из них, например, в области развития ИИ, больших данных и др. Такое широкое использование льготных правовых средств в отечественной и зарубежной практике способствует формированию феномена «рынка юрисдикций», который приводит к конкуренции национальных правовых режимов за право считаться наиболее комфортной территорией для осуществления инновационной деятельности.

Среди приостановлений можно назвать норму, запрещающую юридическим лицам осуществлять гражданско-правовые сделки с токенами без участия резидентов ПВТ (п. 2.1 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»); запрет на трансграничную передачу данных в иностранные государства, если на их территории не обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных (ст. 9 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных») и другие.

4. По степени сложности: элементарные, так и комплексные правовые средства. К первой группе относятся экономико-правовые инструменты стимулирования разработки, внедрения и использования цифровых технологий в хозяйственной деятельности и государственном управлении. Вторая группа, которую составляют комплексные правовые средства, включает разработку специальных правовых режимов, правовых экспериментов, регуляторных песочниц, правового режима инновационной сделки.

В частности, экспериментальный правовой режим (далее – ЭПР) следует рассматривать в качестве разновидности льготного правового режима, а тот, в свою очередь, нужно отнести к подвиду специального правового режима. Специфика ЭПР по сравнению с иными правовыми режимами определяется методологическими основами его реализации, которые заключаются в использовании метода экономико-правового эксперимента. Целью ЭПР

является проверка эффективности ряда правовых норм и поиск оптимальных для определенной сферы экономических отношений регуляторных инструментов. Среди особенностей можно выделить временный характер действия правового режима; селективный характер предметной области распространения экспериментального режима – ограниченность круга урегулированных общественных отношений и видов деятельности, определенных категорий реципиентов и/или территориальной привязки; формирование комплекса прав, обязанностей, ответственности субъектов экономических отношений, отличных от иных правовых режимов, в первую очередь посредством нивелирования непропорциональных регуляторных барьеров, иных правовых ограничений и обязательных требований; реализация в контролируемой среде; обязательная последующая оценка результатов эксперимента.

Анализ данных правовых средств позволяет сделать вывод о формировании многоуровневого и функционально дифференцированного правового инструментария, обеспечивающего воздействие на соответствующие общественные отношения посредством сочетания дозволений, запретов, обязанностей, льгот, ограничений, специальных правовых режимов и процедурных механизмов. Его специфика обусловлена межотраслевым характером регулируемых отношений, высокой динамикой технологических изменений и необходимостью одновременного учета частноправовых и публично-правовых начал. При этом использование указанных средств обеспечивает формирование гибкой модели правообразования, ориентированной на согласование задач стимулирования инновационного развития цифровой экономики и защиты публичных интересов, и может быть адаптировано к национальной правовой системе. В этой связи дальнейшее развитие правового регулирования цифровой экономики должно быть связано не столько с фрагментарным наращиванием нормативного массива, сколько с последовательной систематизацией и доктринальным осмыслением применяемых правовых средств, определением пределов их использования и условий их эффективного сочетания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Василевич Г.А. Человек в правовом пространстве // Право.by. – 2023. – № 6. – С. 5–10.

2. Отчеты о деятельности Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь. – URL: https://cpd.by/o-centre/otchety-o-dejatelnosti/ (дата обращения 13.04.2026).

УДК 330.322.12

ИМПАКТ-ИНВЕСТИРОВАНИЕ В БЕЛАРУСИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Бондарь Дина Павловна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Импакт-инвестирование становится ключевым драйвером устойчивого развития современной экономики. Этот подход инновационен не только для социального предпринимательства, но и для финансового рынка в целом. Суть импакт-инвестиций заключается в направлении ресурсов в организации, удовлетворяющие социальные потребности, с целью достижения одновременно двух целей: позитивного социального воздействия и финансовой выгоды.

В настоящее время отсутствует единое международное определение этого понятия, что затрудняет мониторинг рынка и сравнительный анализ между странами. На основе анализа различных подходов предлагается следующее определение: импакт-инвестиции –

это материальные, технологические, управленческие, финансовые и (или) иные ресурсы, направляемые в социальную сферу с целью получения социального и (или) экономического эффектов.

Инструменты импакт-инвестирования в основном базируются на стандартных финансовых механизмах − долевых и долговых инструментах, адаптированных под потребности социальных предприятий. К ним относятся промежуточное финансирование, квазикапитал, кредиты и займы, доли/акции, смешанное финансирование, а также относительно новые инструменты − социальные и «зеленые» облигации.

Одной из центральных проблем остается оценка эффективности. Отсутствует единый подход к измерению социальных и экологических результатов: аналитики часто опираются на ограниченный набор количественных метрик (число бенефициаров, созданные рабочие места), не отражающих долгосрочные изменения в жизни людей (на горизонте 5–20 лет). Для Беларуси предлагается комплексный подход к оценке, включающий: определение видения и задач программы; описание структуры проекта и заинтересованных сторон; выбор методологии оценки (например, «Теория изменений», IMP); выбор метрик; их увязку с существующими системами (IRIS+, SDG, impact builder); замер исходной ситуации; регулярный сбор данных и обратной связи; интеграцию результатов в управление; ретроспективную оценку. На основе методики SROI адаптирована практическая методика анализа эффективности, включающая: постановку целей, сбор данных, выбор ключевых показателей, разработку методов анализа, интерпретацию результатов, сравнение с ожиданиями и подготовку отчетности. Такой подход повышает прозрачность и позволяет улучшать проекты, а также привлекать инвесторов, заинтересованных в устойчивом развитии.

В Республике Беларусь выявлены ключевые барьеры для развития импакт-инвестирования: отсутствие унифицированных определений и правовых норм; недостаточная развитость методов измерения и оценки результатов; дефицит квалифицированных кадров; ограниченная государственная поддержка. Для преодоления этих препятствий, с опорой на лучший международный опыт, целесообразно реализовать следующие меры.

1. Совершенствование нормативно-правовой базы: внести поправки, обеспечивающие единое толкование термина «импакт-инвестиции», и ввести налоговые преференции для инвесторов и организаций, реализующих проекты с измеримым социальным и экологическим эффектом.

2. Развитие финансовых инструментов: активно внедрять «зеленые» и инфраструктурные облигации как эффективные механизмы привлечения долгосрочного капитала.

3. Повышение информационной прозрачности: сформировать открытую базу успешных кейсов импакт-инвестирования и обеспечить системную поддержку научных исследований рынка, направленных на изучение его особенностей, лучших практик и факторов успешной реализации проектов.

4. Развитие образования и кадрового потенциала: запустить программы подготовки специалистов, ориентированные на работу в новой парадигме финансирования (оценка социального воздействия, управление импакт-проектами, взаимодействие с инвесторами и регуляторами), что позволит обеспечить отрасль компетентными кадрами и повысить качество реализации импакт-инвестиций.

Таким образом, формирование развитой системы импакт-инвестирования в Беларуси требует скоординированных действий всех участников экосистемы: государства, бизнеса и финансового сектора. Реализация предложенных рекомендаций позволит не только преодолеть существующие барьеры, но и трансформировать финансовый рынок в инструмент решения стратегических задач устойчивого развития страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарь Д.П. Теоретико-методологические основы импакт-инвестирования как инструмента устойчивого развития национальной экономики // Научное обозрение: теория и практика. – 2022. – Т. 12. Вып. 4. – С. 673–681.

2. Бондарь Д.П. Методические подходы к оценке импакт-инвестиций // Финансы. Учет. Аудит. – 2025. – № 4. – С. 36–39.

УДК [338.45+339.13.017]:629.33

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Войтович Никита Викторович,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Витязь Юлия Владимировна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

На сегодняшний день в рамках политики декарбонизации, проводимой во многих странах, прослеживается тренд внедрения электротранспорта как альтернатива транспорту на двигателях внутреннего сгорания (ДВС). Так, согласно данным Международного энергетического агентства наблюдается стремительный рост мировых продаж электротранспорта: в 2024 году продажи легковых электромобилей составили 17,3 млн шт. (126 % к 2023 г.), а в 2025 году – 20,7 млн шт. (120 % к 2024 г.).

В 2025 году мировые продажи электромобилей (EV) выросли на 20 % и составили 20,7 млн проданных электромобилей. По данным Benchmark, европейский рынок электромобилей вырос на 33 % по сравнению с 2024 годом, при этом наибольший рост наблюдался в Германии (48 %) и Великобритании (27 %). В 2025 году продажи электромобилей в США выросли всего на 1 %, в основном из-за отмены федеральных налоговых льгот и других мер, ослабивших рынок. Продажи электромобилей в Канаде упали на 41 %, в то время как в Мексике они выросли на 29 % благодаря недорогому импорту из Китая. В 2025 году китайский рынок электромобилей вырос на 17 % из-за внутренней конкуренции между автопроизводителями. Эта конкуренция привела к ценовым войнам и появлению новых моделей электромобилей. В других странах рынок электромобилей вырос на 48 %, при этом на ряде рынков, в том числе в Юго-Восточной Азии, где продажи электромобилей выросли почти вдвое, широко представлен китайский импорт [1].

Беларусь как активный участник глобальной транспортной системы не остается в стороне от современного тренда перехода к использованию электрических транспортных средств и интенсивно создает инфраструктуру, необходимую для более быстрой трансформации автомобильного сектора. Однако уровень развития рынка легковых электромобилей в нашей стране существенно отстает от таких стран, как Китай, Норвегия или Великобритания.

Для Республики Беларусь развитие производства электротранспортных средств имеет комплексное значение. С одной стороны, оно связано с необходимостью повышения конкурентоспособности национального промышленного комплекса и диверсификации экспортной структуры. С другой стороны, формирование отрасли электротранспорта требует решения системных задач, включая наращивание уровня локализации, снижение зависимости от импортных компонентов, развитие научно-исследовательской базы и совершенствование

механизмов кооперации между предприятиями, научными организациями и государственными институтами.

Необходимо отметить, что завод «БЕЛДЖИ» планировал запуск серийного производства электромобилей. Однако в августе 2025 г. стало известно, что завод «БЕЛДЖИ» отказался от серийного производства белорусского электромобиля Belgee EX50. Все технические работы по электрической модели были успешно завершены, однако экономический анализ показал, что запуск в серийное производство окажется слишком дорогим. По словам директора завода Геннадия Свидерского, выпуск первого белорусского электромобиля в таких условиях оказался нецелесообразным. Было собрано лишь пять опытных образцов, которые останутся экспериментальными [2].

В целях комплексной оценки перспектив развития производства электротранспортных средств в Республике Беларусь проведём SWOT-анализ (таблица 1).

Таблица 1 – SWOT-анализ развития производства электротранспортных средств в Республике Беларусь

Сильные стороны (S)	**Слабые стороны (W)**
– наличие развитого машиностроительного комплекса и крупных промышленных предприятий (ОАО «МАЗ», ОАО «БЕЛАЗ» и др.); – развитая инженерная школа; – лидерство по инфраструктуре среди стран ЕАЭС; – государственная поддержка и наличие программных документов развития отрасли.	– ограниченная глубина локализации и зависимость от импортных компонентов; – высокая зависимость от импортных технологий и комплектующих; – недостаточная координация между научными организациями и производственным сектором.
Возможности (O)	**Угрозы (T)**
– рост мирового и регионального спроса на электротранспорт; – развитие кооперации в рамках ЕАЭС; – переход к «зеленой» экономике и экологическим стандартам; – использование мощности Белорусской АЭС для развития электротранспорта; – расширение использования электротранспорта в коммунальном и общественном секторе (до 30–40 % техники).	– высокая конкуренция со стороны зарубежных производителей электротранспорта (прежде всего Китая и ЕС); – высокая капиталоемкость проектов и длительные сроки окупаемости; – нестабильность внешнеэкономической среды и санкционные ограничения.

Примечание – Источник: собственная разработка авторов.

Проведённый SWOT-анализ показывает, что развитие производства электротранспортных средств в Республике Беларусь осуществляется в условиях сочетания значительного промышленного и научного потенциала с рядом системных ограничений, носящих структурный характер.

Сопоставление выявленных факторов позволяет перейти к формированию стратегических направлений развития отрасли на основе матрицы SWOT. В частности, сочетание сильных сторон и возможностей (S–O) указывает на целесообразность активного использования существующего промышленного потенциала и государственной поддержки для расширения производства электротранспорта, углубления кооперации в рамках ЕАЭС и выхода на новые рынки. Комбинация слабых сторон и возможностей (W–O) обосновывает необходимость реализации мер, направленных на углубление локализации производства, развитие отечественной аккумуляторной базы и усиление взаимодействия науки и промышленности за счёт использования внешнего спроса и кооперационных механизмов.

Сочетание сильных сторон и угроз (S–T) свидетельствует о необходимости использования имеющегося промышленного и инфраструктурного потенциала для повышения конкурентоспособности отечественной продукции и снижения уязвимости к внешним факторам, включая импортозамещение и развитие собственных технологических решений. В свою очередь, комбинация слабых сторон и угроз (W–T) указывает

на необходимость минимизации рисков за счёт структурных преобразований в отрасли, включая снижение зависимости от импорта, диверсификацию поставок и формирование устойчивых производственных цепочек.

Проведённый SWOT-анализ и сформированная на его основе матрица стратегических направлений (SO, WO, ST, WT) позволяют системно определить приоритеты развития отрасли электротранспорта в Республике Беларусь. Полученные результаты свидетельствуют о том, что дальнейшее развитие отрасли должно опираться на эффективное использование существующего промышленного и научного потенциала при одновременном устранении структурных ограничений, связанных с недостаточной локализацией производства, зависимостью от импортных компонентов и ограниченной кооперацией между наукой и бизнесом.

С учётом выявленных стратегических приоритетов представляется целесообразным перейти к разработке конкретных организационно-экономических инструментов их реализации.

На наш взгляд, для развития электротранспорта в Беларуси в условиях высоких цен и ограниченности редкоземельных ресурсов одной из приоритетных мер является запуск производства натрий-графеновых батарей как перспективной и экономически выгодной альтернативы литий-ионным аккумуляторам для электромобилей в том числе и для использования в электромобилях ведущих мировых производителей (Tesla, BYD и др.).

Следует отметить, что ученые НПЦ НАН Беларуси по материаловедению разработали натрий-графеновую батарею. Прототип батареи был представлен в 2023 году на выставке «Беларусь интеллектуальная».

К числу приоритетных организационных и экономических мер также относятся:

– усиление роли инновационно-промышленного кластера «Электротранспорт» как ключевого координационного центра, обеспечивающего согласование технологической, инвестиционной и экспортной политики;

– формирование единой отраслевой цифровой платформы, обеспечивающей интеграцию участников производственной и научной кооперации;

– развитие кадрового обеспечения отрасли;

– внедрение целевых налоговых стимулов для предприятий, реализующих проекты по производству аккумуляторных батарей, силовой электроники и систем управления;

– расширение механизмов государственно-частного партнёрства, особенно в части создания производств высокотехнологичных компонентов;

– венчурное финансирование стартапов в сфере электротранспорта и субсидирование процентных ставок по кредитам для промышленных предприятий, внедряющих разработки;

– развитие специализированных финансовых инструментов, включая льготное кредитование, субсидирование процентных ставок и предоставление государственных гарантий по инвестиционным проектам;

– усиление страховой, кредитной и информационной поддержки экспортеров, а также развитие инструментов продвижения продукции на зарубежные рынки.

Предложенные организационно-экономические меры формируют основу для повышения конкурентоспособности промышленного комплекса, роста уровня локализации производства и укрепления научно-технологической безопасности страны. Их практическая реализация позволит обеспечить переход отрасли электротранспорта от стадии формирования к стадии устойчивого промышленного развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Global EV sales reach 20.7 million units in 2025, growing by 20 %. – URL: https://source.benchmarkminerals.com/article/global-ev-sales-reach-20-7-million-units-in-2025-growing-by-20 (дата обращения 20.01.2026).

2. Белорусский электрокар не поступит в продажу – его заменили Geely. – URL: https://tochka.by/articles/drive/belorusskiy_elektrokar_ne_postupit_v_prodazhu_ego_zamenili_geely/ (дата обращения 23.01.2026).

УДК 338.45

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Воробьёв Андрей Дмитриевич,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Развитие цифровых технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ) и интеллектуальные системы управления, является катализатором инновационной трансформации современной промышленности. Цифровизация и интеллектуализация производственных процессов перестали быть лишь одним из дополнений к традиционным методам управления и приобрели роль критически важных факторов сохранения имеющихся рыночных позиций. Для обеспечения дальнейшего развития экспортного потенциала и усиления технологического суверенитета Республики Беларусь в условиях санкционного давления, затрагивающего как доступ к рынкам продаж, так и к рынкам ресурсов, промышленным предприятиям необходимо адаптироваться к изменяющейся рыночной среде посредством внедрения инновационных решений, исходя из экономической целесообразности.

Конкурентоспособность, как интегральный показатель эффективности работы промышленных предприятий, в современной экономике определяется не столько наличием активов (основных и оборотных) и доступом к дешевым ресурсам и рабочей силе, сколько способностью создавать, накапливать и использовать интеллектуальный капитал, включающий человеческий капитал (квалификация, компетенции, опыт, навыки и знания персонала) и интеллектуальную собственность (товарные знаки, торговые марки, патенты и лицензии). Переход от ресурсоемкой модели развития к наукоемкой в цифровой экономике требует переосмысления природы конкурентных преимуществ. Если ранее факторы конкуренции на уровне товаров, как правило, рассматривались лишь с учетом их цены, полезности, качества и их соотношений, то сегодня предприятия проводят их комплексный анализ с учетом адаптивности к изменениям спроса, гибкости производственных систем, степени персонализации продукции, законодательных ограничений и уровня цифровой зрелости.

Промышленность Республики Беларусь является основой национальной экономики страны, составляя около 25 % от ВВП согласно оценке за 2024 год [1]. Несмотря на её всестороннюю модернизацию (технологическая, энергетическая, инновационная, управленческая и организационная) в течение последних лет, наблюдается дисбаланс по уровню цифровизации среди белорусских промышленных предприятий: наряду с современными предприятиями, активно использующими цифровые технологии в своей продукции, такими как ОАО «БЕЛАЗ» и ОАО «АМКОДОР», существует также немало предприятий, либо находящихся на начальном этапе цифровой трансформации, либо не использующих подобные технологии вообще. Разрыв между ними по показателю цифровой зрелости создает риски как для экспортного потенциала страны в целом, так и угрозу банкротства отдельных промышленных предприятий в частности.

Цифровизация как всеобъемлющий процесс, включает многие направления, такие как [2]:

1. ERP-системы (Enterprise Resource Planning) – это программное обеспечение для комплексного управления ресурсами предприятия в единой цифровой среде посредством централизации данных, оптимизации планирования, прозрачности данных и стандартизации бизнес-процессов.

2. САПР (Система автоматизированного проектирования) – комплексное программное обеспечение, включающее: CAD-системы (Computer-Aided Design) – системы

автоматизированного проектирования, CAE-системы (Computer-Aided Engineering) – системы автоматизации инженерных расчетов и CAM-системы (Computer-Aided Manufacturing) – системы автоматического создания управляющих программ для станков с числовым программным управлением (ЧПУ). Эти системы позволяют создавать 3D-модели изделий, проводить виртуальное тестирование прочностных характеристик, моделировать кинематику механизмов и течение жидкостей, а также генерировать программы для станков с ЧПУ.

3. Цифровой двойник – это виртуальная модель реального объекта, процесса или системы, существующая с ним параллельно и обновляющая данные в реальном времени. Выделим несколько видов цифровых двойников по их функциональному назначению: прототип (Digital Twin Prototype), экземпляр (Digital Twin Instance), агрегированный двойник (Digital Twin Aggregate) и интеллектуальный двойник (Intelligent Twin).

4. PLM-системы (Product Lifecycle Management) – это программный комплекс, управляющий информацией об изделии на всех этапах его жизненного цикла: идея, проектирование, тестирование, эксплуатация и утилизация. Они используют данные САПР систем и цифровых двойников для сокращения сроков разработки и снижения стоимости вывода изделия на рынок.

5. MES-системы (Manufacturing Execution System) – системы управления производственными процессами, которые в режиме реального времени отправляют производственные задания по рабочим центрам, осуществляют сбор данных о выполнении производственных операций (затраченное время, расход сырья и энергии), контролируют качество посредством фиксации результатов измерений и их сопоставления с допусками, а также отслеживают путь каждой детали, материала или готового изделия.

Рассматривая другое направление инновационного развития предприятий – интеллектуализацию, отметим, что она характеризуется как качественно новый этап их развития, принципиально отличающийся как от устаревшей механической автоматизации, так и от современной цифровой. Они обе заменяют человеческий труд машинным, посредством выполнения стандартизированных производственных операций в соответствии с заданными алгоритмами, в то время как интеллектуализация представляет собой процесс создания самообучающихся и самонастраивающихся технических систем, обладающих способностью к самостоятельному принятию решений в условиях неопределенности с минимальным вмешательством человека при возникновении нештатных ситуаций. Такие системы способны анализировать большие массивы данных в режиме реального времени, выявлять на их основе закономерности для прогнозирования отказов и износа оборудования, а также оптимизации логистических цепочек [3].

В настоящее время, для белорусских промышленных предприятий особую значимость приобретают несколько направлений интеллектуализации.

Первое направление – предиктивное обслуживание, основанное на анализе данных с датчиков, установленных на производственном оборудовании. Оно позволяет осуществить переход от планово-предупредительного ремонта к обслуживанию по фактическому состоянию, что обеспечит сокращение незапланированных простоев на 30–50 % и снижение затрат на техническое обслуживание на 20–40 %.

Второе направление – интеллектуальное управление качеством продукции на основе компьютерного зрения. Традиционные методы контроля качества, основанные на выборочной проверке, не обеспечивают полного охвата и допускают пропуск дефектных изделий. Системы компьютерного зрения, интегрированные с ИИ, способны осуществлять контроль каждой единицы продукции в режиме реального времени, классифицировать дефекты и определять причины их возникновения.

Третье направление – интеллектуальная оптимизация цепочек поставок и логистических процессов. Белорусские предприятия, работающие в условиях переориентации экспортных потоков и регулярной смены логистических маршрутов, нуждаются в инструментах, позволяющих оперативно адаптировать цепочки поставок к изменяющимся условиям.

Алгоритмы машинного обучения позволят им оптимизировать складские запасы, строить оптимальные маршруты доставки и минимизировать логистические издержки [3].

Важнейшим условием для цифровизации и интеллектуализации предприятий является формирование соответствующей инновационной инфраструктуры, фундаментом для которой в Республике Беларусь выступают: Парк высоких технологий (ПВТ), индустриальный парк «Великий камень», технопарки и центры трансфера технологий, развитие которых направляется государственными программами инновационного развития на пятилетний период. При этом, связь между IT-сектором и реальным сектором экономики остается недостаточно тесной: большинство организаций технопарков ориентировано на экспорт программных продуктов и услуг за рубеж, в то время как потребности отечественной промышленности в цифровых решениях удовлетворяются не в полной мере [4].

Для преодоления этого разрыва требуется развивать модели партнерства между промышленными предприятиями и IT-компаниями, стимулировать создание отраслевых центров компетенций в области цифровизации, а также формировать спрос на отечественные цифровые решения через механизмы государственного заказа. Особого внимания требует кадровый вопрос: необходимы специалисты с междисциплинарными знаниями на стыке инженерных и информационных технологий. Они должны не только разбираться в технологических процессах, но и обладать навыками работы с инструментами анализа данных и пониманием принципов функционирования интеллектуальных систем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Промышленность Республики Беларусь: статистический буклет // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2025. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/a5b/cheimc2h7rmvqi1rn3klzhxe82yukd7i.pdf (дата обращения 14.04.2026).

2. Степанов Е.В. Цифровая трансформация промышленных предприятий на основе интеллектуальных решений концепции «Промышленность 4.0» // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 49–55.

3. Нарбут В.В., Абдикеев Н.М. Интеллектуализация промышленного производства как фактор достижения технологического суверенитета: сущность и принципы // Мир новой экономики. – 2025. – Т. 19. – № 3. – С. 6–16.

4. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 21.12.2025 № 448 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32500448 (дата обращения 15.04.2026).

УДК 330.341

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Карловская Галина Владиславовна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В настоящее время в условиях ограниченного доступа к зарубежным технологиям возможность обеспечить устойчивость инновационного развития предопределяет необходимость установления взаимосвязи между триадой наука, технологии и инновации, особенно в части разработки соответствующих механизмов и инструментов финансирования.

Финансовое обеспечение устойчивого инновационного развития можно определить как упорядоченную, целостную, сбалансированную по стадиям инновационного процесса, гармоничную, регламентированную систему взаимосвязанных элементов: форм, методов, инструментов, источников финансовых ресурсов, реализующих и обеспечивающих инновационное развитие, основанное на принципах системности; взаимодополняемости; доступности и достаточности; результативности и эффективности.

Основными характеристиками НИОКР являются длительные периоды с высокими затратами, неопределенные результаты и высокая степень риска. Они предопределяют следующие особенности финансирования исследований и разработок: долгосрочный характер; неопределенность; высокие риски; кумулятивность и коллективный характер. Необходимость снижения степени риска обусловливает потребность в разработке грамотной стратегии организации исследовательской деятельности, ориентированной на конечный результат в зависимости от ее вида. В современной мировой экономике наблюдается процесс роста разделения между экономическими субъектами, которые берут на себя риски инвестирования в инновации, и теми, кто получает прибыль от инноваций. Последнее предопределяет активную роль государства в устойчивом инновационном развитии, что обусловлено теми функциями, которые оно выполняет в финансировании фундаментальных и прорывных технологий, являющихся основой накопления знаний в экономике, основным драйвером экономического развития государства [1]. В части инноваций успешная политика, которая привела к радикальным изменениям в экономическом развитии, как свидетельствует практика, была в значительной степени обусловлена формированием и созданием рынка посредством прямого и повсеместного государственного финансирования [2]. Последнее предполагает наличие финансирования из государственных источников по всей инновационной цепочке; концепции «ориентированной на миссию» политики, обеспечивающей создание новых технологических и промышленных ландшафтов; предпринимательскую роль и роль ведущего инвестора государственных субъектов, способных и имеющих возможность брать на себя экстремальные риски, независимо от цикла деловой активности.

Составляющие системного подхода научно-технологического развития, каждая из которых требует финансового обеспечения и (или) разработки мер государственной поддержки включают: наличие талантов, способных генерировать и реализовывать идеи за счет финансового обеспечения исследователей и разработки мер стимулирования их труда в части возможности самореализации и раскрытия творческих способностей; формирование знаний, включая технологии знаний и непосредственно технологии, разработанные и переданные из исследовательского сектора, за счет финансового обеспечения и стимулирования сектора исследований и разработок, и их взаимосвязи с реальным сектором; функционирование цепочек создания стоимости и поддержания их непрерывности в части финансового обеспечения, в частности, за счет формирования мер государственной поддержки, обеспечивающих их непрерывность; наличие инфраструктуры и формирования стимулов и государственной поддержки обеспечения ее финансирования; разработки стандартов и нормативно-правовых основ экономического регулирования научно-технологической сферы, входящих в компетенцию государства за счет формирования мер стимулирования, поощрения, особенно в части фундаментальных и стратегических, целенаправленных исследований. Ввиду многообразия потенциальных результатов ориентированных фундаментальных исследований необходимо предусмотреть диверсифицированный подход к их финансированию, в частности, в рамках трансформации проектного подхода за счет интеграции в него элементов институционального финансирования; а при разработке форм и мер государственной поддержки учитывать особенности в сроках каждого из осуществляемых исследований, предусмотрев в ряде случаев возможность их продления.

В стратегии финансирования научно-технологического развития Республики Беларусь целесообразно гармонично сочетать как ориентацию на рост затрат на исследования

и разработки с целью сохранения инновационного потенциала, так и на повышение уровня их результативности в части сочетания целевой ориентации и долгосрочно ориентированных мер государственной поддержки на базе системного взаимодействия структур, обеспечивающих непрерывность инновационного процесса от разработки во внедрения его результатов.

Решение задачи обеспечения привлекательности для организаций промышленности разработки и внедрения инноваций существенно зависит от выявления причин действия факторов, препятствующих инновациям организаций промышленности Республики Беларусь, как ключевым точкам роста разработки и внедрения инноваций и результатов отечественных разработок. Их изучение позволяет выделить причины демотивации и, как следствие, низкий уровень их инновационной восприимчивости. Результаты ранжирования факторов, препятствующих инновациям организаций промышленности в зависимости от оценки респондентами, позволили выделить следующие 4 уровня их значимости:

факторы первого уровня (У1) согласно оценке более 50 % респондентов – это высокая стоимость нововведений, высокий экономический риск, длительные сроки окупаемости нововведений и низкий платежеспособный спрос на новые продукты;

факторы второго уровня (У2) на основании оценки от 40 % до 50 % респондентов – низкий спрос на инновационную продукцию (работы, услуги), неопределенность сроков инновационного процесса, недостаток квалифицированного персонала, низкий инновационный потенциал организации и недостаток финансовой поддержки со стороны государства;

факторы третьего уровня (У3), согласно оценке от 30 % до 40 % респондентов, включают следующие: неразвитость рынка технологий, неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские), недостаток информации о рынках сбыта;

факторы четвертого уровня (У4) на основании оценки менее 30 % респондентов – это недостаток информации о новых технологиях, невозможность кооперирования с другими организациями, несовершенство законодательства и невосприимчивость организации к нововведениям.

В рамках проводимого исследования были выделены три группы факторов, препятствующих инновациям в организациях промышленности Республики Беларусь в 2019–2024 гг.:

первая группа – экономические факторы (далее – ЭФ), действие которых обусловлено особенностями исследований и разработок и инновационного процесса как объекта финансирования: высокая стоимость нововведений, высокий экономический риск и длительные сроки окупаемости нововведений (ЭФ, У1); неопределенность сроков инновационного процесса (ЭФ, У2);

вторая группа – внутренние факторы, действие которых напрямую предопределяется стратегией и финансовыми возможностями организации: ннедостаток собственных средств (ЭФ, У1); низкий инновационный потенциал организации; недостаток квалифицированного персонала (У2) – производственные факторы (далее – ПФ); невосприимчивость организации к инновациям (У4) – другие факторы (далее – ДФ);

третья группа – внешние факторы: низкий платежеспособный спрос на новые продукты (ЭФ, У1), недостаток финансовой поддержки со стороны государства (ЭФ, У2); недостаток информации о рынках сбыта, неразвитость рынка технологий (ПФ, У3), низкий спрос на инновационную продукцию (ДФ, У2), невозможность кооперирования с другими организациями (ПФ, У4); недостаток информации о новых технологиях (ДФ, У3), неразвитость инновационной инфраструктуры (ДФ, У3).

Детальный анализ факторов, составляющих каждую из трех выше обозначенных групп, свидетельствует об ориентации организаций промышленности на выполнение работ прежде всего за счет собственных средств.

В целом проведенный анализ факторов, препятствующих инновациям организаций промышленности в Республике Беларусь, указывает на необходимость в расширении инструментов государственной поддержки в рамках выделенных групп в части преодоления

действия факторов демотивации в зависимости от уровня их значимости и направленных на рост заинтересованности организаций всех форм собственности, особенно организаций промышленности в разработке и внедрении инноваций за счет расширения форм, как прямой, так и косвенной государственной поддержки, особенно в части усиления взаимосвязи между исследовательским сектором и промышленными предприятиями. Потенциально возможными инструментами активизации совместных исследований и разработок являются гранты на совместные исследования; налоговые льготы для фирм, которые приобретают услуги у университетов и государственных научно-исследовательских институтов; финансовая поддержка университетских спин-оффов; схемы мобильности для исследователей.

Ориентация на результативность научно-технической и инновационной деятельности предопределяет использование при разработке механизмов финансового обеспечения принципа синергетического эффекта, что предполагает, что совокупное воздействие различных источников и стратегий финансирования превышает сумму их индивидуальных воздействий. То есть скоординированное и комплексное использование различных механизмов финансирования, которое позволяет раскрыть больший потенциал инноваций и обеспечить их успешное внедрение [3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Block F.L., Keller M.R. State of Innovation. The U.S. Government's Role in Technology Development. – URL: https://www-taylorfrancis-com.tranlate.goog/books/edit/10.4324/9781315631905/state-innovation-fred-block-matthew-keller?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui,op,s. (дата обращения 25.03.2026).

2. Mazzucato M. From Market Fixing to Market-Creating: A new framework for innovation policy. – URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10045784/1/Mazzucato_From_Market_fixing.pdf (дата обращения 02.06.2025).

3. Ryeowon Lee, Jong-Ho Lee, Tony C. Garrett. Synergy effects of innovation on firm performance/ Journal of Business Research Volume 99, June 2019, Pages 507-515 – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S014829631 (дата обращения 25.03.2025).

УДК 347.73

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОАКТИВОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Кочерга Ольга Руслановна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Законом Республики Беларусь от 15 апреля 2026 г. № 138-З «Об изменении кодексов по вопросам административной ответственности» в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (далее – КоАП) введен специальный состав административного правонарушения в сфере оборота криптоактивов – статья 12.36 «Нарушение порядка осуществления сделок (операций) с цифровыми знаками (токенами)», предусматривающая ответственность за «совершение запрещенных законодательными актами сделок (операций) с цифровыми знаками (токенами), если в этом деянии нет состава иного административного правонарушения». С одной стороны, указанное нововведение стало закономерным этапом развития публично-правовой охраны рассматриваемых правоотношений, с другой – ретроспективный анализ такого развития приводит к несколько противоречивым выводам.

Следует начать с того, что первые специальные запреты в сфере оборота криптоактивов в Республике Беларусь появились в 2021 г. с внесением изменений в Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8). Так, с 2021 г., когда государственные органы обратили внимание на участившиеся случаи вовлечения криптовалют в отмывание преступных доходов, подпунктом 2.6 п. 2 Декрета № 8 введена норма, признающая незаконными и запрещающая ряд видов предпринимательской деятельности, осуществляемой физическими лицами. К ним относятся:

оказание на территории Республики Беларусь и (или) с использованием информационных сетей, систем и ресурсов национального сегмента глобальной компьютерной сети Интернет иным лицам содействия в совершении и (или) исполнении сделок (операций) с токенами (в том числе выступая стороной по таким сделкам (операциям) с использованием функционирующей в глобальной компьютерной сети Интернет информационной системы либо посредством предоставления права (разрешения) иным лицам использовать такую информационную систему);

приобретение и/или отчуждение, в том числе обмен токенов, кроме случаев, предусмотренных в пп. 2.2 Декрета.

С 2022 г. в Республике Беларусь сформирована обширная правоприменительная практика по ст. 13.3 (незаконная предпринимательская деятельность) КоАП. Также обращает на себя внимание значительное количество поступивших в Верховный Суд Республики Беларусь жалоб на постановления судов по делам об указанных административных правонарушениях. При этом анализ правоприменительной практики за период до 2025 г. позволил выделить ряд не в полной мере объективных подходов к толкованию законодательства в рассматриваемой сфере, обусловленных, по нашему мнению, преимущественно неоднозначностью и неполнотой правовых предписаний. К ним в первую очередь относится излишне расширительное толкование критериев предпринимательской деятельности, приводящее к тому, что вместо используемого критерия «самостоятельности», предусмотренного Декретом № 8, использовалось множество иных критериев («многократное в течение продолжительного периода времени осуществление однородных экономических операций», «цель получения дохода», «приобретение и продажа неопределенному кругу лиц с целью систематического получения прибыли» и др.), а толкование самого критерия «самостоятельности» не было согласовано с принятым в гражданском законодательстве [1].

Иными словами, дополнение в 2021 г. Декрета № 8 нормой, характеризующей запрещенные виды предпринимательской деятельности, не сделало более очевидным разграничение допустимых и недопустимых видов деятельности, связанных с оборотом токенов, что существенно усугублялось расширительным толкованием содержания указанных запретов.

Впоследствии 17 сентября 2024 г. Указом Президента Республики Беларусь № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» (далее – Указ № 367) установлен новый запрет для физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей – резидентов ПВТ, на покупку и продажу криптовалюты за фиатные деньги вне резидентов ПВТ (криптообменников, криптобирж).

По заявлениям представителей правоохранительных органов, «предпосылкой принятия указа явились результаты анализа киберпреступности, указывающие на то, что значительная часть денежных средств, дистанционно похищаемых у жителей Беларуси, обменивается на криптовалюты в том числе киберпреступными группами, совершающими преступления из-за рубежа. Преступники используют широкую вовлеченность белорусских граждан в криптовалютный обмен, переводят на их счета похищенные фиатные деньги, получая на свои криптокошельки токены» [2]. Кроме того, отмечается рост преступлений, в которых криптовалюта становится объектом мошенничества. Его новый способ – лжеинвестирование в токены.

Предполагается, что данное нововведение позволит исключить возможность «вовлечения криптовалюты в мошенническую и другую противоправную деятельность», а также «реализации большинства преступных схем» [3, 4].

Не останавливаясь подробно на недостатках рассматриваемого подхода, отметим, что несмотря на предпринятые меры, сохраняется тенденция к совершению преступлений и правонарушений в сфере оборота криптоактивов, среди которых мошенничество, легализация полученных преступных доходов через криптовалюты и посредничество в такой легализации и др. Кроме того, установлены нарушения при регистрации финансовых операций операторами криптоплатформ, случаи мошенничества посредством выпуска токенов с последующим выводом средств за рубеж [5].

При этом важно отметить, что сами разработчики Указа № 367 утверждают, что вовлечению значительного числа физических лиц, как осознанно, так и нет, в преступную деятельность, способствовали неоднозначность толкования требований Декрета № 8, а также отсутствие четкой регламентации деятельности в сфере токенов [4]. И с этим, безусловно, следует согласиться.

Установление специальной ответственности за нарушение порядка осуществления операций с токенами также было предусмотрено Указом № 367. Данная норма в числе прочего имеет своей целью устранение пробела в законодательстве, связанного с реализацией охранительной функции в отношении деяний, направленных на использование токенов как средств платежа и расчетов. В ее отсутствие ответственность могла наступать только в отношении совершения таких деяний в ходе осуществления предпринимательской деятельности, однако при этом такая ответственность в полной мере зависела от признания или непризнания определенного вида деятельности предпринимательской.

Следует отметить, что проблема «неоднозначности толкования требований Декрета № 8, а также отсутствия четкой регламентации деятельности в сфере токенов», которая и стала фактором распространенного использования криптовалют в преступных целях, требует решения еще с того момента, когда она стала достаточно очевидной для того, чтобы запустить процесс формирования запретов в данной сфере.

Как показывает сложившаяся ситуация, отсутствие правовой определенности и предсказуемости регулятивного законодательства, т. е. положений Декрета № 8, привело к формированию неоднозначной правоприменительной практики, при этом данная проблема не решается постоянным усложнением системы публично-правовых запретов, которое в настоящее время наблюдается в национальном законодательстве.

С одной стороны, следует положительно оценить установление самостоятельного состава правонарушений в рассматриваемой сфере и его отграничение от такого объекта охраны, как порядок осуществления предпринимательской деятельности. С другой стороны, для того чтобы административно-правовой запрет мог выступать в качестве способа правового воздействия, он должен быть не только известен, но и однозначно понятен в первую очередь его адресату. Не может быть эффективным запрет на деятельность, признаки которой поименованы в законодательстве неполно, неоднозначно и неопределенно.

Таким образом, с целью устранения правовой неопределенности как фактора, содействующего противоправному поведению в данной сфере, первоочередной задачей в данном контексте видится формирование системного, непротиворечивого регулятивного законодательства, определяющего «порядок осуществления сделок и операций с цифровыми знаками», для повышения эффективности последующей его (порядка) публично-правовой охраны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кочерга О.Р. Проблемы разграничения правомерных деяний и незаконной предпринимательской деятельности в сфере оборота криптоактивов // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 10. – С. 30–36.

2. СК: Указ «Об обращении цифровых знаков (токенов)» убережет граждан от вложений в мошеннические криптоплатформы и криптообменники. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/september/78860/ (дата обращения 10.04.2026).

3. Лукашенко подписал указ об обращении цифровых знаков (токенов). – URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-podpisal-ukaz-ob-obraschenii-tsifrovyh-znakov-tokenov-661918-2024/ (дата обращения 10.04.2026).

4. Новации, продиктованные временем. – URL: https://mvd.gov.by/ru/news/13701 (дата обращения 10.04.2026).

5. Совещание по вопросам развития сферы цифровых знаков. – URL: https://president.gov.by/ru/events/sovesanie-po-voprosam-razvitia-sfery-cifrovyh-znakov (дата обращения 10.04.2026).

УДК 338.2

МЕХАНИЗМЫ УПРЕЖДЕНИЯ РИСКОВ ЦИФРОВОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Лопатова Наталья Геннадьевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Организации сталкиваются с растущей неопределенностью, возникающей на фоне все более сложной и меняющейся деловой среды, обусловленной экономической нестабильностью, быстрым изменением технологического ландшафта, тенденций в социально-политической сфере. В этой связи понимание сути и масштаба различных видов рисков для организаций, того, как они влияют на ее бизнес-процессы и на всю цепочку создания стоимости, а также совершенствование подходов, направленных на снижение негативного влияния цифровых технологий, становится жизненно важным.

Выявление потенциальных угроз и разработка необходимых мер и механизмов по упреждению негативного воздействия факторов внешней и внутренней среды предопределяет значимость превентивного управления рисками, в основе которого лежит комплексный проактивный подход [1].

Исследовательские работы многих зарубежных и отечественных ученых связаны с вопросами управления внутренними и внешними рисками в рамках цифрового преобразования организации, среди которых: С. Намбисан, К. Лийтинен, А. Майхжак, М. Сонг, А.Л. Куренков, В.Б. Криштаносов [2–4].

Оценка в белорусских организациях потенциальных рисков (экономического, технико-производственного, организационного), препятствующих цифровому преобразованию, проведенная в соответствии с авторской структурой и на основании данных исследования, позволила выявить ряд проблем [5]:

– экономического характера – ограничения бюджета, высокая стоимость проектов и длительные сроки окупаемости инвестиций в цифровые технологии, сложность оценки экономических эффектов от внедрения и др.;

– технического характера – сложность внедрения и интеграции технологий, масштабирования пилотных проектов, отсутствие навыков и опыта в области внедрения / поддержки цифровых технологий и др.;

– организационного характера – отсутствие корпоративного видения цифрового преобразования, определяющего приоритеты (направления деятельности, бизнес-процессы) и инвестиционной стратегии, рассматривающей необходимость, своевременность и целесообразность инвестиций, соответствующих целям компании во внедряемые цифровые решения и развитие человеческого капитала, низкий уровень корпоративной (инновационной) культуры, отсутствием стратегии постоянных изменений и др.

Выявление потенциальных рисков, их идентификация, анализ и оценка, создание соответствующих организационных структур, выработка подходов к управлению и необходимых мер по смягчению и предотвращению потенциальных угроз, становятся ключевыми задачами комплексного управления рисками.

Построение гибкой интегрированной системы управления рисками, направленной на минимизацию неблагоприятного воздействия в ходе реализации цифровых инициатив, предоставляет организации возможность получить ряд преимуществ, таких как: ускоренные темпы изменений, превышение окупаемости инвестиций в цифровые технологии, а также более рациональный подход к принятию рисков. Формирование комплекса мер по упреждению наиболее значимых угроз экономического характера, связанных, в частности, с формированием бизнес-кейсов, со степенью зрелости технологий, с определением масштабов цифровых проектов, становится неотъемлемой частью других функциональных направлений, в том числе стратегического управления, управления стоимостью, управления проектами. Это позволяет обеспечить структурированный подход к планированию, согласованию и внедрению цифровых инициатив в контексте максимизации стоимости, играет ключевую роль в достижении долгосрочных целей компании [1].

Проведенное автором исследование позволило выявить ряд механизмов, направленных на упреждение препятствующих цифровому преобразованию организаций внутренних рисков, в пяти ключевых проблемных областях: стратегическое видение, инфраструктура, человеческий капитал, кибербезопасность, данные, в том числе:

1) создание и/или поддержание стратегического видения с привязкой к общим бизнес-целям и обеспечение согласованности на всех уровнях управления для осуществления гибкого процесса принятия решений;

2) поддержка развития человеческого капитала через формирование цифрового мышления сотрудников и развитие цифровых навыков персонала, создание внутренней системы непрерывного обучения, изменения кадровых стратегий по привлечению новых талантов;

3) разработка надежных инструментов и правил в области кибербезопасности, что обеспечивает необходимый уровень защиты с сохранением возможностей сотрудничества;

4) создание необходимой технологической инфраструктуры, обеспечения совместимости аппаратных и ИТ-структур, кибербезопасности;

5) повышение конкурентоспособности за счет эффективного использования данных.

Выстраивание гибкой и эффективной системы управления, в том числе на базе цифровых технологий и инструментов, с целью улучшения процессов принятия решений по упреждению негативного влияния наиболее значимых рисков, становится необходимым условием успешной реализации цифровых инициатив.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лопатова Н.Г. Управление экономическими рисками цифрового преобразования организаций // Цифровая трансформация. – 2025. – Т. 31, № 3. – С. 5–13.

2. Digital Innovation Management: Reinventing Innovation Management Research in a Digital World // MIS Quarterly. – 2017. – Vol. 41, No. 1. – P. 223–238.

3. Куренков А.Л. Управление проектами цифровой трансформации: современные тенденции и особенности // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2024. – № 5. – С. 5–18.

4. Криштаносов В.Б. Методология оценки и управления цифровыми рисками // Труды БГТУ. Серия 5. Экономика и управление. – 2021. – № 2. – С. 15–36.

5. Механизмы инновационного развития экономики Республики Беларусь // Д.В. Муха, Е.В. Преснякова, Н.Г. Лопатова [и др.]. – Минск: РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2022. – 446 с.

УДК 336.71

БАНКОВСКОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ КРЕДИТОВАНИЕ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Павленко Галина Валерьевна,
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Современная экономика характеризуется высокой степенью неопределенности, связанной с глобальными экономическими кризисами и быстрыми технологическими изменениями. Спектр финансовых операций и услуг ежегодно расширяется, на рынке постоянно появляются новые виды продуктов и услуг. Развитие инвестиционного кредитования реального сектора экономики является главной задачей государства, а внедрение ESG-принципов становится важным шагом для белорусских банков, стремящихся соответствовать международным стандартам устойчивого развития.

В настоящее время приоритетным направлением в банковской деятельности является инвестиционное кредитование. В соответствии с «Основными направлениями денежно-кредитной политики Беларуси на 2026 год» прирост инвестиционного финансирования должен составлять не менее 13 % [1]. В связи с этим возникла потребность в поиске долгосрочного фондирования и увеличении инвестиционной привлекательности. Так, например, в Республике Беларусь активно развиваются новые кредитные продукты, включенные в План социально-экономического развития на 2026 год: «Туристический потенциал», «Сильные регионы» и «Технологическая самодостаточность» [2]. Финансирование по данным программам с пониженной процентной ставкой предоставляют несколько банков, включая ОАО «АСБ Беларусбанк», ОАО «Белинвестбанк», ОАО «Белагропромбанк» и ОАО «Банк развития Республики Беларусь». Реализация инвестиционных проектов, включенных в соответствующие Перечни, формируется на основе заявок организаций, поданных на онлайн-площадке Белорусского фонда финансовой поддержки предпринимателей.

Проанализировав информацию за 2026 год, отметим, что данное направление развивается медленными темпами. В открытых источниках нет точного количества заключенных кредитных договоров на цели инвестиционной деятельности в рамках вышеуказанных кредитных продуктов. Необходимо отметить сдерживающие факторы, влияющие на реализацию данного проекта:

– ограниченность инвестиционных ресурсов;
– санкционное давление;
– зависимость от качества концепции и операционного совершенства;
– сезонность спроса;
– большой объем документооборота.

В некоторых случаях эти факторы могут приводить к неэффективной реализации инвестиционных проектов, медленной окупаемости или убыточности. Поэтому финансовым учреждениям необходимо по-новому мониторить инвестиционные проекты клиентов.

Текущая стратегия любого белорусского банка состоит в ежемесячном или ежеквартальном мониторинге кредитов, выданных в инвестиционную деятельность. При образовании просроченной задолженности банки начинают анализировать реализацию проекта более подробно. Применив проектный подход к инвестиционным проектам используя смарт-контракты, появится возможность на ранней стадии увидеть риски и среагировать на изменения качества активов, а клиент в ходе сотрудничества получит компетенции по проектному управлению.

Опыт Китайской Народной Республики показывает, что проектное финансирование инвестиций в онлайн режиме, используя цифровые платформы, снижает документооборот, увеличивает прозрачность совершаемых операций, а также избавляет от дополнительного контроля за целевым использованием кредита.

Стоит отметить, что в локальных правовых актах Республики Беларусь закреплен порядок совершения сделок или иных юридически значимых действий при осуществлении банковских и других финансовых операций посредством смарт-контрактов [3, 4].

Можно выделить основные преимущества смарт-контрактов:

1) экономия средств и времени, так как не нужно прибегать к услугам посредников;

2) безопасность, так как прописанные условия контракта хранятся в распределенном реестре, никто не может их изменить;

3) быстрое разрешение вопросов: так, как только условия контракта выполнены, стороны сразу обмениваются активами.

В настоящее время принятие решений по инвестиционным проектам претерпевает значительные изменения. Акцент смещается в сторону экологичности и технологичности. Банки активно наращивают долю «зеленых» активов, поддерживая проекты, направленные на сокращение выбросов, развитие возобновляемой энергетики и внедрение современных технологий. Так, например, Евразийский банк развития, внедряет стратегии по выпуску зеленых и социальных облигаций. ОАО «Банк БелВЭБ», ОАО «Приорбанк», ОАО «Сбер Банк», ОАО «Белагропромбанк» и ОАО «Белинвестбанк» осуществляют ESG финансирование. Например, ОАО «Белагропромбанк» активно инвестирует проекты в области возобновляемой энергетики, модернизации сельскохозяйственной инфраструктуры и поддержки малого бизнеса. Эти инициативы способствуют не только повышению качества активов, но и укреплению репутации банка среди клиентов и инвесторов.

Трансформация продуктовой линейки для компаний, которые демонстрируют заинтересованность в ESG финансировании, может стать главным стимулом кредитования данных проектов с участием смарт-контракта. Переход на осуществление расчетов с использованием смарт-контрактов не только оптимизирует внутренние процессы, но и принесет дополнительный источник дохода. Применение в банковской сфере такой технологии может расширить возможности дистанционного обслуживания клиентов, усилить конкуренцию на финансовом рынке, повысить операционную эффективность кредитных организаций и снизить их издержки. Благодаря токенизации смарт-контракты продвигают дробное владение активами и, таким образом, снижают для многих барьер входа для инвестиций, объединяя блокчейн и операции с активами.

Таким образом, проектное финансирование инвестиций с использованием смарт-контрактов позволит банкам увеличить прозрачность совершаемых операций, сократить время для принятия решений по инвестиционным проектам, снизить операционные издержки, а также избавит от дополнительного контроля за целевым использованием кредита. Так как скорость и эффективность играют ключевую роль в успехе бизнеса, смарт-контракт в ближайшем будущем может стать неотъемлемой частью работы компании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Основных направлений денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2026 год: постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 16 дек. 2025 г. № 357. – URL: http://www.nbrb.by/ (дата обращения 16.04.2026).

2. О плане социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026 год: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 дек. 2025 № 726. – URL: https://pravo.by (дата обращения 16.04.2026).

3. О порядке совершения и (или) исполнения сделок, иных юридически значимых действий при осуществлении банковских, платежных и других финансовых операций, иной деятельности, связанной с осуществлением этих операций, посредством смарт-контрактов: постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 24 дек. 2020 г. № 428. – URL: http://www.nbrb.by/ (дата обращения 16.04.2026).

4. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 33.331.108

НАПРАВЛЕНИЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОСТА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУЧНОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рогатко Дарья Андреевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Анализ нормативно-правовой базы, посвященной развитию науки, технологий и инноваций показал отсутствие отдельно выделенных документов, посвященных состоянию кадрового потенциала научной, научно-технологической и инновационной сфер, обеспечивающих возможность реализации национальных интересов в научно-технологической и инновационной сферах. Среди основных документов, по мнению автора, регламентирующих деятельность государственных органов и организаций, призванных обеспечивать опережающее развитие знаний и технологий, усиливать потребность в высококвалифицированных специалистах и пр., можно выделить следующие.

1. Концепция государственной кадровой политики Республики Беларусь.

В концепции определены приоритетные направления кадровой политики. Среди общих направлений: противодействие угрозам кадровой безопасности, совершенствование механизмов прогнозирования кадровой потребности, стимулирование кадров к повышению производительности труда и уровня квалификации, а также упорядочение процессов трудовой миграции.

Приоритетами на макроэкономическом уровне являются обеспечение подготовки востребованных специалистов, эффективное использование кадров и создание условий для полной занятости, на региональном – формирование благоприятной среды и условий для закрепления кадров на местах.

Для достижения приоритетных направлений кадровой политики предусмотрены конкретные механизмы:

– выстраивание руководителями всех уровней системной работы с кадрами и значительное повышение их персональной ответственности за надлежащее кадровое обеспечение;

– обеспечение согласованности действий всех субъектов по развитию кадрового потенциала на республиканском и региональном уровнях (от определения общей потребности

экономики в кадрах до разработки и реализации региональных и отраслевых кадровых программ с выходом на микроуровень стратегического видения кадровой политики организаций и предприятий);

– совершенствование молодежной кадровой политики (подготовка к сознательному выбору будущей профессии, духовно-нравственное и патриотическое воспитание, создание дополнительных условий и стимулов для закрепления на рабочих местах молодых кадров);

– развитие системы подготовки кадров, регулирования процессов трудовой миграции, а также цифровизация кадровой работы.

Концепция позволит придать деятельности по формированию кадрового потенциала Беларуси более системный и скоординированный характер. Документ призван стать методическим ориентиром для кадровых служб и руководителей [1].

2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь.

В документе отмечается, что внутренними источниками угроз национальной безопасности является несоответствие уровня подготовки кадров структуре потребностей экономики в специалистах и рабочих, дефицит квалифицированных специалистов для современных производств и организации бизнес-процессов; снижение уровня подготовки и обеспеченности научными кадрами, в том числе высшей квалификации, рост среднего возраста научных работников.

Важнейшим направлением нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности в научно-технологической сфере являются:

– повышение динамичного развития научной сферы, омоложение научных кадров;

– сохранение интеллектуального и трудового потенциала республики, привлечение высококвалифицированных кадров из-за рубежа [2].

3. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040».

В Стратегии определены основные принципы развития кадрового потенциала Республики Беларусь. Это – усиление кооперации образования, фундаментальной и прикладной науки; стимулирование развития творческих, изобретательских и предпринимательских способностей личности на протяжении всей жизни; всеобщая цифровизация образовательных технологий; интеграция в мировые образовательные сети [3].

Одной из приоритетных задач в укреплении кадрового потенциала научно-технологической и инновационной сфер Беларуси можно назвать интеграцию науки, образования и производства. Выполнение данной задачи возможно при наличии соответствующей структуры кадрового потенциала.

Эффективность политики формирования кадрового потенциала во многом определяется величиной персональной мотивации научных кадров в части реформирования системы оплаты труда, устанавливающей зависимость заработной платы от результатов и качества работы, учитывая при этом региональные особенности.

Предложения по дальнейшему развитию кадрового потенциала научно-технологической и инновационной сферы:

Приоритетные направления формирования кадрового потенциала науки и образования во многом определяются решением ряда институциональных задач, включающих активизацию участия в научных исследованиях научно-педагогических работников совместно с работниками научных организаций и студентами УВО в рамках развития научной кооперации УВО с предприятиями различных секторов экономики в целях повышения результативности прикладных исследований и разработок. В этой связи необходимо сформировать эффективную модель взаимодействия между УВО и предприятиями в части подготовки специалистов, востребованных не только в научной сфере, но и в различных секторах экономики. При этом не следует забывать о социализации детей в части обучения и воспитания по программам дополнительного образования исследовательской, инженерной, технической, конструкторской направленности, так как именно они является будущей основой формирования кадрового потенциала социально-экономической сферы.

Формирование эффективной системы взаимодействия УВО и научных организаций с бизнесом должно быть основано на повышении результативности реализации программ прикладных исследований и разработок, ориентированных на потребности предприятий. Реализация поставленной задачи может осуществляться на базе развития механизмов стимулирования спроса и повышение востребованности результатов проводимых исследований, а также использования технологических платформ и системы патентного права. Основным катализатором данного процесса является повышение качества подготовки научных кадров в УВО, а также улучшение подготовки талантливой молодежи, заключающееся в организации системы дополнительного стимулирования активности студентов, а при наличии значимых научных результатов использовать систему премирования.

Важным для обеспечения реализации поставленной задачи является организация системного планирования и координации исследований и разработок на основе выстраивания системы приоритетов, опирающихся на потребности отдельных секторов экономики.

Важно обеспечить концентрацию кадровых ресурсов на приоритетных направлениях в рамках обеспечения научно-технического задела, востребованного секторами экономики.

В целях качественного улучшения кадрового потенциала сферы науки и образования необходимо обратить внимание на повышение качества возрастного состава и квалификационной структуры в части преодоления негативных тенденций повышения среднего возраста исследователей за счет стимулирования молодых ученых в рамках реализации различных проектов и программ, обосновывающих приоритетность работы в данной сфере, а также решить проблемы и устранить противоречия, возникающие при реформировании системы сфер образования и науки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь – URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-1-ot-3-yanvarya-2024-g (дата обращения 01.02.2024).

2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения 25.05.2024).

3. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» – URL: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf (дата обращения 26.04.2024).

УДК 005.591.6:338.24(476)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОТБОРА И РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ С УЧЕТОМ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Ситкевич Алексей Михайлович,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Стремясь обеспечить устойчивость инновационного развития за счет укрепления своего инновационного потенциала, государства, с одной стороны, наращивают объем затрат на исследования и разработки, а с другой стороны, формируют благоприятные условия для процесса их трансформации в инновации, развивая сотрудничество между наукой, университетами и промышленностью, защищая права на объекты интеллектуальной собственности и стимулируя инновации начинающих компаний.

По итогам анализа результатов социально-экономического развития Республики Беларусь в период с 2021 по 2025 годы предусмотрен ряд резервов в научной, научно-технической и инновационной сфере.

1. Повышение в структуре экспорта доли высокотехнологичной, среднетехнологичной высокого уровня и наукоемкой продукции.

2. Технологический суверенитет, создание институциональной среды, стимулирующей к инновациям.

3. Максимальное задействование научных разработок и научно-технического потенциала страны в реальном секторе экономики.

Дальнейшее развитие страны и повышение ее конкурентоспособности требует ускоренного научного, научно-технологического и инновационного развития. Инновационный путь экономики страны является основным направлением, способствующим повышению объемов производства, обеспечению международной конкурентоспособности, эффективности национальной экономики и уровня жизни населения.

Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, утвержденной решением Всебелорусского Народного собрания от 19 декабря 2025 г. № 1, одним из приоритетов определено повышение наукоемкости экономики и ускорение инновационного развития экономики. В рамках комплекса мероприятий по развитию национальной инновационной системы на 2026–2030 годы, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 марта 2026 г. № 149 (далее – Комплекс мероприятий), предусмотрены следующие направления мероприятий:

завершение формирования комплексной системы последовательной и доступной поддержки реализации инновационных проектов на всех этапах инновационного цикла для всех категорий субъектов инновационной деятельности, усиление интеграции организаций академической, вузовской и отраслевой науки, формирование и внедрение системы мер, стимулирующих инвестирование в научную и научно-техническую деятельность;

концентрация государственной поддержки на этапах разработки, модернизации и внедрения критических технологий и важнейших видов товаров, востребованных экономикой государства, основанных на критических технологиях;

реализация прорывных высокотехнологичных проектов за счет усиления взаимодействия организаций, осуществляющих научные исследования и разработки, и предприятий реального сектора экономики;

внедрение единой системы критериев приоритетного отбора проектов, претендующих на финансирование из средств республиканского и местных бюджетов, на всех этапах инновационного цикла.

В настоящее время по отношению к Республике Беларусь установлены различные типы ограничений (санкции):

общие (введены в отношении операций с резидентами Республики Беларусь);

экспортно-импортные (ограничения на ввоз, вывоз, транзит конкретных товарных позиций);

персональные (индивидуальные) меры ограничительного характера [1].

Организациям Республики Беларусь, в том числе реализующим инновационные проекты, необходимо выстроить свою деятельность, чтобы проверять наличие ограничений, осуществлять мониторинг обновлений списка ограничений, наличие санкционных оговорок.

Совершенствование отбора и реализации инновационных проектов является необходимым условием достижения индикаторов: «внутренние затраты на научные исследования и разработки по отношению к ВВП» и «доля инновационно-активных организаций в общем числе обследованных организаций обрабатывающей промышленности».

Предлагаем следующие основные направления совершенствования отбора и реализация инновационных проектов в условиях санкционных ограничений.

1. Предусмотреть инновационные проекты, направленные на внутренние ресурсы и разработки.

Затраты на инновации организаций промышленности в Республике Беларусь за 2024 год составили 1 621 480 тыс. рублей или 0,66 процента от ВВП, в том числе:

продуктовые инновации – 1 252 133 тыс. рублей;

инновации бизнес-процесса – 369 347 тыс. рублей.

Выделяют следующие основные виды затрат:

приобретение машин, оборудования, прочих основных средств, связанных с инновационной деятельностью – 808 705 тыс. рублей (49,87 %);

исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов составляет – 493 362 тыс. рублей (30,43 %) [2].

Доля приобретения исключительного права, права использования объектов права промышленной собственности по договорам, получение охранных документов, составляет чуть более 1,5 процентов, что недостаточно для повышения конкурентоспособности организаций за счет интеллектуальной собственности.

Считаем целесообразным разработать организационные и правовые мероприятия, направленные на существенное увеличение затрат на разработку и приобретение объектов интеллектуальной собственности.

2. Проводить формирование научно-исследовательских работ и проектов для венчурного финансирования через отработку идей посредством системы «ваучеров и грантов».

Предоставление такой государственной поддержки осуществляется в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 20 мая 2013 г. № 229 «О некоторых мерах по стимулированию реализации инновационных проектов». Основными причинами недостаточной роли данного инструмента в инновационном развитии страны является необходимость серьезной и долгосрочной проработки проекта еще до подачи заявителем необходимых документов, в том числе необходимость предоставления сведений об объектах интеллектуальной собственности, предусматривать создание, производство и реализацию инновационных и (или) высокотехнологичных товаров, включенных в соответствующие перечни. Предлагаем упростить требования к выделению ваучера и гранта и принимать решение о дальнейшей проработке проекта после получения результата исследования на основании отчета.

3. Формирование инновационных проектов, направленных на распределение риска.

Одним из негативных вопросов влияния санкций является принудительное изменение риска проекта, либо работа по его передаче. Венчурный капитал во всем мире является одним из важнейших составляющих инновационного процесса.

В настоящее время в Республике Беларусь недостаточно развито венчурное финансирование, отсутствуют концептуальные правовые основы формирования национальной венчурной экосистемы, не определены место и роль в ней белорусского государства. Венчурное финансирование не стало механизмом, способствующим формированию инновационной экономики, проведения активного технологического трансфера, несмотря на многочисленные усилия государственных органов.

До настоящего времени в Республике Беларусь отсутствует единый нормативный правовой акт, регламентирующий венчурную деятельность. Организационные и правовые основы венчурной деятельности отражены в законодательстве, регламентирующем государственную инновационную политику, деятельность Белорусского инновационного фонда, развитие цифровой экономики. Специфический инструментарий доступен только ряду субъектов предпринимательства – резидентам ПВТ.

В индустрии венчурного капитала можно выделить три канала государственного участия:

1) прямое предоставление инвестиций через государственные венчурные фонды;

2) инвестиции в независимые венчурные фонды, которые кроме государства полагаются на частные инвестиции;

3) предоставление субсидий или налоговых льгот венчурным капиталистам.

Опыт зарубежных стран важен для Республики Беларусь. Применение венчурного капитала под руководством государства позволяет распределить прибыль, риски и сформировать стратегию роста государственного и частного капитала, что является действенным методом выполнения целей государственной политики.

Развитие венчурных проектов в Республике Беларусь требует решения следующих проблемных вопросов:

отсутствует порядок выделения бюджетных средств на высокорисковые проекты. Текущие показатели эффективного расходования бюджетных средств не применимы для венчурной деятельности, не разработаны основы портфельного принципа оценки венчурных проектов;

не разработаны подходы выхода из проекта в случае неудачи инвестиций;

оценка венчурных проектов требует привлечение специалистов в венчурной деятельности, которых недостаточно, а по многим направлениям просто нет в стране;

в настоящее время не определен целевой источник финансирования венчурных проектов. Длительный период финансирования (от 3 до 10 лет) требует специальных организационных и правовых основ бюджетного финансирования венчурных проектов.

В международной практике бюджетные средства на реализацию венчурных проектов аккумулируются в специально созданных для этих целей государственных внебюджетных фондах, которые пополняются в том числе за счет возврата средств по ранее выданным кредитам.

Таким образом, стимулирование инновационного развития в условиях санкционных ограничений вызывает необходимость совершенствования отбора и реализации инновационных проектов. Раскрыты направления влияния санкций на инновационные проекты Республики Беларусь. Представленные предложения будут содействовать выполнению программы социально-экономического развития Республики Беларусь на текущую пятилетку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Меры ограничительного характера, введенные в отношении Республики Беларусь и ее резидентов. – URL: https://www.cci.by/probiznes/mezhdunarodnye-sanktsii-aktualnaya-informatsiya/ (дата обращения 17.04.2026).

2. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь: статистический бюллетень / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2025. – URL: belstat.gov.by. (дата обращения 16.04.2026).

УДК 338.2

К ВОПРОСУ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Скуратович Николай Евгеньевич,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В современную эпоху экономики знаний интеллектуальная собственность (далее – ИС) стала одним из основных элементов конкурентоспособности предприятий, особенно в области технологических инноваций, где ее роль имеет решающее значение. Управление ИС не только связано с защитой корпоративных технологий, но и тесно связано со стратегиями развития, конкурентоспособностью на рынке и экономическими выгодами. Эффективное управление

ИС может защитить инновационные достижения предприятий и повысить их конкурентоспособность на рынке. С углублением глобальной экономической интеграции усиливается конкуренция между предприятиями, особенно в высокотехнологичных отраслях, где передовые и уникальные технологии определяют успех или неудачу. Будучи правовой основой технологических инноваций, управление ИС напрямую влияет на способность предприятия поддерживать долгосрочное развитие. Она обеспечивает оперативную и эффективную защиту достижений инновационной деятельности предприятий законом.

Используя инструменты ИС, такие как патенты, товарные знаки и авторские права, предприятия могут преобразовать свои инновационные результаты в юридически исключительные ресурсы, эффективно предотвращая утечку коммерческой тайны и деятельность, нарушающую авторские права. Это не только защищает законные права и интересы предприятий, но и стимулирует их инновационное движение, способствуя постоянному технологическому прогрессу. Поэтому для предприятий управление ИС играет жизненно важную роль в технологических инновациях, а повышение осведомленности о защите ИС является необходимым условием для достижения технологических прорывов.

Управлению ИС посвящено значительное количество работ белорусских и зарубежных ученых [1–5].

Основой управления ИС в технологических инновациях предприятия является комплексная стратегия, включающая создание, защиту, коммерциализацию и использование ИС для стимулирования инновационной активности и повышения конкурентоспособности бизнеса. Ключевые элементы этой основы можно выделить следующим образом:

– защита интеллектуальной собственности как драйвер инноваций;

– коммерциализация ИС как ключевой этап управления;

– разработка и реализация комплексной стратегии управления ИС;

– баланс между стимулированием инноваций и обеспечением справедливой конкуренции;

– роль интеллектуальной собственности в рыночных стратегиях и инновациях;

– учет отраслевых специфических особенностей и контекста.

Таким образом, на основе управления ИС в технологических инновациях предприятия это, по нашему мнению, реализуется:

А) содействие инновациям и НИОКР.

Управление ИС играет ключевую роль в стимулировании инноваций на предприятиях. В ходе инновационного процесса предприятия могут использовать такие механизмы, как патентные заявки и регистрация товарных знаков, для преобразования инновационных достижений в права собственности, тем самым получая исключительные операционные права. Этот механизм прав собственности обеспечивает отдачу от инвестиций в НИОКР, снижает инновационные риски и стимулирует предприятия активизировать свои усилия в области НИОКР;

Б) защита инновационных достижений.

ИС служит основным механизмом защиты инновационных достижений предприятий от нарушений. В условиях жесткой рыночной конкуренции инновации часто определяют способность предприятия получить и сохранить конкурентное преимущество. Используя механизмы защиты ИС, предприятия могут предотвратить неправильное использование своих инноваций, избежать неэффективных потерь затрат на инновации и обеспечить защиту своего положения на рынке и экономических интересов.

Содействуя технологическому процессу и коммерциализации, управление ИС:

– играет решающую роль в продвижении передачи технологий и коммерциализации для предприятий;

– является ключевым драйвером технологических инноваций на предприятиях.

Вместе с этим может существовать ряд проблем управления ИС предприятия:

А) недостаточная осведомленность об управлении интеллектуальной собственностью.

Отечественные предприятия не испытывают недостатка в научно-исследовательских возможностях, но часто демонстрируют слабую осведомленность о защите интеллектуальной собственности. Без адекватных правовых гарантий убытки, понесенные предприятиями НИОКР, трудно возместить. Эффективное управление ИС требует глубокого понимания ее значимости. Недостаточная осведомленность руководства ИС может быть связана с недопониманием национальной экономической политики, недостатками корпоративных систем. Изначально многие предприятия вводили в заблуждение размером рынка, пренебрегая развитием профильных технологий, приводя к тяжелым последствиям. Отсутствие системы защиты ИС проявляется в недостатке специализированных учреждений или их поверхностной работе, что препятствует оперативному реагированию на новые технологии;

Б) недостаточный системный подход к управлению интеллектуальной собственностью.

Многие предприятия могут проявлять пассивное отношение к стратегиям управления ИС, зачастую предпринимая меры только после того, как сталкиваются с проблемами нарушения. Это отражает отсутствие комплексных и систематических подходов к управлению;

В) отсутствие инициативы в приобретении интеллектуальной собственности.

Предприятия часто проявляют недостаток инициативы в приобретении интеллектуальной собственности, полагаясь исключительно на существующие ресурсы ИС, что отражает недостаточный акцент на управлении ИС. После разработки новых технологий предприятия могут воздержаться от патентных заявок на снижение затрат или пренебречь регистрацией товарного знака после их проектирования.

Представляется необходимым:

1) создание всеобъемлющей правовой базы интеллектуальной собственности.

Современная нормативно-правовая база Беларуси, включающая законодательные акты, об интеллектуальной собственности, достаточно развита и постоянно совершенствуется, что, в том числе, подтверждают результаты Совместного отчет ПРООН в Беларуси и МИД Республики Беларусь (00057626, Торговые аспекты прав на объекты интеллектуальной собственности, том 4). Для углубления международного обмена знаниями важно укреплять взаимодействие с дружественными странами, используя и интегрируя их передовой опыт для разработки стратегий управления ИС и защитных мер в соответствии с национальными интересами Беларуси. Одновременно предприятия должны сосредоточиться на повышении операционной эффективности институтов управления ИС, повышении качества управленческого персонала и создании надежной системы защиты ИС, обеспечивающей мощную и перспективную государственную поддержку отечественных предприятий;

2) повышение осведомленности об управлении интеллектуальной собственностью и ее защите.

ИС играет решающую роль в экономическом и социальном развитии, стимулируя инновации, технический прогресс и обеспечивая справедливую конкуренцию. Основная конкурентоспособность предприятия часто зависит от его уникальной интеллектуальной собственности. Предприятия должны создать комплексные системы защиты ИС, включая создание специализированных отделов, разработку политик защиты, стандартизацию процессов и обеспечить включение обучения ИС в программы обучения сотрудников для повышения осведомленности о защите ИС. Кроме того, предприятия должны улучшить оценки эффективности, связанные с IP, используя их в качестве показателей для оценки эффективности сотрудников и инновационных возможностей, тем самым мотивируя сотрудников к инновациям и защите своих интеллектуальных достижений. По сути, интеллектуальная собственность может служить защитным щитом для инноваций и мощным инструментом на глобальных рынках, играя жизненно важную роль в устойчивом развитии предприятий;

3) создание систем управления интеллектуальной собственностью и механизмов стимулирования.

В соответствии с законодательными и нормативно-правовыми актами предприятия должны строго выполнять задачи по защите ИС, разрабатывать комплексные системы защиты и создавать специализированные организации по управлению ИС. Крайне важно, чтобы эти организации были укомплектованы профессионалами, обладающими необходимыми знаниями и возможностями;

4) создание механизма мониторинга рисков интеллектуальной собственности: интеграция управления интеллектуальной собственностью с инновациями предприятия.

Основу конкуренции для инновационных предприятий составляет технологическая интеграция и модернизация. Предотвращение и контроль рисков ИС имеют решающее значение в процессе исследований и разработок. Предприятия должны внедрять комплексные и углубленные меры контроля рисков, проводить патентный поиск и анализ, чтобы избежать споров и потерь ресурсов, вызванных перекрывающимися технологиями. На этапе НИОКР предприятия должны оперативно обращаться за защитой ИС для предотвращения нарушений и утраты прав на интеллектуальную собственность.

Являясь краеугольным камнем технологических инноваций, управление ИС имеет решающее значение для долгосрочного успеха компаний. Повышая осведомленность об ИС, создавая комплексные системы управления ИС и содействуя международному сотрудничеству, предприятия могут максимизировать свою ценность ИС и повысить конкурентоспособность на рынке. Управление ИС – это не только стратегия защиты технологических достижений, но и эффективный метод стимулирования инноваций и достижения устойчивого развития. Укрепление управления ИС является важным шагом на пути повышения корпоративной конкурентоспособности и содействия экономическому развитию.

Таким образом, основу управления ИС на уровне предприятия должна составлять интегрированная политика и практика, направленные на: правовую защиту и охрану интеллектуальных активов, формирование гибких механизмов коммерциализации инноваций, выстраивание стратегий трансфера технологий, поддержание баланса между стимулированием инноваций и открытым конкурентным доступом, адаптацию к отраслевым и технологическим особенностям рынка. Эта комплексная система управления будет способствовать эффективному применению технологических инноваций для достижения устойчивого роста и конкурентных преимуществ предприятия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нечепуренко Ю.В. Управление интеллектуальной собственностью в научно-образовательной сфере. – Минск: БГУ, 2009.
2. Кудашов В.И., Нечепуренко Ю.В. Интеллектуальная собственность: экономические и организационно-правовые механизмы управления. – Амалфея, 2013. – С. 190–190.
3. Витязь П.А., Нечепуренко Ю.В. Национальная система управления интеллектуальной собственностью // Наука и инновации. – 2020. – № 4 (206). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-sistema-upravleniya-intellektualnoy-sobstvennostyu (дата обращения 16.04.2026).
4. Sople V. Intellectual property managment: a strategic imperative. – PHI Learning Pvt. Ltd., 2026.
5. Paallysaho S., Kuusisto J. Intellectual property protection as a key driver of service innovation: an analysis of innovative KIBS businesses in Finland and the UK // International Journal of Services Technology and Management. – 2008. – Т. 9. – № 3–4. – С. 268–284.

УДК 336.71

КОНТРОЛЛИНГ – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В УПРАВЛЕНИИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДЕПОЗИТОВ

Смелова Наталья Николаевна,
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Кравцов Андрей Валерьевич,
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Контроллинг является руководящей концепцией эффективного управления банком и обеспечения его существования в долгосрочной перспективе. Он вызван необходимостью системной интеграции различных аспектов управления бизнес-процессами в организационной системе. В основе контроллинга лежит стремление обеспечить успешное функционирование и развитие системы путем:

– адаптации стратегических целей к изменяющимся условиям внешней среды;

– согласования оперативных планов со стратегическим планом развития организационной системы;

– координации и интеграции оперативных планов по разным бизнес-процессам;

– создания системы обеспечения менеджеров информацией для различных уровней управления в оптимальные промежутки времени;

– введения системы контроля над исполнением планов, корректировки их содержания и сроков реализации;

– усовершенствования организационной структуры с целью повышения ее гибкости и способности быстро реагировать на меняющиеся требования внешней среды.

Основные концепции контроллинга направлены на систему учета, управленческую информационную систему, систему управления с акцентом на планирование и контроль и на координацию.

Можно выделить три основные задачи банковского контроллинга.

1. Построение и поддержание инфраструктуры, ориентированной на управление банком путем управления доходностью.

2. Реализация специфических банковских функций контроллинга, чтобы путем последовательного, пошагового выполнения этапов анализа, планирования и контроля гарантировать замкнутость цикла контроллинга.

3. Выполнение отдельных функций банковского менеджмента: портфельного, структуры баланса, бюджета в соответствии с принципами ориентированного на доходность управления банком.

Задачи контроллинга разделяются на стратегические и оперативные. Стратегический контроллинг предназначен для поиска и выявления настоящих и будущих источников успеха всего банка. Оперативный контроллинг нацелен в первую очередь на структуры рентабельности и риска в краткосрочной перспективе. Он в значительной степени ориентирован на конкретные цифры и детальную информацию.

Контроллинг в банке включает в себя решение задач финансового анализа, контроля и оптимизации использования финансовых средств и источников, среди которых: финансовый контроллинг; контроль исполнения; оперативное управление денежными потоками и временно свободными средствами; управление проектами, в том числе инвестиционными; мониторинг, анализ и прогноз внешней среды. Контроллинг – это не просто бухгалтерский учет и не только проверка сделанного. Это комплексная система управления, которая обеспечивает долгосрочное и успешное развитие банка.

Ключевая причина, по которой банки внедряют контроллинг, – это необходимость связать воедино все бизнес-процессы: от стратегического планирования до повседневных операций. Банковский контроллинг имеет свою специфику. Она связана с жестким регулированием со стороны Центрального банка, с преобладанием процентных доходов в структуре прибыли и с высокой долей постоянных расходов. Все это требует особых подходов к управлению.

Целесообразно выделить три основные задачи контроллинга в банке:

– построение системы управления, ориентированной на доходность;

– обеспечение непрерывного цикла анализа, планирования, контроля;

– информационная поддержка руководства для принятия решений.

Принципиально важным является разделение контроллинга на два уровня: стратегический и оперативный. Стратегический смотрит в будущее. Он ищет источники долгосрочного успеха: новые рынки, клиентов, конкурентные преимущества. Его результат – это стратегический план развития банка.

Оперативный контроллинг работает здесь и сейчас. Он отвечает за текущую эффективность: управляет доходами и расходами, следит за ликвидностью и соблюдением финансовых нормативов. Его инструменты – это бюджетирование, анализ отклонений и планирование денежных потоков.

Таким образом, контроллинг выполняет в банке роль связующего звена. Он соединяет стратегию с тактикой, помогает координировать работу разных отделов и обеспечивает руководство достоверной информацией.

На современном этапе развития банковской системы, грамотно выстроенная система контроллинга позволяет банку не только выживать в условиях нестабильной экономики, но и устойчиво развиваться, сохраняя баланс между доходностью и рисками.

Внедрение систем контроллинга в банках эффективно и перспективно для банков и включает: разработку конкретных практических рекомендаций, методик, автоматизированных систем учета, программных продуктов, экономических моделей, создание и обобщение которых позволит вести речь о внедрении полноценной системы контроллинга в любом банке. Указанная задача не может быть решена специалистами одной области. Это возможно при реализации совместных усилий экономистов, программистов, бухгалтеров, аналитиков, менеджеров высшего и низшего звена.

Контроллинг является неотъемлемой составляющей всех звеньев банковской системы. Так как роль привлечения депозитов банками в общей системе управления банком сложно переоценить, именно во взаимоувязке с остальными направлениями работы банка данное направление представляет собой важнейшую составляющую.

Благодаря развитию цифровизации, на сегодняшний день определился яркий вектор совершенствования работы банка – инвестиции в программное обеспечение, позволяющее совершенствовать систему контроллинга как в целом по банку, так и ее отдельных элементов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Банковский менеджмент: учебник / коллектив авторов; под ред. доктора экон. наук, проф. О.И. Лаврушина. – 4-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2011. – 560 с.

2. Черных М.А., Скорова Ю.О. Роль контроллинга в развитии банковской системы страны // Молодой ученый. – 2015. – № 21 (101). – С. 500–503.

УДК 339.727.22

СОСТОЯНИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Соломко Мария Викторовна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Многонациональные компании (далее – МНК) являются ключевым элементом инновационного процесса, они владеют более чем 80 % лицензий и патентов на новые технологии и ноу-хау. Около 80 % общемирового объема научных исследований и разработок осуществляется в рамках МНК. Основное преимущество транснационализации инновационной деятельности заключается в возможности/необходимости приобретения нужных технологий на глобальном рынке прав интеллектуальной собственности, а не создание их за счет собственных ресурсов. Преимущества МНК на глобальном рынке нововведений: облегчен доступ к финансовым ресурсам по сравнению с государственными структурами; НИОКР – необходимая, но не главная область деятельности, следовательно, финансовые риски для МНК ниже, чем для венчурных компаний. В современных условиях интернализация рынков осуществляется через соглашение МНК разных стран о создании совместных производств, проведение коллективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР), взаимное лицензирование новых технологий и продуктов, а также на основе разнообразных соглашений МНК с внешними поставщиками и подрядчиками, что усиливает конкурентные преимущества компаний [1].

МНК являются двигателями экономического развития принимающих стран. Привлечение иностранного капитала позитивно влияет на экономику принимающих стран: увеличение притока зарубежных денежных средств существенно содействует модернизации государственной индустрии, повышению экспорта (особенно сверхтехнологичных товаров) и увеличению конкурентоспособности ряда отраслей промышленности, снижается безработица, создаются новые производства. Предприятия, выпускающие конкурентоспособные на мировом рынке товары и ориентированные на экспорт, значительно благоприятствуют укреплению внешнеторгового положения государства и продвижению инноваций [1].

Прямые инвестиции (далее – ПИИ) могут оказывать прямое воздействие на инновационную деятельность посредством организации на территории принимающей страны научно-исследовательских центров, развития сотрудничества и финансирования национальных организаций, занимающихся НИОКР. Также увеличение удельного веса инвестиций в инновации стимулирует национальные инвестиции, направляемые на НИОКР. ПИИ как носители технологий проявляются в заключении договоров на использование объектов интеллектуальной собственности, закупке продукции и услуг различной наукоемкости, систематических поставках товаров и услуг местных поставщиков для организации непрерывного процесса производства, организуемого при помощи иностранных знаний, опыта, объектов интеллектуальной собственности [2].

Инновационное развитие экономики определено в качестве одного из основных приоритетов устойчивого развития Республики Беларусь. Решение задач, определяемых Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь до 2040 г. предусматривает формирование и ускоренное развитие высокотехнологичных секторов национальной экономики, базирующихся на производствах и технологических укладах, закрепление позиций на рынках наукоемкой продукции.

В настоящее время уровень инновационного развития Беларуси характеризуется положительными тенденциями в основных показателях. Так, удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) организаций промышленности за 2024 г. составил 22,3 % (максимум за 14 лет). Доля экспорта наукоемкой и высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта

по итогам 2023 г. составила 39,5 %. Доля высокотехнологичных (включая среднетехнологичные (высокого уровня)) и наукоемких отраслей экономики в ВВП составила в 2023 г. 38,1 %. Доля высокотехнологичных производств в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности за 2011–2024 гг. неуклонно росла – с 3,5 % до 7,8 % [3].

Что касается наукоемкости ВВП, то за 2011–2024 гг. она снизилась с 0,7 % до 0,59 %. Несмотря на то, что этот показатель ниже порогового значения в 1 % для экономической безопасности, наблюдается положительная динамика в отдельных отраслях. Развитие наукоемкости зависит от инвестиций в НИОКР, что, в свою очередь, влияет на количество исследователей и инновационную активность предприятий. Государственные и частные расходы на НИОКР способствуют привлечению ПИИ.

Средства бюджета составляют наибольшую часть внутренних затрат на НИОКР Беларуси (государственный и сектор высшего образования (82,1 % и 65,2 % в 2024 г. соответственно). В коммерческом наибольшая доля принадлежит собственным средствам – в 2024 г. 59,5 %. Средства иностранных инвесторов (включая кредиты и займы) составляют лишь 12,2 % (большая часть из которых приходится на сектор коммерческих организаций) от общих затрат на НИОКР.

Основным источником инноваций также служат собственные средства организаций – 72 % от общего объема затрат (2024 г.). Иностранных средств всего лишь 0,7 %.

За 2024 г. в экономику Республики Беларусь поступило 6,9 млрд долл. США иностранных инвестиций, 74,8 % которых являются прямыми (далее – ПИИ) (5,2 млрд долл. США). Общий приток ПИИ в Республику Беларусь с 2011 г. уменьшился более чем в 2,6 раза, а доля ПИИ в ВВП сократилась с 21,8 % в 2011 г. до 6,8 % в 2024 г. [3].

Начиная с 2012–2013 гг. наблюдалось устойчивое снижение инвестиционной деятельности. Основными внутренними причинами, обусловившими устойчивое снижение инвестиционных потоков в Беларусь в течение анализируемого периода, по мнению экспертов, являются: падение темпов роста производства, ВВП, реальных доходов населения, а также снижение производительности труда; ухудшение финансового состояния организаций с иностранным капиталом; высокий риск расторжения инвестиционных соглашений вследствие невыполнения взятых инвестором на себя обязательств; неудовлетворительный инвестиционный климат [5].

На дальнейшее снижение также повлиял и мировой финансовый кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, однако основным фактором, повлиявшим на уменьшение притока ПИИ, являлись санкции, введенные в отношении Беларуси, странами Европы и США (доля ПИИ из недружественных стран в общем притоке ПИИ снизилась с 40,4 % в 2011 г. до 20,1 % в 2024 г., в то время как уровень притока ПИИ из дружественных стран практически не изменился) [6].

Однако, несмотря на ряд внутренних и внешних факторов, повлиявших на приток ПИИ в последние годы, можно сделать вывод об устойчивой положительной динамике показателей инновационной активности Беларуси: рост экспорта наукоемкой продукции, увеличение доли высокотехнологичных производств в ВВП и др. Это говорит о тенденции к развитию высокотехнологичной экономики, основанной на инновациях. Важнейшей задачей остается увеличение инвестиций в НИОКР, что позволит повысить уровень наукоемкости экономики, обеспечить ее устойчивое развитие и повысить конкурентоспособность на международной арене.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Impact of Multinational Companies on Host Countries. – Super Business Manager. – URL: https://www.superbusinessmanager.com/impact-of-multinational-companies-on-host-countries/ (дата обращения 23.11.2021).

2. Данильченко А.В. Прямые иностранные инвестиции как основной канал международного трансфера технологий // Беларусь в современном мире: материалы

XI Междунар. науч. конф., посвящ. 91-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2012 г. / редкол.: В.Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 158–159.

3. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2024 // Статистический сборник. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/statisticheskie-izdaniya/index_135148/ (дата обращения 03.04.2026).

4. Соломко М.В. Динамика притока иностранных инвестиций в Республику Беларусь из недружественных стран // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы: сборник научных статей: в двух томах. Т. 1. / ред. кол.: Д.В. Муха [и др.]; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2024. – С. 770–778.

5. Шалупаева Н.С. Концептуальная модель взаимосвязи международной торговли и процессов прямого иностранного инвестирования // Журнал международного права и международных отношений. – 2018. – № 3–4 (82–83). – С. 82–90.

УДК 338.45+339.9

ОБЗОР ПОЛОЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИНДЕКСЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Стома Нина Викторовна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Индекс конкурентоспособности промышленности (Competitive Industrial Performance Index, CIP) ежегодно рассчитывается Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO) для оценки уровня конкурентоспособности обрабатывающей промышленности стран мира [1].

При составлении индекса конкурентоспособности промышленности используются данные с задержкой в 2 года. Таким образом, отчет за 2025 год сформирован на основании значений за 2023 год.

Для расчёта индекса CIP учитывается общее состояние развития промышленности стран.

На 2025 г. обрабатывающая промышленность Беларуси на 7,8 % представлена высокотехнологичным уровнем, 28,4 % – среднетехнологичным уровнем, 28,4 % – низкотехнологичным, 35,4 % – базовым.

Структура обрабатывающей промышленности Беларуси, следующая: 29,01 % – продукты питания, 12,65 % – продукты нефтепереработки, 10,42 % – химическое производство, 8,91 % – машины и оборудование, 4,39 % – неметаллические минеральные продукты.

Обрабатывающая промышленность России на 4,4 % представлена высокотехнологичным уровнем, 25,4 % – среднетехнологичным уровнем, 10,3 % – низкотехнологичным, 59,9 % – базовым.

Структура обрабатывающей промышленности России, согласно UNIDO, на 17,16 % представлена нефтехимическими продуктами, 17,1 % – продукты питания и напитки, 17,06 % – основные металлы, 8,16 % – химикаты и химические продукты, 5,87 % – готовые металлические изделия.

Общий балл CIP рассчитывается как среднее геометрическое баллов, которые рассчитываются как среднее геометрическое базовых переменных, стандартизированных в диапазоне [0, 1]. После того как для всех восьми индикаторов нормализованы значения, вычисляются два субиндикатора: показатель интенсивности индустриализации и показатель

качества промышленного экспорта. Затем для шести нормализованных индикаторов (два из которых композитные) вычисляется натуральный логарифм [1, 2].

Чем выше балл по любой из переменных, тем выше промышленная конкурентоспособность страны и её место в общем индексе CIP.

Показатель интенсивности индустриализации демонстрирует роль промышленности и ее технологическую сложность. Данный показатель рассчитывается как простое среднее двух индикаторов: 2.1 «Доля ДСОП в общем объеме ВВП» и 2.2 «Доля ДСОП в сфере средних и высокотехнологичных услуг в общем объеме ДСОП» по формулам (1), (2):

$$\text{Доля ДСОП в общем объеме ВВП} = \frac{\text{добавленная стоимость в промышленном секторе}}{\text{валовый внутренний продукт}}; \quad (1)$$

$$\text{Доля ДСОП в сфере средних и высокотехнологичных услуг в общем объеме ДСОП} = \frac{\text{добавленная стоимость средне и высокотехнологичных отраслей в промышленности}}{\text{совокупная добавленная стоимость промышленного сектора экономики}}, \quad (2)$$

где следует различать показатели добавленная стоимость в промышленном секторе и совокупная добавленная стоимость промышленного сектора экономики. Несмотря на подобие в смыслах, эти показатели рассчитываются на основе разных методик: 2 – на основе базы данных The MVA, а 3 – на основе The INDSTAT. Поэтому разработчики индекса CIP неслучайно обозначают эти два показателя по-разному [1, 2].

Показатель качества промышленного экспорта указывает на роль промышленной продукции в структуре экспорта страны. Данный показатель рассчитывается как простое среднее двух индикаторов: 2.3 «Доля экспорта промышленных товаров в общем объеме экспорта» и 2.4 «Доля экспорта средне- и высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта промышленной продукции».

Основной недостаток этих данных двух показателей, по мнению разработчиков, состоит в том, что они не отражают взаимосвязи процессов разного уровня технологического развития. Например, промышленная деятельность с применением передовых производственных технологий может использовать низкотехнологичную продукцию и наоборот. Такие взаимозависимые эффекты субиндикаторы не учитывают [2].

Индекс CIP формируется на основании 8 индикаторов, отражающих объем и структуру производства и экспорта продукции обрабатывающей промышленности [1].

Согласно отчету UNIDO, за 2025 год значение индекса для Беларуси составило 0,047 балла, что соответствует 56-й позиции среди 153 стран. По сравнению с 2024 г. место поднялось на 2 позиции при росте индекса на 0,005.

Россия заняла 33 место со значением 0,094, в сравнении с 34 позицией прошлого года и уровнем индекса – 0,087. При этом мировой уровень – 0,063, соответственно, Россия выше многих стран в рейтинге.

Далее приведена информация по занимаемым позициям стран Союзного государства в разрезе субиндикаторов рейтинга.

Первый субиндекс «Потенциал для производства и экспорта готовой продукции» включает следующие показатели:

1.1 Добавленная стоимость обрабатывающей промышленности (далее – ДСОП) на душу населения: Беларусь заняла 55 позицию с индексом 0,049 при общемировом уровне 0,067. Россия по этому показателю занимает 57 позицию с индексом 0,043.

1.2 Экспорт промышленной продукции на душу населения: Беларусь на 59 месте с индексом 0,056, Россия – 65 место с индексом 0,038 при общемировом уровне – 0,113.

Второй субиндекс «Технологическое углубление и модернизация»:

2.1 Доля ДСОП в общем объеме ВВП: Беларусь занимает 11 позицию с индексом 0,692, Россия – 61 место с индексом 0,369, что близко к общемировому 0,349.

2.2 Доля ДСОП в сфере средних и высокотехнологичных услуг в общем объеме ДСОП: Беларусь занимает 81 позицию с индексом 0,211, Россия – 43 место с 0,374 при общемировом индексе 0,265.

Показатель интенсивности индустриализации *(среднее из индексов 2.1 и 2.2):* Беларусь заняла 36 место с индексом 0,451, Россия заняла 47 позицию с индексом 0,371 при общемировом уровне 0,307.

2.3 Доля экспорта промышленных товаров в общем объеме экспорта: Беларусь на 99 месте с индексом 0,517, Россия на 107 месте с индексом 0,453 при общемировом уровне 0,629.

2.4 Доля экспорта средне- и высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта промышленной продукции: Беларусь заняла 65 место с индексом 0,433 и Россия на 85 место с индексом 0,356 при общемировом 0,407.

Показатель качества промышленного экспорта *(среднее из индексов 2.3 и 2.4):* Беларусь на 76 месте с индексом 0,475 и Россия на 99 месте с индексом 0,405 при общемировом 0,518.

Третий субиндекс «Влияние на мир» включает:

3.1 Влияние страны на мировую ДСОП: Беларусь заняла 61 место при индексе 0,003 и Россия – 14 место с индексом 0,042 при общемировом 0,021.

3.2 Влияние страны на мировую торговлю промышленными товарами: Беларусь на 59 месте с индексом 0,007, Россия – 22 место с 0,071 при общемировом индексе 0,035.

Определим, что в сравнении с общемировым значением Беларусь имеет высокие позиции и уровень выше общемирового по следующим показателям: «2.1 Доля ДСОП в общем объеме ВВП» (выше на 0,343 пункта), «Показатель интенсивности индустриализации» (выше на 0,144 пункта), «2.4 Доля экспорта средне- и высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта промышленной продукции» (выше на 0,026).

Стоит отметить, что наименьшие значения индекса страна занимает по третьему блоку «Влияние на мир», что вызвано низким влиянием страны на мировую торговлю промышленными товарами; также отмечен низкий экспорт промышленных товаров в общем объёме экспорта.

Россия имеет высокие позиции и уровень выше общемирового по следующим показателям: «2.1 Доля ДСОП в общем объеме ВВП» (выше на 0,02 пункта), «2.2 Доля ДСОП в сфере средних и высокотехнологичных услуг в общем объеме ДСОП» (выше на 0,109 пункта), «Показатель интенсивности индустриализации» (выше на 0,064), «3.1 Влияние страны на мировую ДСОП» (выше на 0,021), «3.2 Влияние страны на мировую торговлю промышленными товарами» (выше на 0,036 пункта).

Наименьшие значения индексов России отмечаются по качеству промышленного экспорта и относительно невысокому экспорту промышленной продукции на душу населения.

Сравнивая страны между собой, отметим следующее.

Россия имеет более высокий общий индекс CIP и сильнее влияет на мировую промышленность, но уступает Беларуси по 7 показателям из 10: из первого субиндекса «Потенциал для производства и экспорта готовой продукции» (2 показателя), второго субиндекса «Технологическое углубление и модернизация» (3 показателя и 2 интегральных).

Также стоит отметить, что структура обрабатывающей промышленности стран отличается уровнем диверсификации, если в Беларуси среднетехнологичный, низкотехнологичный и базовый уровни находятся примерно на одном уровне (28,4–35,4 %), то в России значительно выше доля базового уровня (59,9 %).

Следовательно, обзор положения стран в индексе конкурентоспособности показал уровень конкурентоспособности стран Союзного государства. Значения позиций стран в разрезе субиндикаторов с общемировым уровнем позволили выявить сильные и слабые стороны, определив направления для возможных улучшений, в том числе в рамках интеграционных процессов.

Материал подготовлен в рамках БРФФИ–РНФ 2026 «Развитие единого экономического пространства Союзного государства на основе гармонизации взаимодействия производственно-технологических и инфраструктурных систем» (договор с БРФФИ № Г26РНФ-177 от 27 января 2026 г., руководитель проекта – Готовский А.В.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Индекс конкурентоспособности промышленности // UNIDO. – URL: https://stat.unido.org/analytical-tools/cip?country=112 (дата обращения 13.04.2026).

2. Горбачева Н.В. Индекс промышленной конкурентоспособности // Россия в зеркале международных рейтингов / Информационно-справочное издание / Отв. ред. В.И. Суслов, научные редакторы О.В. Валиева, Н.А. Кравченко, ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2019. – С. 40–51.

УДК 004.05:658.5

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА БЕЛАРУСИ: ВЫЗОВЫ НА ПУТИ К ДОСТИЖЕНИЮ ЦУР

Цедрик Алла Александровна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Сегодня многие государства работают над достижением целей в области устойчивого развития (ЦУР) и Республика Беларусь не является исключением. Наша страна одна из первых включилась в мировой процесс по обеспечению устойчивого развития. Впервые Национальная стратегия устойчивого развития (НСУР) Республики Беларусь была разработана и одобрена правительством страны в 1997 г. НСУР рассматривалась как системообразующий стратегический документ развития страны, определяющий социально-экономическую и экологическую политику государства на пятнадцатилетний период [1].

В настоящее время в республике реализуется НСУР – 2040 г., определяющая модель устойчивого развития, цели и приоритеты страны. С учетом задач ЦУР в данном документе также определен ряд стратегических направлений и инструментов по динамичному развитию цифровой экономики Беларуси [2].

Важно подчеркнуть, что помимо разработки национальных стратегий по устойчивому развитию, в стране также осуществляется мониторинг показателей достижения ЦУР страны Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь. На макроуровне результаты достижения ЦУР Республики Беларусь оцениваются индексом ЦУР (SDG Index, который публикует Cambridge University Press). В 2025 г. наша страна занимала достаточно высокое место в индексе ЦУР – 32 место из 167 исследуемых стран [3]. Необходимо отметить, что такая позиция в рейтинге обусловлена результатами республики в значительной степени за счет экологического и социального компонентов. При этом показатели по достижению ЦУР 9, отражающие в большей мере экономический компонент, недостаточно высоки.

На национальном уровне прогресс устойчивого развития страны отслеживаются на Национальной платформе представления отчетности по показателям ЦУР.

Итоги комплексного анализа экономических показателей ЦУР 9 показывают, что в республике наблюдается ряд проблем по следующим аспектам [4, 5]:

1) технологический – преобладание низкотехнологического и среднетехнологического производства (низкого уровня) в обрабатывающей промышленности;

2) кадровый – невысокая доля занятости в обрабатывающей промышленности;

3) научный – недостаточно активно формируется научно-технологический потенциал, в частности, кадровый и финансовый аспекты (низкая доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП и удельного веса исследователей);

4) инфраструктурный – несмотря ускоренный переход к сетям мобильного широкополосного доступа в Интернет, в стране отмечается невысокий уровень развертывания сети 5G.

Подводя итоги, сегодня Республика Беларусь демонстрирует стабильный прогресс в достижении Целей устойчивого развития. Вместе с тем исследования автора показывают, что на протяжении многих лет наша страна сталкивается с вызовами в достижении задач ЦУР 9. В настоящее время реализацию задач ЦУР 9 сдерживает отсутствие проведения полноформатной цифровой трансформации по таким аспектам как: технологический, кадровый, научный и инфраструктурный. Сложившиеся обстоятельства приобретают как никогда большую важность и требует принятия эффективных решений по использованию преимуществ цифровых технологий, а также разработки инструментов по преодолению возникающих неопределенностей цифровой трансформации экономики, что в перспективе позволит ускорить достижение устойчивого развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лопатова Н.Г. Цифровая трансформация как фактор устойчивого развития // Сборник научных статей: Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты, реализации и перспективы. – 2021. – Т. 1. – С. 547–554.

2. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf (дата обращения 10.04.2026).

3. Sustainable Development Report 2025. – URL: https://dashboards.sdgindex.org/ (дата обращения 10.04.2026).

4. Национальная платформа представления отчетности по показателям Целей устойчивого развития. – URL: https://sdgplatform.belstat.gov.by/ (дата обращения 13.04.2026).

5. Мобильные коммуникации в Беларуси выходят на новый виток развития – чего ждать потребителю. – URL: https://www.sb.by/articles/svyaz-nabiraet-skorost.html (дата обращения 13.04.2026).

РАЗДЕЛ 2. МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 339.9 (476+510)

МОДЕЛЬ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Вертинская Татьяна Сергеевна,
доктор экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Чжао Цинцю,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Одним из приоритетов белорусско-китайских торгово-экономических отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства является межрегиональное сотрудничество. Об этом свидетельствует тот факт, что период 2021–2023 годов были объявлены Годами регионов Беларуси и Китая, когда был сделан акцент на децентрализацию сотрудничества – переход от крупных государственных контрактов к прямым связям между регионами двух стран. В настоящее время заключено более 100 соглашений о сотрудничестве между белорусскими областями и китайскими провинциями и 56 договоров о побратимских связях Беларуси и КНР.

Значительные резервы дальнейшего углубления межрегионального экономического сотрудничества связаны с активизацией внешнеэкономической деятельности на региональных рынках стран-партнеров малого и среднего предпринимательства (МСП). Более активное участие МСП в экономических связях регионов будет способствовать диверсификации экспорта и выходу за рамки ключевых экспортных позиций стран-партнеров, разработке и внедрению новых технологий, более быстрой адаптации к запросам рынков, созданию новых рабочих мест и стимулированию регионального развития Беларуси и Китая.

Развитию МСП как в Беларуси, так и в Китае уделяется значительное внимание. В Беларуси разработана и реализуется Государственная программа «Устойчивое предпринимательство» на 2026–2030 годы, а также Стратегия «Беларусь – страна успешного предпринимательства» до 2030 года, которые направлены на создание благоприятного бизнес-климата, стимулирование малого и среднего предпринимательства путем нефинансовой поддержки, цифровой трансформации, вовлечения в предпринимательскую деятельность молодежи, женщин и лиц «серебряного возраста».

В КНР в 15 пятилетке роль МСП в экономике страны определена как главного драйвера инноваций, и поставлены задачи по интеграции МСП в цепочки поставок крупных госкорпораций. Продолжает реализацию программа «Маленькие гиганты» по поддержке инновационных МСП, работающих в узких нишах и обладающих передовыми технологиями.

Между тем роль МСП в развитии белорусско-китайского межрегионального сотрудничества остается малозаметной и связана преимущественно с внешнеторговой деятельностью. При этом вопросы развития межрегиональных связей с участием малого и среднего предпринимательства не получили глубокой теоретической проработки в научной литературе. Исследование проблем развития межрегионального сотрудничества между странами и интернационализации МСП проводятся обособленно. В практическом аспекте также прослеживается не увязанный подход при разработке совместных планов белорусско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Таким образом, недостаточная теоретическая проработанность, неполнота практической реализации развития белорусско-китайских межрегиональных связей определили актуальность данной проблематики.

Участие предприятий малого и среднего предпринимательства в международных межрегиональных связях определено *как модель межрегиональной интернационализации МСП*, которая представляет собой комплексную организационно-экономическую конструкцию, основанную на взаимодействии региональных субъектов двух и более стран, в которой международное экономическое сотрудничество МСП осуществляется не индивидуально, а через систему региональных экономических связей, совместные проекты и институциональную поддержку национальных и региональных органов управления.

По сравнению с известными моделями (экспортной, франчайзинговой, «рожденной» глобальными, региональной в рамках интеграционных объединений и др.), ключевые особенности и отличительные черты модели межрегиональной интернационализации МСП заключаются в следующем [1]. Во-первых, сферы интернационализации МСП связаны с социально-экономическим развитием регионов и включают как традиционные формы международных экономических связей (внешнюю торговлю; производственную кооперацию, иностранные инвестиции, международное научно-техническое сотрудничество), так и сферы региональной экономики (региональная инфраструктура, экология, туризм, образование, здравоохранение, культура и др.). Во-вторых, бизнес-среда формируется не только глобальными, национальными, но и локальными факторами, образующими экономическое окружение малого и среднего предпринимательства, его способность эффективно функционировать в международном, национальном и региональном формате и обеспечивать выход на региональные рынки страны-партнера. В-третьих, расширяются уже известные функции деятельности МСП и появляются новые (наряду с получением предпринимательского дохода, обеспечением вклада во внешнеэкономические связи осуществляется региональное развитие стран-партнеров). В-четвертых, механизм реализации модели интернационализации основан на кластерно-сетевом принципе выхода МСП на внешние рынки и системной поддержке со стороны государства, региональных властей и международных партнёров, а не только на основе корпоративных стратегий. В итоге предложенная модель имеет ряд преимуществ, связанных с ее комплексностью и устойчивостью за счёт системной поддержки государственных и региональных органов управления и способностью объединять ресурсы, знания и инфраструктуру территорий разных стран с глобальными процессами международной торговли и инвестициями.

Обосновано формирование научной основы разработки и реализации модели межрегиональной интернационализации МСП на основе интегрированного исследовательского принципа, сочетающего и взаимодополняющего сетевой, институциональный, ресурсный, инновационный, кластерный и региональный подходы к исследованию внешнеэкономической деятельности МСП на уровне регионов стран, что отражает основные идеи и постулаты ключевых теорий и концепций внешнеэкономической деятельности МСП, позволяет объяснять мотивы и причины включения МСП в межрегиональное сотрудничество стран и концептуально определяет целесообразность применения поэтапного выхода МСП на региональные рынки стран-партнеров и участия МСП в кластерных и сетевых структурах, приоритетность малых инновационных форм предпринимательства, формирование специальной региональной бизнес-среды, ориентированной на конкретную рыночную нишу, а также необходимость учета конкурентных преимуществ, обеспеченности ресурсами и уровня региональной специализации регионов-партнеров, близости и взаимодополняемости или различий региональных социально-экономических комплексов стран; наличие управленческих компетенций внешнеэкономических полномочий региональных органов управления.

Механизм реализации модели межрегиональной интернационализации МСП связан, главным образом, с организационно-экономическими формами участия МСП в межрегиональных связях, которые рассматриваются как способ включения субъектов малого и среднего предпринимательства в процесс интернационализации в формате межрегионального сотрудничества на основе существующих механизмов. Обоснованы ключевые требования к выбору организационно-экономических форм участия МСП

в межрегиональных связях (соответствие современным трендам научно-технического развития и инновационным подходам к процессу управления; тесная региональная привязка и опора на интеграционный потенциал региона; наличие благоприятных условий для осуществления экономической деятельности МСП; реализация на базе существующих экономических моделей стран-партнеров, в том числе в области интернационализации бизнеса).

Предложены четыре организационно-экономические формы участия малого и среднего предпринимательства в межрегиональной модели интернационализации МСП: а) маркетинговая форма по развитию цифровой торговли на уровне МСП в регионах; б) кластерная форма участия МСП в межрегиональных связях; в) участие МСП в межрегиональных связях на базе территорий с преференциальным режимом; г) участие организаций МСП в межрегиональных связях Беларуси и КНР на платформе ШОС.

Обоснованы практические рекомендации по реализации предложенных организационно-экономических форм участия МСП в межрегиональных связях Беларуси и Китая, содержащие следующие направления: формирование региональной демонстрационной зоны в Беларуси по цифровой торговле для МСП по принципу экосистемы, использование китайского опыта «деревни Таобао» для включения на цифровой основе во внешнюю торговлю субъектов МСП территориально удаленных и слабо развитых регионов Беларуси и др. *(маркетинговая форма*); проведение в Беларуси активной кластерной политики для МСП на областном уровне, совместные меры по интернационализации кластеров с участием МСП на основе цифровизации, инструментов регионального стратегического планирования и др. *(кластерная форма);* содействие белорусским МСП в деятельности в индустриальных парках и свободных экономических зонах на территории китайских провинций, разработка совместных проектов в области биотехнологий и формирование коммуникационной платформы для межрегиональных белорусско-китайских образовательных и научно-технических связей с участием молодых ученых в особой экономической зоне Ханань и др. (*на базе зон с преференциальным режимом*); реализация совместных мер в области зеленой экономики и низкоуглеродного развития (совместные «зеленые» индустриальные парки с экономикой замкнутого цикла; экологический туризм на охраняемых территориях); креативной экономики (доступ белорусских МСП к цифровым платформам креативных товаров стран ШОС; участие МСП через союзы и ассоциации в создании креативных кластеров в ШОС и др.) *(на платформе ШОС),* что направлено на углубление межрегионального сотрудничества и дополнение существующей нормативной правовой и программной основы взаимодействия регионов Беларуси и Китая.

Это позволит диверсифицировать межрегиональное сотрудничество, усилить взаимодействие МСП с крупными предприятиями при выходе на международный рынок, обеспечить вклад в региональный экспорт товаров и услуг, производственную кооперацию регионов-партнеров, наработать опыт международной деятельности МСП, стимулировать региональное развитие в странах за счет внешнеэкономического фактора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Данильченко А.В. Интернационализация предпринимательства: сравнительный анализ теории и практики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / А.В. Данильченко; Белорус. гос. ун-т. Минск, 1998. – 36 с. – URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/122140 (дата обращения 03.10.2023).

2. Совместная дорожная карта по углублению белорусско-китайского регионального торгово-экономического сотрудничества. – URL: https://www.belaruschina.by/upload/docs/dk_sotrudnichestva.pdf (дата обращения 15.11.2025).

3. Чжао Цинцю Организационно-экономические формы участия МСП в углублении межрегиональных связей Беларуси и Китая // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – № 11. – 2025. – С. 20–29.

УДК 339.5

МЕХАНИЗМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ: ЭДО И СИСТЕМА «ЕДИНОГО ОКНА»

Босько Ольга Владимировна,
кандидат филологических наук,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью современного мира. Цифровизация преобразует мировую экономику, меняя структуру производства, бизнес-модели, рынки труда и цепочки поставок; открывает новые возможности: позволяет оптимизировать процессы, обрабатывать большие массивы данных, принимать решения в реальном времени; способствует автоматизации процессов и повышению качества обслуживания клиентов.

Для Республики Беларусь цифровая трансформация внешнеторговых связей – стратегический приоритет. Наша страна является страной с экспортно ориентированной экономикой. Доля экспорта по отношению к ВВП в Беларуси составляет более 60 %, в то время как средняя доля мирового экспорта товаров и услуг по отношению к мировому ВВП – около 30 % [1].

Важной частью сложного, многоэтапного процесса международной торговли являются технологии, которые охватывают не только отдельные операции, а весь жизненный цикл сделки. Это электронный документооборот (ЭДО) и система «единого окна» (Single Window).

Электронный документооборот (ЭДО) переводит контракты, инвойсы, сертификаты в машиночитаемый вид, который можно мгновенно передать партнеру, таможне или банку. Внедрение технологии электронного документооборота при цифровизации внешней торговли дает значительный экономический эффект.

В мае 2024 года МНС Беларуси и ФНС России успешно завершили пилотный проект по запуску трансграничного электронного документооборота (ТЭДО). До его внедрения обмен документами велся исключительно в бумажном формате. Доставка комплекта документов занимала от трех дней. Груз мог уже прибыть на границу или на склад, а документы все еще были в пути, что вызывало простои и дополнительные расходы.

С ТЭДО обмен документами между белорусскими и российскими компаниями проходит автоматически, без потери времени и с полной юридической защитой. При этом бизнесу не нужно переходить на новые системы электронного документооборота. Можно обмениваться юридически значимыми документами онлайн, оставаться на привычном софте и использовать электронные подписи своих стран. Первым белорусским бизнесом, который протестировал ТЭДО, стал производитель трикотажной одежды Mark Formelle [2].

Для того, чтобы начать трансграничный электронный документооборот необходимо следовать определенным правилам и стандартам. Ключевые элементы – соглашение, заключенное между компаниями двух стран, а также использование механизма доверенной третьей стороны (ДТС) и оператора ЭДО, проверяющих и подтверждающих электронную подпись [3].

Система «единого окна» (Single Window) – это организационно-технический механизм, позволяющий участникам внешнеторговой деятельности, гражданам или бизнесу подавать стандартизированные документы и информацию через одну точку доступа для выполнения всех нормативных требований, связанных с экспортом, импортом, транзитом или получением государственных услуг.

В отличие от ЭДО, который автоматизирует документооборот между конкретными контрагентами, «единое окно» создает принципиально новую архитектуру взаимодействия бизнеса и государства. Документы не просто передаются, а маршрутизируются через единый портал в электронном виде по всем ответственным ведомствам (таможня, ветеринарный,

экспортный контроль и др.) в правильной последовательности, обеспечивая принцип однократного предоставления информации.

В Российской Федерации для поддержки экспортеров на всех этапах ВЭД с ноября 2020 года функционирует платформа «Мой экспорт» (https://myexport.exportcenter.ru/), которая была создана в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт» на базе Российского экспортного центра (РЭЦ). Платформа предоставляет экспортерам доступ к государственным и бизнес-услугам от регистрации компании и оформления сертификатов до поиска зарубежных покупателей, участия в программах господдержки и подачи заявок на субсидии. Каталог платформы насчитывает свыше 640 услуг, включая 127, которые можно получить онлайн в режиме «одного окна» [4]. В настоящее время платформа развивается как часть национального механизма «единого окна».

В Республике Беларусь также активно ведется работа по внедрению полноценного технологического механизма «единого окна». С 30 декабря 2025 года функционирует новый инструмент для содействия международной торговле – электронная платформа «Одно окно ВЭД» (https://export.by/single-window/), которая позиционируется как «единая отправная точка» для участников внешнеэкономической деятельности.

Платформа создана РУП «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен» при участии соответствующих профильных министерств, ведомств и иных компетентных органов и организаций для предоставления пользователям актуальных и достоверных сведений, которые помогут сориентироваться в сложных процессах осуществления внешнеторговых операций. Это национальный проект, где базовая информация предоставляется на безвозмездной основе и не требует регистрации.

Платформа пошагово излагает алгоритм действий экспортера (от поиска делового партнера до осуществления расчетов по внешнеторговой сделке); содержит информацию о системе государственной поддержки экспорта, его продвижении; предлагает доступ к информации о международных базах данных внешней торговли, в частности Международного торгового центра, ЮНКТАД, Всемирного банка и др.

«Одно окно ВЭД» обобщает имеющиеся в Республике Беларусь административные процедуры и иные процессы при ВЭД, содержит комплексные сведения по ним. Пользователям предоставляется полная информация по более чем 200 административным процедурам, охватывающим 21 министерство и ведомство, которые выступают в качестве регулирующего органа. Предусмотрена возможность осуществить прямой переход на соответствующий цифровой сервис, в частности «Е-Паслуга», если данная процедура оцифрована. По административным процедурам, которые пока требуют офлайн-взаимодействия, даются четкие пошаговые инструкции [5].

Подводя итог, отметим, что в настоящее время основная функция платформы «Одно окно ВЭД» – это информирование и навигация. Платформа предоставляет справочную информацию о процедурах, требованиях и мерах поддержки, описывает, что и как нужно делать, но документы по-прежнему подаются в разные ведомства (вручную или через их порталы). Главное отличие от полноценного Single Window в том, что платформа не принимает и не пересылает документы от бизнеса в контролирующие органы.

Таким образом, внедрение системы «единого окна» (Single Window) – это сложный многоэтапный процесс, который начинается с унификации и оцифровки информации о процедурах. В настоящее время в Республике Беларусь ЭДО уже есть (например, портал «Е-Паслуга» включает в себя функции ЭДО как один из своих инструментов), но интеграция сервисов в единую точку входа (Single Window) пока не завершена. Платформа «Одно окно ВЭД» – национальный информационный портал, который создает информационную и организационную основу для будущего внедрения полноценного технологического механизма «единого окна» в полном соответствии с международным стандартом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Доля экспорта к ВВП – более 60 %. Гриц объяснил необходимость Беларуси в диверсификации рынков // БелТА. – URL: https://belta.by/society/view/dolja-eksporta-k-vvp-bolee-60-grits-objjasnil-neobhodimost-belarusi-v-diversifikatsii-rynkov-753201-2025/ (дата обращения 14.04.2026).

2. Как обмениваться документами с белорусским бизнесом в 2025 году: три кейса внедрения ТЭДО // Т-БИЗНЕС СЕКРЕТЫ. – URL: https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/blogi-kompanij-tedo-2025/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения 14.04.2026).

3. Трансграничный ЭДО // 1С-КПД Корпоративные порталы и документы. – URL: https://www.1c-kpd.ru/knowledge/elektronnyy-do/transgranichnyy-edo/ (дата обращения 14.04.2026).

4. Бизнес переходит границы. Как платформа «Мой экспорт» укрепляет позиции экспортеров // Эксперт. – URL: https://expert.ru/ekonomika/biznes-perekhodit-granitsy/ (дата обращения 14.04.2026).

5. Запуск платформы «Одно окно ВЭД» // Белорусский государственный центр аккредитации. – URL: https://www.bsca.by/ru/novosti/zapusk-platformy-odno-okno-ved (дата обращения 14.04.2026).

УДК 339.923

ХАРАКТЕРИСТИКА НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНИЦИАТИВ КИТАЯ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Додонов Олег Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

По данным «Bloomberg» экономический рост Китая в 2025 г. достиг целевого показателя, установленного правительством этой страны, – валовой внутренний продукт (далее – ВВП) вырос на 5 %. По паритету покупательской способности (ППС) и объему внешней торговли товарами Китай по итогам 2025 г. остался первой экономикой в мире, а по номинальному ВВП – второй. По прогнозам же аналитиков «Bajajfinserv» от 1 апреля 2026 г., с учетом динамики роста, к 2030 г. Китай может стать первой экономикой мира и по данному показателю [1].

Существует вполне обоснованная и логичная точка зрения экономистов, связывающих такие достижения Китая в последние годы с международными (региональными и трансрегиональными) инициативами этой страны. В то же время следует отметить сравнительно короткий период времени, за который эта страна достигла таких результатов, перейдя от закрытой экономической модели к открытой (так называемой – рыночной), связанной с началом реформ Дэн Сяопина.

В этой связи обращают на себя внимание противоположные точки зрения отдельных ученых: одни считают, что Китай начал проявлять международные инициативы с момента получения статуса полноправного члена во Всемирной торговой организации (далее – ВТО) с 11 декабря 2001 г., заключая региональные торговые соглашения с другими странами в рамках правил данной международной организации [2]; другие связывают активность Китая с инициированием процесса «Один пояс, один путь» («Пояс и путь») с 17 сентября 2013 г., являющегося важным направлением китайской политики открытости и символом регионального экономического сотрудничества этой страны [3].

Данные расхождения точек зрения ученых относительно начала периода проявления Китаем международных инициатив в области экономического развития определяют актуальность исследования, ставящего своей целью определение данного периода во времени и его характеристику.

Для решения этой научной задачи обратимся к самому понятию *«инициатива»*.

Энциклопедическое значение данного понятия сводится к *способности и готовности* субъекта брать на себя руководящую роль в каком-либо процессе и, при этом, действовать самостоятельно, без давления извне. В нашем же случае, исходя из цели исследования, необходимо определить границы того периода, на котором китайская экономика была способна и готова открыться для экономик других стран после периода автаркии и быть конкурентоспособной.

И в этой связи обращает на себя внимание два факта.

Во-первых, сам период начала реформ был связан с наращиванием экономического потенциала Китая путем как внутренних преобразований (развитие частного сектора, либерализация цен и др.), так и решения проблем развития промышленности для увеличения экспорта готовой продукции с помощью привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые до 1975 г. практически не привлекались [4]. По мнению же отдельных ученых, уже в 1979 г., благодаря ориентации на экспортное производство и привлечение ПИИ в специально созданные для этого свободные экономические зоны (СЭЗ), в Китае начался экономический рост [5].

Во-вторых, привлекая ПИИ в свою экономику, Китай длительное время являлся наблюдателем, а не полноправным членом существовавших международных институтов: в Уругвайском раунде Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), подав заявку на восстановление лишь 15 сентября 1986 г., а не в начале проводимых реформ с 1975 г.; в Азиатско-Тихоокеанском торговом соглашении (АРТА), с оговоркой на предоставление полномочий в соответствии со статьей V ГАТС, где само присоединение в качестве полноправного члена произошло гораздо позже (1 января 2002 г.); в форуме Транстихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в 1991 г.; в блоке Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), где в 1997 г. были заключены партнерские торговые отношения с 11-ю странами, а само Торговое соглашение в отношении Китая в этом блоке в полном объеме вступило в силу 1 января 2005 г. по товарам, и 1 июля 2007 г. по услугам.

Обращает на себя внимание активная позиция Китая в рамках АТЭС на данном этапе: Китаем на саммите в Индонезии (г. Богор) в ноябре 1994 г. ратифицирован важный программный документ *(«Богорская декларация»),* целью принятия которой стало формирование системы открытой торговли и инвестиционной деятельности для развитых стран – к 2010 г., и для развивающихся экономик – к 2020 г.

Непосредственно же международной инициативой самого Китая на начальном этапе можно считать Форум китайско-африканского сотрудничества (*Forum on China–Africa Cooperation*; 中非合作论坛; FOCAC), в рамках которого с момента его образования (2020 г.) было проведено 6 министерских конференций и 2 саммита, а началом его работы можно считать принятие Пекинской декларации по китайско-африканскому сотрудничеству и Программы китайско-африканского сотрудничества в области экономического и социального развития на Первой конференции FOCAC в г. Пекине с 10 по 12 октября 2000 г.

Согласно официальным данным FOCAC (URL: http://www.focac.org/chn/ltjj/ltjz/) на этой конференции были достигнуты следующие результаты:

определены направления развития нового, стабильного и долгосрочного партнерства, основанного на равенстве и взаимной выгоде между Китаем и африканскими странами;

рассмотрены два важных вопроса: создания нового международного политического и экономического порядка в XXI веке; дальнейшего укрепления китайско-африканского экономического сотрудничества и торговли в новых условиях;

на проведенных 4-х семинарах рассмотрены вопросы: привлечения инвестиций и активизации торговли между Китаем и Африкой; обмена опытом проведенных экономических реформ в Китае и странах Африки; искоренения бедности и устойчивого развития сельского хозяйства; сотрудничества в области образования, науки, технологий и здравоохранения между Китаем и Африкой.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. На начальном этапе (1975–2000 гг.) Китай глобально не проявлял международных трансрегиональных инициатив, поскольку, с одной стороны, был сосредоточен на решении экономических проблем собственной экономики для наращивания внешнеэкономического потенциала, вступая в международные региональные интеграционные объединения с целью привлечения ПИИ и наращивания экспорта.

2. Самим Китаем на данном этапе был инициирован Форум китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) в 2000 г., участие в котором принесло свои положительные результаты.

В подтверждение данных выводов можно согласиться с мнением китайских экономистов о том, что присоединение к ВТО принесло Китаю немалые выгоды [3].

Если оперировать официальными статистическими данными, полученными из таких источников ГАТТ и ВТО, как «International Trade» за 1977–1995 гг., «Special Topic: Trade and Foreign Direct Investment» за 1996 и 1997 гг. и «International Trade Statistic» за 1998–2001 гг., то сделанные выводы можно подтвердить динамикой следующих показателей:

до начала периода экономических реформ, инициированных Дэн Сяопином, в Китае, при отсутствии ПИИ вследствие проводимой закрытой политики, сальдо внешней торговли было отрицательным и, при этом, ухудшилось в 1978 г. в сравнении с 1975 г. (соответственно, 1,14 млрд долл. США и 2,68 млрд долл. США); при этом доля Китая в мировом ВВП по ППС с 1975 по 1978 гг. включительно составляла менее 2 %;

начальный период реформ, инициированный Дэн Сяопином, ключевым событием которого стало партнерство с АРТА и взятый курс на открытость экономики для привлечения ПИИ, позволил значительно увеличить не только экспорт товаров и услуг, который вырос с 4,94 млрд долл. США в 1975 г. до 79,3 млрд долл. США к 1991 г., но и впервые за анализируемый период выйти на положительное сальдо внешней торговли, которое в 1991 г. составило +11,6 млрд долл. США;

присоединение Китая к АТЭС и развитие партнерских отношений с АСЕАН могло способствовать максимальному приросту ПИИ за проанализированный период, которые за 3 года (с 1991 по 1994 гг.) увеличились в 7,7 раз;

ратификация Китаем Богорской декларации и подписание вместе с остальными членами ГАТТ Соглашения о создании ВТО могло способствовать не только росту экспорта товаров и услуг Китая, который увеличился фактически в 2 раза в 1995 г. по сравнению с 1991 г., но и существенному улучшению внешнеторгового сальдо товаров и услуг Китая с 4,7 млрд долл. США в 1994 г. до 17,3 млрд долл. США в 1995 г. (в 3,7 раз);

наиболее успешным на начальном этапе можно считать 1998 г., когда внешнеторговое сальдо товаров и услуг Китая достигло максимального положительного значения (39,8 млрд долл. США) на фоне максимального значения ПИИ (45,5 млрд долл. США), чему могло способствовать, в том числе, и развитие торговых связей с АСЕАН;

на протяжении всего начального этапа проходил постепенный и постоянный рост экспорта и ВВП (экспорта с 4,93 млрд долл. США в 1975 г. до 249,2 млрд долл. США в 2000 г.; ВВП по ППС с 163,4 млрд долл. США в 1975 г. до 3741,9 млрд долл. США в 2000 г.); рост ПИИ за весь начальный этап с нулевой отметки в 1975 г. достиг 40,7 млрд долл. США в 2000 г.

В то же время следует отметить и следующие негативные тенденции: в 2000 г. объем ПИИ был значительно меньше (24,1 млрд долл. США), чем максимальный объем на начальном этапе в 1998 г. (45,5 млрд долл. США); также в 2000 г. начал замедляться темп прироста ВВП по ППС. Данные негативные тенденции могли способствовать проведению дальнейших реформ во внешней политике Китая, включая развитие торговых отношений в рамках FOCAC

и присоединения к ВТО в качестве полноправного члена, более активному проявлению международных инициатив Китая в области экономического развития, начиная с основания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) 15 июня 2001 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. World GDP Ranking List 2026 – 10 Biggest Economies in the World. – URL: https://www.bajajfinserv.in/world-gdp-ranking-list-10-biggest-economies#:~:text (дата обращения 09.04.2026).

2. Langhammer R.J. Nach dem Ende der Uruguay-Runde: das GATT Am Ende? – Kiel: Inst, fur Weltwirtschaft, 1994. – 25 p.

3. Zhu Q., Wei Y. China and the WTO: difficult entry and emergence as a leader // Bulletin of international organizations. – Vol. 17. – 2022. – No. 3. – P. 7–22.

4. Чю Чжаньли Прямые иностранные инвестиции в экономику Китая: автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.10 / Московский гос. у-т экономики статистики и информатики (МЭСИ). – М., 2003. – 24 с.

5. Виноградова И.В. Особенности участия Китая в региональной экономической интеграции // Международная экономика. – 2024. – № 8. – С. 657–666.

УДК 338.27

КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ АСЕАН

О Док Хи,
кандидат экономических наук,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Рыночная привлекательность АСЕАН. По состоянию на 2024 г., после Индии (1,44 млрд человек) и Китая (1,42 млрд человек), страны АСЕАН составляют третий по величине мировой рынок с населением в 680 миллионов человек. Кроме того, АСЕАН – это огромный развивающийся рынок, занимающий пятое место в мире с ВВП в 3,8 трлн долл. США. В частности, благодаря избытку рабочей силы и растущему среднему классу, страна демонстрирует высокие темпы ежегодного роста в 4–5 %, а различные отрасли промышленности, такие как автомобилестроение и цифровая экономика, быстро развиваются, особенно в Индонезии, Вьетнаме и Таиланде.

АСЕАН – самый стабильный и быстрорастущий регион в мире, играющий значительную роль в глобальном экономическом росте. На фоне продолжающегося конфликта между США и Китаем значение рынка АСЕАН еще больше возрастает. Более того, по мере ослабления влияния Европы из-за военного конфликта между Россией и Украиной, значение стран АСЕАН, таких как Вьетнам, Индонезия, Малайзия и Филиппины, становится все более очевидным, и они превращаются во вторую по величине производственную базу. Иными словами, по мере того как АСЕАН превращается в посткитайский регион и динамика рынка набирает обороты, он предстает как регион с огромным потенциалом для сильного экономического роста.

МВФ прогнозирует, что темпы экономического роста стран АСЕАН достигнут 4,5 % в 2026 г., превысив среднемировой показатель. В частности, Вьетнам лидирует по темпам экономического роста в странах АСЕАН, показав рост ВВП примерно на 6,3 %. Малайзия привлекает внимание как успешная модель экономического роста, благодаря укреплению стабильности цепочек поставок за счет сотрудничества с глобальными компаниями в секторе производства полупроводников и увеличению экспорта электронной продукции на 8,7 %

в годовом исчислении. Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство, возглавляемое АСЕАН и вступившее в силу в 2022 г., превращается в значимую платформу, которая снижает торговые издержки за счет снижения тарифов, уменьшения торговых барьеров и унификации правил происхождения, а также открывает новые направления, такие как электромобили, солнечные батареи и литиевые аккумуляторы [1].

В последнее время страны АСЕАН стремительно переходят от «Мировой производительной базы», основанной на низкооплачиваемом труде, к «Огромному потребительскому рынку», возглавляемому населением более 600 миллионов человек и растущим средним классом. Это перспективный рынок, где покупательная способность выросла, благодаря увеличению доходов и урбанизации, что привело к резкому росту спроса на товары премиум-класса, такие как автомобили, смартфоны и косметика.

Предпосылки перехода АСЕАН от производственной базы к потребительскому рынку заключаются в следующем: а) изменения в структуре населения и доходов. При численности населения более 600 миллионов человек и быстро растущей доле среднего класса рынок потребительских товаров, включая бытовую технику, косметику и продукты питания, стремительно растет; б) расширение внутреннего рынка. Высокий покупательный потенциал обусловлен формированием молодого населения, сосредоточенного в таких крупных странах, как Вьетнам и Индонезия; в) экономический рост и урбанизация. Переход от простой экономики, ориентированной на производство, к экономике, ориентированной на потребление, в связи с быстрым ростом ВВП (6-е место в мире) и урбанизацией.

Основные характеристики потребительского рынка стран АСЕАН следующие: а) рост потребления автомобилей и транспортных услуг. Ожидается, что автомобильный рынок будет расти в среднем на 7 % в год, при этом Япония занимает большую долю рынка, а конкуренция между южнокорейскими и китайскими компаниями усиливается; б) повышенный спрос на косметику и товары для дома. Возросла популярность южнокорейских модных и косметических брендов, таких как «Sulwhasoo» и «Innisfree», под влиянием «корейской волны»; в) резкий рост спроса на электронную продукцию. На такие страны, как Вьетнам и Индонезия, приходится около половины мирового производства электронной продукции, и одновременно они являются крупными потребителями смартфонов и других электронных товаров. АСЕАН перестала быть просто производственной базой с низкими заработными платами и производительностью труда, а превратилась в важный рынок сбыта, привлекающий внимание всего мира, и страну огромных экономических возможностей.

Потенциал экономического роста АСЕАН. Поскольку в состав АСЕАН входят преимущественно развивающиеся страны, страна продолжает демонстрировать более быстрое восстановление экономики, чем в среднем по миру, несмотря на замедление темпов восстановления мировой экономики, вызванное торговой войной между США и Китаем и усилением протекционизма. Экономики крупнейших стран АСЕАН выросли на 4,2 % в 2023 г. и продемонстрировали умеренное восстановление на уровне 4,5–4,7 % в 2024 г., опередив среднемировой показатель. Вьетнам лидирует по темпам роста, превышающим 6 %, в то время как страны, основанные на внутреннем спросе, такие как Индонезия и Филиппины, являются движущей силой экономического роста. Однако неопределенность во внешней торговле выступает в качестве фактора риска из-за торговых трений между США и Китаем и тарифной политики США [2].

Ключевые факторы, определяющие потенциал роста и возможности АСЕАН, следующие: а) огромный внутренний рынок и молодое население. Третье по величине население в мире и низкий средний возраст создают огромный потенциал для расширения потребительского рынка и предложения рабочей силы; б) привлекательность в качестве производственной базы (диверсификация цепочки поставок). Вьетнам, Индонезия и другие страны привлекают внимание как базы производственных цепочек поставок, способные заменить Китай, что приводит к активному притоку прямых иностранных инвестиций (ПИИ); в) стремительный рост цифровой экономики. С целью увеличения объема цифровой экономики до 2 трлн долл. США к 2030 г., цифровая трансформация, ориентированная

на электронную коммерцию и финтех, стремительно продвигается вперед; г) потенциал роста, благодаря Региональному всеобъемлющему экономическому партнерству (РВЭП) и региональной экономической интеграции. Заключение РВЭП способствует развитию торговли внутри региона и укрепляет основу для экономического роста. Несмотря на высокий потенциал роста стран АСЕАН, расширение среднего класса, развитие инфраструктуры и переход к «зеленой» экономике называются ключевыми факторами, которые определят темпы устойчивого роста в будущем.

Потенциал прямых инвестиций в АСЕАН. По мере затягивания торгового конфликта между США и Китаем, страны АСЕАН стали ключевым узлом в цепочке поставок «Altasia». По мере того, как транснациональные корпорации диверсифицируют свои производственные базы, перенося производство из Китая в страны АСЕАН, формируются промышленные кластеры, ориентированные на обрабатывающую промышленность. Вьетнам и Таиланд наращивают конкурентоспособность в секторах электроники и автомобилестроения, Индонезия развивает свою конкурентоспособность в аккумуляторной и ресурсодобывающей промышленности, а Сингапур выступает в качестве финансового и логистического центра. АСЕАН также богата природными ресурсами.

В 2023 г. страны АСЕАН активно привлекали инвестиции и развивали инфраструктуру, поскольку стали ключевой альтернативой для реструктуризации глобальных цепочек поставок с целью снижения зависимости от Китая. В частности, несмотря на рост инвестиций в электромобили, цифровые технологии и крупномасштабные инфраструктурные проекты, сосредоточенный в таких крупных странах, как Вьетнам и Индонезия, инвестиции в стартапы несколько сократились из-за глобального экономического спада.

Ключевые инвестиционные возможности и потенциал стран АСЕАН заключаются в следующем: а) АСЕАН становится крупным инвестиционным центром. В связи с ростом заработной платы в Китае и изменениями в инвестиционной среде Вьетнам, Индонезия и Таиланд привлекли значительное внимание как альтернатива китайскому производственному сектору. Во Вьетнаме наблюдается активный рост инвестиций в производственные мощности в связи с увеличением объемов обрабатывающей промышленности и импорта/экспорта. Индонезия сосредотачивает инвестиции на проекте «Новая столица» (Нусантара) и электромобилях на основе минералов, используемых в производстве аккумуляторов, таких как никель. Таиланд усиливает привлечение инвестиций в соответствии с государственной политикой по продвижению экологически чистых транспортных средств; б) концентрация инвестиций в ключевых отраслях. Инвестиции активно направлялись на создание экосистем электромобилей (Индонезия, Таиланд), развитие инфраструктуры и сектора цифровой экономики, связанного с Четвертой промышленной революцией; в) наблюдается сокращение инвестиций в стартапы. Из-за глобального повышения процентных ставок и ужесточения инвестиционного регулирования объем венчурных инвестиций в стартапы несколько снизился по сравнению с 2022 г.; г) для привлечения иностранных инвестиций необходимы масштабные инвестиции в инфраструктуру. По данным Азиатского банка развития (АБР), в период с 2023 по 2030 г. необходимы масштабные инвестиции в инфраструктуру в размере приблизительно 210 млн долл. США ежегодно, что делает привлечение частного и иностранного капитала крайне важным; д) в целом, диверсификация инвестиций идет полным ходом [3].

В центре внимания оказывается переход от традиционных инвестиций в обрабатывающую промышленность к инвестициям в высокодоходные отрасли и устойчивое финансирование. Регион АСЕАН представляет собой весьма привлекательный потребительский рынок благодаря молодому населению и высокой доле потребления, и ожидается, что инвестиции в регион будут продолжаться в будущем для стабилизации цепочек поставок и роста рынка.

АСЕАН установила новую веху в истории региональной интеграции, запустив в 2015 г. Сообщество для укрепления региональной интеграции. Это был первый случай создания Сообщества в регионе Восточной Азии. АСЕАН – это модель развития, которая

эволюционировала из объединения небольших стран в международную организацию, возглавляющую глобальное региональное сотрудничество. По этой причине АСЕАН продолжает утверждаться в качестве успешной модели регионального сотрудничества с развивающимися странами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ким Кюён Запуск Экономического сообщества АСЕАН (АЕС) и экономической среды // Корейский институт внешнеэкономических исследований. – 2018. – № 10. – С. 29–30.

2. Ли Чжэхён Тенденции и последствия экономической интеграции стран АСЕАН для основных стран // Корейский институт международных экономических исследований. – 2022. – № 09. – С. 19–21.

3. Квон Хёкджин Достижения и последствия саммита АСЕАН+3 // Корейский центр мировых и региональных исследований Юго-Восточной Азии. – 2023. – № 11. – С. 49–51.

УДК 339.5

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Абрамчук Нина Александровна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В условиях современной экономической и геополитической трансформации формируются новые направления внешнеторговых рисков и угроз. Изменения в структуре глобальных цепочек добавленной стоимости, ужесточение правил ведения мировой торговли, перераспределение экспортно-импортных потоков усиливают конкуренцию за доступ к целевым внешним рынкам.

Актуальными становятся оценка внешнеторговых рисков Беларуси и определение потенциальных направлений перераспределения торговых потоков белорусского экспорта в условиях продолжающихся санкционных ограничений, что обуславливает значимость разработки соответствующего методического обеспечения.

Учитывая разные направления формирования глобальных вызовов и угроз, затрагивающих торговлю Республики Беларусь на мировом рынке, в целях получения количественной оценки внешнеторговых рисков страны предлагается шесть методических подходов.

Первый подход базируется на сложившихся тенденциях спроса на белорусские товары со стороны основных стран-импортеров и предполагает оценку риска снижения внешнего спроса. Риски снижения спроса на белорусскую продукцию со стороны важнейших стран-импортеров оцениваются посредством выявления товарных позиций белорусского экспорта, по которым имеется достаточный экспортный потенциал с позиции предложения Беларуси на рынок страны-импортера, но наблюдается негативная либо слабая позитивная тенденция с позиции спроса страны-импортера.

Второй подход учитывает влияние вводимых странами-импортерами торговых ограничений в отношении товаров белорусского экспорта, включая введение или повышение импортных тарифов, введение ограничений и запретов на импорт, а также введение или повышение налога на импорт, и позволяет получить оценку риска торговых ограничений.

Третий подход оценивает внешние санкционные риски по следующим двум направлениям: 1) влияние на белорусский экспорт (оценивается стоимостной объем экспорта товаров, затронутый риском с позиции запрещенного импорта из Беларуси; определяется

стоимостной объем экспорта Беларуси, затронутый риском с позиции экспорта в страны-санкционеры); 2) влияние на белорусский импорт (оценивается стоимостной объем импорта товаров, затронутый риском с позиции запрещенного экспорта в Беларусь; определяется стоимостной объем импорта Беларуси, затронутый риском с позиции импорта из стран-санкционеров). Оценка данных рисков включает фактические или возможные потери исследуемой страны в экспорте и импорте, полученные в торговле товарами, которые непосредственно подпадают под действие санкций либо могут быть потенциально затронуты действием введенных санкций со стороны внешнего мира.

Четвертый подход основан на изменении товарной структуры белорусского экспорта и импорта и оценивает структурные риски со стороны товарной и географической диверсификации белорусского экспорта и импорта, а также взаимодополняемости товарной структуры Беларуси и страны-партнера.

Пятый подход позволяет определить ценовые риски. Оценка данного риска учитывает динамику снижения либо повышения цен на мировых рынках, что позволит оценить, во-первых, риски снижения цены на экспортные товары Беларуси со стороны стран-основных потребителей соответствующих товаров; во-вторых, риски повышения цены на белорусские импортные товары, которые не производятся в Беларуси или производятся в недостаточном количестве, со стороны стран-основных экспортеров соответствующих товаров; в-третьих, риски повышения цены на белорусские импортные товары при увеличении средней мировой цены.

Шестой подход рассматривает оценку риска несбалансированности в условиях формирования отрицательного внешнеторгового сальдо Беларуси.

В условиях внешнеполитической нестабильности и негативного воздействия санкционного давления на белорусских производителей экспортоориентированной продукции структурные риски с позиции географической диверсификации белорусского экспорта оцениваются на высоком уровне, и степень их наличия усиливается. Для минимизации указанных рисков целесообразно выявить направления переориентации торговых потоков белорусского экспорта в сложных условиях ограничительных торговых мер, в том числе найти новые внешние рынки для реализации белорусских товаров.

В указанных целях разработаны методические подходы к определению перспективных направлений переориентации экспортных потоков Беларуси в условиях санкционных ограничений и барьеров, которые включают в себя следующее:

идентификацию белорусских товаров с высокой степенью зависимости экспорта от стран-санкционеров в досанкционный период;

изучение актуальных тенденций мирового спроса на исследуемые товары белорусского экспорта и текущего состояния целевого рынка;

оценку логистической компоненты при осуществлении экспортно-импортных потоков, учитывающую географическое расстояние между странами-партнерами и эффективность логистики целевого рынка;

оценку условий доступа на целевой страновой рынок посредством агрегированного уровня таможенного тарифа.

Методические подходы к определению потенциальных направлений перераспределения торговых потоков белорусского экспорта в условиях санкционных ограничений и барьеров позволяют разработать предложения по переориентации торговых потоков, в том числе на рынки стран дальней дуги.

Однако текущая геополитическая и внешнеэкономическая ситуация создает для страны не только серьезные торговые риски и препятствия, но и предоставляет определенные практические возможности для дальнейшего развития внешней торговли, в том числе для получения интеграционных внешнеторговых положительных эффектов в период санкционного давления на белорусскую экономику. Существенно возрастает значимость методического обеспечения проведения оценки дополнительных выгод развития взаимной

торговли товарами Беларуси со странами ЕАЭС в сложных условиях изменения мирового порядка.

Предлагается методология, включающая в себя оценку восьми интеграционных эффектов. В рамках предложенных методических подходов сформирована система из 17-ти индикаторов, каждый из которых включает соответствующие экономические показатели.

Оценка эффекта масштаба базируется на сравнении уровней значимости взаимной торговли в досанкционный период и в период действия санкционных ограничений. В качестве индикаторов определены: изменение значимости взаимной торговли товарами Беларуси в торговле с ЕАЭС; вклад экспорта в отдельную страну ЕАЭС в общий прирост экспорта Беларуси в ЕАЭС; опережение темпа роста экспорта Беларуси в ЕАЭС над темпом роста экспорта Беларуси всего; опережение темпа роста экспорта Беларуси в отдельную страну ЕАЭС над темпом роста экспорта Беларуси в ЕАЭС.

Оценка эффекта перераспределения торговых потоков в условиях санкционных ограничений и барьеров отражает уровень переориентации внешнеторговых потоков Беларуси со стран-санкционеров и к ним присоединившимся на евразийский рынок. Индикаторы: доля перераспределения товарных потоков белорусского экспорта с рынков стран-санкционеров и к ним присоединившимся на рынок стран ЕАЭС; превышение прироста импорта стран ЕАЭС из Беларуси над стоимостным объемом досанкционного белорусского экспорта в страны-санкционеры и к ним присоединившимся.

Оценка эффекта кооперационного экспортного потенциала основана на определении наличия возможностей промежуточного (кооперационного) экспортного роста страны на рынок ЕАЭС. Индикаторы: уровень кооперационного экспортного потенциала Беларуси в рамках ЕАЭС; изменение кооперационного экспортного потенциала Беларуси на внутреннем рынке ЕАЭС.

Оценка эффекта импортозамещения учитывает преимущество участия Беларуси в ЕАЭС с позиции наличия возможностей для импортозамещения. Индикаторы: уровень импортозамещения Беларуси за счет внутреннего рынка ЕАЭС; размер государственного финансового кредита, предоставляемого Беларуси со стороны стран ЕАЭС на импортозамещающие проекты.

Оценка отраслевого эффекта указывает на отраслевые выгоды. Индикатор: изменение уровня внутриотраслевой торговли Беларуси с ЕАЭС.

Оценка эффекта регионального углубления отражает укрепление региональных белорусско-российских торговых связей. Индикаторы: изменение уровня интенсивности торговли товарами Беларуси с регионами России; вклад российского региона в общий прирост белорусского экспорта на российский рынок.

Оценка эффекта тарифных льгот и преференций учитывает режим свободной торговли и преференциальный тарифный режим, которые заложены в Соглашениях о зоне свободной торговли ЕАЭС с развивающимися странами. Индикаторы: снижение средней ставки ввозной таможенной пошлины для Беларуси после подписания Соглашений о зоне свободной торговли ЕАЭС+; экономия на таможенных пошлинах для белорусских экспортеров в рамках Соглашений о зоне свободной торговли ЕАЭС+; экономия на таможенных пошлинах для белорусских импортеров в рамках Соглашений о зоне свободной торговли ЕАЭС+.

Оценка дополнительного финансового эффекта основана на развитии использования национальной валюты государств-членов ЕАЭС для осуществления расчетов во взаимной торговле. Индикатор: увеличение доли расчетов в белорусских рублях во взаимной торговле государств-членов ЕАЭС.

Разработанные методические рекомендации направлены на комплексное решение актуальных для Беларуси задач по выработке предложений по внешнеэкономическому развитию, повышению конкурентоспособности на внешних рынках и могут быть использованы как вспомогательный инструмент в процессе совершенствования внешнеторговой политики Республики Беларусь в аспекте обеспечения экономической безопасности.

УДК 332.146.2

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕНТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В ЦЕЛЯХ УГЛУБЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ БЕЛАРУСИ И МОНГОЛИИ

Булавицкая Марина Григорьевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

На современном этапе взаимные белорусско-монгольские торгово-экономические отношения демонстрируют устойчивую положительную динамику своего развития. Во взаимной торговле Беларуси и Монголии традиционно преобладают поставки товаров из Беларуси, а поставки из Монголии небольшие. За период 2016–2021 гг. взаимный товарооборот Беларуси и Монголии увеличился почти двукратно и составил 43,6 млн долл. США в 2021 году, что практически полностью было обеспечено поставками белорусских товаров на монгольский рынок: экспорт Беларуси вырос в 4,4 раза до уровня 43,5 млн долл. США, экспорт Монголии сократился в 4,6 раза до 14,8 тыс. долл. США [1].

Крайне незначительный взаимный товарооборот между Беларусью и Монголией требует дополнительных усилий по углублению экономического сотрудничества стран.

Для углубления экономических связей сотрудничество между странами может быть организовано на территориях, обладающих высокой концентрацией экономической деятельности и являющимися приоритетными в региональном развитии этих стран.

К таким территориям в Беларуси в соответствии с рядом государственных документов (Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года, Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на период 2021–2025 гг., Концепцией государственной политики регионального развития Республики Беларусь) относятся: Минская агломерация и областные агломерации; 7 свободных экономических зон; научно-технологические парки; Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень»; города с численностью населения +80 тысяч человек с включением в их состав прилегающих территорий (города Барановичи, Пинск, Бобруйск, Новополоцк; районы: Борисовский, Лидский, Мозырский, Молодечненский, Оршанский, Полоцкий, Солигорский).

Правительство Монголии представило свою Программу действий на 2024–2028 гг. и совместный правительственный договор «Решимость к быстрому развитию» на «Национальном форуме по региональному развитию – 2024», которые предусматривают реализацию политики регионального развития. В ходе форума было утверждено новое экономическое районирование страны, которое предусматривает разделение страны на 6 экономических районов. В качестве точек регионального роста в Монголии определены зоны с преференциальными режимами. В настоящий момент, в Монголии действуют 5 свободных экономических зон: СЭЗ «Замын-Ууд», СЭЗ «Алтанбулаг», СЭЗ «Цагааннуур», СЭЗ «Налуу-Ухаа», СЭЗ «Агро-сити», а также индустриальный парк «Эрдэнэт», туристические центры и города. Высоким научно-технологическим, экономическим и экспортным потенциалом обладает Улан-Баторская агломерация.

Критериями выбора территории в качестве центра наращивания международного сотрудничества являются [2]:

– на территориях должны быть сформированы или получить развитие источники экономического роста (использование территорий как источника конкурентных преимуществ, создание специальных инфраструктурных условий, новые механизмы управления, привлечение инвестиций и др.);

– территория должна обладать высоким инновационным потенциалом;

– развитие территории сопровождается достижением ряда социально-экономических эффектов (диверсификация, расширение источников финансирования, рост доходов населения и увеличение его финансовой активности, усиление специализации региона; рост экспорта региона и др.);

– для выбора территории в качестве центра наращивания международного сотрудничества должен проводиться анализ существующего уровня международного торгово-экономического сотрудничества между странами-партнерами и учитываться перспективы ее развития.

Используя данные критерии, были определены следующие региональные центры роста интеграционных связей Беларуси и Монголии:

– мегаполисы и городские агломерации;

– инновационные зоны, индустриальные парки;

– туристические зоны международного значения.

Проанализировав специальную литературу, были выделены дополнительные факторы развития указанных типов центров интеграционного роста.

Факторы развития городских агломераций:

Диверсифицированная полиотраслевая структура обеспечивает быструю адаптацию производств к изменяющимся условиям.

Развитая транспортно-коммуникационная сеть снижает транспортные затраты и сокращает время доставки сырья, материалов, товаров и пр., обеспечивает связанность между населенными пунктами, а также транспортную доступность к объектам различного функционального назначения, повышает мобильность материальных и миграционных потоков и др.

Инновационная система научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ обуславливает повышение конкурентоспособности посредством совершенствования и обновления производственной технологической базы, стимулирования инноваций, создания и производства новых видов продукции, товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью.

Инвестиционная безопасность и привлекательность.

Также важное значение имеют другие факторы, которые можно разделить на несколько групп: а) географические и геополитические; б) научно-производственная деятельность; в) финансово-кредитная система; г) социальная сфера; д) управление [3].

Факторы развития индустриальных парков:

– «внутрипарковые» факторы, характеризующие комплекс условий, складывающихся в границах индустриального парка для создания новых производств, а также возможности их дальнейшего развития;

– локальные факторы, характеризующие географические, кадровые и ресурсные преимущества территории, расположенной в непосредственной близости от индустриального парка;

– региональные факторы, характеризующие преимущества, предоставляемые компаниям-резидентам индустриальных парков при размещении производства на определенной территории.

Факторы развития туристических зон:

– природные факторы (разнообразие ландшафтов; климатические условия; биоразнообразие: богатство флоры и фауны, наличие национальных парков и заповедников привлекает любителей природы и экотуризма);

– культурно-исторические факторы (наследие: наличие множества исторических памятников, музеев, архитектурных ансамблей, культурных центров создает условия для развития историко-культурного туризма; традиции и обычаи; возможность развития событийного туризма: проведение различных фестивалей, выставок, концертов и других мероприятий способствует увеличению туристического потока и формированию центров притяжения);

– демографические факторы (увеличение народонаселения, рост количества населения в городах с учетом уменьшения численности жителей сел; изменение возрастного состава населения: вследствие повышения средней продолжительности жизни населения большее количество людей в состоянии позволить себе отдых, в том числе и возможность путешествовать);

– социально-экономические факторы (уровень жизни населения: достаточно высокий уровень жизни способствует росту внутреннего туризма и увеличению туристического потока из-за рубежа; соотношение рабочего и свободного времени: наличие достаточного количества выходных и праздничных дней позволяет гражданам уделять время отдыху и путешествиям; государственная поддержка: программы развития туризма, инвестиции в инфраструктуру и стимулирование частного сектора играют важную роль в формировании центров развития туризма);

– инфраструктурные факторы (наличие современных туристических информационных центров, установка указателей на иностранных языках; транспортная доступность: развитая сеть автомобильных, железных дорог и аэропортов обеспечивает удобный доступ к туристическим центрам; потенциал объектов размещения: наличие гостиниц, санаториев, домов отдыха, агроусадеб и других объектов размещения обеспечивает комфортное проживание туристов; уровень развития сферы услуг: развитая сеть предприятий общественного питания, торговли, бытового обслуживания, развлечений и других услуг способствует повышению качества обслуживания туристов) [4].

В качестве основных подходов к регулированию деятельности в выделенных типах территорий как центров экономического роста развития интеграционных связей было определено: мегаполисы и крупные города, имеющие диверсифицированную структуру экономики, которые задействованы во всех формах интеграции регионов, имеют конкурентные преимущества, прежде всего, в области высокотехнологичных и деловых услуг. В специальных территориальных образованиях (туристические, рекреационные, инновационные зоны и т. п.) имеются предпосылки для формирования отраслей и видов экономической деятельности, ориентированных на союзное разделение труда и поэтому потенциально обладающих конкурентными преимуществами.

Результаты исследования получены при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Центры (зоны) экономического роста и повышения международной конкурентоспособности регионов как основа углубления торгово-экономического сотрудничества Беларуси и Монголии: теоретические и практические аспекты» (договор от 02.05.2025 № Г25МН-005).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О торгово-экономическом сотрудничестве. – 2026. – URL: https://mongolia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/ (дата обращения 14.04.2026).

2. Рекомендации по разработке региональных стратегий устойчивого развития в Республике Беларусь / Т.С. Вертинская, Н.Г. Берченко и др. – Мн.: 2015. – 130 с. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/002835_209254_6.pdf (дата обращения 14.08.2025).

3. Бугаева И.А., Дубровский А.В. Комплексный анализ факторов, влияющих на развитие городских агломераций // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2019. – С. 128–133.

4. Колесников А.М. Анализ факторов, влияющих на развитие рынка туристских услуг // Экономический вектор. – 2017. – № 3 (10). – С. 36–41.

УДК 346.21

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Гавриленко Виктор Григорьевич,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Правовой основой международного экономического сотрудничества является, прежде всего, Конституция Республики Беларусь, кодексы и законы Республики Беларусь в развитие положений Конституции Республики Беларусь, а также декреты и указы Президента Республики Беларусь, нормативные правовые акты Национального банка Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, министерств и ведомств, ратифицированные в установленном порядке международные договоры Республики Беларусь (договоры, соглашения, конвенции, решения, пакты, протоколы и проч.), связанные с экономическими отношениями, торговлей, промышленностью, валютно-финансовыми отношениями, кредитованием, международными расчетами, транспортом, таможенным сотрудничеством, сельским хозяйством, энергетикой, строительством, научно-техническим сотрудничеством, хозяйственной деятельностью и другими вопросами со странами мирового сообщества [1].

Важным правовым актом, определяющим направления международного экономического сотрудничества, является Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь», действующий с учетом изменений и дополнений, внесенных Законом Республики Беларусь от 4 июня 2015 г. № 275-З, которым утверждены Основные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь (далее – Основные направления), где определены принципы, стратегические цели, основные задачи и сферы, в том числе и внешней политики Беларуси [2–3].

В соответствии с главой 2 указанных Основных направлений, внешняя политика Республики Беларусь основывается на принципах: соблюдение норм международного права; соразмерность внешнеполитических целей политико-дипломатическому, экономическому, оборонному, научно-техническому, интеллектуальному потенциалу государства, обеспечение их реализации для укрепления международных позиций Республики Беларусь и ее международного авторитета; повышение эффективности политических, правовых, внешнеэкономических и иных инструментов защиты государственного суверенитета Республики Беларусь и ее национальной экономики в условиях глобализации; развитие на основе общепризнанных принципов и норм международного права всестороннего сотрудничества с иностранными государствами, международными организациями и межгосударственными образованиями, взаимный учет и соблюдение интересов всех членов международного сообщества; добровольность вхождения и участия в международных организациях и межгосударственных образованиях и др.

Одними из основных задач во внешней политике и в развитии международного экономического сотрудничества Республики Беларусь являются:

содействие построению стабильного, справедливого, демократического миропорядка, базирующегося на общепризнанных принципах международного права;

равноправная интеграция Республики Беларусь в мировое политическое, экономическое, научное, культурное и информационное пространство;

создание благоприятных внешнеполитических и внешнеэкономических условий для повышения уровня благосостояния народа, развития политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала государства;

формирование добрососедских отношений с сопредельными государствами;

обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь за пределами Республики Беларусь;

содействие реализации национальных, культурных и иных прав и законных интересов белорусов зарубежья;

содействие укреплению международной безопасности, нераспространению оружия массового поражения и контролю над вооружением;

расширение международного сотрудничества в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, охраны окружающей среды, в информационной и гуманитарной сферах;

привлечение внешних интеллектуальных и научных ресурсов в интересах образовательного, научного и культурного развития Республики Беларусь;

участие в международном сотрудничестве в области поощрения и защиты прав человека.

Как указано в Основных направлениях, внешняя политика Республики Беларусь реализуется в следующих основных сферах:

внешнеэкономическая деятельность;

международное экономическое сотрудничество;

международное сотрудничество в области космической деятельности;

международное военное сотрудничество;

международное сотрудничество по реализации государственной пограничной политики;

международная безопасность;

гуманитарное сотрудничество и права человека;

международное сотрудничество в области здравоохранения, образования, науки, информации и информатизации, культуры, спорта, туризма, охраны окружающей среды;

международное сотрудничество в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций;

сотрудничество в области кодификации и прогрессивного развития международного права;

трансграничное сотрудничество.

Основными направлениями в сфере внешнеэкономической деятельности являются:

совершенствование государственной внешнеэкономической политики на основе многовекторности, сложившегося международного разделения труда и рынков товаров (работ, услуг);

создание благоприятных условий для участия белорусских товаров (работ, услуг) в международном торгово-экономическом обороте;

защита интересов организаций и индивидуальных предпринимателей – резидентов Республики Беларусь на внешнем рынке;

обеспечение условий роста экспорта;

осуществление внешних государственных заимствований в пределах лимита внешнего государственного долга Республики Беларусь, установленного законодательством Республики Беларусь;

развитие экспорта высоких технологий и содействие импорту высоких технологий в целях ускоренного развития национальной экономики;

обеспечение доступа к источникам сырья и товарам, производство которых невозможно либо неэффективно в Республике Беларусь.

Основными направлениями в сфере международного экономического сотрудничества являются:

участие в многостороннем сотрудничестве в рамках международных организаций и межгосударственных образований, институтов и форумов в качестве фактора органичной интеграции в мировое сообщество в интересах развития национальной экономики;

участие в таможенных союзах, зонах свободной торговли и иных формах экономической интеграции с иностранными государствами;

привлечение иностранных инвесторов;

развитие делового сотрудничества с государствами, участвующими в многосторонней системе регулирования торговли;

рациональное использование географического положения, развитие эффективной системы обслуживания международных транспортных систем и коммуникаций.

Основными направлениями в сфере международного сотрудничества в области здравоохранения, образования, науки, информации и информатизации, культуры, спорта, туризма, охраны окружающей среды являются:

укрепление международного сотрудничества в области развития здравоохранения;

привлечение внешних интеллектуальных и научных ресурсов в интересах научного, образовательного и культурного развития Республики Беларусь;

расширение международного научно-технического сотрудничества;

участие в международных договорах, развитие взаимовыгодных отношений с иностранными государствами, международными организациями и межгосударственными образованиями, обмен информацией и технологиями, использование международных глобальных информационных сетей в интересах ускоренного экономического развития;

содействие интеграции Республики Беларусь в мировое информационное пространство, поддержка взаимовыгодного международного сотрудничества в области информации и информатизации;

содействие федерациям (союзам, ассоциациям) по виду (видам) спорта, включенным в реестр федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта, в их международной деятельности и повышении международного авторитета Республики Беларусь через активное участие спортсменов (команд спортсменов) Республики Беларусь в международных спортивных мероприятиях;

формирование имиджа Республики Беларусь как региона, привлекательного для развития туризма, и продвижение национального туристского продукта на внешний рынок;

развитие международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды, разрешения экологических проблем транснационального характера;

привлечение помощи международного сообщества по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Основными направлениями в сфере трансграничного сотрудничества являются:

взаимодействие с иностранными государствами на региональном и местном уровнях в целях оперативного решения приграничных проблем, привлечения иностранных инвесторов для совершенствования приграничной и транспортной инфраструктуры;

разработка и реализация региональных проектов технического содействия, финансируемых международными организациями, межгосударственными образованиями и программами в области экономики, территориального планирования, предпринимательства, инфраструктуры, информации, охраны окружающей среды, образования, культуры, туризма и спорта;

поощрение еврорегионов как формы приграничного сотрудничества в целях сглаживания различий в уровнях социально-экономического развития территорий, развития приграничной инфраструктуры, совместного решения проблем в сфере охраны природы, преодоления дисбаланса в вопросах занятости населения, культурных и языковых барьеров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Закон Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 124-З «Об изменении Конституции Республики Беларусь» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 14.10.2021, 2/2844. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100124 (дата обращения 14.04.2026).

2. Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2005 г., № 188, 2/1157. – URL: https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2005-188/2005-188(034-048).pdf&oldDocPage=1 (дата обращения 14.04.2026).

3. Закон Республики Беларусь от 4 июня 2015 г. № 275-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 10.06.2015, 2/2273. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500275 (дата обращения 14.04.2026).

УДК 338.1

ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТА И РОЛИ КИТАЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Кашинская Наталия Степановна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

За период с момента начала реализации политики реформ и открытости в 1978 году Китай стал одним из лидеров в мировой экономике. Если в 1980 году доля Китая в мировом ВВП составляла только 2,7 %, то к 2025 году она выросла в 6,2 раза до 16,6 %. ВВП Китая в 2025 году составил 19,6 трлн долл. США.

С 2010 года Китай является второй после США экономикой мира по объему ВВП в долларовом эквиваленте. При этом с 2016 года страна лидирует среди всех стран в мире по показателю ВВП по паритету покупательной способности (ППС), учитывающему разницу в уровне цен между странами, обгоняя по данному показателю США.

В 1980 году ВВП Китая составлял только 10,6 % от уровня ВВП США в долларовом эквиваленте. К 2025 году данный разрыв сократился в 6 раз, уровень показателя в США был на 36,2 % выше уровня Китая. По показателю ВВП по ППС Китай превысил уровень США в 2025 году на 34,0 %.

Китай на протяжении многих лет демонстрирует высокие темпы экономического роста и является основным локомотивом роста мировой экономики. С 2010 по 2019 годы вклад Китая в мировой экономический рост увеличился с 17,0 % до 33,2 %. После спада макроэкономической динамики, вызванной последствиями пандемии COVID-19, ситуация восстановилась, и в последние три года (2023–2025 гг.) Китай обеспечивал 25,0–29,0 % прироста мирового ВВП.

В соответствии с прогнозом развития мировой экономики Международного валютного фонда (МВФ), опубликованным в апреле 2026 года, ожидается, что роль Китая в мировой экономике в ближайшие годы будет стабильной. Доля Китая в мировом ВВП в долларовом эквиваленте в ближайшие 5 лет (2026–2030 гг.) увеличится с 16,5 % до 17,2 %. Постепенно будет снижаться вклад страны в мировой экономический рост: с 24,0 % в 2026 году до 18,6 % в 2030 г. При этом ожидается, что отставание Китая от США по ВВП в долларовом эквиваленте сократится к 2030 году до 30,9 %, тогда как по ВВП по ППС Китай опередит США на 48,9 % [1].

Несмотря на высокие достижения Китая в динамике экономического развития, страна все еще не относится к группе экономически развитых стран (в которую в свою очередь входят Гонконг, Макао и Тайвань, относящиеся к Большому Китаю). Это обусловлено, прежде всего, низким уровнем показателя ВВП по ППС на душу населения, который в 2025 году составил 29,4 тыс. международных долларов. Для сравнения: из 43 стран, которые в настоящее время отнесены МВФ к числу группы развитых стран (advanced economies), наиболее низкий уровень ВВП по ППС на душу населения в Болгарии – 42,8 тыс. международных долларов, что в 1,5 раза превышает уровень показателя Китая.

По уровню ВВП по ППС на душу населения Китай занимает лишь 78 позицию в мире из 193 стран. Таким образом, несмотря на достигнутые результаты экономического роста, уровень экономического благосостояния населения в Китае все еще значительно отстает от многих стран мира.

В Докладе о работе правительства, представленном на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва и одобренном 12 марта 2026 года, опубликованы основные цели и важнейшие задачи на период реализации 15-ой пятилетней Программы народнохозяйственного и социального развития КНР. Поставлена главная цель: «сохранить рост ВВП в рациональном диапазоне и устанавливать его годовые показатели в соответствии с конкретными условиями, чтобы заложить прочный фундамент для удвоения среднедушевого ВВП к 2035 году по сравнению с показателем 2020 года и достижения уровня среднеразвитых стран» [2].

Изменение роли Китая в мировой экономике отчетливо проявляет себя в динамике и структуре внешнеторговых потоков страны. С 2009 года Китай является крупнейшим мировым экспортером товаров. В 2025 году экспорт составил 3 776,4 млрд долл. США.

Доля Китая в мировом экспорте товаров увеличилась с 4,3 % в 2001 году до 14,9 % в 2024 году (в 3,5 раза). По стоимостному объему экспорта Китай в 2025 году опережал второго крупнейшего мирового экспортера – США – на 73,3 %, Германию – в 2,1 раза, Нидерланды – в 3,8 раза, Японию – в 5,1 раз.

Экспорт товаров Большого Китая (с учетом Гонконга, Макао и Тайваня) в 2024 году составил 4 691,7 млн долл. США (19,6 % мирового экспорта).

В Плане национального экономического и социального развития КНР на 14-ую пятилетку (2021–2025 гг.) в качестве цели развития экспорта было указано: «мы будем совершенствовать экспортную политику, оптимизировать качество и структуру экспортной продукции и неуклонно увеличивать добавленную стоимость экспорта» [4]. Поставленная цель была с успехом реализована.

Анализ изменения товарной структуры экспорта Китая и его доли в мировом экспорте в 2001–2025 гг. позволил сделать следующие выводы.

1. Китай существенно нарастил свою долю на мировом рынке средне- и высокотехнологичной продукции. Если в 2001 году поставки машин, оборудования, транспортных средств (84, 85, 87 группы ГС) составляли 33,7 % экспорта товаров Китая (89,7 млрд долл. США), то в 2025 году их доля увеличилась до 49,5 % – 1 868,7 млрд долл. США. При этом доля продукции, поставляемой Китаем, в мировом экспорте машин, оборудования, транспортных средств увеличилась с 3,8 % в 2001 году до 20,7 % в 2024 году или в 5,4 раза.

2. Китай стал одним из мировых лидеров в экспорте по ряду товарных групп продукции машиностроения:

– в 2025 году Китай стал вторым (после Германии) крупнейшим по стоимостным объемам экспортером легковых автомобилей, в том числе электромобилей. В 2025 г. экспорт легковых автомобилей Китая составил 110,4 млрд долл. США, увеличившись за последние пять лет в 11,1 раза. Экспорт электромобилей (код 870380 ГС) составил 36,4 млрд долл. США и увеличился за пять лет в 23 раза;

– Китай лидирует в мировом экспорте по продажам электрических машин и оборудования с долей 25,8 % в 2024 г., является одним из крупнейших поставщиков на внешние рынки смартфонов (35,8 % мирового экспорта в 2024 году), электрических аккумуляторов (44,8 %), трансформаторов (29,2 %), электронных интегральных схем (15,2 %);

– Китай является крупнейшим мировым экспортером станков и оборудования с долей в мировом экспорте в 2024 году 20,3 %.

3. Китай все еще занимает значимую долю мирового рынка продукции легкой промышленности, однако в последние годы и объемы экспорта, и доля на мировом рынке сокращаются. Так, в 2001 году экспорт продукции легкой промышленности составлял четверть (24,9 %) экспорта товаров Китая (66,2 млрд долл. США). В 2025 году ее доля

сократилась до 9,2 % при стоимостном объеме 346,4 млрд долл. США. Доля поставок товаров легкой промышленности Китая в мировом объеме ее экспорта увеличилась с 15,9 % в 2001 году до 36,5 % в 2015 году, а к 2024 году она сократилась до 32,4 %.

Таким образом, Китай стал крупнейшим производителем и экспортером промышленной продукции в мире, при этом в структуре экспорта товаров стремительно растет доля продукции с высокой добавленной стоимостью, высокотехнологичной наукоемкой продукции и компонентов. Страна стремительно наращивает потенциал в инновационной сфере и превращается из «мировой фабрики» в «мировой инновационный центр».

Став крупнейшим мировым производителем и экспортером промышленной продукции, Китай все еще отстает от мировых лидеров в развитии внешней торговли услугами. По объему экспорта услуг Китай в 2024 году занимал лишь пятую позицию в мире с объемом экспорта 445,9 млрд долл. США. По данному показателю США опережали Китай в 2,6 раза, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – в 1,5 раза, Ирландия – на 16,5 %, Германия – на 5,8 %.

Экспорт услуг Китая значительно ниже объема их импорта, который составил 610,6 млрд долл. США. Китай имеет устойчиво отрицательное сальдо внешней торговли услугами – «минус» 164,7 млрд долл. США в 2024 году [3].

В главе 22 Программы народнохозяйственного и социального развития КНР на 15-ю пятилетку (2026–2030 гг.) особое внимание уделено развитию сферы услуг, обозначены основные направления развития – поощрение экспорта услуг, повышение международной конкурентоспособности транспортных, туристических и других услуг, развитие торговли наукоемкими услугами, активное развитие аутсорсинга услуг и повышение уровня стандартизации торговли услугами [5].

Таким образом, в результате устойчивых высоких темпов экономического роста, Китай сегодня является одним из лидеров мировой экономики по объемам ВВП и обеспечивает практически треть мирового экономического роста. При этом все еще сохраняется значительное отставание от стран-лидеров по показателю ВВП на душу населения. Страна является крупнейшим мировым производителем и экспортером многих высокотехнологичных видов продукции машиностроения и стремительно наращивает свой инновационный потенциал. Определенные в Программе развития на 15-ю пятилетку точки роста китайской экономики, такие как квантовые технологии, биопроизводство, водородная и термоядерная энергетика, интерфейсы «мозг-компьютер», воплощенный искусственный интеллект и мобильная связь шестого поколения позволят Китаю нарастить свои конкурентные преимущества на мировом рынке высокотехнологичной продукции. Китай также прилагает значительные усилия по наращиванию потенциала экспорта услуг, что будет способствовать укреплению его роли на мировом рынке услуг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. April 2026 World Economic Outlook Dataset in Excel // International Monetary Fund. – URL: https://data.imf.org/-/media/iData/External-Storage/Documents/2F78EE59F79143A7921E5E203D3AAA80/en/WEOApr2026all.xlsx (дата обращения 17.04.2026).

2. Доклад о работе правительства // Зачитан 5 марта 2026 года на 4-й сессии Всекитайского Собрания народных представителей 14-го созыва. – URL: https://russian.news.cn/20260313/e14278e9e4994a4e977bce9675ac13c4/20260313e14278e9e4994a4e977bce9675ac13c4_XxjwsrR000036_20260313_CBMFN0A001.docx (дата обращения 10.04.2026).

3. Online database on international trade statistics Trade Map// International Trade Centre. – URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1 (дата обращения 17.04.2026).

4. 中华人民共和国国民经济和社会发展 第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要 // 中华人民共和国国家发展和改革委员会. – URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf (дата обращения 13.04.2026).

5. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十五个五年规划纲要 // 中华人民共和国国家发展和改革委员会. – URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfzgh/202603/U020260317369114704096.pdf (дата обращения 16.04.2026).

УДК 339.9+332.14

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКСПОРТНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ КРУПНЫХ ГОРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Коледа Олег Александрович,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2025–2030 гг. сильные регионы и проактивная внешнеэкономическая и инновационная политики определены как одни из приоритетных направлений по достижению поставленных в документе целей и задач.

В Программе обозначены основные задачи государственной региональной политики, в том числе такие как: «…повышение конкурентоспособности промышленных комплексов за счет развития инновационных направлений специализации регионов и внедрения стратегий связанной диверсификации, в том числе развития индустриального ландшафта регионов и расширения компетенций региональных экономических систем...». Развитие регионов на основе создания новых производств и рабочих мест становится одним из инструментов достижения целей государственной региональной политики.

В Программе предусматривается, что проактивная государственная внешнеэкономическая политика государства будет направлена на качественный рост экспорта и его географическую диверсификацию. Определены следующие целевые индикаторы: «...рост экспорта товаров и услуг – не менее чем в 1,2 раза за пятилетие (в 1,3 раза за 2021–2024 годы); диверсификация внешней торговли страны за счет наращивания доли стран «дальней дуги» – до 30 % к 2030 году (19,1 % в 2024 году); доля высоко- и среднетехнологичной высокого уровня, наукоемкой продукции в экспорте товаров и услуг – не менее 44 % в 2030 году (38,1 % в 2024 году)» [1].

Крупные городские агломерации Беларуси, концентрирующие значительный промышленный, кадровый и инновационный потенциал, объективно становятся опорными точками реализации проактивной экспортной стратегии, что предполагает трансформацию их узкой отраслевой специализации в диверсифицированную и конкурентоспособную на глобальных рынках экспортную ориентацию. Очевидно, что вследствие возрастающей глобальной конкуренции, экспортная специализация крупных городов Республики Беларусь не является статичной и трансформируется под влиянием внешних и внутренних факторов.

В экономической литературе последних лет эмпирически доказано, что традиционных источников конкурентных преимуществ региональной экономики (например, природных ресурсов, доступа к финансовым ресурсам, эффекта масштаба и т. д.) становится недостаточно для осуществления экспортной деятельности. Исследования отмечают усиление роли «мягких» факторов конкурентных преимуществ, таких как инновационная деятельность,

маркетинг и логистика, уровень развития человеческих ресурсов, уровень развития ИКТ и т. д. Также важную роль в формировании конкурентных преимуществ на региональном уровне приобретает выбор интеграционной модели. В условиях глобальной и региональной конкуренции преимущества получают не просто сильные экономики, а те, кто верно выбрал интеграционную модель – ту, которая максимизирует эффект от кооперации, доступа к рынкам и разделения труда.

В условиях кардинальной перестройки глобальных логистических цепочек и усиления санкционного давления на экономику Республики Беларусь трансформация экспортной специализации крупных городских агломераций приобретает характер одного из ключевых факторов обеспечения макроэкономической стабильности. Геополитические сдвиги последних лет обусловили необходимость ускоренной переориентации товарных потоков с традиционных европейских и североамериканских рынков на рынки стран Евразии, а также стран так называемой «дальней дуги». Данный процесс протекает крайне неравномерно в территориальном и отраслевом разрезе, формируя несколько моделей адаптации к новым внешнеэкономическим реалиям.

Трансформация экспортной специализации крупных городов Республики Беларусь протекает в рамках трех основных моделей адаптации, каждая из которых определяется географическим положением, структурой промышленности и степенью интеграции в новые логистические коридоры:

– Модель импортозамещающей экспортной диверсификации.

Первичное насыщение внутреннего рынка за счет собственного производства (импортозамещение) создает производственную и технологическую базу для последующего выхода на внешние рынки с расширенной номенклатурой продукции. По такой модели развиваются крупные инвестиционные проекты в городах Минского промышленного пояса, таких как СЗАО «БЕЛДЖИ», ЗАО «БНБК», ООО «Маз-Вейчай» и др. Новые виды продукции расширяют номенклатуру экспорта городских экономик, и постепенно могут стать основой экспортной специализации.

– Модель трансформации от товарного экспорта промышленной продукции к интегрированным продуктово-сервисным решениям.

Традиционная модель, ориентированная на наращивание физических объемов товарного экспорта, уступает место более сложным форматам, в которых ключевым источником добавленной стоимости выступают услуги, интегрированные в продуктовое предложение. Создание сервисной базы во многом характеризуется формированием кластерных структур вокруг крупных промышленных предприятий. Этот процесс происходит повсеместно во всех крупных городах Беларуси. Важным элементом этого процесса становится интеграция научно-инновационной и внедренческой деятельности, которая превращает сервис из вспомогательной функции в самостоятельный источник экспортной выручки и технологического лидерства.

– Модель расширения номенклатуры экспортной продукции за счет изменения технологических процессов углубленной переработки сырья и материалов.

Сущность данной модели заключается в последовательном освоении новых стадий переработки исходного природного или сельскохозяйственного сырья непосредственно на территории страны, что позволяет генерировать дополнительные цепочки создания стоимости и диверсифицировать экспортную корзину в сторону более сложных, наукоемких и, следовательно, более дорогостоящих товарных позиций. Потеря доступа к транспортным коридорам, ведущим в страны Евросоюза и Украины, вынуждает производителей Беларуси искать новые экспортные ниши и рынки. Целью такого поиска выступает минимизация логистических затрат в конечной цене продукта при поставках на вновь осваиваемые рынки. Наиболее масштабным примером углубления переработки является нефтехимический комплекс страны. Новополоцк и Мозырь трансформируются из центров топливно-энергетической переработки сырья в полноценные нефтехимические кластеры, что значительно диверсифицирует номенклатуру их экспорта.

Особое значение в современных условиях приобретает кластерная политика, которая позволяет концентрировать ресурсы, компетенции и инновационный потенциал на ограниченных территориях, создавая эффект синергии между наукой, производством и логистической инфраструктурой. Формирование экспортно-ориентированных кластеров способствует углублению специализации регионов, снижению транзакционных издержек и ускорению диффузии технологий между участниками кооперации. Трансформация экспортного потенциала крупных городов заключается в их переходе от роли моноспециализированных промышленных центров к многофункциональным узлам, интегрирующим производство, логистику, научные разработки и сервисное сопровождение экспортных операций.

В условиях кардинальной перестройки глобальных цепочек создания стоимости и санкционного давления крупные города Беларуси вынуждены решать тройную задачу: сохранять объемы экспорта по традиционным позициям (нефтехимия, металлургия, машиностроение, пищевая промышленность), одновременно осваивая выпуск продукции с более высокой добавленной стоимостью и формируя новые каналы сбыта на рынках Азии, Ближнего Востока и Африки. Минская агломерация, аккумулирующая львиную долю научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, ИТ-компетенций и финансовых услуг, обладает потенциалом для превращения в ключевой центр структурирования экспортных контрактов и технологического сопровождения внешнеторговых поставок. Ключевым элементом этой системы выступает Китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень», формируя институциональную и инфраструктурную платформу для практической реализации экспортного потенциала столичной агломерации, обеспечивая синергию между местными научными разработками, иностранными технологиями и доступом на преференциальных условиях к рынкам ЕАЭС и третьих стран.

Областные центры должны стать центрами серийного производства сложной технической продукции. При этом ключевым условием станет создание в каждом областном центре технологических кластеров полного цикла: от проектирования и сертификации до выпуска, испытаний и гарантийного сопровождения.

Крупные монопрофильные центры (Солигорск, Жлобин, Мозырь, Новополоцк, Бобруйск) сохраняют экспортную специализацию в базовых отраслях, но с обязательным условием углубления переработки и диверсификации конечной продукции для снижения зависимости от ценовой конъюнктуры на сырьевых рынках.

Особую нишу в трансформации экспортного потенциала занимают ряд крупных городов (Молодечно, Борисов, Барановичи, Орша, Пинск, Лида, Слуцк, Полоцк и др.), которые, не обладая высокой концентрацией промышленных гигантов, характерной для областных или монопрофильных центров, тем не менее располагают рядом критических конкурентных преимуществ. К числу последних относятся выгодное транспортно-географическое положение на пересечении логистических коридоров, наличие свободных производственных площадей и инженерной инфраструктуры, сбалансированный рынок труда с развитой системой профессионально-технического образования, а также более низкие операционные и земельные издержки по сравнению с крупными агломерациями. Эти факторы делают эти города привлекательной площадкой для размещения сборочных и субконтрактных производств, ориентированных на экспорт в рамках кооперационных цепочек с головными предприятиями из Минска и областных центров. Важной функцией городов становится развитие малого и среднего экспортно-ориентированного бизнеса, в том числе в сфере переработки сельскохозяйственного сырья, деревообработки, производства строительных материалов и товаров народного потребления для зарубежных рынков.

Трансформация экспортного потенциала крупных городов Беларуси не может быть сведена к точечным мерам – она требует перестройки всей системы территориального разделения труда, где каждый крупный город получает четкую экспортную специализацию, подкрепленную инвестициями, кадровым обеспечением и внешнеторговой инфраструктурой.

Устойчивость макроэкономической стабильности в среднесрочной перспективе будет определяться не столько успехами каждой отдельной городской агломерации, сколько синергией между ними – организацией межрегиональных кооперационных цепочек, созданием единой логистической цифровой платформы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь 2026–2030 // Сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – 2025. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/pser-2030.pdf (дата обращения 01.03.2026).

УДК 339.56

БЕЛОРУССКО-МОНГОЛЬСКОЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Луговская Ирина Сергеевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Дипломатические отношения между Беларусью и Монголией были установлены еще в 1992 году, но достаточно долго развитие сотрудничества с данной страной не входило в число основных внешнеполитических приоритетов Республики Беларусь.

Важным моментом в активизации развития белорусско-монгольских связей стал первый государственный визит Президента Беларуси Александра Лукашенко в Монголию в июне 2024 года, по итогам которого между двумя странами был подписан *Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Монголией* [1].

Что касается торгово-экономического сотрудничества двух стран, то в настоящее время взаимный товарооборот не отражает потенциал двух стран. Тем не менее, по данным Посольства Республики Беларусь в Монголии, внешняя торговля Республики Беларусь и Монголии показывает положительную динамику в 2017–2021 годах.

Так, в 2017 году внешнеторговый оборот составлял всего лишь 13 642,40 тыс. долл. США, а в 2021 году уже составил 43 554,9 тыс. долл. США.

Но в 2022–2025 гг., по данным Международного торгового центра (ITC), ситуация изменилась. В 2022 году внешнеторговый оборот составлял около 43 млн долл. США, а в 2025 году – около 21 млн долл. США. Что говорит о снижении внешнеторгового оборота в данном временном периоде.

Вместе с тем, сальдо во всем анализируемом периоде остается стабильно положительным, т. к. во взаимной торговле Беларуси и Монголии преобладают поставки товаров из Беларуси, поставки из Монголии незначительны.

Основу белорусского экспорта в Монголию составляла продукция машиностроения (карьерные самосвалы; сельскохозяйственная, дорожная, строительная техника (2019–2021 гг.)) и сельского хозяйства (сухое молоко, масло сливочное, сыры, творог (2019–2025 гг.)).

Из Монголии в Беларусь поставлялось минеральное сырье (плавиковый шпат) и сырье для легкой промышленности (шерсть и кашемир) [2].

В целом же, доля Монголии в общем товарообороте Беларуси за последние 30 лет была не более 0,1 %.

В настоящее время между двумя странами начинает активно развиваться и отраслевое сотрудничество. Главным толчком стала *Дорожная карта сотрудничества Беларуси и Монголии на 2024–2026 годы*, где отмечены следующие приоритетные направления для

развития двустороннего сотрудничества: торговля, экономика, сельское хозяйство, здравоохранение, образование, строительство, горнодобывающая промышленность, спорт, туризм, культура и информация.

Между странами достаточно активно развивается сотрудничество в *агропромышленной сфере и сфере лесного хозяйства.*

Так, в Монголии есть уже несколько производственных объектов, сотрудничающих с Беларусью. Например, компания APU (Absolute, Pure, Unique) – крупнейший производитель напитков в Монголии – активно использует сухое молоко из Беларуси для выпуска молочной продукции под брендами «Цэвэр Сүү» и белорусский солод для производства флагманских сортов пива.

Также в рамках поддержки сельского хозяйства Монголии был реализован проект по поставке широкого ассортимента белорусской сельхозтехники для нужд монгольских фермеров.

И, если объемы поставок различного оборудования будут расти, то в будущем было бы целесообразно создание на территории Монголии совместных сборочных предприятий, что было бы важным шагов в развитии сотрудничества двух стран [3].

Также в 2024 году отраслевые министерства Беларуси и Монголии подписали *Дорожную карту развития сотрудничества в области АПК на 2024–2026 годы*, в которой закреплено: строительство новых и модернизация имеющихся молочно-товарных ферм полного цикла, поставки крупного рогатого скота белорусской селекции, ветеринарных препаратов, семян, специализированного оборудования, обучение и повышение квалификации монгольских специалистов, поставки сельскохозяйственной техники [4].

Перспективным направлением сотрудничества Беларуси и Монголии видится и сфера *лесного хозяйства*, т. к. для Монголии приоритетным вопросом является повышение технологичности ведения лесного хозяйства в связи с тем, что монгольская инициатива «Миллиард деревьев» к 2030 году требует модернизации отрасли.

Достаточно большие успехи достигнуты между странами в *сфере услуг.*

На протяжении уже достаточно долгого времени страны активно взаимодействуют в научно-технической сфере и сфере образования. В настоящее время правовая база и потенциал стран способствуют успешному развитию двухсторонних отношений в этом направлении.

Так, в 2013 году между двумя странами было подписано *Соглашение о сотрудничестве в сфере образования*, которое дает возможность ежегодного обучения на согласованных условиях в вузах сторон [5], а в 2024 году был заключен *Договор о научно-техническом сотрудничестве между Национальной академией наук Беларуси и Министерством образования и науки Монголии, а также подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве с Академией наук Монголии.* Целью Соглашения является создание правовой основы для взаимодействия, с помощью которой белорусские и монгольские ученые будут развивать сотрудничество в области исследований, технологического прогресса, инноваций и развития потенциала с целью расширения знаний и укрепления организационных структур.

Кроме того, Беларусь могла бы и готова поделиться с Монголией опытом развития сети инженерных классов Национального детского технопарка.

Страны сотрудничают и *в области культуры* (Соглашение между Министерством культуры Республики Беларусь и Министерством образования, культуры, науки и спорта Монголии о сотрудничестве в сфере культуры от 6 февраля 2017 г.). Соглашение направлено на содействие развитию культурных связей государств в области хореографического, музыкального и изобразительного искусств, кинематографии, народного творчества, музейного и библиотечного дела и др.

Развивается сотрудничество и *в транспортно-логистической сфере.* Основной фокус – на железнодорожных контейнерных перевозках, создании совместных складов и использовании белорусского опыта в автоматизации логистики.

Дорожная карта на 2024–2026 годы предусматривает укрепление связей (особенно в железнодорожном и авиасообщении) для стимулирования взаимной торговли.

Постепенно начинает развиваться и сотрудничество в *сфере туризма.* В 2024 году был подписан *Меморандум о сотрудничестве в сфере туризма между Министерством окружающей среды и туризма Монголии и Министерством спорта и туризма Республики Беларусь*, в соответствии с которым страны сотрудничают в совместной реализации проектов в сфере туризма; обмениваются опытом, информацией, статистикой между двумя странами; поддерживают тесное сотрудничество между туристическими секторами, туроператорами и турагентами, а также другими фирмами и бюро частного сектора туризма в двух странах и др.

Вместе с тем, страны пока не так активно взаимодействуют в сфере *здравоохранения*, но, тем не менее, уже активно прорабатываются вопросы двустороннего сотрудничества в данной области: обсуждаются вопросы поставки лекарственных средств, техники и медицинского оборудования. Это направление могло бы стать достаточно перспективным.

С 2022 года *межрегиональное сотрудничество* стало развиваться более активно. Наибольший интерес проявляет в настоящее время Брестская область.

Активно начало развиваться и *интеграционное взаимодействие.* Так, 27 июня 2025 года в Минске между ЕАЭС и Монголией было подписано временное соглашение о свободной торговле (ЗСТ). Документ предусматривает снижение или обнуление пошлин на 367 тарифных линий (более 90 % текущего товарооборота) сроком на 3 года. Соглашение направлено на рост экспорта продовольствия, автотехники и металлопродукции из ЕАЭС и импорт монгольских товаров легкой промышленности и мяса.

Таким образом, товарооборот между Беларусью и Монголией остается скромным и испытывает трудности из-за сложной логистики, высокой зависимости Монголии от торговли с Китаем и дисбаланса, где преобладает белорусский экспорт. Хотя предпринимаются попытки активизировать сотрудничество, в том числе через соглашения с ЕАЭС, и, ожидается, что временное торговое соглашение между странами ЕАЭС и Монголией, подписанное в 2025 году, поможет снизить тарифные барьеры и увеличить товарооборот.

Что касается отраслевого сотрудничества, то оно наиболее развито в агропромышленной сфере. Перспективным видится развитие сотрудничества также в сфере здравоохранения и в сфере лесного хозяйства.

Результаты исследования получены при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Центры (зоны) экономического роста и повышения международной конкурентоспособности регионов как основа углубления торгово-экономического сотрудничества Беларуси и Монголии: теоретические и практические аспекты» (договор от 02.05.2025 № Г25МН-005).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Монголией: договор от 3 июня 2024 г. // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=I02400016 (дата обращения 17.05.2025).

2. О торгово-экономическом сотрудничестве // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: https://mongolia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic (дата обращения 20.08.2024).

3. Что стоит за визитом Лукашенко в Монголию и какие стратегические перспективы это открывает для Беларуси? // БИСИ. – URL: https://bisr.gov.by/my-v-smi/chto-stoit-za-vizitom-lukashenko-v-mongoliyu-i-kakie-strategicheskie-perspektivy-eto (дата обращения 17.05.2025).

4. Беларусь выходит на монгольский рынок? // ibMedia. – URL: https://ibmedia.by/news/belarus-vyhodit-na-mongolskij-rynok/ (дата обращения 17.05.2025).

5. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Монголии о сотрудничестве в сфере образования // Информационно-правовая система НОРМАТИВКА.by. – URL: https://normativka.by/lib/document/500184644 (дата обращения 17.05.2025).

УДК 33.92

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ И ПРОБЛЕМЫ РОСТА ТОРГОВЛИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Сибирская Альбина Васильевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Торгово-экономические отношения Республики Беларусь и Российской Федерации в последние годы демонстрируют устойчивую положительную динамику, которая показывает особое развитие в условиях геополитического переустройства глобальной экономики. Происходящая переориентация внешней торговли Беларуси на восточные рынки фундаментально изменяет структуру национальной экономики страны, а параллельно протекающие процессы западного санкционного давления на обе страны создали принципиально новые условия торгового взаимодействия. Введение беспрецедентных санкционных ограничений западных стран и США в 2022 году и уход с российского и частично с белорусского рынков значительного числа западных производителей и брендов спровоцировали структурный разрыв спроса, который стал одним из наиболее мощных краткосрочных стимулов роста белорусского экспорта.

Вместе с тем сложившаяся модель взаимодействия формирует как значительные преимущества для экономик двух стран, так и ряд системных рисков и ограничений, требующих комплексного государственного регулирования и стратегического управления.

К числу основных положительных факторов развития торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации относятся следующие:

1. Рост взаимного товарооборота и расширение экспортных возможностей Беларуси. Снятие таможенных барьеров и унификация регуляторной среды в рамках Союзного государства создали уникальный режим торговли, стимулирующий наращивание взаимного товарооборота.

Особенно значительное развитие получил агропромышленный комплекс. Беларусь сохраняет устойчивые конкурентные преимущества в производстве молочной и мясной продукции, что обеспечивает высокий уровень спроса на российском рынке, что обеспечивает значительный экспортный потенциал: по итогам 2023 года страна поставляла молочную продукцию в 50 государств, причём Россия выступала главным рынком сбыта. Совокупный взаимный товарооборот продукции АПК в 2024 году вырос на 15 % и превысил 8 млрд долл. США [1].

Результатом такой торговой интеграции стал рекордный показатель расчётов в национальных валютах: к 2025 году их доля в двусторонних платёжных операциях достигла 93 %. Это значит, что торговля практически полностью изолирована от валютных рисков, связанных с долларовой или евровой финансовой инфраструктурой.

2. Санкционный разрыв и эффект ниш: структурный спрос на белорусский экспорт.

В условиях ухода значительного числа западных производителей с российского рынка в 2022–2024 гг. белорусские предприятия получили возможность существенно расширить присутствие на российском рынке. Освободившиеся рыночные ниши стали дополнительным стимулом роста белорусского экспорта, особенно в сегментах продовольствия, машиностроения, химической продукции и сельскохозяйственной техники.

Эффект замещения уже стал четко прослеживаться к концу первого полугодия 2023 года, когда 41 % предприятий фиксировали рост «импортозамещающего» спроса на свою продукцию. Одновременно 30 % компаний-респондентов констатировали снижение конкуренции вследствие ухода иностранных производителей. В этой конфигурации белорусская продукция машиностроения, сельскохозяйственная техника и химическая промышленность получили расширенный доступ к освободившимся нишам.

Санкционный фактор имеет как конъюнктурную, так и структурную составляющую: обеспечение ниши будет сохраняться столько, сколько сохранится режим санкций, что формирует устойчивый горизонт спроса на несколько лет.

3. Развитие транспортно-логистического сотрудничества.

Санкционные ограничения и изменение международных торговых маршрутов привели к масштабной трансформации транспортно-логистической системы Беларуси. Переориентация экспортных потоков на российское направление стала одним из ключевых факторов адаптации белорусской экономики к новым условиям.

В настоящее время более 80 % грузовых автоперевозок белорусских операторов приходится на Россию, тогда как вторым значимым направлением стал Китай. В 2023 году объём отгрузки белорусских грузов через российские порты составил 14,1 млн тонн, из которых около 6,5 млн тонн пришлось на нефтепродукты; объём перевозки по северо-западным портам России – 12,9 млн тонн. Согласно плановым ориентирам, к 2026 году перевалка белорусских экспортных грузов через российские морские терминалы должна достичь 20 млн тонн [2].

Стратегическое значение приобрело участие Беларуси в развитии новых транспортных коридоров. В апреле 2024 года Беларусь официально присоединилась к международному транспортному коридору «Север–Юг» по направлению Россия–Казахстан–Узбекистан–Афганистан–Пакистан. Одновременно ведутся переговоры с Россией и Казахстаном о синхронизации железнодорожных тарифов, а в рамках развития инфраструктуры Белорусская железная дорога рассматривает возможность участия в модернизации подходов к российским портовым комплексам.

Таким образом, логистический фактор трансформировал роль Беларуси: из транзитера между Европой и Россией страна постепенно превращается в узловой хаб на маршруте Россия–Азия, что оказывает существенную стратегическую ценность двустороннего взаимодействия.

4. Технологическая и производственная кооперация.

В современных условиях усиливается производственная взаимозависимость экономик Беларуси и России. Белорусские предприятия активно включаются в российские производственные цепочки, участвуют в программах локализации и поставляют комплектующие для российских производств. Углубление этих связей в условиях совместного санкционного давления привело к тому, что дефицит по промежуточным товарам в двусторонней торговле вырос, что свидетельствует о росте производственной взаимозависимости, при которой остановка кооперации становится технологически невозможной для двух стран. Таким образом, производственная кооперация образует своего рода «якорь», удерживающий товарооборот на высоком уровне даже при неблагоприятной макроэкономической среде. Это можно назвать наиболее устойчивым из всех четырёх факторов роста.

Несмотря на значительные преимущества двустороннего сотрудничества, современная модель торгово-экономического взаимодействия формирует и ряд серьезных рисков и угроз:

1. Критическая концентрация белорусского экспорта на российском рынке. Одним из наиболее значимых рисков является высокая степень зависимости белорусской экономики от российского рынка. Россия занимает доминирующую позицию среди внешнеторговых партнёров Беларуси (более 85 %), и эта зависимость стабильно усиливается: в основном за счет нарастающей зависимости белорусской промышленности от импортного российского сырья и компонентов. Кроме того, возрастает зависимость белорусской промышленности от поставок российских сырьевых ресурсов, энергоносителей и комплектующих, что ограничивает уровень экономической автономии. Суть проблемы заключается в том, что при критичной асимметрии торговли угроза потери российского рынка для Беларуси означает угрозу всей экономике, что делает невозможным отстаивание национальных интересов в интеграционных переговорах.

2. Усиление конкурентного давления со стороны китайских производителей. В условиях санкций российские предприятия активно переориентируются на китайское оборудование, технологии и потребительские товары. Однако эффект замещения носит неоднородный характер: некоторые ниши, освободившиеся после ухода западных производителей, занял китайский импорт. Около 67 % российских предприятий, например, переориентировались на оборудование из КНР, что означает, что белорусским производителям приходится конкурировать за российский рынок с агрессивно наращивающим присутствие китайским производителем [3]. Ситуация осложняется тем, что конкурентное давление со стороны Китая принципиально отличается от привычной западной конкуренции: китайские производители предлагают конкурентноспособное качество при значительно более низкой цене и при этом располагают практически неограниченными производственными мощностями для наращивания своего присутствия. При этом Китайская конкуренция отличается структурностью и долгосрочным характером – она не исчезнет при снятии санкционных ограничений.

3. Логистические и инфраструктурные ограничения. Несмотря на активное развитие восточного направления, транспортно-логистическая система сталкивается с рядом ограничений: дефицит пропускной способности отдельных железнодорожных направлений; высокая нагрузка на российские порты; рост транспортных затрат; нехватка контейнерной инфраструктуры; увеличение сроков поставок. Дополнительные сложности создают необходимость модернизации транспортной инфраструктуры и высокая капиталоемкость соответствующих проектов.

4. Санкционные и финансовые риски. Сохраняющееся санкционное давление создает значительные ограничения для внешнеэкономической деятельности Союзного государства. Основными рисками являются: ограничение доступа к западным финансовым рынкам; сложности международных расчетов; ограничение поставок высокотехнологичного оборудования; рост стоимости внешнего финансирования; валютные риски. Кроме того, сохраняется риск введения вторичных санкций в отношении компаний, участвующих в совместных проектах.

5. Нетарифные барьеры и скрытые издержки интеграции. Парадокс проблемы заключается в том, что юридически Беларусь и Россия функционируют в едином экономическом пространстве без таможенных барьеров, однако фактически Россия располагает широким арсеналом нетарифных инструментов – санитарных, ветеринарных, технических, ценовых, – применение которых носит избирательный и непредсказуемый характер. Это создаёт неопределённость для белорусских экспортеров и означает, что свободная торговля институционально гарантирована, но в реальности не реализуется операционно.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд рекомендаций по снижению существующих рисков и повышению эффективности белорусско-российского торгово-экономического сотрудничества.

К числу приоритетных направлений совершенствования взаимодействия относятся:

– диверсификация экспортных рынков при сохранении стратегического сотрудничества с Россией. Речь идет о параллельном с Россией наращивании присутствия на рынках Азии, Африки и Латинской Америки через создание сети торговых домов, субсидирование сертификации продукции под требования азиатских рынков и др.;

– технологическая модернизация для конкуренции с Китаем путем перевода конкуренции с китайскими производителями из ценовой плоскости в качественно-технологическую, где у Беларуси есть достаточно сильные преимущества;

– создание эффективных механизмов разрешения споров путем разработки и закрепления на законодательном уровне четкого перечня допустимых оснований для применения временных ограничений на взаимную торговлю, сроков обязательного уведомления.

Таким образом, белорусско-российское торгово-экономическое сотрудничество в современных условиях выступает важнейшим фактором обеспечения устойчивости национальных экономик двух государств. Несмотря на наличие значительных рисков и внешних ограничений, интеграционные механизмы Союзного государства и ЕАЭС создают необходимые условия для дальнейшего расширения взаимной торговли, развития промышленной кооперации и укрепления экономической безопасности Беларуси и России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Объём торговли Беларуси и России достиг 56,7 млрд долларов по итогам 2024 года // Парламентское Собрание Союза Беларуси и России. – 2025. – URL: https://belrus.ru/info/obem-torgovli-belarusi-i-rossii-dostig-56-7-mlrd-dollarov-po-itogam-2024-goda/ (дата обращения 14.04.2026).

2. Белорусская логистика поворачивает на восток: новые маршруты, тарифы и риски в 2026 году // Национальная экономическая газета. – 2025. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/belorusskaya-logistika-povorachivaet-na-vostok-novye-marshruty-tarify-i-riski-v-2026-godu/ (дата обращения 14.04.2026).

3. Чеботарь о росте белорусского экспорта и конкуренции на российском рынке и освоении новых // БЕЛТА: официальное агентство. – 2024. – URL: https://belta.by/economics/view/chebotar-o-roste-belorusskogo-eksporta-konkurentsii-na-rossijskom-rynke-i-osvoenii-novyh-610898-2024/ (дата обращения 14.04.2026).

УДК 339.54

АДАПТАЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭКСПОРТА К САНКЦИОННОМУ ДАВЛЕНИЮ

Скрябина Татьяна Алексеевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Беларусь, следуя общемировым тенденциям, реагирует на санкционное давление и адаптируется к новым экономическим и геополитическим вызовам. На современном этапе перед страной стоит задача не допустить значительного снижения экспорта и выработать меры по противодействию санкциям, введенным в отношении белорусских предприятий. Важным направлением стимулирования белорусского экспорта является переориентация экспортных потоков, которая осуществляется через поиск альтернативных рынков сбыта санкционных товаров, активизацию двустороннего экономического сотрудничества со многими государствами. Наиболее емкие и перспективные рынки для переориентации белорусского экспорта – Россия и Китай.

Сокращение поставок машиностроительной продукции и сырья в страны Евросоюза вынудило Беларусь наращивать экспорт на рынок России. На фоне прекращения поставок западных конкурентов российский спрос вырос на белорусские грузовые автомобили, строительную технику и продовольствие. Параллельно Беларусь стала активно использовать свой транзитный потенциал: страна превратилась в важное звено для реэкспорта товаров из ЕС и Азии в Россию, обходя санкционные запреты.

Для компенсации потерь на западном векторе важным является расширение присутствия на рынках стран-участниц Евразийского экономического союза, СНГ, Грузии, Турции. Разработаны планы действий по наращиванию экспорта в страны «дальней дуги»: Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки. Несмотря на географическую удаленность, с рядом государств других континентов развивается

многоплановое сотрудничество, что подтверждается участившимися визитами на высоком и высшем уровне. Эти страны проявляют интерес к производственным и научно-техническим возможностям нашей страны, предъявляя спрос на широкий спектр белорусской продукции: от продовольствия, машин, продуктов нефтехимии, до товаров оборонного назначения, обучения специалистов и трансферта технологий. Среди перспективных направлений выделяют Китай, Индию, Объединенные Арабские Эмираты, Алжир и Малайзию.

Перспективность новых направлений товаропотоков во многом определяется транспортными условиями. Отказ от использования прибалтийских и украинских портов обусловливает необходимость переориентации белорусских грузов на несколько более отдаленные порты северо-запада, севера и юга России, что предъявляет требования к железнодорожной доступности этих регионов. Однако проблема не только в удлинении транспортных путей и отсутствии необходимой портовой инфраструктуры, но и в нежелании трейдеров и владельцев танкеров брать на себя риски перевозки белорусских грузов, а также отказы европейских банков в проведении платежей.

В этой связи в переориентации экспорта санкционных товаров из Беларуси основной акцент делается на логистическую перестройку, использование дружественных валют, создание новых цепочек поставок через посредников.

Для обхода западных санкционных ограничений логистические изменения предполагают:

– перестройку экспортных маршрутов, включая развитие каспийского направления и коридора «Север – Юг»;

– использование российских морских портов для экспорта (например, калийных удобрений и нефтепродуктов);

– развитие железнодорожных перевозок;

– использование «перецепки» грузов на границе: в автоперевозках внедрена схема перецепки/перегрузки полуприцепов на границе с ЕС, что позволяет продолжать доставку грузов в условиях запретов для перевозчиков;

– активизацию транзитных функций: транзитный статус создал новые возможности для белорусской логистики, транспорта и сферы услуг, усилив роль страны в региональных торговых цепочках.

Финансовая адаптация к санкционным запретам на использование в расчетах долларов и евро, сложностям с проведением расчетов из-за ограничений в банковской системе и рискам вторичных санкций для финансовых посредников осуществляется посредством:

– перехода на расчеты в национальных валютах (рубли, юани) для избежания блокировок;

– введения временного разрешения на проведение расчетов по экспорту за наличную иностранную валюту, что позволяет, минуя банковские счета, организовать систему поступления денег от реализации подсанкционных товаров;

– расширения сети корреспондентских счетов белорусских банков в зарубежных финансово-кредитных организациях (новые корреспондентские счета работают в банках Турции, в Казахстане, Китае и в ряде других юрисдикций);

– использования внебанковских механизмов во внешнеторговых расчетах (например, получение экспортной выручки без трансграничного движения денежных средств; осуществление трансграничных платежей с использованием криптовалют).

Наряду с этими механизмами появляются и другие схемы, позволяющие белорусским банкам даже в условиях санкций обеспечивать беспрерывную систему расчетов между белорусскими и зарубежными компаниями. В обозримом будущем Беларусь, как и Россия, планирует внедрить в обращение новую форму денег – цифровой рубль. Фактически это та же криптовалюта, но только эмитируемая государством. Наибольший интерес технологий, на которых основана эмиссия цифровых рублей, будут представлять в трансграничных платежах.

Среди иных способов защиты бизнеса Беларуси от санкционного давления можно выделить:

– реорганизацию: изменение юридического статуса субъектов хозяйствования, переоформление бизнеса в других странах, долей учредителей на других лиц и видоизменение бизнеса;

– использование посреднических структур как в части проведения международных расчетов, так и в отношении фактического перемещения товаров;

– увеличение льгот для подсанкционных предприятий и развитие систем поддержки бизнеса (Парк Высоких Технологий, центры поддержки предпринимательства, бизнес-инкубаторы и т. п.);

– использование государственных инструментов для страхования экспортных рисков и льготного кредитования предприятий, пострадавших от санкций;

– снижение таможенных пошлин на импорт;

– информационную и организационную поддержку государством экспортеров и др.

Основной недостаток антисанкционных схем – дополнительные издержки, которые приходится нести субъектам хозяйствования для выстраивания торговли с зарубежными странами. Вместе с тем, процесс переориентации экспорта, несмотря на значительные логистические и финансовые трудности, позволяет преодолевать санкционное давление и восстанавливать внешнеторговый баланс.

С целью географической диверсификации внешней торговли и минимизации санкционного давления на белорусский бизнес представляется целесообразным дальнейшее развитие мер поддержки экспорта по следующим направлениям:

1. Расширение и выдвижение на первый план мер торгово-политической поддержки экспорта посредством достижения высокого уровня политического и экономического сотрудничества с зарубежными странами, значительного укрепления договорно-правовой базы взаимной торговли, снятия ограничений и барьеров во взаимной торговле в целях улучшения условий доступа на зарубежный рынок, дипломатической поддержки экспортеров со стороны загранучреждений и продвижения экспортного потенциала страны за рубежом.

2. Внедрение дополнительных мер финансового стимулирования экспорта, в частности, компенсация государством:

– части логистических затрат (транспортных и складских издержек) в связи с невозможностью (затруднением) отгрузки и/или доставки товаров по экспортным контрактам из-за санкционных ограничений;

– фактических затрат на защиту прав на результаты интеллектуальной деятельности за рубежом (регистрацию товарных знаков, промышленных образцов, заявок на получение патентов);

– затрат на омологизацию продукции (приведение товара к требуемым стандартам рынка), создание экспортных модификаций;

– затрат, связанных с созданием системы послепродажного обслуживания экспортированной продукции;

– малым и средним предприятиям части затрат, связанных с организацией электронной экспортной торговли.

3. Расширение практики проектного финансирования за рубежом Банком развития путем оказания содействия развивающимся странам в создании необходимой инфраструктуры с целью последующего экспорта в эти страны продукции и услуг отечественного производства.

4. Развитие системы страхования внешнеторговых рисков с поддержкой государства, расширение линейки страховых продуктов «Белэксимгарант» за счет внедрения новых форм страхования, например, страхования рисков освоения новых рынков (расходов по организации ярмарок и выставок, созданию складов, торговой и обслуживающей сети за рубежом); страхования экспортного производства (прямых инвестиций в приоритетные

отрасли экономики, ориентированные на экспорт, капиталовложений для освоения перспективных для экспорта инноваций и разработок); страхования валютных рисков.

5. Стимулирование диверсификации внешнеторговых потоков путем проведения международных форумов, ярмарок, выставок, участия делегаций бизнеса в подобных мероприятиях за рубежом, установления широкой сети дружественных, в том числе и личных, связей с бизнес-кругами зарубежных стран.

6. Активное закрепление на внешних рынках посредством реализации перспективных проектов международной кооперации, в частности, путем создания сборочных производств белорусской продукции и развития логистической инфраструктуры для ее продвижения, а также трансфера производства с определенной долей локализации за рубежом, что обусловлено желанием все большего количества стран развивать собственные компетенции.

7. Дальнейшее развитие нефинансовых механизмов поддержки экспорта путем внедрения цифровых сервисов для экспортеров; развития и повышения эффективности товаропроводящей сети за рубежом; активного продвижения белорусской продукции на иностранных рынках по каналам электронной торговли; формирования позитивного имиджа Беларуси за рубежом за счет своевременного информационного продвижения белорусской продукции, ориентированного на благоприятное восприятие белорусских товаров на международных рынках и создание национального странового бренда.

8. Усиление информационной поддержки по специфике работы белорусского бизнеса в условиях санкций. Экспортерам необходимо быть в курсе всех действующих в отношении Беларуси ограничительных мер, что помогает минимизировать риски при планировании новых проектов. Для этого необходимо ознакомиться с перечнем санкций, введенных каждой отдельной страной. Какого-либо единого списка ограничительных мер для Беларуси не существует, тем более, он непрерывно пополняется и изменяется. Учесть все нюансы экспортеру достаточно трудно. В этой связи организациям поддержки экспорта целесообразно составить и распространить среди заинтересованных предприятий систематизированный перечень санкций, действующих в отношении Беларуси, классифицированный по товарам и по странам.

УДК 330.34

ТЕНДЕНЦИИ «ЗЕЛЕНОГО» ФИНАНСИРОВАНИЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Смольская Надежда Игоревна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

«Зеленые» инвестиции рассматриваются сегодня как один из важных финансовых механизмов, позволяющих смягчить экологические риски и поддержать переход к низкоуглеродному развитию на национальном, региональном и международном уровнях.

По итогам 2025 года Китайская Народная Республика (далее – КНР) стала лидером мирового рынка «зеленых» облигаций и «зеленых» кредитов: объем «зеленых» кредитов достиг 44,77 трлн юаней, увеличившись на 20,2 % в годовом исчислении по отношению к предыдущему году. Совокупный объем выпуска «зеленых» облигаций за период 2021–2025 гг. составил 5,2 трлн юаней [1].

В КНР вопрос экологизации экономики стал актуальным еще в 2010-х гг. В конце 2010 года на совещании ЦК КПК была представлена Концепция «зеленой» экономики. В составе пакета мер стимулирования объемом 4 трлн юаней, одобренного Госсоветом КНР, 210 млрд юаней было выделено на уменьшение выбросов углерода и охрану природы, то есть 5,25 % от общего пакета мер стимулирования.

В период 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) экологическая повестка и борьба с загрязнением окружающей среды стали одним из приоритетных направлений государственной политики КНР. Такой структурный сдвиг был вызван насущной проблемой загрязнения воздуха: смог в Пекине, равно как и в других промышленно развитых городах, превратился в «сигнал» для властей о необходимости ужесточать экологические стандарты.

Во время 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) КНР стала страной с наиболее динамично развивающейся системой возобновляемой энергетики в мире, была достигнута цель по снижению выбросов CO_2 на единицу ВВП на 18 %.

Современный этап экологической трансформации получил дальнейшее развитие в рамках основных положений Программы народнохозяйственного и социального развития на 15-ю пятилетку (2026–2030 гг.), где приоритетом определено ускорение формирования системы «зеленого», низкоуглеродного и высококачественного развития. В документе подчеркивается необходимость углубления реформ в сфере «зеленых» финансов, расширения механизмов рыночного ценообразования на углерод, стимулирования частных инвестиций в экологические проекты и модернизацию промышленности, а также повышения энергоэффективности и развития возобновляемых источников энергии. Особый акцент сделан на достижении целей углеродной нейтральности, цифровизации энергетической системы и укреплении институциональной базы устойчивого финансирования.

Основными направлениями «зеленого» финансирования в КНР на современном этапе развития являются:

1. *Развитие водной инфраструктуры в рамках «голубой экономики».*

В отличие от традиционных гидроэнергетических проектов, современные инструменты «зеленого» финансирования ориентированы на модернизацию систем водоснабжения и водоотведения. Инвестиционная активность смещается в сторону внедрения интеллектуальных систем управления водными ресурсами. Опыт КНР демонстрирует потенциал масштабирования соответствующих технологий. Так, например, в Хайнане в 2025 году в рамках развития «голубой экономики» было создано «умное» водное хозяйство, представляющее собой первый в мире подводный дата-центр. Традиционные дата-центры требуют колоссальных затрат электроэнергии на системы искусственного охлаждения. Подводный комплекс использует вместо энергоемких кондиционеров естественный ресурс – глубинные воды морского шельфа. Каждый герметичный модуль опускается на глубину порядка 35 метров, где стабильная температура океанской воды обеспечивает пассивный теплоотвод без какого-либо дополнительного оборудования. В дальнейшем в КНР планируется создать сеть из 100 таких дата-центров.

2. *Оффшорная ветроэнергетика как драйвер декарбонизации.*

Офшорная ветроэнергетика – производство электроэнергии с помощью ветроэнергетических установок, построенных недалеко от побережья морей (на шельфе или в открытом море) [2, с. 64]. Тогда как наземная ветроэнергетика вступила в фазу технологической зрелости, оффшорная ветрогенерация демонстрирует высокие темпы роста. «BloombergNEF» отмечает, что инвестиции в возобновляемую энергетику за первую половину 2025 года составили в мире 386 млрд долл. США с акцентом на оффшорную ветроэнергетику и маломасштабное солнечное производство, несмотря на снижение в крупномасштабных проектах [3]. Вдоль китайского юго-восточного морского побережья формируются кластеры оффшорной ветроэнергетики на основе благоприятных ветровых условий, где часть проектов уже реализована, а новые находятся на стадии планирования и строительства. В северных регионах Внутренней Монголии, Цинхай и Синьцзян развиваются и проектируются крупномасштабные береговые ветровые, а также солнечные панели, использующие высокий потенциал ветровых и солнечных ресурсов.

3. *Агровольтаика.*

Агровольтаика представляет собой технологию, при которой фотоэлектрические панели и сельскохозяйственные культуры сосуществуют на одном земельном участке, повышая продуктивность каждого гектара [4, с. 25]. Это интеграция солнечной генерации и

сельскохозяйственного производства. В КНР агровольтаика уже применяется в крупных проектах, прежде всего в засушливых и опустыненных регионах на севере и северо-западе страны. Эти проекты совмещают выработку солнечной энергии с восстановлением деградированных земель и сельскохозяйственным производством (кормовые культуры, ягоды, пастбища). На пустынных землях в автономном районе Нинся построен крупный «умный» агровольтаический комплекс, где солнечные панели размещены над плантациями годжи. Панели снижают испарение влаги из почвы на 30–40 % и способствуют увеличению растительного покрова более чем на 80 %, одновременно генерируя «зеленую» энергию.

4. *Циркулярная экономика и переработка электронных отходов.*

Эволюция подходов к обращению с отходами выражается в переходе от утилизации вторичных материалов к извлечению ценных компонентов из сложных технических изделий. По мнению Чжан Чэна, профессора Нанкинского университета финансов и экономики, из одной тонны старых мобильных телефонов можно извлечь около 400 граммов золота, 2300 граммов серебра, а также палладий, медь и олово, в то время как из одной тонны обычной золоторудной руды можно извлечь всего 5 граммов золота [5]. Таким образом, особую актуальность приобретает переход от линейной модели «производство → использование → захоронение» к циркулярной экономике, при которой сложные технические изделия и электронные отходы рассматриваются как высокодоходный вторичный ресурс.

5. *Регенеративное земледелие и секвестрация углерода в почвах.*

Аграрный сектор остается одним из крупнейших источников парниковых газов, однако почвы обладают значительным потенциалом в качестве поглотителей углерода. Концепция «углеродного земледелия» предполагает внедрение систем обработки почвы с минимальным вмешательством, которые способствуют накоплению органического вещества. Это приводит к секвестрации (связыванию) углекислого газа из атмосферы и его длительному хранению в форме почвенного органического углерода (гумуса). Финансовые институты, включая «JPMorgan Chase», приобретают углеродные единицы, верифицированные по почвенным протоколам, для компенсации собственного углеродного следа. Регенеративное земледелие в КНР из области научных концепций перешло в стадию конкретных проектов. Основной упор делается не просто на агротехнику, а на верификацию и монетизацию почвенного углерода.

КНР последовательно трансформирует регенеративное земледелие из теоретической дисциплины в полноценную отрасль с измеримыми финансовыми результатами. В декабре 2025 года правительство КНР впервые в мировой практике утвердило официальную «Методологию углеродных отложений», которая формирует полноценную регуляторную базу для учета, подтверждения и последующего рыночного обращения углеродных единиц, возникающих в ходе управляемых почвенных и гидрологических процессов. Тем самым аграрный сектор получает новый финансовый инструмент, позволяющий напрямую монетизировать экосистемные услуги деградированных земель.

Таким образом, КНР последовательно и результативно формирует национальную модель «зеленого» инвестирования: от первых инициатив в 2010-х гг. до позиции мирового лидера по объемам «зеленых» кредитов и «зеленых» облигаций к 2025 году. Выявленные тенденции отражают общую трансформацию инвестиционных потоков в сторону экологически ориентированных проектов. Устойчивый рост «зеленых» кредитов и «зеленых» облигаций на протяжении трех пятилетних планов свидетельствует о том, что экологическая трансформация стала неотъемлемой частью долгосрочной экономической стратегии страны. «Зеленое» финансирование в КНР эволюционировало от инструмента точечной поддержки отдельных проектов к масштабной системе низкоуглеродного и высококачественного развития национальной экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. В 2025 году в Китае заметно увеличился объем «зеленых» кредитов. – 2026. – URL: https://russian.people.com.cn/n3/2026/0219/c31521-20426936.html (дата обращения 15.04.2026).

2. Филатова А.С. Оффшорная ветроэнергетика // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2018. – № 12. – С. 63–66.

3. Energy Transition Investment Trends 2026: Global Energy Transition Investment Reached Record 2.3 Trillion USD in 2025 // BloombergNEF. – 2026. – URL: https://about.bnef.com/insights/clean-energy/bloombergnef-finds-global-energy-transition-investment-reached-record-2-3-trillion-in-2025-up-8-from-2024/ (дата обращения 12.04.2026).

4. Костик Н.Р., Бобыль А.В. Потенциал агровольтаических систем в сельском хозяйстве Российской Федерации // АгроЭкоИнженерия. – 2021. – № 2 (107). – С. 25–45.

5. 王禹欣, 刘晓阳. 畅通废旧手机回收的“绿色循环” / 王禹欣, 刘晓阳 // 光明日报. – 2025. – URL: https://cenews.com.cn/news.html?aid=1403658 (дата обращения 14.04.2026).

УДК 327.8; 329; 339.92

ПАРТИЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ КНР

Сулейков Андрей Александрович,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Наиболее активными пользователями инструментов пратийной дипломатии, как правило, выступают политические партии левого толка, а также государства, в которых такие партии либо являются правящими, либо длительное время занимали лидирующую позицию. Безусловным лидером по использованию ресурсов и инструментария видится возможным считать КНР в целом и Коммунистическую партию Китая в частности. Более того, партийная дипломатия официально рассматривается китайским руководством не просто как канал проецирования «мягкой» или «дискурсивной» силы, но и как полноценная составляющая внешнеполитического государственного курса. Китайской стороной партийная дипломатия приравнивается к промежуточному, между «первым» («официальная дипломатия») и «третьим» («гражданская дипломатия»), треку дипломатии («неофициальная или полугосударственная дипломатия»). Такое положение партийной дипломатии в структуре внешнеполитического курса КНР объясняется тем, что «полуторный» трек в принципе подразумевает полуофициальность самих контактов и негосударственность акторов, по меньшей мере, с одной из сторон. В китайском кейсе очевидна промежуточность положения самой КПК – являясь, с одной стороны, основополагающей структурой современного китайского государства, КПК относительно самостоятельна, обладает собственной обширной институциональной структурой, действует сравнительно автономно и параллельно внешнеполитическому ведомству, контактируя преимущественно с политическими партиями и иными субъектами гражданского общества.

В качестве основной задачи партийной дипломатии китайской стороной рассматривается популяризация китайской модели социально-экономического развития, в том числе и в рамках парадигмы «дискурсивной силы».

В реализации текущего курса китайская сторона ориентируется на достижение следующих целей:

1. Расширение политико-экономического влияния в регионе.
2. Налаживание непубличных каналов общения «полуторного» трека.
3. Эффективное проецирование «дискурсивной силы».

Политические партии воспринимаются китайской стороной как субъекты, имеющие доступ к источникам ряда ресурсов, агентским сообществам и процессу принятия решений. Они воспринимаются, в том числе, и как каналы оказания воздействия на государственные

решения, внимание акцентируется на роли политических партий как связующего звена с бизнес-сообществом, а также на их возможностях по формированию общественного мнения.

Наследуя в некоторых аспектах советской традиции в этой сфере, КПК во многом с ней и порывает. Если советская модель партийной дипломатии строилась на привлечении политических партий коммунистической, социалистической или хотя бы просто левой ориентации, то КПК привлекает к диалогу партии практически всех идеологических спектров. Ключевыми критериями к вовлечению в коммуникационный процесс выступают системность политической партии, а также общая ориентация на конструктивное сотрудничество.

Роль флагманского формата реализации китайского курса партийной дипломатии играет Форум «Диалог КПК с миром» [1]. Суть Форума заключается в создании полноценной площадки (наподобие т. н. «Talk tank») для регулярного общения партийных лидеров, прямой презентации китайского опыта социально-экономического развития и реформ, формировании лояльного отношения представителей зарубежных политических партий к китайскому опыту и КПК в частности, а также выстраиванию неформальных каналов коммуникации, которые затем могут стать фундаментом политического и экономического сотрудничества.

В целом, партийная дипломатия КПК декларативно базируется на нескольких ключевых принципах, а именно

1. Ненавязывание модели развития.
2. Уважение политической системы других стран.
3. Уважение к политико-экономическим особенностям других стран.
4. Презентация китайского опыта как альтернативы подходам, выработанным в рамках западноевропейской и англо-саксонской традиции.

Более четко роль партийной дипломатии как инструмента обеспечения экономических интересов проявляется при анализе использования партийной дипломатии китайской стороной в двустороннем и многостороннем форматах в региональном разрезе. Особый интерес в этом плане может представлять регион Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА). Это обусловлено включением региона, в силу его географической и территориальной близости, в зону прямых политико-экономических интересов КНР. Одновременно ЮВА играет роль одного из ключевых регионов деятельности оппонирующих Китаю геополитических сил. Об этом может свидетельствовать образование в 2022 г. Индо-Тихоокеанской экономической структуры.

Политико-экономическая специфика региона, заключающаяся в политической эклектичности, требует гибкости и адаптивности использования партийной дипломатии. Партийно-дипломатический курс КНР в ЮВА прошел несколько ключевых эволюционных этапов [2]:

1. «Этап враждебности» – период «Холодной войны». Контакты между КПК и другими партиями региона имели ограниченный характер и во многом были обусловлены конфронтационной динамикой.

2. «Этап прощупывания» – 1990-е годы. Наблюдалась нормализация отношений КПК с политическими партиями региона. Так, в 1991 г. начался диалог в формате «Китай-АСЕАН», в 1996 году КНР приобрела статус полноправного партнера по диалогу с АСЕАН.

3. «Этап прорыва» – 2000-е годы. Углубление стратегического партнерства с партиями стран региона, особенно в контексте развития экономических отношений.

4. «Этап глубокой координации» – 2010-е – настоящее время. Ответом на дестабилизацию геополитической и геоэкономической обстановки становится инициирование проекта «Пояса и пути», выдвижение концепции «Сообщества единой судьбы человечества» и преобразование политики партийной дипломатии КПК.

На текущем этапе партийная дипломатия КПК в регионе играет роль преимущественно канала управления кризисами и политическими рисками для экономической деятельности. При этом следует понимать, что ключевыми рисками при реализации партийно-дипломатического курса КНР в регионе выступают:

1. Электоральная турбулентность в ряде государств региона (например, Малайзия (после 2018 г.), Таиланд и Филиппины склонны к частой смене правящих политических сил).

2. Временные разрывы и приостановки действий коммерческих контрактов, вызванные геополитическими факторами.

3. Затруднительность прикладной реализации достигнутых по каналам партийной дипломатии договоренностей: правящие партии не всегда имеют ресурсы для самостоятельной реализации политики (в случае коалиционных правительств), а оппозиционные партии часто не имеют рычагов воздействия на ситуации в принципе.

4. Наличие острых тем геополитического характера, позиция сторон по которым представляется принципиальной (например, уже упомянутые противоречия по акватории Южно-Китайского моря).

В силу этого ключевой характеристикой из в принципе присущих китайской партийной дипломатии становится прагматичность, обуславливающая ее гибкость и адаптивность.

Так, модель партийной дипломатии, практикуемую КПК в случае с Лаосом, видится возможным охарактеризовать как модель глубокой партийной и экономической интеграции. Политическая система Лаоса однопартийна, характеризуется функционированием единственной политической партии (Народно-революционной партии Лаоса), что обуславливает роль партийной дипломатии как ключевого трека дипломатических отношений, взаимодействие в рамках которого формирует фундамент экономического сотрудничества. Договоренности, достигнутые по партийной линии, предваряют межгосударственные договоренности, согласование стратегических приоритетов развития и партнерства также осуществляется преимущественно в рамках межпартийного взаимодействия. Это особенно важно в контексте того, что КНР играет роль крупнейшего источника прямых иностранных инвестиций в экономику Лаоса: реализация крупных экономических и инфраструктурных проектов (железная дорога «Китай-Лаос» [3, с. 168]) была бы затруднена в отсутствие партийного трека дипломатии.

Совершенно иначе ситуация обстоит касательно партийных контактов КПК с агентами политического поля в Малайзии. До 2018 г. политическая система Малайзии характеризовалась четким доминированием блока «Национальный фронт» (в состав которой на 2018 год входили более 13 партий), то Всеобщие выборы 2018 г. обозначили конец полувековой монополии «Национального фронта», уступившего пальму первенства блоку «Альянсу Надежды» (социал-демократическая ориентация).

При этом охарактеризовать партийную систему Малайзии как однопартийную или двухпартийную затруднительно – ключевую роль в электоральной борьбе играют партийные блоки, включающие в себя одну доминирующую партию и несколько сопоставимых, но несколько уступающих, либо полностью уступающих доминирующей политических партий. При этом после 2018 г. сложно говорить о наличии и доминирующей силы: ставший доминирующей политической силой «Альянс Надежды», после кризиса 2020–2022 гг. был вынужден пойти на формирование правительства широкой коалиции [4, с. 231–232].

Это обуславливает многосторонний характер китайской партийной дипломатии на малазийском векторе: она направлена на установление доверительных связей и налаживание предварительных контактов с партиями, имеющими возможность получения власти с целью стабилизации сотрудничества, обеспечения экономико-политической преемственности в случае смены администрации.

Таким образом, если в отношениях с Лаосом связи КПК и Народно-революционной партии играют роль дополнительного канала коммуникации, согласования и закрепления достигнутых по «первому треку» дипломатии договоренностей, то в случае с Малайзией партийная дипломатия играет роль канала обеспечения внешнеполитической и торгово-экономической преемственности, страхования инвестиций и митигации рисков политической турбулентности и партийной волатильности (примером подобного служит проект East Coast Rail Link, реализация которого приостанавливалась в 2019 г. после Всеобщих выборов 2018 г.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Верченко А.Л. Партийная дипломатия во внешней политике КНР: «Диалог КПК с миром – 2023» // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – Выпуск № 4. – С. 7–19.

2. Shixin Z. China's Party Diplomacy in Southeast Asia // China Quarterly of International Strategic Studies. – 2021. – Vol. 7, No. 4. – P. 451–465.

3. Рогожина Н.Г. Лаос и китайская инициатива «Пояса и пути» – приобретения и потери // ЮВА: актуальные проблемы развития. – 2021. – № 2 (51). – С. 166–173.

4. Кочеткова Е.В. Обзор социально-экономической и политической жизни современной Малайзии // ЮВА: актуальные проблемы развития. – 2024. – № 1 (62). – С. 225–237.

УДК 339.9

РИСКИ И ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СО СТРАНАМИ АЗИИ: СУБРЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Тавгень Екатерина Олеговна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Мировой финансовый, производственный и технологический центр смещается на Восток, в динамично развивающиеся страны Азии. Регион представляет собой крупнейший в мире потребительский рынок, как с точки зрения численности населения, так и с точки зрения расходов. Освоение данного рынка является актуальной задачей для белорусских экспортеров в рамках мер по диверсификации внешней торговли, в том числе путем переориентации на новые перспективные рынки стран «дальней дуги». При этом азиатский регион весьма фрагментирован: политические, экономические условия и особенности ведения бизнеса отличаются на субрегиональном уровне.

Субрегион Восточной Азии характеризуется относительно низким уровнем политических рисков и коррупции. Одна из ключевых угроз состоит в корректировке курса экономической политики при потере правящих партий своих позиций. Кроме того, сохранение ориентации на военно-техническое сотрудничество ряда стран с США и наличие соглашений об экономическом партнерстве с ЕС затрудняет взаимодействие с Республикой Беларусь.

Основным социально-экономическим риском выступает заметное замедление частного потребления (ведущего компонента спроса, составляющего более 50 % ВВП) при одновременной насыщенности местного рынка и наличии малого числа свободных ниш [1]. Хотя Восточная Азия обладает развитой инфраструктурой, для субрегиона характерна неравномерная концентрация деловой и потребительской активности в крупных агломерациях. Это усиливает конкуренцию среди иностранных поставщиков.

Несмотря на благоприятную деловую среду и значительное снижение тарифов, существуют нетарифные барьеры, в том числе отраслевые нормативные акты, которые создают трудности для компаний, выходящих на местный рынок. Иностранные фирмы часто проходят длительный процесс утверждения, растягивающийся на месяцы или даже годы. Обеспечение безопасности продукции и контроль качества имеют решающее значение, в связи с чем могут возникнуть дополнительные затраты на тестирование и оценку соответствия импортных товаров местным стандартам. Достижение успеха предполагает использование крупных дистрибьюторских сетей. Торговые дома оказывают большое влияние на цены и условия доставки. Поэтому белорусские экспортеры должны оставаться гибкими и быть готовыми к пересмотру своей экспортной стратегии.

Деловые практики укоренены в таких культурных ценностях, как иерархия, честь, коллективизм и этикет. Имеет место консервативный подход к ведению бизнеса, исключающий риск. Процесс принятия решений ориентирован на группу с акцентом на достижение широкого консенсуса, чтобы избежать потери лица в случае плохого результата. Восточноазиатские компании предпочитают индивидуальное взаимодействие, т. е. на переговорах будут присутствовать представители соответствующих отделов, варьирующихся в зависимости от продукта или услуги [2].

Для Юго-Восточной Азии также характерна стабильная политическая обстановка, несмотря на частые смены политического руководства. Однако распространенная коррупция и неэффективная бюрократия по-прежнему остаются проблемой, которая влияет на систему управления, доверие иностранных поставщиков и инвесторов, а также увеличивает стоимость ведения бизнеса за счет неофициальных платежей и задержек при проведении операций.

Сохраняющаяся зависимость от экспорта (в основном сырьевых товаров) и иностранных инвестиций делает субрегион крайне восприимчивым к изменению мировых цен. Учитывая неопределенные перспективы внешней торговли, доходы от экспорта будут сокращаться, расширяя существующий дефицит текущего счета, истощая и без того небольшие валютные резервы и ограничивая возможности по наращиванию импорта. Логистические расходы составляют от 25 до 30 % ВВП стран субрегиона, в то время как в развитых государствах они не превышают 5 % ВВП [3]. Высокотехнологичные логистические компании в субрегионе практически отсутствуют. Решением в данном случае может стать использование площадок электронной коммерции. Эта сфера в субрегионе развивается достаточно быстро.

Юго-Восточная Азия считается относительно открытым рынком с благоприятными условиями для торговли и инвестиций и низким средним уровнем тарифов (6–10 %) на импортные товары [4]. Однако субрегион традиционно склонен к протекционизму в отношении ключевых отраслей промышленности. Даже для импорта товаров, не требующих лицензии, могут понадобиться дополнительные сборы. Требования к местному содержанию могут представлять собой проблему для белорусских компаний. Правила предписывают, чтобы определенный процент компонентов продукта или производственных процессов был местного происхождения, конкретные требования варьируются в зависимости от отрасли.

Местные контрагенты предпочитают непрямой стиль общения, чтобы избежать конфронтации и сохранить гармонию. Важно уметь интерпретировать невербальные сигналы. Поскольку многие потребители с низким доходом продолжают переходить в сегмент со средним доходом, их привычки в отношении расходов и выбор продуктов становятся все более изощренными. Хотя это означает ожидаемое увеличение расходов во многих секторах, иностранным компаниям требуются более дифференцированные и сегментированные предложения продуктов. Потребители стали уделять меньше внимания цене и больше другим факторам, таким как общее качество продукта и надежность брендов.

Наиболее ярко политические риски проявляются в Южной Азии. Этот субрегион характеризуется политической турбулентностью, усугубляющей риски личной безопасности. Текущая политическая обстановка в ряде стран (Бангладеш, Шри-Ланка, Непал), которые столкнулись с массовыми протестами и внезапными сменами руководства за последние несколько лет, стала фактором, негативно повлиявшим на предсказуемость деловой среды, а также усилившим риск дискриминационного и произвольного обращения с иностранными партнерами и потенциальной приостановки лицензий.

Финансовая система стран Южной Азии демонстрирует высокую степень макроэкономической неустойчивости. Сохраняются инфляционные риски, растет долговая нагрузка, что создает непредсказуемую среду и усложняет выход на рынок. Один из ключевых вызовов – курсовая нестабильность, которая может повлиять на доходность экспортных операций и расчеты по контрактам. Хотя за последние два десятилетия численность населения, проживающего в городских районах, увеличилась, около 64 % населения по-прежнему проживает в сельских районах [3]. В связи с этим официальные каналы

дистрибуции и продаж не очень хорошо развиты: большая часть торговли ограничивается небольшими магазинами, рынками и неформальной торговлей.

В Южной Азии тарифы выше, чем в других азиатских субрегионах, а режимы регулирования могут меняться без предварительного уведомления из-за частых корректировок в политике правительства. В местной экономике отсутствует белорусская промышленная экосистема, которая могла бы привлечь в страну связанные отечественные предприятия. Другие азиатские экономики, напротив, создали сети взаимосвязанных игроков, работающих в субрегионе, особенно в секторах автомобилестроения и промышленного машиностроения. Порядок, конфиденциальность и пунктуальность являются ключевыми ценностями в бизнесе, а деловые отношения часто основаны на взаимной выгоде. В субрегионе развита преемственность поколений. Есть крупные бизнес-структуры, основанные на семейных кланах, и такие компании, как правило, – лидеры рынка, получающие основные преференции от правительства.

Политические риски на Ближнем Востоке обусловлены наличием «горячих точек» (Сирия, Ливан, Йемен) и конфронтации между Ираном и Израилем. Угроза личной безопасности из-за сохранения криминогенной обстановки, хрупкие институты, отсутствие правовой защиты и плохо реализованные структурные реформы препятствуют внешней торговле. В этом контексте наиболее перспективным направлением сотрудничества на Ближнем Востоке является район Персидского залива.

С другой стороны, в монархиях Персидского залива денежно-кредитная стабильность поддерживается привязкой обменного курса к доллару США, что лишает национальные банки возможности проводить собственную монетарную политику. Экономика этих стран зависит от государственных расходов, и в краткосрочной перспективе возможен фискальный дефицит, поскольку средства продолжают тратиться на масштабные мегапроекты. Одной из главных проблем является низкий уровень сбережений домохозяйств, который составляет около 2 % от годового располагаемого дохода граждан, что ниже мирового стандарта в 10 % – минимального уровня для обеспечения долгосрочной финансовой независимости [4].

Правовая система сочетает элементы гражданского права с нормами шариата, что создает уникальную юридическую среду. Заключение отдельных видов соглашений регулируется нормами исламского права. Учитывая требования к владению за пределами СЭЗ, создание предприятия со 100 % иностранным капиталом практически невозможно. Ведение бизнеса также осложняется политикой установления квот на обязательное трудоустройство местных граждан (оманизация, саудизация, эмиратизация и т. д.).

Местные партнеры хотят видеть продукт, который уже продемонстрировал признаки успеха. Поэтому ближневосточные компании могут рассматривать возможность встречи с иностранным поставщиком только в том случае, если он уже присутствует в субрегионе или уже нанял локального представителя или агента. Ближневосточные контрагенты склонны ожидать существенных уступок, прежде чем согласиться на что-либо. Рекомендуется установить начальную цену на уровне, который позволит снизить ее.

Таким образом, среди ключевых при осуществлении внешнеэкономической деятельности рисков, характерных для каждого из четырех субрегионов Азии, можно выделить следующие: насыщенность рынка, высокий уровень конкуренции со стороны региональных игроков (Восточная Азия), фрагментарность рынка, наличие торговых ограничений ввиду протекционистской политики (Юго-Восточная Азия), неразвитость инфраструктуры и геополитическая нестабильность (Южная Азия), сильное влияние традиций и религии на бизнес-практики и потребительское поведение, различия в деловой этике (Ближний Восток). Учет обозначенных выше особенностей субрегиональных рынков позволит белорусским предприятиям своевременно адаптировать собственные производственные и сбытовые стратегии под нужды азиатских партнеров, укрепляя тем самым конкурентные позиции в условиях трансформации местных цепочек создания добавленной стоимости и повышая эффективность внешнеторговой деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Business Risk Dashboard. – 2026. – URL: https://www.coface.com/news-economy-and-insights/business-risk-dashboard (дата обращения 04.03.2026).

2. Cultural Atlas. – 2026. – URL: https://culturalatlas.sbs.com.au/countries (дата обращения 06.04.2026).

3. Regional Risks for Doing Business. – 2026. – URL: https://www.weforum.org/publications/regional-risks-for-doing-business-2019/ (дата обращения 06.04.2026).

4. Country Reports. – 2026. – URL: https://www.allianz-trade.com/en_global/economic-research/country-reports.html (дата обращения 15.04.2026).

УДК 339.9

ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СТРАНАХ БРИКС

Тулейко Екатерина Васильевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Страны БРИКС в последние годы демонстрируют высокие темпы экономического роста. Совокупная доля этих стран в мировом ВВП уже превысила аналогичный показатель участников G7, а на развивающиеся рынки суммарно приходится более 59 % глобального ВВП. Однако, несмотря на значительные природные и человеческие ресурсы, многие из этих стран все еще сталкиваются с проблемой нераскрытого экономического потенциала. Более того, данные государства сталкиваются с проблемой инвестиционного дефицита, который, по оценкам экспертов, превышает 4 трлн долл. США – из них от 1,4 до 2,5 трлн долл. США приходится на инфраструктурные потребности [1].

Дефицит инвестиций в инфраструктуру ограничивает потенциал экономического роста стран объединения и обусловливает необходимость развития финансовых инструментов. Одним из таких инструментов является государственно-частное партнерство (далее – ГЧП).

ГЧП в странах БРИКС – один из ключевых инструментов модернизации инфраструктуры. Правовая база ГЧП в странах объединения характеризуется уникальными национальными моделями, основанными на сочетании специальных законов о ГЧП, концессионных соглашений и отраслевого регулирования, обеспечивая механизмы защиты инвесторов и распределения рисков. Специальные законы о ГЧП действуют в Бразилии, России, Египте, Иране и ОАЭ.

Подразделения ГЧП созданы в большинстве стран БРИКС. Как правило, они представлены в структуре профильных министерств (Бразилия, Индия, Эфиопия, ЮАР, ОАЭ, Иран) и на уровне штатов (Бразилия, Индия). Отдельные структуры действуют в России (Национальный центр РАЗВИВАЙ.РФ.), Китае (Китайский центр по ГЧП), Египте (Центр ГЧП), Саудовской Аравии (Национальный центр приватизации и ГЧП).

Количество проектов ГЧП в странах БРИКС исчисляется десятками тысяч, составляя масштабную долю мирового рынка инфраструктуры. В период с 2020 по 2024 гг. в Бразилии, Китае и России приоритетными отраслями участия частного сектора в развитии инфраструктуры были: аэропорты, сбор и транспортировка, электроэнергетика, ИКТ, интегрированная система обращения с твердыми бытовыми отходами, природный газ, порты, железные дороги, автомобильные дороги, очистка/утилизация, водоснабжение и канализация. Сектор электроэнергетики и ИКТ преобладал в Иране и Эфиопии. В Египте и ЮАР – аэропорты, электроэнергетика, ИКТ, интегрированная система обращения с твердыми

бытовыми отходами (преимущественно в Египте), природный газ, порты, железные дороги, очистка/утилизация, водоснабжение и канализация. В Индии помимо вышеперечисленных отраслей было реализовано ряд проектов по установке зарядных станций для электромобилей. Электроэнергетика представляла собой сектор с наибольшим объемом инвестиций [2].

Анализ практики реализации механизмов ГЧП, в частности в государствах-основателях БРИКС, показывает, что отраслевое распределение проектов ГЧП тесно связано с национальными отраслевыми приоритетами и стратегическими целями межгосударственного объединения.

Так, к примеру, *в Бразилии* наибольшее количество инфраструктурных проектов реализуется в промышленно развитом юго-восточном регионе (Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро). В стране действует ряд стратегических программ: Климатический план (Plano Clima 2024–2035 гг.), направленный на достижение климатической нейтральности; Национальный план по биоразнообразию (2025–2030 гг.), ориентированный на восстановление и защиту экосистем; План ABC+ (2020–2030 гг.), сосредоточенный на устойчивом земледелии; программа социального жилья «Мой дом, моя жизнь» (Minha Casa, Minha Vida), направленная на борьбу с дефицитом жилья и др. В 2025–2026 годах проекты в Бразилии сосредоточены на развитии инфраструктуры (логистика и жилищное строительство), «зеленой» энергетики и социальной сферы в рамках Национального плана развития на 2024–2027 годы (Multi-Year Plan, PPA). Бразильский банк развития (BNDES) играет доминирующую роль в долгосрочном финансировании в Бразилии.

В России по состоянию на 1 января 2026 г. находились в стадии создания и эксплуатации, а также успешно завершены почти 4,6 тыс. концессионных соглашений и соглашений о ГЧП [3]. К отраслевым трендам развития рынка ГЧП в России можно отнести следующие: активное развитие магистральной и городской инфраструктуры (в рамках Стратегии пространственного развития РФ до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.); модернизация общественного транспорта в российских регионах (в рамках федеральной программы комплексного развития городского электротранспорта); создание университетских кампусов (в рамках федерального проекта «Создание сети современных кампусов»); запуск проектов в сфере туризма и отдыха (в рамках обновленного национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» до 2030 г.); модернизация жилищно-коммунального хозяйства и благоустройство (в рамках стратегии развития строительной отрасли и ЖКХ до 2030 г. с прогнозом до 2035 г.); развитие механизмов ГЧП в новых отраслях (космическая инфраструктура и развитие промышленного производства).

Индия, по данным Economist Intelligence Unit, стала первой развивающейся экономикой, которая вошла в группу стран с «развитым ГЧП» на пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Несмотря на внушительные национальные показатели, экономическая картина Индии чрезвычайно неоднородна: прослеживается контраст между передовыми, урбанизированными и промышленно развитыми штатами на западе (такими как Махараштра и Гуджарат) и менее развитыми, преимущественно сельскохозяйственными регионами на севере и востоке (такими как Бихар и Уттар-Прадеш). Эта разница проявляется в доходах, доступе к инфраструктуре, качестве образования и здравоохранения [4]. В 2026 году экономические программы Индии сфокусированы на масштабном инфраструктурном развитии, цифровизации и стимулировании производства, при этом в бюджете на 2026–2027 годы делается упор на инфраструктурные проекты (дороги, порты) и привлечение инвестиций в технологические сектора. Рост ГЧП и использование инвестиционных трастов инфраструктуры (InvITs) открывают для частного капитала доступ к доходным индийским проектам.

В *Китае* только с 2014 года по август 2022 г. было реализовано 10 306 проектов ГЧП с общим объемом инвестиций в 16,4 триллиона юаней [5]. В настоящее время основные стратегии Китая, закладываемые в 15-й пятилетний план (2026–2030 гг.), направлены на инновационное развитие, всестороннюю «зеленую» трансформацию (декарбонизацию), ускоренную цифровую трансформацию экономики и обеспечение технологической

самостоятельности для устойчивого роста. Вышеперечисленные приоритеты Китая, а также реализация инициативы «Пояса и пути» позволяют активно использовать ГЧП для внедрения инноваций, развития экологической и транспортно-логистической инфраструктуры (включая трансграничную инфраструктуру). Активное участие государства и строгие регуляторные рамки способствуют росту устойчивых и технологичных проектов в энергетике, транспорте и городской среде.

ГЧП в *ЮАР* является одним из самых зрелых в Африке. Власти активно используют ГЧП для модернизации инфраструктуры, ЖКХ и экотуризма. Так, на 2023–2026 годы в ЮАР выделены инвестиции, направленные на улучшение туристического сектора страны (700 млн рэндов). В октябре 2025 года была разработана инвестиционная программа модернизации энергетической инфраструктуры страны, в соответствии с которой до 2042 года планируется инвестировать около 2,3 трлн рэндов. В 2026 году в ЮАР выделены инвестиции на развитие цифровой и «зеленой» экономики (более 62,4 млрд долл. США). В качестве инструментов финансирования вышеуказанных мероприятий названы ГЧП и средства Национального фонда развития инфраструктуры.

На уровне межгосударственного объединения, согласно Стратегии экономического партнерства БРИКС, ГЧП также рассматривается как инструмент расширения торгово-инвестиционного сотрудничества и привлечения дополнительных ресурсов. В рамках БРИКС создана рабочая группа по ГЧП и инфраструктуре, деятельность которой направлена на обмен опытом, стандартизацию процедур и реализацию совместных инфраструктурных проектов. В рамках первого заседания названной рабочей группы в 2025 г. выделены следующие приоритеты: снижение валютных рисков; финансирование инфраструктурных проектов в соответствии с целями стратегий и планов объединения; создание информационного центра для таких инициатив (особенно, что касается устойчивой к изменениям климата инфраструктуре).

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В условиях геополитической нестабильности, разнородности экономик стран БРИКС, дефицита финансирования инфраструктуры существует потребность в мобилизации ресурсов и развитии финансовых инструментов для реализации совместных инвестиционных проектов.

2. Одним из ключевых направлений развития торгово-инвестиционного сотрудничества в странах БРИКС выступает ГЧП. Как показала анализ, среди стран-основателей БРИКС наибольшее количество проектов зарегистрировано в Китае. Китай удерживает лидерство по объему инвестиций в ГЧП, активно используя указанный механизм в транспортном секторе и инфраструктуре. Индия активно использует ГЧП в дорожном строительстве и энергетике. Россия фокусируется на концессионных соглашениях и соглашениях о ГЧП в области транспортной и социальной инфраструктуры, а также промышленного производства. Бразилия делает ставку на энергетику и логистику, а ЮАР ориентирована на привлечение частного капитала в энергетическую инфраструктуру и экотуризм. Ключевыми инфраструктурными потребностями стран БРИКС (включая расширенный состав) являются: развитие транспортных коридоров; переход на возобновляемые источники энергии; цифровая трансформация; модернизация городской инфраструктуры, которая испытывает нагрузку из-за роста населения.

3. В качестве основных факторов, препятствующих развитию ГЧП в странах БРИКС можно назвать следующие: различия в темпах экономического роста и инвестиционном климате стран объединения; неравномерность распределения инвестиций; различный уровень институционального развития ГЧП и практики реализации проектов ГЧП; низкий уровень информационного сопровождения проектной деятельности и недостаток статистической информации по количеству реализованных и действующих инвестиционных проектов; отсутствие согласованных подходов к управлению совместными проектами в рамках БРИКС и др.

4. В ближайшее время для развития ГЧП в странах БРИКС объективно востребованными являются действия по следующим направлениям: сближение законодательных требований

и стандартов в области ГЧП; выработка общих подходов к финансированию инфраструктурных проектов с задействованием потенциала рабочей группы БРИКС по ГЧП и инфраструктуре; использование средств национальных банков развития для льготного кредитования и софинансирования проектов, а также ресурсов Нового банка развития (НБР) БРИКС; дальнейшее увеличение доли национальных валют в инвестиционных операциях; создание центров компетенций по ГЧП для сопровождения совместных проектов; формирование общей базы инфраструктурных (в том числе, совместных) проектов БРИКС и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Развитие альтернативной финансовой инфраструктуры. – URL: https://yakovpartners.ru/publications/bridging-the-gap/ (дата обращения 26.03.2026).

2. Частное участие в инфраструктуре (PPI). – URL: https://ppi.worldbank.org/en/ppi (дата обращения 14.04.2026).

3. Рынок проектов государственно-частного партнерства. Тенденции, основные игроки и перспективы развития до 2040 года. – URL: https://data.tedo.ru/publications/tedo-ppp-market-research-2025-2040.pdf (дата обращения 14.04.2026).

4. Экономика Индии – 2025: стратегические трансформации и возможности для российско-индийского экономического партнерства. – URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/potencial-indii-2025/ (дата обращения 16.04.2026).

5. China adds 386 new PPP projects in first 8 months. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202209/20/content_WS63295317c6d0a757729e03e4.html/ (дата обращения 16.04.2026).

УДК 339.9

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ СО СТРАНАМИ АФРИКАНСКОГО РЕГИОНА

Шведко Павел Владимирович,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Аксючиц Алиса Васильевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Африканский регион занимает значимое место во внешнеэкономической политике Республики Беларусь. На современном этапе с большинством стран континента сформированы устойчивые торгово-экономические отношения, при этом основной акцент смещается в сторону расширения уже существующего сотрудничества и наращивания объемов взаимной торговли.

Перспективы взаимодействия связаны не только с количественным ростом экспортно-импортных операций, но и с их качественным развитием – диверсификацией экспорта, углублением экономического и промышленного взаимодействия со всеми государствами Африки, независимо от уровня их развития и степени интеграции в международную торговлю.

Расширение присутствия сопровождается ростом числа белорусских организаций на африканских рынках, однако их деятельность ограничивается недостатком достоверной, актуальной и комплексной информации о специфике ведения бизнеса в регионе, что снижает эффективность внешнеэкономической деятельности.

Наряду с этим особую значимость приобретает комплексный анализ региональных особенностей и сопутствующих рисков, характерных для стран Африки, которые могут оказывать существенное влияние на условия и результаты осуществления внешнеэкономической деятельности.

Высокий уровень конфликтности является одной из ключевых характеристик африканского региона и во многом обусловлен сложной системой межэтнических отношений. Этнокультурное разнообразие при условности государственных границ сформировало предпосылки для устойчивых противоречий. После обретения независимости многим странам континента не удалось сформировать устойчивые политические системы, что проявляется в ограниченной транспарентности политических процессов и нестабильности механизмов смены власти [1].

В этих условиях эффективная внешнеэкономическая деятельность требует предварительного анализа политико-экономической ситуации на целевых рынках, включая изучение отчетов международных организаций по страновым рискам, а также выстраивания взаимодействия с государственными структурами принимающих стран.

Дополнительные риски связаны с высоким уровнем преступности и нарушений прав человека в ряде регионов. В связи с этим компаниям рекомендуется внедрять эффективные системы безопасности, привлекать местных экспертов и разрабатывать меры защиты персонала и корпоративных активов. Следует ограничивать посещение небезопасных районов (например, Крайний Север и Адамауа в Камеруне или отдельные районы Южного Судана), соблюдать местные нормы поведения и проявлять уважение к культурным и религиозным особенностям. Недопустимы конфликты с представителями власти, а в зонах нестабильности запрещена фото- и видеосъемка стратегических объектов [2].

Африканские рынки характеризуются макроэкономической нестабильностью. Иностранные предприниматели должны учитывать такие риски, как высокая инфляция, нестабильность валютных курсов и ограниченный доступ к финансовым ресурсам. В этих условиях необходима разработка гибких стратегий управления финансами, диверсификация инвестиций и учет отраслевой специфики каждой страны, включая структуру экономики и ресурсную базу. Перед выходом на рынок необходима комплексная оценка экономической ситуации с привлечением независимых экспертов и, по возможности, личного присутствия в регионе.

Для минимизации финансовых рисков рекомендуется использовать поставки меньшими партиями, с более короткими сроками оплаты или аккредитивные формы расчётов, особенно в странах с низкими валютными резервами и высокой долговой нагрузкой. Эффективная деятельность предполагает либо длительное присутствие в регионе, либо сотрудничество с надёжными местными партнёрами.

Существенную роль в экономике ряда стран играют диаспоры (например, индийские в Кении, Танзании, ЮАР и Нигерии), контролирующие ключевые отрасли [3]. Сотрудничество с ними может облегчить выход на рынок, однако требует учета особенностей деловой культуры.

Дополнительным ограничением является слабое развитие банковской инфраструктуры, что усложняет расчёты и привлечение капитала. В этих условиях возрастает значение государственной поддержки и сотрудничества с надёжными финансовыми институтами, обладающими опытом работы в регионе.

Существенным ограничением внешнеторговой деятельности в африканских странах является недостаточный уровень развития транспортной инфраструктуры, включая дефицит современных автомобильных и железнодорожных сетей, а также ограниченные портовые мощности. Это приводит к росту издержек, снижению эффективности логистики и общей конкурентоспособности внешнеэкономических операций.

Наиболее экономически эффективным способом доставки остаются морские перевозки, тогда как авиадоставка применяется преимущественно для срочных и малогабаритных грузов. При отсутствии прямого сообщения с африканскими странами используются транзитные

маршруты через порты Турции, ОАЭ или Омана, включая схемы с перегрузкой контейнеров и участием посреднических торговых компаний.

Рекомендуется проводить предварительную оценку логистических возможностей регионов, использовать мультимодальные схемы поставок и привлекать специализированные логистические компании, обеспечивающие полный спектр услуг – от складирования и страхования до таможенного оформления и сопровождения грузов [4].

При ведении внешнеэкономической деятельности с африканскими странами экспортёрам необходимо учитывать правовую специфику этих государств, включая торговое, налоговое и инвестиционное законодательство, процедуры сертификации продукции и механизмы проверки контрагентов. В большинстве государств действует требование о наличии местного партнёра с долей участия не менее 51 %, что обусловливает необходимость привлечения квалифицированных юристов для корректного распределения прав, прибыли и доступа к финансовым ресурсам, а также тщательной проверки партнёров.

Наиболее благоприятными странами для регистрации компаний считаются Тунис, Марокко, Маврикий, Ботсвана, Египет, Алжир и ЮАР, предлагающие упрощённые процедуры и инвестиционные стимулы. Для повышения устойчивости на рынке рекомендуется формирование собственной сбытовой сети и системы послепродажного обслуживания, а также использование механизмов совместных предприятий, особенно в капиталоёмких отраслях (например, строительство или добыча полезных ископаемых).

Выход на рынок должен учитывать ценовую чувствительность спроса, ограниченность дистрибуции и консерватизм потребителей. Продвижение новых товаров требует проведения маркетинговых исследований, активной рекламной поддержки, участия в выставках и демонстрационных мероприятиях, что особенно важно для высокотехнологичной продукции и новых брендов.

При ведении бизнеса в африканских странах важно учитывать нормы и традиции конкретных регионов, поскольку игнорирование локального менталитета может привести к существенным коммуникационным и репутационным рискам. Переговорный процесс в большинстве африканских государств носит длительный характер и ориентирован на установление доверительных, в том числе личных, отношений. Исключением частично выступает ЮАР, где сохраняется влияние британской деловой культуры. В этой связи требуется предусматривать дополнительные представительские расходы и демонстрировать готовность к долгосрочному сотрудничеству.

Существенное значение имеют религиозные и мировоззренческие особенности, включая сохранение традиционных верований (например, в Нигерии), что необходимо учитывать при выстраивании коммуникации. Для делового общения характерны развитые ораторские традиции (использование притч, пословиц), а также важная роль неформального взаимодействия на начальных этапах переговоров.

Деловой этикет предполагает соблюдение иерархии, формального обращения, уважения к старшим и постепенный переход к обсуждению деловых вопросов. В переговорах важно демонстрировать надежность, учитывать интересы партнёра и при необходимости использовать посредников. Предпочтительно участие представителей с высоким уровнем полномочий [5].

Следует учитывать языковое разнообразие региона: в Северной Африке широко распространены арабский и французский языки (например, в Тунисе и Алжире), в Центральной – французский и английский, а в Южной Африке преимущественно используется английский, что необходимо отражать в деловой документации и маркировке продукции.

Таким образом, политическая нестабильность, экономическая волатильность и коррупционные риски существенно осложняют ведение внешнеэкономической деятельности в странах Африки. Эффективный выход на рынок требует точного позиционирования продукции с учетом специфики потребительского спроса и проведения комплексных маркетинговых исследований.

С учетом ориентации государств региона на развитие локальной занятости целесообразно привлекать местных агентов или дистрибьюторов, обеспечивающих координацию сделок, продвижение продукции и послепродажное обслуживание. При этом необходимо учитывать фрагментированность рынков и слабое развитие сетевого ритейла, что требует дифференцированного подхода к различным субрегионам.

В этой связи возрастает значение подготовки специалистов, обладающих теоретическими знаниями и практическими навыками работы на африканских рынках, включая понимание региональных рисков, институциональной специфики и механизмов адаптации к нестабильной деловой среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Минаев М. Нестабильность Африки. – 2025. – URL: https://actualcomment.ru/nestabilnost_afriki.html (дата обращения 21.03.2026).

2. Консульский информационный отдел. – 2025. – URL: https://www.kdmid.ru/docs/cameroon/information-about-the-country (дата обращения 01.09.2025).

3. Ляпин М., Подворный Е. Сверхдоход или любовь к жирафам: семь ошибок при запуске своего бизнеса в Африке. – 2025. – URL: https://www.forbes.ru/mneniya/512502-sverhdohod-ili-lubov-k-zirafam-sem-osibok-pri-zapuske-svoego-biznesa-v-afrike (дата обращения 05.04.2026).

4. Для перевозок в Африку компания Avits предлагает следующие виды сервиса. – 2025. – URL: https://www.avits.ru/dostavka-gruzov-v-afriku/ (дата обращения 07.10.2025).

5. Скачок лягушки и духи инноваций: как вести бизнес в Африке. – 2025. – URL: https://www.forbes.ru/mneniya/472911-skacok-laguski-i-duhi-innovacij-kak-vesti-biznes-v-afrike (дата обращения 21.02.2026).

РАЗДЕЛ 3. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

УДК 330.161

УПРАВЛЕНИЕ ЭЛИТАМИ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК В КНР

Лученок Александр Иванович,
доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Институциональными ловушками называются самовоспроизводящиеся неэффективные институты (нормы и правила), возникающие из-за стремления к получению доминантными социальными группами политической или экономической ренты. «Эти ловушки являются результатом резкого изменения макроэкономических условий, передачи переходной ренты частным лицам, недостаточности государственного контроля, а также следствием макроэкономической политики, направленной на подавление инфляции "любой ценой"» [1].

При этом особо важная роль в сохранении или устранении институциональных ловушек принадлежит так называемым «элитам». По разным трактовкам к элите относятся: «люди, достигшие высокого уровня компетентности» (В. Парето); «личности, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой безотносительно к своему статусу» (Л. Бодэн); «наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством» (Г. Моска); «лица, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством, лица, обладающие наибольшей властью» (Г. Лассуэлл); «лица, обладающие позициями власти» (А. Этциони); «харизматические личности» (М. Вебер); «творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству» (А. Тойнби); «наивысшим чувством ответственности» (Х. Ортега-и-Гассет) [2].

Де Сваан считает, что элита обладает высокой степенью ответственности и поэтому ввел понятие «социальное сознание» и выделил следующие моменты: «Элиты по определению – люди, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества, чем любая другая страта общества. Они занимают высшие посты в иерархии власти, полученные по предписанному статусу благодаря собственным заслугам. Члены элиты обладают социальным сознанием в той степени, в которой: они осознают взаимозависимость между социальными группами в обществе и, что наиболее важно, внешние последствия бедности для элиты, которые они могут воспринимать либо как угрозу, либо как многообещающие возможности; они осознают, что как члены элиты они несут определенную ответственность за положение бедных; и они верят, что осуществимые и существуют или могут быть созданы эффективные средства улучшения участи бедных» [3, с. 43–44]. На самом деле элиты как властные группы в большинстве случаев стремятся реализовать свои интересы, а о помощи слабо защищенным слоям населения вспоминают при необходимости предотвращения социального взрыва. Элиты могут консервировать институциональные ловушки для сохранения власти и извлечения из этих ловушек ренты.

Одной из актуальных и наиболее вредных институциональных ловушек является «захват государства» («state capture») – устойчивая ситуация, при которой ключевые государственные институты систематически используются узкой группой бенефициаров для получения выгоды. Если при коррупции происходит несоблюдение в целом «правильных» институтов, действующих в интересах всего общества, то при ловушке «захвата государства» сами правила начинают формироваться в интересах контролирующих институциональную систему элит. В этом случае возникает порочный круг: такие элиты влияют на формирование институтов;

искаженные институты усиливают доминантное положение отдельной социальное группы; в результате институциональная система становится устойчиво неэффективной и трудно реформируемой. Признаками «захвата государства» является перераспределение финансовых потоков в ущерб общенациональным интересам, усиление рентного характера экономики, когда вместо стимулирования инновационного развития идет борьба за получение привилегий.

Джоэл С. Хеллман пишет, что главным препятствием для реформ становятся не бастующие рабочие или бедные пенсионеры, а так называемые «чистые победители», которые на начальном этапе реформ извлекают наибольшую выгоду. Они не стремятся к полной отмене реформ, но пытаются заблокировать конкретные шаги, угрожающие их привилегиям и рыночным искажениям, на которых строится их доход. В результате узкая группа извлекает большую ренту из диспропорций (например, разница между фиксированными государственными ценами и мировыми ценами на экспорт), а издержки от инфляции и неэффективности ложатся на все общество. Такие «победители обладают ресурсами и коллективными стимулами, чтобы наложить «вето» на дальнейшие реформы, которые позволили бы выйти из институциональной ловушки. В результате страны с частичными реформами (особенно Россия и Киргизия) продемонстрировали самый резкий рост неравенства (коэффициента Джини), при концентрации доходов у узкой верхушки выгодополучателей» [4].

В Китайской Народной Республике сформировался другой подход к элитам. В КНР по функции контроля власти можно выделить следующие виды элит: партийную; центральную государственную; региональную. В определенной степени чувствуют себя элитой технократы и крупные предприниматели, однако их всех контролирует партийная элита, поскольку партийные организации существуют во всех организациях. КПК сохранила монополию на собственность на землю и стратегические ресурсы, заставив остальные элиты соревноваться не за право владения и получения ренты, а за эффективность управления.

Кадровая политика КПК позволила обеспечить преемственность и снизить риски захвата государства групповыми интересами. Важной особенностью китайского пути развития стало последовательное расширение сферы рыночных отношений без форсированной приватизации: крупные государственные предприятия сохранили свои позиции в ключевых отраслях, но были реформированы в корпорации с ограниченной автономией менеджмента и жестким контролем получения незаконной ренты. Государственно-партийная прослойка сохранила контроль над стратегическими отраслями, что предотвратило формирование олигархических групп, способных диктовать условия государству.

Китайские власти сформировали институциональную систему, в которой личное продвижение чиновника напрямую коррелирует с экономическими показателями вверенного ему предприятия или региона. «Эмпирические исследования показали, что губернаторы китайских провинций, показывающие высокие темпы роста, имели значительно больше шансов на повышение в центр. При этом текучесть кадров среди руководителей провинций более чувствительна к их средним показателям за время их пребывания в должности, чем к их годовым показателям. Мы интерпретируем эти эмпирические данные как свидетельство того, что Китай использует контроль над персоналом для достижения желаемых экономических результатов» [5]. Таким образом, китайская модель управления элитой страны строится на стимулировании карьерного продвижения. Стремление к получению ренты сдерживается жестким наказанием за коррупцию вплоть до расстрела.

Но борьба с «захватом государства» привела к возникновению другой институциональной ловушки, получившей название «давление целевых показателей» («target-driven institutional trap»). В КНР это устойчивая норма, при которой центральная власть административно устанавливает основные показатели эффективности (прежде всего по темпам роста ВВП), а региональные власти, корпорации и банки вынуждены выполнять их любой ценой, в том числе путем чрезмерного привлечения инвестиций, реализации избыточных инфраструктурных объектов, увеличения долгов, в том числе у локальных

финансовых платформ (LGFV), игнорирования экологических норм. Когда этих мер оказывается недостаточно, то прибегают к искажению статистики. Такая система сложилась в условиях карьерной зависимости чиновников от формальных результатов их деятельности, усиления роли местных правительств и частичной децентрализации фискальной системы.

Проведенный анализ опыта Китайской Народной Республики по борьбе с институциональными ловушками позволяет сделать следующие выводы:

ключевым условием успешной борьбы с институциональными ловушками является создание эффективной системы управления элитами, вынуждающей их действовать в интересах всего общества и ограничивающей стремление к получению политической и экономической ренты;

основная роль при борьбе с институциональными ловушками должна принадлежать органу, имеющему легитимность, необходимые властные полномочия и способному противостоять оппортунистическому воздействию других элит. В КНР таким органом стала коммунистическая партия. Сочетание институциональной преемственности (сохранение власти КПК, партийный контроль над кадрами) позволило избежать закрепления неэффективной институциональной нормы «захвата государства» («state capture»), которая получила массовое распространение во многих зарубежных переходных экономиках;

при борьбе с институциональными ловушками эффективным институтом может быть целенаправленная кадровая политика, ориентированная на ротацию и конкурентный отбор чиновников в соответствии с достигнутыми результатами деятельности. Но при этом следует учитывать возможность формирования институциональной ловушки «давление целевых показателей» («target-driven institutional trap»), искажающей результаты деятельности в интересах элит;

введение новых институтов должно проводиться сначала на локальном уровне с выявлением перспективных решений и отсеиванием недейственных мер до их масштабирования на всю страну. Это предотвратит закрепление институциональных ловушек и будет способствовать экономическому развитию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Полтерович В.М. На пути к новой теории реформ // Экономическая наука современной России. – 1999. – № 3. – С. 32–48.

2. Ашин Г. Курс истории элитологии. – URL: https://studfile.net/preview/2088033/page:6 (дата обращения 10.04.2026).

3. Swaan A., Manor J., Øyen E., Reis E.P. Elite Perceptions of the Poor: Reflections for a Comparative Research Project // Current Sociology. – 2000. – Vol. 48, No. 1. – P. 43–54. – URL: https://www.researchgate.net/publication/240699341_Elite_Perceptions_of_the_Poor_Reflections_for_a_Comparative_Research_Project (дата обращения 11.04.2026).

4. Hellman J. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // World Politics. – 1998. – Vol. 50, No. 2. – P. 203–234. – URL: http://www.jstor.org/stable/25054036 (дата обращения 09.04.2026).

5. Li H., Zhou L.A. Political Turnover and Economic Performance: The Incentive Role of Personnel Control in China // Journal of Public Economics. – 2005. – Vol. 89, No. 9–10. – URL: https://www.researchgate.net/publication/222560499_Political_Turnover_and_Economic_Performance_The_Incentive_Role_of_Personnel_Control_in_China (дата обращения 09.04.2026).

УДК 336.7+339.7

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ВАЛЮТНОЙ ПОЛИТИКИ С ПОЗИЦИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Маркусенко Марина Викторовна,
доктор экономических наук, профессор,
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

На уровень экономической безопасности в валютной сфере влияют выбранный государством подход к реализации валютного режима и интенсивность/объемы валютных интервенций, а также степень открытости экономики, уровень конвертируемости национальной валюты и стабильность валютного курса. Защита экономики от воздействия вызовов и угроз мерами валютной политики является базисным элементом обеспечения валютной безопасности. Для того, чтобы дать оценку осуществляемой валютной политики с позиций обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь, необходимо использовать следующие критерии:

1) обоснованность используемого курсового режима (или режима валютного курса) и его реализация.

Основными направлениями денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2026 год предусмотрено, что в текущем году курсовая политика будет реализовываться в режиме плавающего курса, под воздействием соотношения спроса на иностранную валюту и ее предложения на внутреннем валютном рынке. Данный режим допускает проведение Национальным банком валютных интервенций с целью сглаживания резких колебаний курса в ходе торгов иностранными валютами, проводимых открытым акционерным обществом «Белорусская валютно-фондовая биржа»;

2) наличие скоординированного механизма воздействия для поддержания структуры валютного рынка. Цель действий государства на внутреннем валютном рынке заключается в создании условий для проведения операций по купле-продаже иностранной валюты участниками, страхованию от валютных рисков. Для вышеназванных целей государством используется специальный механизм, включающий валютное регулирование и контроль (установление правил обмена и движения валюты, контроль за операциями резидентов и нерезидентов, систему ограничений и надзора, обеспечивающую соблюдение валютного законодательства). Следовательно, скоординированный механизм представляет собой комплекс мер, направленных на балансирование спроса и предложения иностранной валюты на внутреннем валютном рынке и поддержание стабильности валютного курса;

3) поддержание покупательной способности национальной денежной единицы, недопущение ее резкой волатильности. Проводимая в последние годы курсовая политика (поддержание стабильного обменного курса) оказывает положительное влияние на покупательную способность национальной валюты, способствует снижению уровня инфляции в стране (до 5,2 % в 2024 г.). В декабре 2025 г. прирост потребительских цен составил 6,8 % относительно декабря 2024 г.;

4) полнота и целостность нормативной правовой базы, регулирующей валютные отношения. В Республике Беларусь Национальный банк Республики Беларусь не выделяет валютную политику из состава денежно-кредитной. В Основных направлениях денежно-кредитной политики Республики Беларусь в последние годы уделялось определенное внимание только курсовой политике и управлению международными резервными активами. На наш взгляд, в силу важности поддержания устойчивости валютного курса и стабильности в валютной сфере, возможно выделение отдельного раздела «Валютная политика и валютное регулирование» в Основных направлениях денежно-кредитной политики Республики Беларусь, где более системно должны быть определены цели валютной политики, методы

и инструменты валютного регулирования, что будет способствовать обеспечению валютной безопасности. Основным нормативным правовым документом, регулирующим отношения в валютной сфере, является Закон Республики Беларусь «О валютном регулировании и валютном контроле» в обновленной редакции, которая вступила в силу с 9 июля 2021 г. Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 31 мая 2021 г. № 147 была утверждена Инструкция «О проведении валютных операций»;

5) скоординированность действий государственных органов, задействованных в реализации валютной политики (а также определение государственного органа, координирующего и разрабатывающего стратегию валютного контроля и ответственного за организацию валютного регулирования). В Республике Беларусь создана и функционирует система валютного регулирования и валютного контроля, обеспечивающая соблюдение валютного законодательства. Целью валютного регулирования законодательно определено содействие обеспечению макроэкономической и финансовой стабильности в Республике Беларусь путем реализации государственной политики в сфере валютного регулирования. Законом Республики Беларусь «О валютном регулировании и валютном контроле» обозначены основные принципы валютного регулирования: приоритет экономических мер в реализации единой государственной политики в сфере валютного регулирования; взаимосогласованность валютного регулирования и валютного контроля; обеспечение государством защиты прав и законных экономических интересов резидентов и нерезидентов при проведении валютных операций. Валютная политика государства в Республике Беларусь с помощью валютного регулирования и валютного контроля за проведением валютных и валютно-обменных операций оказывает положительное воздействие на устойчивость национальной денежной единицы, валютный курс, способствует укреплению экономической безопасности страны, обеспечению непрерывного поступления валютной выручки от проведения внешнеэкономических операций из-за рубежа. Необходимо в дальнейшем вносить изменения в нормы, регулирующие деятельность кредитных организаций, которые в большей мере стимулировали бы операции в рублях и делали бы менее выгодными операции в иностранной валюте;

6) если мы будем рассматривать валютную безопасность как степень обеспеченности государства валютными средствами, достаточными для поддержания равновесного сальдо платежного баланса, выполнения международных обязательств, накопления необходимого объема валютных резервов для обеспечения стабильности национальной денежной единицы, то тогда для оценки валютной политики кроме названных следует применять также такие критерии:

– оптимизация объема и структуры поступлений иностранной валюты в национальной валютной системе (основной канал поступления иностранной валюты в страну – это экспорт товаров и услуг белорусскими производителями). По итогам 2025 г. сальдо счета текущих операций платежного баланса Республики Беларусь сложилось отрицательным в размере 1,8 млрд долл. США, или 1,9 % ВВП (за 2024 г. – отрицательное сальдо составило 1,6 млрд долл. США, или 2,1 % ВВП). Соответственно, превышение импорта над экспортом обусловило повышенный спрос субъектов хозяйствования на иностранную валюту на внутреннем валютном рынке, отразилось на объемах и структуре валютных потоков на внутреннем валютном рынке;

– эффективность использования внешних валютных заимствований. Эффективность валютных заимствований у нас в стране определяется тем, что затраты на обслуживание валового внешнего долга снижаются (с 12,4 % к объему экспорта товаров и услуг на 01.01.2025 до 11,3 % на 01.01.2026);

– достаточность объема золотовалютных резервов для преодоления кризисных проявлений в валютной сфере. Международные резервные активы по состоянию на 1 января 2026 г. составили 14 423 млн долл. США (за год увеличились на 61,6 %). Существенный рост МРА в 2025 г. дает основание впервые за длительный период времени говорить

о достаточности объема международных резервных активов в Республике Беларусь (на 01.01.2026 обеспечивали 3,2 месяцев импорта товаров и услуг).

Одним из важнейших аспектов экономической безопасности в валютной сфере является предотвращение коррупции и мошенничества в финансовом секторе. Это вызывает необходимость противодействия правонарушениям и нелегальной практике в сфере валютно-финансовых отношений, бегству капитала (валютных средств) за рубеж; разработки мер по возвращению незаконно вывезенных за границу валютных средств, недопущения практики отмывания (легализации) доходов, добытых преступным путем.

Рассмотренные критерии можно использовать для оценки валютной политики с позиций обеспечения экономической безопасности. Проведенная оценка показывает, что в Республике Беларусь в современных условиях валютная политика государства в основном соответствует вышеназванным критериям (таблица 1).

Таблица 1 – Соответствие валютной политики государства критериям обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь в 2025 году

Критерий оценки валютной политики с позиций обеспечения экономической безопасности	**Соответствие (да/нет)**
Используемый курсовой режим (обоснованность и реализация)	да
Скоординированность механизма воздействия для поддержания структуры валютного рынка	да
Стабильность покупательной способности национальной денежной единицы	да
Полнота и целостность нормативной правовой базы, регулирующей валютные отношения	да
Скоординированность действий государственных органов, задействованных в реализации валютной политики	да
Оптимизация объема и структуры поступлений и использования иностранной валюты в национальной валютной системе	нет
Эффективность использования внешних валютных заимствований	да
Достаточность объема золотовалютных резервов для преодоления кризисных проявлений в валютной сфере	да

Примечание – Источник: собственная разработка.

Наблюдение и мониторинг тенденций, кризисных элементов и процессов в сфере валютно-финансовых взаимоотношений для своевременного выявления угроз/рисков и разработки необходимых мер по минимизации возможного негативного эффекта для экономической безопасности выступает важнейшей задачей государства в валютной сфере. В условиях санкций необходимо обеспечить дальнейшую проработку механизмов использования национальной валюты в расчетах за белорусский экспорт. Вследствие расчетов в рублях для самих экспортеров уменьшатся экстерриториальные риски, связанные с возможностью применения санкций к их финансовым ресурсам.

Таким образом, экономическая безопасность страны в валютной сфере – это качественный элемент системы национальной безопасности, который формируется под воздействием валютной политики государства с целью защиты от внешних и внутренних вызовов и угроз. Это определяет важность оценки соответствия валютной политики государства критериям обеспечения экономической безопасности. Укреплению экономической безопасности в валютной сфере будет способствовать проведение активной валютной политики, ориентированной на импортозамещение и поддержку реального сектора экономики и стимулирование инноваций.

УДК 336.02

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Герасимова Валерия Геннадьевна,
кандидат экономических наук,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Кузьменкова Наталья Станиславовна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В современных условиях при высокой волатильности цен на сырьевые ресурсы, изменении логистики поставок товаров и других изменений под влиянием разных факторов макроэкономического характера значимость обоснованной налоговой политики и ее воздействие на эффективность национальной системы налогообложения существенно возрастает.

В свою очередь, эффективность национальной налоговой политики как важной структурной составляющей макроэкономической политики для обеспечения экономической и финансовой безопасности государства в значительной степени зависит от установленных в налоговом законодательстве страны принципов налогообложения и их последовательной реализации в налоговой системе. В этой связи при выборе направлений и инструментов совершенствования налоговой политики в Беларуси особое внимание следует уделить методологическому подходу, связанному с принципами налогообложения. Отметим, что принципы налогообложения в нашей стране определены в Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь [1].

С учетом анализа принципов налогообложения в налоговом законодательстве государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) для повышения эффективности национальной налоговой политики можно рекомендовать ввести в Налоговый кодекс Республики Беларусь принципы определенности, консолидированности, актуальности, конкурентоспособности налогообложения и эффективности налоговых льгот с определением целей их установления.

Обратим особое внимание на принцип определенности налогообложения, который означает установление в налоговом законодательстве всех оснований и порядка возникновения, исполнения и прекращения налогового обязательства налогоплательщика, обязанности налогового агента по исчислению, удержанию и перечислению налогов [2]. Согласно этому принципу налогообложения следует избегать регулирования налоговых отношений отдельными правовыми актами. В соответствии с принципом актуальности налоговая система страны должна основываться на современных системах и подходах управления с учетом развития цифровых технологий.

В целях повышения эффективности широкого спектра льготных налоговых инструментов в системе налогообложения в нашей стране можно рекомендовать ввести в Налоговый кодекс Республики Беларусь принцип эффективности налоговых льгот с определением целей их установления. Этот принцип зафиксирован в налоговом законодательстве Кыргызстана [3].

В современных условиях существенно повышается значимость принципа конкурентоспособности налогообложения, который означает, что налоговая система государства с точки зрения привлечения инвестиций и формирования деловой среды должна быть конкурентоспособной. Реализация в национальной системе налогообложения данного

принципа окажет влияние на улучшение инвестиционного климата и приток инвестиций в страну, а это играет важную роль в обеспечении национальной экономической безопасности.

Методологический подход, заключающийся в учете при внесении изменений в налоговую систему принципа платежеспособности, следует принимать во внимание при повышении налоговых ставок, расширении налогооблагаемой базы и объектов налогообложения, а также при введении новых налоговых платежей. Это обусловлено тем, что его нарушение может привести к сокращению налоговых поступлений, которые остаются доминирующим источником доходов государственного консолидированного бюджета Республики Беларусь и, соответственно, финансирования государственных расходов. Прежде всего, это касается косвенных налогов, которые являются структурным элементом розничных цен и могут оказывать прямое влияние на темпы инфляции.

Особенно важное значение в методологических подходах к налоговой политике имеет соблюдение установленного Налоговым Кодексом Республики Беларусь принципа экономической обоснованности налогообложения. Этот принцип означает, что налоги, сборы (пошлины) устанавливаются с учетом необходимости обеспечения сбалансированности расходов республиканского и местных бюджетов с их доходами, и объем доходов от уплаты налогов, сборов (пошлин) должен превышать расходы на их администрирование.

Для эффективной налоговой политики как структурной составляющей макроэкономической политики государства и обеспечения национальной экономической безопасности значимую роль играет не только основная фискальная функция налогообложения, которая является таковой исходя из экономической сути понятия «налог», но и стимулирующая, а также социальная. В этой связи усиление стимулирующей и социальной функций налогообложения должно стать одним из основных методологических подходов для совершенствования налоговой политики и системы налогообложения в Беларуси в современных условиях.

Значимость обоснованных налоговых льгот обусловлена тем, что это стимулирующий налоговый инструмент, который может оказывать влияние на такие важные макроэкономические показатели, как темпы роста ВВП, показатель инфляции, инвестиционный климат и другие. Также налоговые льготы имеют существенное значение для эффективного социально-экономического развития страны.

Обоснованные налоговые льготы являются триггером улучшения финансового состояния субъектов хозяйствования за счет снижения налоговой нагрузки и расширения их инвестиционного потенциала, а также положительно влияют на уровень жизни населения, прежде всего, социально уязвимых категорий с низким уровнем доходов.

К актуальным тенденциям в мировой практике налогообложения, которые целесообразно учитывать при совершенствовании налоговой системы в Беларуси в целях обеспечения национальной экономической безопасности, следует отнести стимулирование приоритетных и реформирование традиционных отраслей экономики, а также усиление налогового стимулирования социально-экономического развития отстающих регионов страны. Основными направлениями для налогового стимулирования в мировой практике, на которые делается особый акцент в налоговой политике, все в большей мере становятся инновационное развитие, разработка и внедрение высоких технологий и охрана окружающей среды.

По налоговым льготам, выполняющим стимулирующую функцию, должен усиливаться тренд по определению четких критериев, условий и временных интервалов их использования и проводиться регулярный мониторинг эффективности данных льготных налоговых инструментов. Прежде всего это следует отнести к специальным режимам налогообложения.

Оценку эффективности налоговых льгот следует проводить с учетом задач, которые они должны выполнять. Объемные показатели при оценке экономической эффективности данного стимулирующего налогового инструмента должны учитываться в реальном выражении, что позволит получить обоснованность и достоверность такой оценки. В перечне показателей

для оценки эффективности налоговых льгот целесообразно установить показатели, характеризующие разработку и внедрение инноваций, что имеет существенное значение для налогового стимулирования инновационного развития. Для объективной оценки специального налогового режима целесообразно установить в налоговом законодательстве временные интервалы его применения.

В целях усиления налогового стимулирования инвестиций и улучшения финансового состояния субъектов хозяйствования следует активизировать тренд на увеличение инвестиционных вычетов по налогу на прибыль, установить ставки таких вычетов в повышенном размере для приоритетных отраслей и видов экономической деятельности, а также увеличить их дифференциацию по капитальным вложениям в объекты недвижимости и оборудование и дифференцировать по различным видам оборудования. В приоритете должно быть высокотехнологичное оборудование, в т. ч. способствующее применению энергосберегающих технологий и другие «зеленые» инвестиции. Также целесообразно дифференцировать инвестиционные вычеты в зависимости от назначения зданий и сооружений, установив повышенные ставки для зданий и сооружений производственного назначения и распространить вычеты на все виды активов.

Приоритетным методологическим подходом в налогообложении физических лиц должно быть усиление социальной функции. Анализ показал, что налоговый инструмент в виде стандартных налоговых вычетов по подоходному налогу с физических лиц недостаточно выполняет социальную функцию налогообложения. Поэтому необходимо усилить тренд на существенное повышение стандартных налоговых вычетов. Такие методологические подходы должны способствовать решению задачи государственной поддержки социально уязвимых слоев населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З «Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть)» // Национальный интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0200166 (дата обращения 02.04.2026).

2. Кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 г. № 214-VIII ЗРК «Налоговый кодекс Республики Казахстан». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214/file_214.htm (дата обращения 02.04.2026).

3. Кодекс Кыргызской Республики от 18 января 2022 года № 3 «Налоговый кодекс Кыргызской Республики». – URL: https://sti.gov.kg/section/view-pdf?filePath=websti%2F2026%2F01%2F27%2FНалоговый%20кодекс%20Кыргызской%20Республики%20(1).pdf (дата обращения 02.04.2026).

УДК 338.1

НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА С СОХРАНЕНИЕМ МАКРОФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В СЛОЖИВШИХСЯ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ УСЛОВИЯХ

Готовский Александр Владиславович,
кандидат экономических наук,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Современная ситуация в экономике Республики Беларусь характеризуется недостаточной динамикой экономического роста, не соответствующей установленным программными документами количественным заданиям.

Детальный анализ показывает, что негативный импульс оказывается со стороны внешней торговли. Снижение физических объемов экспорта ведет к сокращению промышленного производства. Из-за этого недобирает динамика доходов, а вслед за ней – розничного товарооборота. По цепочке импульс добрался и до строительства, видов деятельности сферы услуг.

При этом республика ограничена в возможностях стимулирования экономического роста за счет внутреннего рынка. Поступательное наращивание конечного потребления населения и валового накопления основного капитала уже привело к уходу сальдо внешней торговли в отрицательную плоскость.

Так, если в 2021 году внешнеторговое сальдо было положительным и составляло порядка 1 млрд долл. США в квартал, то к 2025 году оно стало отрицательным в размере -450 млн долл. США в среднем в квартал.

Согласно проведенным расчетам по разработанной авторской методике, давление на внешнеторговое сальдо через обусловленный импорт, включенный в стоимость потребляемых населением товаров и услуг (через увеличение потребления готовой импортной продукции, а также промежуточной, использованной при производстве отечественной), привело к ухудшению торгового баланса на 0,9 млрд долл. США в среднем в квартал в ценах 2021 года. Дополнительное давление по каналу наращивания валового накопления основного капитала составило 0,34 млрд в среднем в квартал. В сумме с недобором валовой добавленной стоимости из-за снижения физических объемов экспорта в размере порядка 0,55 млрд в квартал и с учетом некоторого улучшения ценовых условий внешней торговли это обусловило ухудшение сальдо на 1,45 млрд долл. США в среднем в квартал или 5,8 млрд в год.

Следует обратить внимание и на усугубляющую данную ситуацию реакцию предложения в ответ на стимулирование внутреннего спроса.

Из уравнения обмена И. Фишера известно, что увеличение платежеспособного спроса должно приводить к росту либо производства, либо цен. Однако в Беларуси наблюдается нетипичная ситуация с невысоким уровнем инфляции и слабой динамикой производства при динамичных темпах роста доходов, розничного товарооборота.

Такая ситуация противоречит, на первый взгляд, экономической теории. Однако более пристальное ее рассмотрение указывает на необходимость учета лежащих в основе уравнения обмена экономических механизмов.

В частности, того факта, что положительная реакция производства на растущий спрос может обеспечиваться либо при наличии незадействованных мощностей, либо при условии некоторого повышения цен, обеспечивающего предприятию финансовые возможности для инвестирования в дополнительное оборудование, окупаемость соответствующих инвестиционных проектов (важно, что в соответствии с производственной функцией при убывающем продукте труда и капитала повышение цен на выпускаемую продукцию делает

окупаемым дополнительный выпуск и смещает точку равновесия производителя в пользу бóльших объемов).

В тех условиях, для которых разрабатывалось уравнение обмена – для крупных экономик с невысокой долей внешнеторгового оборота в ВВП – оно работает именно так, как и принято считать. Однако для малых открытых экономик в современных условиях глобализации описанные механизмы не срабатывают должным образом в отношении отечественного производителя и уравнение работает по-иному.

Небольшое повышение цен при стабильном обменном курсе национальной валюты окупает транспортные расходы и делает выгодной поставку импортных товаров, а масштабы мировой экономики позволяют удовлетворить потребности небольшого национального рынка при уже имеющихся у иностранных компаний производственных возможностях, тогда как отечественным производителям требуется более существенный рост цен для наращивания производственного потенциала. В результате в малой экономике при стабильном обменном курсе конкурирующими импортными производителями устанавливается своего рода ценовой потолок, при котором им выгодно наращивать поставки, а отечественному производителю – нет. Это создает своего рода «якорь» для сдерживания инфляции, но в то же время ограничивает потенциал роста отечественного производства, ведет к уходу растущего потребительского спроса по каналу импорта, минуя отечественного производителя.

Как результат – наблюдаемый в экономике Республики Беларусь опережающий рост цен и тарифов на услуги, более медленный – на продукты питания, и почти без роста на непродовольственные товары при опережающем увеличении доли импорта как раз на этом последнем сегменте рынка. Менее интенсивный рост доли, но тоже заметный – на сегменте реализации продуктов питания, где доля импорта традиционно ниже. Соответственно самый быстрый рост цен и тарифов наблюдается там, где он не сдерживается конкуренцией со стороны импорта, – на сегменте потребительских услуг.

Таким образом, в сложившихся для Республики Беларусь обстоятельствах – при исчерпании запаса прочности внешнеторгового сальдо и при уходе внутреннего спроса по каналу импорта, минуя отечественного производителя, – дальнейшее стимулирование внутреннего спроса с целью активизации экономического роста означает нарастание внешнеторгового дисбаланса и повышение рисков дестабилизации валютного рынка, что в условиях структурных особенностей национальной экономики Республики Беларусь, характеризующихся высокой импортоемкостью, автоматически означает макрофинансовую дестабилизацию с резким ускорением инфляции.

Складывается, на первый взгляд, безвыходная ситуация, когда неудовлетворительная динамика экспорта на основном для республики внешнеторговом направлении, обусловленная проводимой Российской Федерацией жесткой денежно-кредитной политикой для охлаждения своей экономики, а также ослаблением в сложившихся международных условиях ограничений для входа на российский рынок конкурирующей с белорусской китайской продукции, не позволяет обеспечивать экспортоориентированный экономический рост, а внутренний рынок не может быть задействован для стимулирования экономической динамики без нарастания угрозы макрофинансовой дестабилизации [1].

Однако такой взгляд на ситуацию продиктован традиционной экономической парадигмой и сложившейся в стране доктриной государственной экономической политики, в соответствии с которыми экономический рост достигается путем наращивания объемов производства в реальном выражении, исчисляемом в штуках и килограммах. Соответственно для обеспечения опережающих относительно среднемировых темпов экономического роста, закладываемых в прогнозные документы на 2026 год и новую пятилетку, требуется либо опережающий рост экспорта, что предполагает экспансионистскую внешнюю политику с расширением рыночной доли на внешних рынках сбыта, с проникновением на новые, либо опережающий сбыт на внутренний рынок, что в описанных реалиях Республики Беларусь невозможно достичь в отрыве от результативной экспортной политики.

В качестве альтернативы такой экспансионистской политике «вширь» была разработана теория, методология, инструментарий анализа и планирования политики «вглубь», озаглавленной как «продуктивизм».

Достаточно лаконично смысл такого подхода можно проиллюстрировать на примере белорусского предприятия СЗАО «БЕЛДЖИ», которое, по заявлению на его же интернет-портале, – это «CKD завод (мелкоузловая сборка комплектов автомобиля) полного цикла, а именно: сварка, окраска, сборка» (https://belgee.by/about).

В традиционной парадигме экономический рост такого предприятия предполагает увеличение физических объемов выпуска автомобилей, что означает больше работников, которые больше сваривают, больше красят, больше собирают автомобилей. В нынешних условиях дефицита на рынке труда этот путь достаточно проблематичен.

Однако если учесть, что ВВП, в отличие от распространенного определения в виде стоимости выпускаемой конечной продукции, – это сумма валовой добавленной стоимости, созданной национальной экономикой и полученной в денежном эквиваленте при реализации продукции на конечные рынки сбыта, то подход к обеспечению экономического роста СЗАО «БЕЛДЖИ» может быть кардинально иным. Совместно с выполняемыми трудоемкими и дешевыми технологическими операциями по сварке, окраске и отверточной сборке на белорусском предприятии в рамках данной цепочки создания стоимости могут выполняться более автоматизированные и более выгодные операции по производству агрегатов и современных электронных компонент, по разработке дизайна, по развитию собственного маркетинга. Это означает не только увеличение остающейся в распоряжении предприятия валовой добавленной стоимости при уже достигнутом количестве производства и реализации автомобилей, но и повышение среднего показателя валовой добавленной стоимости на рабочее место, что позволяет увеличить и размер заработной платы, и рентабельности производства для дальнейшего развития.

В итоге вместо экспансионистской модели опережающего экономического роста «вширь» получаем стратегию «вглубь», не сдерживаемую динамикой конечных рынков сбыта. Вместо задачи по экстенсивному наращиванию количества трудовых ресурсов получаем экономический рост за счет качества в виде наращивания компетенций, развития выгодной международной специализации, целенаправленных структурных преобразований.

Именно под такую стратегию обеспечения экономического роста обоснована теоретическая концепция кругооборота валовой добавленной стоимости, разработан инструментарий анализа с комплексом прикладных методик и аналитических форм, проведен анализ зарубежного опыта России и КНР, изучены особенности структуры национальной экономики Республики Беларусь и модели ее экономического роста, сформулированы, теоретически доказаны и количественно просчитаны эффекты от соответствующих структурных изменений.

Новая парадигма представлена в изданной в нынешнем году монографии [2], формирует концептуальную основу для нового направления экономической политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Широв А.А. Российская экономика: изменение факторов роста // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 6 (213). – С. 8–20.

2. Готовский А.В. Продуктивизм как новая парадигма обеспечения опережающего экономического роста Республики Беларусь. – Минск: Беларуская навука, 2026. – 420 с.

УДК 338.24

МЕДИАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ГРУППОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В СФЕРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Лаврова Ольга Игоревна,
кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Республика Беларусь

В современной экономике, характеризуемой высоким уровнем сложности, системной разбалансированностью и нелинейностью процессов, эффективность определенных способов и инструментов регулирования подвергается большим сомнениям. Прямое воздействие и применяемые в этой связи административные методы дают положительный краткосрочный результат и целесообразны, как правило, в пределах иерархической организации и при необходимости консолидации и защиты национальных интересов государства. Вместе с тем, эти методы могут привести к непредсказуемым последствиям для экономических агентов, функционирующих в условиях цифрового пространства с явно выраженными сетевыми эффектами и специфичными рыночными сигналами. Медиационный анализ позволяет исследовать природу субъектных взаимодействий в экономике через выявление скрытых факторов, оказывающих опосредованное воздействие на результат и косвенно задействованных в причинно-следственных связях и закономерностях социально-экономического развития. В сфере потребления оценка медиаторов дает возможность учесть неявные мотивы и намерения индивидов и их сообществ, определяющие типичные поведенческие паттерны потребительского спроса, что в итоге позволит повысить обоснованность и комплексность мер денежно-кредитной политики Республики Беларусь на основе грамотного сочетания подходов к регулированию инфляции и обеспечению макроэкономической стабильности в стране.

Целью исследования является разработка научно-методических основ медиационного анализа факторов взаимодействия субъектов экономики, реализующих свои интересы в рамках больших социальных групп в сфере потребления.

Важнейшим внутренним источником экономического роста является потребительский спрос, чрезмерное стимулирование которого создает риски монетарной нестабильности в малой открытой белорусской экономике. В поведении белорусского потребителя сочетаются черты позднесоветской экономической культуры дефицита, склонность к сбережению, высокий уровень адаптационного конформизма, слабое доверие к финансовым институтам, в том числе к банковскому кредитованию. Это создает условия для формирования спекулятивного спроса на рынке недвижимости и зарождающегося интереса к криптоактивам как новому направлению инвестирования в институциональной системе Республики Беларусь.

Импортозависимость реального сектора и нарративы домохозяйств «импортное лучше», «европейское качество» и тому подобные усиливают негативное воздействие данного канала в процессе раскручивания инфляционной спирали. В обществе с доминированием коллективных ценностей и идеологии солидаризма управление поведением потребителей усложняется влиянием эффектов взаимодействий внутри больших социальных групп. Для их оценки предлагается *методика медиационного анализа*, основанная на выявлении причинно-следственных связей прямого и косвенного характера в условиях цифровой среды и наличия групповых эффектов взаимодействия в сфере потребления.

Этап 1. Исследование динамики индивидуального потребительского спроса в зависимости от текущего и потенциального уровней дохода индивида, макроэкономической ситуации в стране. Помимо объективных экономических факторов, таких как текущий доход, уровень сбережений и ставка процента, на расходы домохозяйств влияют субъективные

факторы, характеризуемые потребностями доминирования, безопасности, конформизма и манипулятивными тактиками цифровых платформ в области политики динамического ценообразования.

В связи с тем, что большинство из этих факторов взаимообусловлены и подвержены влиянию третьей стороны, вводится показатель-медиатор, выступающий в качестве эндогенной переменной в ARDL-модели, описывающей зависимость медиатора от показателей текущего и потенциального уровней дохода и параметров макросреды.

Этап 2. Выбор показателя-медиатора и сбор статистических данных для его измерения. Медиатором может выступать индикатор тональности и смыслового контекста новостного фона цифровых СМИ (агрегаторов новостей и информационных агентств), постов в социальных сетях и поисковых запросов (Google, Яндекс), что является адекватным выбором в целях контроля расширения потребительской активности населения. В монографии автора представлены результаты анализа статистики поисковых запросов в целях выявления нарративов в сфере потребления [1].

В ситуациях неопределенности, наличия геополитических и геоэкономических угроз возрастает уровень потребления информационного контента, что позволяет лучше адаптироваться к кризисным ситуациям и сгладить колебания расходов домохозяйств. Исследования в области медиа- и информационных технологий свидетельствуют о наличии «эффектов заражения», возникающих в сетевом пространстве коммуникаций, что также важно учитывать при анализе и моделировании косвенных факторов потребительского спроса.

Этап 3. Разработка модели, описывающей зависимость потребительского спроса от медиатора и контрольных параметров, необходимых для учета структурных сдвигов и локальных аномальных выбросов. В качестве альтернативной контрольной переменной предлагается ввести оценку эффекта группового взаимодействия, математическая форма которого представлена в работе [2]. Уравнение регрессии примет следующий вид:

$$y_{i,t} = \alpha + \beta \cdot \frac{\sum_{j \epsilon P_j} y_{j,t}}{n_i} + \gamma \cdot x_{i,t} + \theta \cdot \frac{\sum_{j \epsilon P_j} x_{j,t}}{n_i} + \varepsilon_{i,t} \quad (1)$$

где $y_{i,t}$ – потребительские расходы домохозяйств;

$x_{i,t}$ – медиатор;

$\frac{\sum_{j \epsilon P_j} y_{j,t}}{n_i}$ – среднее значение потребительских расходов референтной подгруппы (например, «серебряных» потребителей, молодежи и т. д.);

$\frac{\sum_{j \epsilon P_j} x_{j,t}}{n_i}$ – среднее значение медиатора для соответствующей подгруппы;

P_j – референтная подгруппа.

В исследовании [2] параметры β и θ при групповых факторах впоследствии корректируются на весовые коэффициенты, отражающие связи элементов подгруппы и рассчитываемые исходя из физического расстояния между соседними домохозяйствами. В цифровом пространстве социальных сетей эти веса могут быть получены в результате оценок количества друзей (подписчиков, последователей и т. п.).

Оценка параметров модели на реальных статистических данных позволит измерить эффекты взаимодействий референтных подгрупп в рамках большой социальной группы «потребители». По сути, данная макрогруппа выражает интересы «среднего» класса белорусского общества, отдающего предпочтения товарам низкого ценового сегмента, обладающего высокой склонностью к сбережению и потреблению импортной продукции [1].

Схематично логика медиационного анализа выглядит следующим образом:

$$X \Longrightarrow M \Longrightarrow Y \quad (2)$$

где $M = f(X)$, а $Y = f(M)$;
M – медиатор;
X – факторы дохода и макросреды;
Y – потребительский спрос.

Выводы. Важную роль в координации экономических процессов, в том числе в распределении и перераспределении доходов, играют большие социальные группы, интересы, мотивы и потребности которых определяют их поведенческие паттерны и стратегии. Данная методика обладает научной новизной, поскольку учитывает влияние референтных подгрупп, групповые эффекты которых при наличии статистических данных о структурной динамике потребительских расходов домохозяйств Республики Беларусь можно измерить и использовать в модельных расчетах для повышения обоснованности мер экономической политики в условиях цифровой среды.

Медиационный анализ полезен в целях более глубокого осмысления сущности процессов в сфере потребления. Анализ, моделирование и контроль потребительского спроса индивидов и их сообществ позволяет исследовать причинно-следственный механизм формирования паттернов потребительского спроса, что с позиции координации интересов макрогрупп важно как для получения системной оценки потенциала инфляционного давления в стране, так и сценариев поведения большой социальной группы «потребители» и различных референтных подгрупп в ее составе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лаврова О.И. Координация макроэкономических интересов в институциональной системе Республики Беларусь. – Минск: Бестпринт, 2025. – 151 с.

2. Bedi Sh.M., Kornher L., Kotu B.H., Azzarri C. Network Effects in Household Consumption Patterns: Evidence from Northern Ghana // Review of Development Economics. – 2026. – No. 30. – P. 226–236.

УДК 336.71:004

СУЩНОСТЬ ФИНАНСОВОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Осмоловец Светлана Славомировна,
кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Сущность финансового посредничества в современной экономической литературе рассматривается в рамках различных теоретических подходов. «В классических макромоделях до 1980-х гг. посредники выступали как пассивные участники, а деньги – как экзогенный фактор. В 1980-х – 2000-х гг. появились первые модели, учитывающие роль посредников. Модель Даймонда-Дибвига объяснила банковские паники через трансформацию ликвидности, а Б. Бернанке показал, что крах банков усиливает экономические кризисы, что легло в основу теории кредитного канала и концепции финансового акселератора» [1, с. 9].

В рамках монетарной теории финансового посредничества банки рассматривались как субъекты, влияющие на предложение денег в экономике. Функциональный подход объясняет существование финансовых посредников с точки зрения выполняемых ими функций [2, с. 23]. С позиции информационного подхода посредники возникают как ответ на несовершенство рынков с асимметричной информацией [3, с. 15].

Анализ теоретических подходов к определению сущности финансового посредничества позволяет выделить в их составе ряд общих точек зрения. Во-первых, первичная роль финансовых посредников заключается в аккумуляции временно свободных денежных средств и их последующем предоставлении заемщикам. Различные теоретические походы, особенно функциональный и сетевой, подчеркивают неизменность выполняемых посредниками финансовых функций (обеспечение платежей, управление рисками, аккумуляция капитала) на протяжении длительного промежутка времени. Эволюционируют только институциональные формы финансовых посредников – от традиционных банков до цифровых платформ и финтех-компаний.

В рамках рассмотренных теоретических подходов посредники возникают для снижения трансакционных издержек, решения проблем асимметричной информации (неблагоприятного отбора) и минимизации рисков, которые частные инвесторы не могут эффективно контролировать самостоятельно.

Современные модели финансового посредничества включают новые институциональные единицы: финтех-компании, необанки, криптобанки, цифровые платформы и экосистемы. Л. Георгиев выделяет (по критерию технологической эволюции) четыре основные модели финансового посредничества. Банковская модель основана на аккумулировании сбережений и последующей трансформации их в кредиты. Рыночная модель включает небанковских посредников, таких как брокерско-дилерские фирмы и доверительное управления активами. Модель реинтермедиации (финтех-модель) основана на финтех-компаниях, которые конкурируют с традиционными финансовыми институтами, создавая собственные бизнес-модели. Модель полной дезинтермедиации основана на децентрализованных структурах, функциональность которых поддерживается технологией блокчейн и смарт-контрактами [4, с. 601–602].

Цифровизация меняет архитектуру финансовой системы. Л. Георгиев отмечает переход от «централизованной иерархической структуры к децентрализованной сетевой» [4, с. 595]. Анализируя структуру современного финансового посредничества, можно сделать вывод, что она организована в форме сети, в которой ключевыми узлами выступают банки. Элементы такой сети связаны между собой потоками капитала, рисков и информации. Финтех-компании встраиваются с помощью открытых API в качестве надстройки к банковской архитектуре (например, цифровые платежные решения, необанки), либо создают вокруг себя собственные цифровые экосистемы, либо из существующей цифровой нефинансовой инфраструктуры формируется собственный банк для обеспечения торговых отношений на ней (например, Вайлдберриз Банк). Иные цифровые посредники, НФО, страховые компании, краудфандинговые платформы, P2P сервисы тесно связаны с банками кредитно-депозитными отношениями.

Применение сетевого подхода к анализу сущности финансового посредничества ведет к пересмотру традиционной риск-ориентированной концепции регулирования. Традиционное регулирование основано на надзоре над финансовыми институтами и их рисками. Сетевой подход показывает, что системный риск в финансовой системе в большей степени определяется сетевыми связями между финансовыми организациями (посредниками). Небольшой, но объединенный множеством связей с другими финансовый посредник может вызвать каскадный эффект на финансовом рынке, сопоставимый с крахом крупного банка [5, с. 661–662].

Для предупреждения системных кризисов регуляторам необходимо акцентировать внимание на тех финансовых посредниках, которые имеют множественные связи с другими.

Имплементация цифровых технологий в финансы формирует новые риски, требующие особого регулирования. Поскольку цифровые финансовые платформы функционируют в основном на частной инфраструктуре, киберугроза одному финансовому посреднику (узлу сети) угрожает всей сети посредников системным сбоем. Поэтому акцент в регулировании должен быть сделан на защите технологической инфраструктуры финансовых организаций и их безопасности [4, с. 664–665].

Поскольку вся сеть финансового посредничества выступает «высшим» посредником, то доступ к ней становится критическим ресурсом. Регулирование должно обеспечить равенство участников такой сети, т. е. должен соблюдаться принцип «сетевой нейтральности» [5, с. 664–665]. Это значит, что регулирование одного финансового посредника (узла сети) не должно дискриминировать другого. В частности, если банки подвергаются строгому пруденциальному регулированию, то операторы криптоплатформ, выполняющие посреднические функции в перераспределении капитала на основе токенов, также должны подвергаться адекватному пруденциальному регулированию. Этот принцип должен быть распространен на все аспекты финансового регулирования: контроль над рисками, раскрытие информации, регулирование технической инфраструктуры, пруденциальное регулирование и надзор.

Выводы. Финансовое посредничество – это исторически эволюционирующий институт, обеспечивающий трансформацию сбережений в инвестиции через качественное преобразование активов, снижение рыночных трений и создание новых финансовых инструментов. Названные функции посредничества сохраняют устойчивость вне зависимости от конкретных его институциональных форм.

Современные модели финансового посредничества характеризуются формированием новых институциональных единиц – цифровых платформ и экосистем, функционирующих в форме надстройки к традиционным финансовым институтам, либо на основе партнерства, либо как самостоятельные институциональные единицы.

Сетевая природа современного финансового посредничества требует пересмотра подходов к регулированию финансового рынка. 1) Цифровизация финансов порождает новые риски, связанные с киберугрозами цифровой инфраструктуре. В сетевом взаимодействии нарушение работы одного узла может вызвать системный сбой и распространиться на другие финансовые организации, что обуславливает необходимость обеспечения безопасности технологической инфраструктуры посредников. 2) В регулировании необходимо соблюдать принцип «сетевой нейтральности», который означает распространение адекватных пруденциальных требований на все финансовые организации. Субъектный состав регулирования должен охватывать все институциональные формы финансового посредничества, в том числе цифровые.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьева О.Н., Сапожников Д.А. Эволюция научных представлений о финансовом посредничестве // Финансы и кредит. – 2025. – Вып. 12. – С. 4–16.

2. Merton R. A Functional Perspective of Financial Intermediation // Financial Management. – 1995. – Vol. 24, No. 2, Silver Anniversary Commemoration (Summer). – P. 23–41. – URL: https://www.jstor.org/stable/3665532 (дата обращения 06.03.2026).

3. Тагаров Б.Ж. Асимметрия информации на рынке капитала и ее последствия // Известия Байкальского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 14–18.

4. Georgiev L. Fintechs, Banks, and Financial Re-Intermediation // Economic Alternatives. – 2024. – No. 3. – P. 587–608. – URL: https://www.unwe.bg/doi/eajournal/2024.3/EA.2024.3.08.pdf (дата обращения 06.03.2026).

5. Lin T.C.W. Infinite Financial Intermediation // SSRN. – 2016. – 05 Jan. – URL: https://ssrn.com/abstract=2711379 (дата обращения 06.03.2026).

УДК 338.1+336.0

МАКРОФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА СТРУКТУРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Рожковская Екатерина Агеевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

В настоящее время большинство стран мира проходят этап структурной экономической трансформации, вызванный фрагментацией мировой экономики, разрывами сложившихся мирохозяйственных связей, сбоями в глобальных цепочках поставок. Одновременно крупнейшие экономики осуществляют «двойной переход», предполагающий энергетическую и цифровую трансформацию, декарбонизацию и формирование экономики замкнутого цикла, массовую роботизацию и внедрение в производство технологий искусственного интеллекта. В этих условиях важнейшей особенностью и императивом структурно-технологической модернизации экономики является требование защиты национальных стратегических интересов государства и повышения самодостаточности экономики, реализуемое в большинстве стран посредством политики реиндустриализации и технологического суверенитета [1, с. 22].

Стимулирование структурных преобразований в условиях нарастающей конкуренции за мировое технологическое и экономическое первенство требуют колоссальных финансовых ресурсов для перестройки технологической базы национальных производств. Необходимость преодоления финансовых ограничений для роста и структурно-технологической модернизации экономики обусловливает востребованность мер государственной макроэкономической и финансовой политики.

В традиционном понимании макрофинансовая политика представляет собой комплекс целенаправленных воздействий государства на экономику для обеспечения устойчивости финансовой системы, ценовой стабильности, обеспечения равновесия платежного баланса и стимулирования экономического роста, предполагая управление на макроуровне финансовыми потоками платежного и долгового характера, влияющими на поведение всех участников рынка [2, с. 6]. Как правило, макрофинансовая политика предусматривает применение инструментов денежно-кредитного, валютного и бюджетно-налогового регулирования, политики управления долгом и развития финансового сектора, опираясь на управление ключевыми макрофинансовыми переменными – процентными ставками, обменным курсом, инфляцией, денежным предложением, налоговой нагрузкой, объемами кредитования и субсидирования экономики, привлечением внешнего финансирования.

Однако усложнение условий развития, необходимость ускоренной технологической модернизации производства в условиях геополитической фрагментации и глобальной неопределенности обусловливают смещение фокуса современной макрофинансовой политики – от приоритетов финансовой устойчивости к первоочередной необходимости мобилизации финансовых ресурсов на цели структурной перестройки экономики при одновременном сохранении финансовой и ценовой стабильности. В этом контексте макрофинансовая политика выступает средством достижения долгосрочных целей развития экономики и интегрируется со смежными направлениями государственной экономической политики – промышленной, инвестиционной, структурной, инновационно-технологической и др.

В настоящее время на глобальном уровне повсеместно отмечается тенденция к сращению макрофинансовой и структурно-технологической политики, цель которой – аккумуляция финансовых ресурсов в объемах, покрывающих потребности экономики в долгосрочных инвестициях, и их концентрация на приоритетных направлениях развития при сохранении стабильности финансовой системы государства.

В настоящее время крупнейшие экономики мира реализуют масштабные долгосрочные проекты структурно-технологической модернизации, объемы финансирования которых сопоставимы или превышают объемы ВВП отдельных стран. Так, например, план зеленой трансформации Японии до 2032 г. предполагает финансирование в объеме 1 трлн долл. США, Новая инновационная повестка Европы на период до 2030 г. – 55 млрд евро, Европейский план развития промышленности на 2023–2030 гг. – 250 млрд евро, Китайская стратегия двойной циркуляции – порядка 250 млрд долл. США ежегодно, План развития нового поколения искусственного интеллекта в Китае до 2030 г. в объеме 1,65 трлн долл. США [3].

В целях реализации Нового плана устойчивого процветания и конкурентоспособности Европы (A Competitiveness Compass for the EU) на 2025–2029 гг. стоимостью 750–800 млрд евро ежегодно, Евросоюз запустил в действие Союз сбережений и инвестиций (The Saving and Investment Union), связывающий через меры макрофинансовой политики сбережения домохозяйств в размере около 100 трлн евро и производственные инвестиции. К числу ключевых мер, способствующих аккумуляции сбережений в ЕС на приоритетных направлениях (зеленый переход, энергетика, инновации, цифровизация, оборонный сектор), относятся: внедрение и расширение практики использования инвестиционных и сберегательных счетов; стимулирование рынка розничных инвесторов при одновременном реформировании пенсионной системы; развитие рынка зеленых облигаций; реформа венчурных фондов, формирование единого рынка капитала ЕС и др.

В рамках стратегии «новой индустриализации» Китая, предусматривающей технологическую модернизацию традиционных отраслей промышленности и стимулирование новых секторов роста (гуманоидные роботы, автопилотируемые системы и интеллектуальные производственные платформы, на долю которых в настоящее время приходится порядка 15 % ВВП) системно выстраивается комплексная политика промышленного финансирования (national industrial finance policy), предусматривающая повышение финансовой открытости и либерализацию финансового сектора [4], развитие инструментов технологического и зеленого финансирования, финансовую поддержку малого и среднего бизнеса и др.

За период с 2020 г. в Китае принят масштабный пакет документов, запускающих и поддерживающих структурно-технологическую модернизацию китайской экономики: «Уведомление об углублении финансовых услуг в обрабатывающей промышленности для содействия новой индустриализации»; «Уведомление о содействии качественному развитию финансовых услуг для малого и среднего бизнеса»; «Поддержка технологических инноваций в малом и среднем предпринимательстве»; «Реформа государственных банков и развитие региональных банков»; «Политика стимулирования промышленного роста»; «Уведомление об усилении финансовой поддержки частного сектора»; «Содействие развитию экономики замкнутого цикла и энергоэффективности»; «Уведомление о финансовой поддержке сектора транспорта и логистики», и, наконец, «Руководящие указания по финансовой поддержке новой индустриализации» 2025 г., предусматривающей скоординированные меры в области монетарной, фискальной и промышленной политики для повышения интенсивности, точности и эффективности долгосрочной финансовой поддержки промышленности [5]. Последний документ предусматривает восемнадцать целевых мер поддержки, в том числе монетарное стимулирование средне- и долгосрочного финансирования прорывных технологий (интегральные схемы, промышленные станки, медоборудование, серверы, программное обеспечение и др.); расширение потенциала и координация финансовых услуг и институтов (в т. ч. венчурные и фонды прямых инвестиций) для содействия развитию промышленности, создание долгосрочных механизмов финансирования модернизации, включая кредитный план для производственного сектора; укрепление координации между промышленной и финансовой политикой, в том числе за счет формирования национальной платформы сотрудничества промышленности и финансов, внедрения механизмов перекредитования и субсидирования процентных ставок для сектора передовых технологических инноваций.

Вместе с тем, расширение практики макрофинансового стимулирования структурно-технологической модернизации одновременно сопровождается накоплением рисков

макроэкономической и финансовой стабильности и требует в том числе принятия ряда непопулярных у населения мер, среди которых, например, повышение пенсионного возраста в Китае и частичные реформы пенсионной системы в Евросоюзе. Среди ключевых уязвимостей макрофинансового сектора следует отметить, прежде всего, рост дефицита бюджета, увеличение госдолга, усиление инфляционных процессов и др. Так, например, накопленный за 2020–2025 гг. дефицит бюджета развитых экономик мира (в классификации МВФ) составил -34 % ВВП (-5,7 % в среднегодовом выражении), в том числе ЕС – -25,5 % ВВП, развивающихся стран Азии – -35 % ВВП. По данным МВФ, в Китае бюджетный дефицит в среднем за 2020–2025 гг. составил -7,6 % ВВП, в США – -8,3 % ВВП. Как результат бюджетной несбалансированности стран, наиболее активно реализующих политику структурно-технологической модернизации, сохраняется высокий уровень государственного долга с тенденцией к его увеличению. Валовой долг правительства развитых стран увеличился за этот период с 100,9 % ВВП в 2019 г. до 108,2 % ВВП в 2025 г., США – с 108,8 до 125,8 % ВВП, стран Еврозоны – с 83,3 до 87,8, Китая – с 69,4 до 88,3 % ВВП.

Таким образом, в последнее время среди крупнейших экономик мира, реализующих активную политику структурно-технологической модернизации, отмечается рост востребованности мер макрофинансового регулирования для решения задач реиндустриализации и повышения технологической самостоятельности экономики. Одновременно происходит трансформация макрофинансовой политики, которая все более сращивается с промышленной политикой, позволяя мобилизовать долгосрочные финансовые и инвестиционные ресурсы на приоритетных направлениях развития экономики. Однако обратной стороной стимулирующей макрофинансовой политики является усиление рисков финансовой стабильности и устойчивости экономики. В этом контексте, вероятно, наиболее актуальным и перспективным направлением исследований станет вопрос о том, как можно увязать и обеспечить согласованность макрофинансовой политики стимулирования структурной модернизации с политикой финансовой устойчивости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Социально-экономическая безопасность Беларуси: внешние вызовы, социальные компоненты и цифровые возможности; под ред. Л.П. Зеньковой. – Минск: ИВЦ Минфина, 2025. – 232 с.

2. Моисеев А.К. Макрофинансовая политика экономического роста: монография. – Москва: Научный консультант. – 2017. – 214 с.

3. Рожковская Е.А. Глобальные вызовы: новые контуры структурно-технологической политики // Банковский вестник. – 2025. – № 8. – С. 37–54.

4. Annual report on China’s financial liberalization and opening-up 2024. – URL: https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-cn/insights/financial-services/documents/ey-annual-report-on-chinas-financial-liberalization-2024-en.pdf (дата обращения 17.04.2026).

5. Народный банк Китая и семь других ведомств совместно опубликовали «Руководящие заключения по финансовой поддержке новой индустриализации». – URL: http://policy.cnpbi.com/ztxx/8400.html (дата обращения 17.04.2026).

УДК 338.53

АЛЬТЕРНАТИВА ПРЯМОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ЦЕН НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКЕ БЕЛАРУСИ

Тетёркина Алла Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В Беларуси еще во втором десятилетии XXI в. ценовая политика выстраивалась в фарватере переговоров по вступлению в ВТО, то есть в либеральном ключе. Однако под влиянием внешних угроз, сформировавшихся в результате санкционного давления на республику, а также высоких инфляционных ожиданий и антиконкурентного поведения субъектов хозяйствования в начале третьего десятилетия существенно активизировался рост показателей инфляции. Критическим моментом для страны стало приближение индекса потребительских цен (ИПЦ), рассчитанного в сентябре 2022 г. к декабрю 2021 г., к 115 %. Необходимость оперативного исправления сложившейся ситуации предопределила возобновление практики масштабного государственного регулирования цен. Важнейшим ее инструментом выступило постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 октября 2022 г. № 713 «О системе регулирования цен». Ввод его в действие на фоне проводимой Национальным банком умеренно жесткой монетарной политики позволил в относительно сжатые сроки погасить чрезмерные ценовые всплески. Наибольший же положительный эффект от реализации документа был получен в 2023–2024 гг., когда ИПЦ снизился сначала до 105,8 %, а затем – до 105,2 %. По сути, в этот период фиксировалось максимальное сближение фактического уровня инфляции с ее целевым ориентиром в 5 %, который был зафиксирован в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292. Однако по итогам 2025 г. ИПЦ достиг 106,8 %, свидетельствуя о возникновении серьезного риска ускорения инфляционных процессов и об усилении угрозы подрыва устойчивости национального хозяйства.

Следует констатировать, что за время функционирования упомянутого выше постановления его нормы многократно редактировались. Среди основных причин пересмотра и обновления последних значится непрерывная трансформация архитектуры как внешней, так и внутренней экономической среды. При этом важно отметить, что со временем в Беларуси начало прослеживаться некоторое ослабление регулятивного фактора. Так, если изначально под ценовую регламентацию попадало 370 позиций потребительских товаров, то к концу 2025 г. их перечень сократился более чем на 40 %. Параллельно расширился список исключений, по которому не требуется согласование повышения уровня отпускных цен производителей, выведены из-под контроля размеры уплаты бонусов ретейлерам на импортную продукцию и т. д.

Наметившаяся тенденция вполне закономерна. Длительное прямое регулирование цен способно привести к нарушению действия фундаментальных законов рынка и высокой вероятности принятия основными участниками цепи товародвижения мало предсказуемых решений, причем которые формально не преступают требования, прописанные в нормативных правовых актах. Одновременно может наблюдаться и учащение случаев недобросовестного поведения субъектов ценообразования, выявление которых влечет за собой юридическую ответственность. Статистика уже демонстрирует ежегодный рост судебных разбирательств в этой области. За 2025 г. их количество увеличилось более чем на 16 % и превысило отметку 450. В свою очередь с 2021 по 2025 г. рассмотрение экономическими судами дел по статье 13.2 (нарушение установленного порядка установления (формирования) и (или) применения цен (тарифов)) Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З выросло более чем в два раза [1, 2].

Все изложенное указывает на целесообразность проработки альтернатив. Актуальность этому направлению придает и тот факт, что сложившиеся в Беларуси подходы к регламентации цен не соответствуют установкам, закрепленным в Договоре о Евразийском экономическом союзе: максимальный срок применения государственного ценового регулирования по одному виду социально значимого товара на отдельной территории не должен превышать 240 календарных дней в течение 12 месяцев (согласно приложению 19 к Договору о ЕАЭС, гл. 7, ст. 82 указанный срок включает периоды введения и продления срока государственного ценового регулирования).

Стоит отметить, что на ближайшую перспективу в рамках Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг., утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 19 декабря 2025 г. № 1, предусмотрено сокращение сферы государственного ценового регулирования. Анализ документа показал, что среди мер, которые призваны эффективно сдерживать инфляцию, особо выделены две:

– контроль за динамикой денежного предложения;

– распространение добросовестных практик борьбы за покупателя в контексте повышения уровня насыщения внутреннего рынка отечественной продукцией.

Реализация первой меры относится к выстраиванию продуманной монетарной политики, а второй – к формированию благоприятной конкурентной среды с учетом необходимости поддержки национальных товаропроизводителей.

Акцентируя внимание на конкурентную составляющую в решении обозначенного вопроса, уместно прибегнуть к созданию адекватного складывающимся условиям и перспективным направлениям развития белорусского общества механизма саморегулирования рынка. Речь идет о достижении ретейлерами и товаропроизводителями имеющих юридическую силу договоренностей, ориентированных на укоренение честных и прозрачных правил их сотрудничества и соперничества, а также на защиту прав потребителей. Здесь правомерно опереться на опыт Российской Федерации, где действует Кодекс добросовестных практик взаимоотношений между торговыми сетями и поставщиками потребительских товаров, адаптировав его к реалиям функционирования национальной экономики [3]. При этом правомерно дополнительно принять положения, которые напрямую и косвенно оказывают влияние на ценообразование, в частности, ограничивают рентабельность производства отдельных продуктов, торговые и оптовые надбавки, а также запрещают какую-либо ценовую дискриминацию и т. д.

Подобные договоренности должны быть выстроены на принципах добросовестности, транспорентности, взаимности, осведомленности, предсказуемости, законности, социальной ответственности и лояльности к территории деятельности. В качестве основных их целевых ориентиров следует принять:

формирование и совершенствование норм ведения бизнеса на потребительском рынке с соблюдением баланса экономических интересов всех сторон;

повышение эффективности деловых связей субъектов хозяйствования путем оптимизации издержек товародвижения и справедливого распределения доходов;

создание условий для добровольного соблюдения поставщиками и ретейлерами принципов добросовестного поведения и развития честной конкуренции;

содействие в обеспечении физической и ценовой доступности качественных потребительских товаров для конечных покупателей;

содействие замещению прямого регулирования в системе розничной торговли корпоративными обязательствами и т. д. [4].

Проработка данного направления позволит снизить издержки государственного инфорсмента, уменьшить риск потерь деловой репутации товаропроизводителей и ретейлеров, а также их расходы на уплату штрафов за нарушение законодательства и, безусловно, положительно скажется на ценовой ситуации в стране. Но приостановление действия постановления Совета Министров Республики Беларусь № 713 «О системе регулирования цен» до создания альтернативного механизма чревато существенным ускорением инфляции.

Вместе с тем, принимая во внимание сложившуюся тенденцию ИПЦ и учащение правонарушений в области ценообразования, ожидаема актуализация вопроса совершенствования его норм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сазонова В.В. Беларуси стали заметно чаще наказывать бизнес за ценовые нарушения // Экономическая газета. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/v-belarusi-stali-zametno-chashche-nakazyvat-biznes-za-tsenovye-narusheniya/ (дата обращения 16.04.2026).

2. Статистика // Верховный суд Республики Беларусь. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (дата обращения 17.04.2026).

3. Кодекс добросовестных практик взаимоотношений между торговыми сетями и поставщиками потребительских товаров // Федеральная антимонопольная служба. – URL: https://fas.gov.ru/documents/575147 (дата обращения 12.08.2025).

4. Тетёркина А.М., Бельский В.И. Научные рекомендации по разработке Кодекса добросовестных деловых практик субъектов хозяйствования в системе розничной торговли товарами. – Минск: Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси, 2021. – 43 с.

УДК 336.278

ВНЕШНИЙ ДОЛГ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Шулейко Ольга Леонидовна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В современных условиях внешние заимствования являются важным инструментом финансирования социально-экономического развития государств. Для Республики Беларусь привлечение внешних ресурсов играет значимую роль в обеспечении экономического роста. Вместе с тем увеличение внешнего долга может создавать дополнительные риски для финансовой стабильности и национальной безопасности.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в числе возможных угроз отмечены: «неспособность полностью и своевременно возвращать и обслуживать внешний и внутренний долг», а также «неблагоприятные условия для привлечения инвестиций и кредитов». В числе основных индикаторов состояния национальной безопасности указаны: валовой внешний долг и отношение краткосрочных платежей по погашению и обслуживанию государственного долга в иностранной валюте к золотовалютным резервам [1].

Валовой внешний долг представляет собой совокупность обязательств резидентов страны перед нерезидентами и является важным индикатором финансовой устойчивости экономики. Его значение определяется не только абсолютным объемом, но и структурными характеристиками, включая валютную составляющую, сроки погашения и состав кредиторов.

Рост внешнего долга усиливает уязвимость экономики к воздействию внешних факторов. К числу таких факторов относятся колебания мировых процентных ставок, снижение экспортных доходов, ухудшение условий внешней торговли, а также введение ограничительных мер со стороны других государств. В условиях Республики Беларусь данные риски приобретают особую актуальность в связи с высокой зависимостью экономики от внешнеэкономической конъюнктуры.

Пороговое значение валового внешнего долга определено международными финансовыми институтами для оценки устойчивости долга и рисков кризиса. Аналитические индикаторы, разработанные МВФ и Всемирным банком, стали мировым стандартом для оценки рисков. Значения порогов – относительные, они зависят от структуры экономики, структуры самого долга (валюта, сроки, ставки), состояния институтов и других факторов. МВФ дифференцирует пороговые значения следующим образом: страны со «слабыми» институтами: пороговое значение – 30 % ВВП; страны со «средними» институтами: пороговое значение – 40 % ВВП; страны с «сильными» институтами: пороговое значение – 55 % ВВП [2].

Валовой внешний долг за последние пять лет в Республике Беларусь снижается как в абсолютном выражении, так и относительно ВВП (рисунок 1). Также сокращаются расходы на обслуживание внешнего долга, что свидетельствует о некотором улучшении в этой сфере. Вместе с тем, для Республики Беларусь в целях минимизации рисков, связанных с госдолгом, целесообразно ориентироваться на пороговое его значение 40 % к ВВП. С учетом этого критерия безопасности, несмотря на снижение долга относительно ВВП, его значение находится в зоне риска.

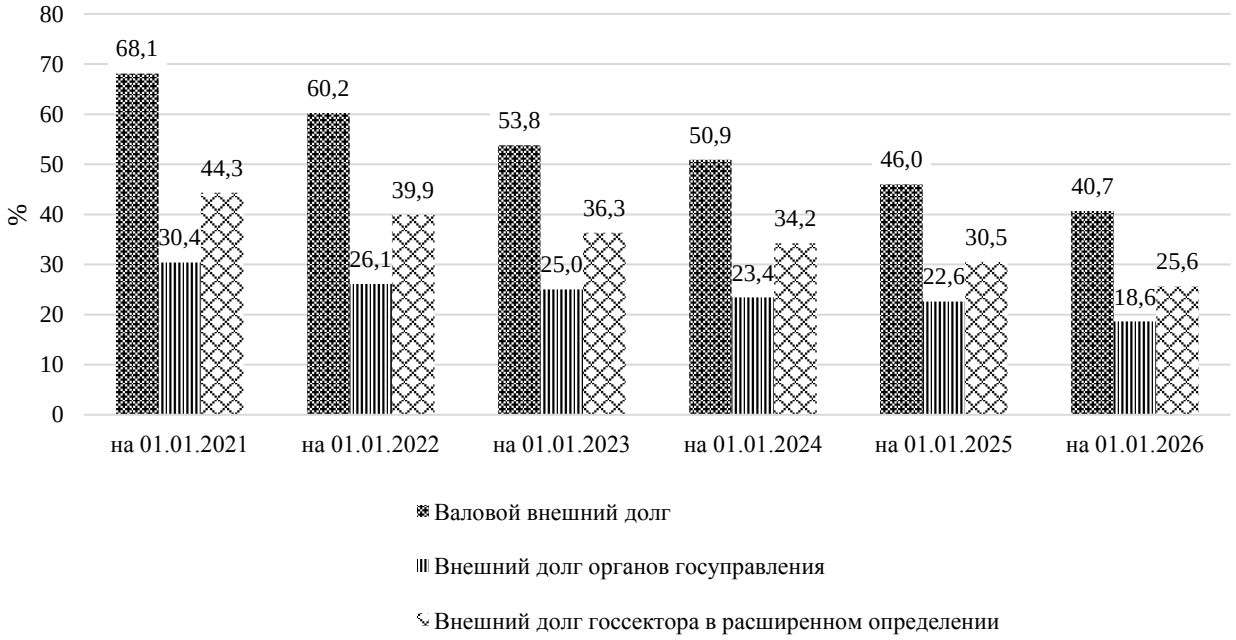

Рисунок 1 – Внешний долг Республики Беларусь в 2021–2025 гг., в % к ВВП

Дополнительную угрозу экономической безопасности представляет значительная доля задолженности, номинированной в иностранной валюте. В случае девальвации белорусского рубля это может привести к увеличению долговой нагрузки, усилению давления на государственные финансы и золотовалютные резервы. В свою очередь это будет способствовать ускорению инфляционных процессов и снижению устойчивости финансовой системы. Также сохраняются риски, связанные с ограниченным доступом к международным финансовым рынкам и высокой концентрацией кредиторов.

Международная практика управления внешним долгом демонстрирует различные подходы к обеспечению долговой устойчивости. В странах Европейского союза применяется система жестких фискальных ограничений, закрепленных в рамках Маастрихтских критериев, предусматривающих контроль уровня государственного долга и бюджетного дефицита.

В развивающихся странах широко используется стратегия диверсификации источников заимствований. Например, государства Юго-Восточной Азии активно развивают внутренние рынки капитала, что позволяет снижать зависимость от внешнего финансирования и минимизировать валютные риски.

Особый интерес представляет опыт Республики Корея, где внешние заимствования направлялись преимущественно на развитие экспортоориентированных отраслей. Это обеспечило формирование устойчивых валютных поступлений и позволило эффективно обслуживать внешний долг [3].

В целях минимизации рисков роста внешней задолженности в Республике Беларусь целесообразно реализовать комплекс следующих мер. Во-первых, необходимо обеспечить жесткий контроль за привлечением новых внешних заимствований, ориентируя их преимущественно на финансирование экспортоориентированных инвестиционных проектов, формирующих устойчивую валютную выручку. Во-вторых, приоритетным направлением долговой политики должно оставаться рефинансирование существующих обязательств вместо наращивания совокупного объема долга, а также снижение валютных рисков за счет привлечения заимствований в валютах, соответствующих структуре экспортных поступлений. В-третьих, в качестве альтернативы внешним источникам финансирования целесообразно активизировать использование внутренних заимствований, включая развитие внутреннего рынка государственных ценных бумаг. В-четвертых, требуется усиление контроля за уровнем бюджетного дефицита, а также внедрение более жестких критериев оценки эффективности и рентабельности государственных программ.

Таким образом, внешний долг является важным элементом финансовой системы государства и одновременно источником потенциальных рисков. Для Республики Беларусь ключевое значение имеет не столько объем внешней задолженности, сколько эффективность управления ею. Использование международного опыта и совершенствование национальной долговой политики создают условия для обеспечения макроэкономической стабильности и укрепления экономической безопасности страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения 16.02.2026).

2. Armijo E.L. Norms and Troubled Sovereign International Debt // Global Development Policy Center. – URL: https://www.bu.edu/gdp/files/2025/05/GEGI_WP_068_FIN.pdf (дата обращения 16.02.2026).

3. Yoo J. Korea’s Rapid Export Expansion in the 1960s: How It Began // KDI Journal of Economic Policy. – 2017. – No. 2. – P. 1–23. – URL: http://dx.doi.org/10.23895/kdijep.2017.39.2.1 (дата обращения 16.02.2026).

УДК 338.439:634/635

МЕРЫ ПО БЕСПЕРЕБОЙНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЛОДООВОЩНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ

Данилова Людмила Сергеевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В целях обеспеченя продовольственной безопасности Республики Беларусь предусмотрено бесперебойное снабжение населения в межсезонный период (с ноября по май месяц) отечественной плодоовощной продукцией. Для этого в стране ежегодно создаются стабилизационные фонды (запасы), в которые закладываются картофель и плодоовощная продукция. Такие фонды стали гарантом для населения в части приобретения продукции по доступным цена, а для производителей – в части стабильности ее реализации.

Необходимо отметить, что порядок формирования и использования этих фондов неоднократно пересматривался и совершенствовался. Особое значение им стало уделяться в текущем десятилетии. В июне 2022 г. в республике была принята Программа совместных действий Правительства и Комитета государственного контроля по стабилизации цен, совершенствованию методологии ценообразования и контрольной деятельности. Один из блоков Программы предусматривал рационализацию работы стабфондов. Реализация данной установки была осуществлена в рамках постановления Совета Министров Республики Беларусь от 4 октября 2022 г. № 658 «О стабилизационных фондах товаров». Согласно документу устанавливалось, что облисполкомы и Минский горисполком ежегодно обеспечивают формирование и использование межсезонных запасов на подведомственных им административно-территориальных единицах. Данные ведомства ежегодно до 1 октября определяют объемы закладки товаров по соответствующей номенклатуре (свежего картофеля продовольственного, капусты белокочанной, моркови столовой, свеклы столовой, репчатого лука и яблок) и перечень субъектов хозяйствования, осуществляющих их хранение, а также утверждают графики ежемесячного использования запасов. Координация работы по формированию и использованию этих фондов была возложена на Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (МАРТ) и на Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь (Минсельхозпрод), а контроль по обеспечению потребительского рынка этими товарами в межсезонный период – на облисполкомы и Минский горисполком. При этом объемы закладки продукции в фонды стали рассчитываться на основании статистической информации о продаже отдельных товаров организациями торговли и объектами общественного питания за предыдущие три года.

Однако весной 2025 г. в торговых сетях возник дефицит свежего картофеля. Товар мог не соответствовать установленным требованиям по качеству или вообще отсутствовать. Как показали проведенные проверки, ряд субъектов не исполнил свои договорные обязательства по обеспечению ретейлеров продукцией, а реализовывал ее за пределами Беларуси (в основном в Россию), где цены были значительно выше.

Во избежание негативных последствий в июне 2025 г. Президентом страны был подписан Указ от 11 июня 2025 г. № 232 «Об особенностях поставки плодоовощной продукции для республиканских государственных нужд», которым предусмотрены требования бесперебойного и круглогодичного наличия в торговых объектах свежих овощей «борщевого набора» и яблок. Формирование межсезонных запасов перешло в разряд важнейших потребностей национальной экономики. За их игнорирование предусмотрена административная ответственность.

Документ обязывает поставщиков гарантировать отгрузки плодоовощной продукции, а торговые сети – обеспечивать ее наличие на прилавках магазинов. Контроль за выполнением этого требования возложен на МАРТ, облисполкомы и Минский горисполком. Для председателей облисполкомов и Минского горисполкома, руководителей организаций, являющихся поставщиками (заготовителями), предусмотрена персональная ответственность за формирование и выполнение государственного заказа.

В дополнение стоит отметить, что Указом определен механизм предоставления ретейлерам кредитов на льготных условиях для внесения ими аванса поставщикам в размере 30 % от объема плодоовощной продукции, закладываемой по госзаказу. Кредиты предоставляются в белорусских рублях под 3 % годовых на срок до одного года, а компенсация потерь банкам – за счет средств республиканского бюджета. Перечень субъектов торговли, осуществляющих розничную торговлю, под потребность которых Советом Министров Республики Беларуси определены объемы плодоовощной продукции, поставляемой из стабфондов для республиканских государственных нужд, ежегодно определяется облисполкомами и Минским горисполкомом.

В рамках Указа Правительством было приняло постановление от 22 июля 2025 г. № 399 «О порядке и условиях поставки плодоовощной продукции из стабилизационных фондов товаров для республиканских государственных нужд». Им на межсезонный период 2025–2026 гг. определены объемы закладки картофеля продовольственного, капусты белокочанной, моркови, свеклы, лука репчатого и яблок свежих в фонды, в том числе по областям, а также их поставок в торговые сети и учреждения соцсферы.

Заказчиками госзаказа установлены Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, облисполкомы и Минский горисполком. Розничные цены на плодоовощную продукцию, поступившую заготовителям в качестве выполнения госзаказа, регулируются МАРТ, отпускные цены – Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь по согласованию с МАРТ. Заготовители ежегодно совместно с МАРТ и Минсельхозпродом обязаны заключать договоры поставки, а Госкомитет по стандартизации совместно с Минсельхозпродом определять обязательные требования к качеству и калибровке поставляемых в рамках госзаказа плодоовощной продукции и яблок свежих.

Для качественной сохранности плодоовощной продукции и яблок в межсезонный период Государственной программой «АПК будущего» на 2026–2030 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2025 г. № 814, на возведение, реконструкцию и модернизацию плодохранилищ, предусмотрены кредиты ОАО «Банк развития Республики Беларусь». Они предоставляются по результатам конкурсного отбора из числа объектов, отнесенных к перспективным. Кроме того, победителям таких конкурсов выделяются бюджетные трансферты. С начала 2026 г. Банком развития победителями признаны 6 новых проектов с мощность хранения около 12,5 тыс. т, им планируется выделение кредитов на сумму 52,0 млн руб. [1].

В последние годы в республике наблюдается рост потребления населением плодоовощной продукции. За последние 5 лет этот показатель увеличился на 6,5 %. В 2025 г. объемы продаж плодов и овощей выросли на 10,4 % по сравнению с 2024 г., в том числе огурцов – на 5,1 %, томатов – на 6,7 %. С учетом данного факта разработана «Стратегия развития тепличного овощеводства Беларуси на 2023–2027 гг.», в рамках которой на 1 января 2026 г. в 10 тепличных комбинатах уже внедрено круглогодичное выращивание продукции с применением технологии светокультуры. Так как технология энергозатратная, таким комбинатам государством предоставлены преференции: тарифы на электроэнергию снижены на 23 %, а на газ – на 30 %.

Реализация указанной стратегии позволила в 2024–2025 гг. произвести в республике 14,3 тыс. т огурцов (172 % от потребности страны), а с ноября 2025 г. по февраль 2026 г. их урожай составил 12,2 тыс. т, что на 158 % больше от ожидаемого спроса. Результаты

выращивания томатов пока недостаточно удовлетворительны. Потребность в них в межсезонье оценивается на уровне 17,3 тыс. т. В 2025 г. за счет собственного производства ее закрыли на 41,0 %. Но в 2026 г. планируется выйти на отметку в 43,0 %, а в межсезонный период 2027–2028 гг. ожидается получение их валового сбора в объеме 20,3 тыс. т.

Кроме этого, в республике стартуют два пилотных проекта с участием Китайской стороны (в Брестской и Витебской областях) по строительству «теплиц пятого поколения», или «умных теплиц». На Китай приходится около 60 % мировых площадей, занятых теплицами, он является безусловным лидером по использованию в них передовых технологий. В таких теплицах предусмотрено внедрение датчиков для автоматизированной системы полива, вентиляции и искусственного освещения. Основная их особенность – интеграция систем искусственного интеллекта, который в автоматическом режиме контролирует рост растений, поступление питательных веществ, температурный режим и другие технологические процессы. Все это позволяет минимизировать влияние человеческого фактора, повысить урожайность примерно на 50 % и тем самым снизить себестоимость производимой продукции [2].

Принимаемые в Беларуси в последние годы меры по наполнению внутреннего рынка отечественной плодоовощной продукцией, прежде всего в межсезонный период, имеют положительный результат. Так, стабилизационные фонды на 2025–2026 гг. были сформированы выше плановых запасов (при плане 157,2 тыс. т, фактически составили 161,97 тыс. т). Продукция в торговых объектах присутствовала в достаточных объемах. Она соответствовала установленным стандартам по качеству и ассортименту. Более того, в свое время в МАРТ рассматривался вопрос о предоставлении разрешений производителям на вывоз той части продукции, в которой республика не нуждается, для получения ими валютной выручки [3]. При этом в текущем году доля реализации отечественных товаров по позиции «свежие овощи и грибы» в общем объеме реализации на внутреннем рынке ожидается на уровне 75,5 %, что должно превысить значения этого показателя, сложившиеся в предыдущие годы (2025 г. – 74,7 %; 2024 г. – 75,2 %).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сычевич В. В Беларуси при поддержке Банка развития появятся современные плодохранилища мощностью 12,5 тысячи тонн // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/v-belarusi-pri-podderzhke-banka-razvitiya-poyavyatsya-sovremennye-plodokhranilishcha-moshchnostyu-12.html?amp=1 (дата обращения 10.04.2026).

2. Теплицы пятого поколения с внедрением ИИ построят под Брестом – первая появится уже в 2026 году // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/teplitsy-pyatogo-pokoleniya-s-vnedreniem-ii-postroyat-pod-brestom-pervaya-poyavitsya-uzhe-v-2026-god.html (дата обращения 10.04.2026).

3. Друк М. Об особенностях формирования стабфондов на межсезонье-2025/26 рассказали в МАРТ // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/zapas-v-goszakaz.html (дата обращения 09.04.2026).

УДК 339.743:338.22.021

ТЕОРИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВАЛЮТНОГО КУРСА: ЭВОЛЮЦИЯ И РОЛЬ В ПОДДЕРЖАНИИ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ВНУТРЕННЕГО ВАЛЮТНОГО РЫНКА

Доронкевич Герман Андреевич,
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Ключевая функция теории курсообразования заключается в выборе или разработке методов регулирования валютного курса в зависимости от экономической ситуации на рынке. С точки зрения методологии для анализа теорий регулирования валютного курса можно применить два подхода: политический и эмпирический. В первом случае регулирование характеризуется применением четко выраженной государственной воли. Под этим понимается прямое директивное управление, при котором инструменты и предпринимаемые меры не определяются рыночной целесообразностью, а обусловлены прежде всего стратегическими целями государства. Валютный курс в данной парадигме является не производным фактором, а инструментом государственной политики регулирования рынка.

Совершенно иную перспективу предлагает эмпирический подход, который полностью отходит от идеи политического вмешательства. В его основе лежит не директивное регулирование, а строгий анализ фактических данных. Для понимания того, как устроен и меняется валютный рынок, используются эконометрические модели. По сути, это практический инструмент, который оперирует информацией о торговом балансе, потоках капитала и инфляционных ожиданиях, а не политическими установками.

Основы для понимания этих взаимосвязей были заложены еще представителями классической экономической теории, которые искали фундаментальные законы, управляющие рынками. Эта идея прослеживается почти во всех известных современных теориях. Так, по мнению М.В. Маркусенко, современные теории изучают: «волатильность валют; зависимость валют от состояния платежного баланса и особенностей его динамики; закономерности представления о процессах обмена валют» [1, с. 199].

На сегодняшний день концептуальные теории и модели регулирования обменных курсов в экономике (включая классические теории паритета покупательной способности, абсорбционные подходы, модели микроструктуры и т. д.) образуют обширную макроэкономическую базу [2, с. 141]. Эволюция западных экономических теорий стала основой для появления новых и совершенствования старых методов валютного регулирования. Однако все существующие теории показывают, что искусственное искажение курса национальной валюты чревато шоками для торговых потоков, что было подробно доказано Р. Дорнбушем и получило развитие в рамках исследования номинальной жесткости цен на микроуровнях [3, с. 93].

Для условий современной экспортно-ориентированной модели экономики целесообразно систематизировать представленные подходы не по хронологическому признаку, а по ключевому фактору, который каждая группа теорий выделяет в качестве детерминанты:

– товарно-ориентированные (торгово-балансовые) теории. К этой группе относятся теория паритета покупательной способности, подход с точки зрения эластичности (условие Маршалла-Лернера) и абсорбционный подход. Их объединяет постулат о том, что валютный курс в долгосрочной перспективе определяется соотношением цен на товары и услуги, а также состоянием торгового баланса [4, с. 3151].

Данные теории имеют фундаментальное, но ограниченное значение для оперативного регулирования национального валютного рынка. Экономика Республики Беларусь подвержена сильному влиянию условий внешней торговли, что является модификацией классических моделей. Такие подходы могут служить для определения долгосрочного равновесного

ориентира курса, отклонения от которого сигнализируют о накоплении макроэкономических дисбалансов;

– монетарные и портфельные теории. Эта группа рассматривает валютный курс как относительную цену финансовых активов. Ключевыми факторами здесь выступают денежная масса, разница в процентных ставках и ожидания инвесторов. Данный подход позволяет анализировать влияние решений монетарных властей по денежно-кредитной политике. Исторически наблюдаемый феномен «бегства от национальных денег» является прямым следствием процессов, описываемых этой группой теорий [5, с. 21]. При этом важно понимать: любая резкая либерализация или монетарный шок в условиях «липких» внутренних цен может спровоцировать чрезмерную волатильность курса. Это в полной мере объясняет историческую приверженность регулятора к политике последовательного сглаживания курсовых колебаний;

– микроструктурные и поведенческие подходы. Данные теории смещают фокус с фундаментальных факторов на саму архитектуру рынка. В контексте относительно неглубокого валютного рынка этот подход является особенно актуальным. На курсообразование оказывают влияние действия крупных игроков, в первую очередь государственного сектора и самого Центрального (Национального) банка. Информационная асимметрия, поведение дилеров и структура потоков заявок являются факторами краткосрочной динамики. Понимание данных аспектов дает возможность не только реагировать на последствия, но и корректировать саму «механику» работы рынка.

Таким образом, пройдя путь от макроэкономических эффектов переноса до прикладных поведенческих моделей, можно сформулировать ключевые выводы для механизма курсообразования: во-первых, медленная конвергенция обусловлена изменениями номинального курса, что требует пристального надзора за дисбалансами; во-вторых, в краткосрочной перспективе скачки курсов не успевают скорректироваться изменениями внутренних цен; и, наконец, выработка сбалансированного равновесного обменного курса позволяет нивелировать угрозу спекулятивной нагрузки и обеспечить стабильную конкурентоспособность отечественных производителей в парадигме международной открытой торговли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Маркусенко М.В. Теории валютного курса и платежного баланса, их роль в формировании государственной валютной политики в условиях глобализации // Научные труды Белорусского государственного экономического университета / М-во образования Респ. Беларусь, Белорусский гос. экон. ун-т; редкол.: В.Н. Шимов (гл. ред.) и др. – Минск: БГЭУ, 2015. – Вып. 8. – С. 199–205.

2. Taylor A.M., Taylor M.P. The purchasing power parity debate // Journal of Economic Perspectives. – 2005. – Vol. 18, № 4. – P. 135–158.

3. Dornbusch R. Exchange rates and prices // American Economic Review. – 1987. – Vol. 77, № 1. – P. 93–106.

4. Feenstra R.C., Inklaar R., Timmer M.P. The next generation of the Penn World Table // American Economic Review. – 2015. – Vol. 105, № 10. – P. 3150–3182.

5. Engel C. Real exchange rate convergence: The roles of price stickiness and monetary policy // Journal of Monetary Economics. – 2019. – Vol. 103. – P. 21–32.

УДК 336.1

К ВОПРОСУ ВНЕШНЕГО ДОЛГА И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

Козловский Иван Александрович,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Формирование объема внешнего долга должно быть под контролем государства, поскольку его накопление сверх возможности реального погашения в установленные сроки грозит дефолтом. В связи с этим международные финансовые организации (Международный Банк реконструкции и развития и МВФ), страны – члены Парижского клуба кредиторов и международные рейтинговые агентства применяют индикаторы для оценки качества (надежности) долговых обязательств и присвоения суверенных кредитных рейтингов.

По поводу объемов внешнего долга существуют разные мнения. Большинство авторов считает, что значительный внешний (в частности, государственный) долг делает страну более уязвимой к внешним вызовам и шокам. В тоже время практика многих стран показывает, что высокий уровень внешнего долга позволяет в течение длительного периода времени функционировать без кризисов.

К примеру, Лихтенштейн, Монако, Ватикан, Федеративные Штаты Микронезии не имеют собственного внешнего государственного долга (хоть и являются независимыми субъектами международного права). Однако крупные экономики подразделяются на страны с низким уровнем долга и высоким. К примеру, у США такой уровень составляет 120,79 % от ВВП, Великобритании – 101,89 %, Германии – 63,89 %, Японии – 236,66 %, Нидерландов – 43,23 %, Швейцарии – 37,58 %, Бельгии – 104,47 %. В Китае уровень долга не превышает 88,33 % [1].

Все перечисленные страны, хотя и подвержены кризисам, но эти кризисы носят глобальный характер и вызваны не высоким уровнем долга. С одной стороны, теория макроэкономики говорит, что внешний долг надо уменьшать. С другой стороны, многие страны имеют высокий уровень долга и успешно развиваются десятилетиями, а страны с малым уровнем долга (как Республика Беларусь и Российская Федерация) последнее десятилетие, по сути, стагнируют. По нашему мнению, долг должен быть регулирован, но значительно важнее такие факторы, как уровень внешних инвестиций, возможность доступа к ресурсам, рейтинг, роль в мировой экономике или в региональном союзе.

Существенный рост государственного долга многих стран мира (особенно после финансового кризиса 2008–2010 гг.) актуализировал вопрос управления государственными долговыми обязательствами в научных кругах. Особое внимание, как правило, уделено вопросу выбора наиболее эффективных инструментов управления государственным долгом.

Следует разделять понятия «управление» долгом и «регулирование» долга. Управление внешним долгом как многоуровневая система является понятием более широким, поскольку в систему управления входят функциональные подразделения управления и подсистема управления. Регулирование как функция управления обеспечивает функционирование и развитие системы управления государственным долгом в пределах заданных количественных параметров. В широком смысле управление внешним долгом предусматривает формирование одного из направлений макроэкономической политики государства (долговой политики), в лице уполномоченных законодательством субъектов. Долговая политика затрагивает вопросы институциональной и функциональной координации, организации планирования и прогнозирования, разработки эффективных методов и рычагов снижения долговой нагрузки в контексте активного управления долговыми обязательствами для обеспечения сбалансированного развития национальной финансовой системы долговых обязательств развитых стран, прежде всего, с происходящими в мире процессами глобализации и смягчения последствий долговых кризисов для экономики.

В узком смысле управление внешним долгом является совокупностью мероприятий, которые проводятся органами управления специальной компетенции (как правило, Министерство финансов и Центральный банк), связанных с процедурой выпуска и размещения государственных долговых обязательств, обеспечения своевременного и полного выполнения платежных обязательств при минимизации расходов государственного бюджета и финансовых рисков, связанных с государственным и гарантированным государством долгом. Управление внешним долгом – это комплекс мероприятий органов государственной власти, связанный с привлечением средств на условиях государственного кредита, их размещением, погашением и обслуживанием, направленных на обеспечение макроэкономической стабильности государства.

Промышленно развитые страны являются крупнейшими кредиторами мировой экономики и одновременно имеют значительные объемы государственных долгов в абсолютном и относительном выражении. Меньше всего привлекают средств для покрытия дефицита бюджета государства, которые находятся на стадии активного развития – они характеризуются высокими темпами роста ВВП, индустриализацией и структурными реформами (Китай, Индия, Бразилия). У стран, которые считаются экономически развитыми, дефицит бюджета возникает намного чаще, и в долги они влезают систематически. К примеру, внешние обязательства развитых стран выросли с уровня 80 % ВВП в 1995 г. до более 300 % в 2021 г. [2].

Наиболее явно плотная финансовая интеграция проявилась в развитых странах Европы, где введение евро спровоцировало рост трансграничных сделок. Мировой практикой аккумулирован значительный опыт управления государственным долгом. Выбор инструментов управления внешним (в частности, государственным внешним) долгом осуществляется на основе сравнения альтернатив (методов управления долгом) по практике методов возобновления долговой устойчивости (к примеру, бюджетная консолидация, которая включает мероприятия политики, направленные на сокращение «груза» задолженности путем повышения доходов или уменьшения расходов государственного бюджета).

По показателям долговой безопасности Республика Беларусь в целом остаётся в пределах установленных нормативов. В случае недостаточности бюджетных ресурсов и ограниченности возможностей привлечения новых заимствований, государство располагает рядом инструментов управления внешним долгом. В целях эффективного управления внешними заимствованиями Бюджетным кодексом предусмотрен комплекс инструментов, включающий конверсию, консолидацию, унификацию и рефинансирование долговых обязательств, обмен облигаций на менее обременительных условиях, реструктуризацию задолженности, предоставление отсрочек по выплатам и, в отдельных случаях, частичное аннулирование займов.

Отметим, что в период 2009–2025 гг. на 2014 г. пришелся пик валютных платежей Беларуси по внешнему государственному долгу – более 5,0 млрд долл. США, в т. ч. на погашение основного долга было направлено порядка 4,5 млрд долл. США, а на его обслуживание 0,5 млрд долл. США [3, с. 203–204].

Усиливается проблема внешнего долга. За 2025 г. доля обслуживания валового внешнего долга к ВВП составила 6,2 % [4, с. 139]. Однако, несмотря на снижение долговой нагрузки, следует обратить внимание на такую проблему, как сужение из-за санкций перечня потенциальных кредиторов для обслуживания внешнего долга.

Если говорить о тенденциях, складывающихся с 2020 г., то наибольшая проблема – дефицит бюджетов, включая и местные. При этом проблема внутреннего государственного долга (внешний долг уже представляет угрозу из-за того, что сформирован в валюте) для страны в целом пока не достигла опасных рамок, однако большой проблемой является обремененность долгами большинства областных бюджетов и г. Минска. Надо понимать, что источником покрытия дефицита и долговых обязательств областных бюджетов в условиях

снижения ликвидности бюджетов регионов будут межбюджетные трансферты, т. е. средства республиканского бюджета.

Для совершенствования системы управления внешним (в частности, государственным внешним) долгом Республики Беларусь необходимо:

– четко определить и законодательно разграничивать роль денежно-кредитных и бюджетно-налоговых органов в организации первичной эмиссии государственных ценных бумаг и управлении ею;

– наладить прогнозирование и планирование программ государственного заимствования, а также контроль за их реализацией, включая развитие вторичного рынка государственных ценных бумаг;

– дальнейшее развитие рынка срочных операций с валютой (таких, как форвард, фьючерс, своп, опцион), важнейшей целью которого, наряду с конверсией валют, является страхование (хеджирование) инвестиций от различного рода обязательств в иностранной валюте;

– совершенствовать законодательную базу за счет устранения имеющихся в ней противоречий, учитывая позитивный опыт зарубежных стран для решения проблемы недостаточно высокого уровня разработки законодательной регламентации системы рынка срочных операций с валютой;

– финансировать отрасли, которые способны поставлять на внутренний и внешний рынок конкурентоспособную продукцию;

– расширить сотрудничество с учреждениями группы Всемирного банка (МФК, МАГИ, Консультативной службой по иностранным инвестициям) в целях осуществления анализа инвестиционного климата Беларуси с выработкой конкретных рекомендаций по его улучшению. Дальнейшее взаимодействие с ЕБРР.

Также использование мирового опыта управления внешним долгом позволило бы Республике Беларусь открыть широкие возможности по привлечению заёмных средств иностранных инвесторов, а также сократить стоимость обслуживания внешнего долга. Эффективное использование и погашение иностранных кредитов в долгосрочной перспективе сделает возможным увеличение экспорта, улучшение торгового баланса страны, а также увеличение ВВП и укрепление государственного бюджета.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. General Government Debt: % of GDP // CEIC. – URL: https://www.imf.org/external/datamapper/GG_DEBT_GDP@GDD/SWE/CHE (дата обращения 19.04.2026).

2. Kose M.A., Ohnsorge F., Reinhart C., Rogoff K. The Aftermath of Debt Surges // World Bank Group. – URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/249451631308017450/pdf/The-Aftermath-of-Debt-Surges.pdf (дата обращения 19.04.2026).

3. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и валовой внешний долг Республики Беларусь // Национальный банк Республики Беларусь. – 2019. – URL: https://www.nbrb.by/publications/balpay/balpay2018.pdf (дата обращения 19.04.2026).

4. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и валовой внешний долг Республики Беларусь // Национальный банк Республики Беларусь. – 2026. – URL: https://www.nbrb.by/publications/balpay/balpay2025_4.pdf (дата обращения 19.04.2026).

УДК 336.645.1+658.14

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА И РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ: СБАЛАНСИРОВАННАЯ ПОДДЕРЖКА БЕЗ НАРУШЕНИЯ МОНЕТАРНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Колесникова Ирина Витальевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Денежно-кредитная политика, будучи неотъемлемой частью макроэкономической политики, включает комплекс мер, направленных на управление совокупным спросом через условия денежного рынка для достижения комбинации конечных целей. В них входят: ценовая стабильность, сохранение устойчивого валютного курса, финансовая стабильность и содействие сбалансированному экономическому росту. Основная стратегическая цель денежно-кредитной политики состоит в том, чтобы обеспечить стабильную экономическую среду, способствующую устойчивому экономическому росту, от которого зависят: создание рабочих мест, благосостояние и повышение уровня жизни. Тезис о том, что важнейший вклад, который Национальный банк может внести в экономический рост – это низкая и стабильная инфляция, является общепризнанным. Более того, дискуссии по поводу влияния монетарной политики на реальный сектор обострились, поскольку идеи эмиссионного кредитования экономики не потеряли своих сторонников.

В целом считается, что денежно-кредитная политика оказывает *сдерживающее влияние на циклические экономические колебания,* в то время как ее долгосрочные последствия ограничены номинальными переменными, такими как цены и номинальные процентные ставки, то есть она нейтральна по отношению к реальным показателям экономики в долгосрочном плане [1]. Однако последние исследования показали, *что денежно-кредитная политика может повлиять на долгосрочную траекторию развития экономики* [2]. Исходя из этих основных положений мы и формулируем наши рекомендации по совершенствованию денежно-кредитной политики в Республике Беларусь, направленные на сбалансированную поддержку развития реального сектора экономики без нарушения финансовой стабильности.

Денежно-кредитная политика эффективно влияет на реальную экономическую деятельность только в рамках потенциального ВВП. Для того чтобы способствовать экономическому росту, монетарная политика должна быть антициклической – экспансионистской в периоды кризисов и ограничительной в периоды подъемов. Некорректная (проциклическая) политика может перманентно препятствовать экономическому росту, что наблюдалось в Беларуси в периоды рецессий в 2011 г., а также в 2015–2016 гг. Однако начиная с 2018 г. политика Национального банка стала носить антициклический характер, что, безусловно, способствовало экономическому росту.

Денежно-кредитная политика традиционно рассматривалась как «нейтральная» в долгосрочной перспективе [3]. Последние исследования показывают, что помимо влияния на текущую экономическую активность, колебания процентных ставок могут оказывать непреднамеренное длительное воздействие на потенциальный рост, что в конечном итоге может усложнить калибровку денежно-кредитной политики. Долгосрочные эффекты жесткой монетарной политики проявляются в первую очередь через инвестиционные решения, которые, в конечном итоге, приводят к снижению производительности и уменьшению основных фондов, относительно возможной ситуации без вмешательства со стороны политики. Эти отрицательные эффекты высоких процентных ставок на производительность реального сектора сохраняются в течение как минимум 12 лет после периода ужесточения денежно-кредитной политики. При этом жесткая денежно-кредитная политика отрицательно влияет на потенциальный рост в длительной перспективе, в то время как мягкая лишь увеличивает рост цен, не увеличивая потенциал роста [4]. В связи с этим наша рекомендация

состоит в максимально возможном сокращении периода проведения жесткой денежно-кредитной политики (высокие ставки процента).

Одним из основных источников инвестиций является банковское кредитование. Однако кредиты, в том числе долгосрочные, не превращаются автоматически в инвестиции и, соответственно, не ведут к экономическому росту, а только увеличивают спрос в экономике, который при отсутствии соответствующих условий (незанятая рабочая сила, неиспользуемые производственные мощности или возможности приобретения их на внешнем рынке) ведет к инфляции и макроэкономической нестабильности. За последние тринадцать лет доля кредитов в процентах ВВП достигла максимальных значений (в среднем за 2000–2011 гг. 16,8 %, а за 2012–2024 гг. уже 26,5 %), при этом доля инвестиций в ВВП упала до 16,5 % в 2024 г. с максимума 40 % в 2011 г. Очевидно, что только на основе кредитных ресурсов повысить инвестиции маловероятно.

Согласно стандартной макроэкономической теории, на инвестиции в краткосрочной и среднесрочной перспективе влияет множество микро- и макроэкономических факторов, таких как процентная ставка, неопределенность политики, внутренние и мировые условия спроса, продажи и прибыльность фирмы и ее леверидж [5].

Адаптированное для белорусской экономики уравнение для инвестиций выглядит следующим образом:

$$\ln\left(\frac{I_{it}}{K_{i,t-1}}\right) = \beta_0 + \beta_1 \ln WACC_{it} + \beta_2 \ln \mathrm{Lever}_{i,t-1} + \beta_3 \left[\ln \mathrm{Lever}_{i,t-1}\right]^2 + \beta_4 \Delta \mathrm{Str}_t + \\ + \beta_5 \ln X_{t-1} + \beta_6 \ln Z_t + \phi \ln\left(\frac{I_{i,t-1}}{K_{i,t-2}}\right) + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{it} \quad (1)$$

где $\mathrm{I_{it}}$ – объем инвестиций в НФК отрасли i в период t;

$K_{\mathrm{i,t-1}}$ – размер основных средств на конец предыдущего периода (квартала);

$\mathrm{WACC_{it}}$ – средневзвешенная стоимость капитала;

$\mathrm{Lever_{i,t-1}}$ – показатель долговой нагрузки (кредитный леверидж): отношение долга (задолженность по кредитам и займам или задолженность по кредитам) к собственному капиталу/прибыли до налогообложения/активам сектора;

$\Delta PSTR_t$ – индекс структурных сдвигов (показатель изменения производительности за счет структурных изменений). Он позволяет определить эффективность распределения финансовых ресурсов в экономике;

$\mathrm{X_{t-1}}$ – это контрольные переменные для сектора экономики (темпы роста валового выпуска, темпы роста прибыли, отношение собственного капитала к балансовой стоимости основных средств, доля просроченной задолженности, доля государственных инвестиций в общем объеме инвестиций вида деятельности, активы, как показатель размера сектора);

Z_{t} – представляет макроэкономические переменные (темпы роста ВВП как прокси для экономической активности, индекс-дефлятор ВВП в качестве показателя инфляции, реальный эффективный курс рубля как прокси для изменения условий торговли);

$\phi \ln\left(\frac{I_{i,t-1}}{K_{i,t-2}}\right)$ – лаг зависимой переменной (инвестиционного отношения);

μ_i – фиксированный эффект отрасли (межгрупповые различия);

λ_t – фиксированный эффект по времени (общие шоки и тренды).

Для контроля возможной эндогенности между левериджем и инвестициями используются объясняющие переменные с лагом в один и более периодов. Мы тестируем модель, следуя подходу Ареллано-Бонд оценки динамических панельных данных.

Результаты расчетов выявили нелинейную связь между инвестиционной деятельностью предприятий и финансовым левериджем: его рост положительно влияет на инвестиции до порогового уровня 0,6 (отношение долга к собственному капиталу). Дальнейшее

наращивание долга сдерживает инвестиции. Это означает, что умеренное заимствование расширяет возможности инвестирования, но, если долговая нагрузка становится чрезмерной, отдача от долга начинает падать, превращаясь в тормоз для инвестиций. Фундаментальными факторами роста инвестиций остаются рост продаж и прибыльности предприятий.

Рассчитанные пороги безопасного левериджа в Республике Беларусь в среднем на 10 п. п. ниже, чем в России, и значительно ниже, чем в Китае, что определяется развитым фондовым рынком, где возможности внешнего заимствования гораздо шире. В Республике Беларусь, напротив, кредиты – основной и часто единственный источник заимствования. Развитие фондового рынка могло бы расширить возможности финансирования инвестиций за счет внешних источников.

На основе анализа сделан вывод, что неоптимальный выбор объектов инвестирования ведет к миграции и росту уязвимостей и рисков в экономике, в том числе и в банковском секторе. При этом даже при условии окупаемости проекта, может снижаться эффективность экономики в целом за счет снижения аллокационной эффективности реального сектора экономики (отрицательный коэффициент при переменной индекс структурных сдвигов). При этом эмиссионное кредитование ведет не к росту производства, а формированию кредитной ловушки и финансированию предприятий-зомби, то есть убыточных предприятий с коэффициентом покрытия процентов по долгам ниже единицы.

В результате исследований выявлено, что доля государственных инвестиций в общем их объеме отрицательно связана с инвестиционной активностью нефинансовых корпораций, поскольку такие инвестиции предоставляются преимущественно тем предприятиям, которые находятся в критической ситуации и не в состоянии это сделать сами. При этом общий объем государственных капиталовложений стимулирует инвестиции, что предполагает действие мультипликатора, вызывающего рост инвестиций в сопряженных отраслях.

Обоснована необходимость рассчитывать потребность во внешнем финансировании инвестиций исходя из стоимости заимствований, кредитных рисков, и не только будущей (обещанной) рентабельности инвестиционного проекта, но и текущей прибыли предприятия, а также уровня финансового рычага (отношение задолженности к активам). Оценка модели позволяет определить порог размера финансового рычага, после которого предоставление кредита становится нецелесообразным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Asongu S.A. A note on the long-run neutrality of monetary policy: new empirics // European Economics Letters. – 2014. – Vol. 3, № 1. – P. 1–6. – URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/123605/1/agdi-wp13-032.pdf (дата обращения 20.09.2025).

2. Jorda O., Singh S., Taylor A. The Long-Run Effects of Monetary Policy // Federal Reserve Bank of San Francisco Working Paper. – July 2024. – URL: https://www.frbsf.org/wp-content/uploads/wp2020-01.pdf (дата обращения 10.04.2026).

3. Lucas R.E. Expectations and the neutrality of money // Journal of Economic Theory. – 1972. – Vol. 4. – P. 103–124.

4. Kose A., Ohnsorge F.L., Ye L.S., Islamaj E. Weakness in Investment Growth: Causes, Implications and Policy Responses // World Bank Policy. – URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/166747/1/884608972.pdf (дата обращения 25.11.2024).

5. Anand R., Tulin V. Disentangling India’s Investment Slowdown // IMF Working Paper. – 2014. – URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2014/wp1447.pdf (дата обращения 10.04.2026).

УДК 338.242

СПЕЦИФИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО РЫНКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Курбеко Наталья Анатольевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Макроэкономическая и финансовая политика развития фармацевтической отрасли Беларуси направлена на обеспечение национальной лекарственной безопасности, импортозамещение, увеличение доли отечественных препаратов на внутреннем рынке (более 55–60 %) и наращивание экспортного потенциала. Фармацевтическая отрасль Беларуси не только активно развивается, но и имеет высокий потенциал, как отрасль высокотехнологического сектора она является одной из самых перспективных и наукоемких. Отрасль с высоким технологическим и экспортным потенциалом играет важную роль в обеспечении эффективности системы здравоохранения, наравне с предоставлением качественных услуг по охране здоровья населения, она способна вносить значительный вклад в экономическое развитие страны [1]. На современном этапе развития фармацевтическая отрасль Республики Беларусь растет достаточно быстрыми темпами. Производство основных фармацевтических продуктов и препаратов относится к высокотехнологичному сектору, характеризующемуся большой долей инновационно-активных организаций. В контексте содействия устойчивому экономическому росту фармацевтика является одной из приоритетных и прогрессивных отраслей, поскольку отличается значительным экспортным потенциалом и является сравнительно безопасной в экологическом плане, обеспечивая при этом высокий уровень производительности труда [2]. Кроме того, данная отрасль играет важную роль в обеспечении эффективности системы здравоохранения и достижении социальных целей устойчивого развития.

Регулирование фармацевтического рынка Республики Беларусь представляет собой одну из наиболее строго контролируемых государством систем на постсоветском пространстве, в отличие от многих соседних стран, где рынок в значительной степени либерализован, Беларусь сохранила модель, при которой государство выступает не только регулятором, но и ключевым игроком в сфере производства, импорта и розничной реализации лекарственных средств. Концепция лекарственного обеспечения населения Республики Беларусь в качестве одного из важнейших направлений деятельности государства предусматривает доступность эффективных и безопасных лекарственных средств для населения страны за счет насыщения внутреннего рынка и расширения ассортимента лекарственных средств отечественного производства. Республиканский формуляр лекарственных средств включает перечень препаратов с доказанной эффективностью, допустимой безопасностью, использование которых наиболее выгодно за счет бюджетных средств. Формуляр пересматривается ежегодно и устанавливается Министерством здравоохранения Республики Беларусь после его одобрения [3].

Регулирование фармацевтического рынка базируется на ключевых направлениях государственной политики:

1. Лекарственная безопасность и импортозамещение. Стимулирование собственного производства полного цикла от субстанций до готовой формы лекарственных препаратов.

2. Ценовая доступность. Строгий контроль над ценообразованием, особенно на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные препараты (ЖНВЛП) – перечень, регулируемый государством.

3. Единая система качества. Стандарты GxP (GMP, GDP, GPP) внедрены как обязательное требование, а не рекомендация. Регистрация лекарственных средств

и экспертиза проводятся Республиканским унитарным предприятием «Центр экспертиз и испытаний в здравоохранении». Беларусь признает регистрационные досье в формате Общего технического документа (ОТД) ЕАЭС, но сохраняет право на дополнительные национальные требования.

С 2023 г. проводится активное внедрение ускоренной регистрации для препаратов из «дружественных» стран, особенно при наличии дефектуры (дефицита). В то же время, перерегистрация препаратов из ЕС и США сопровождается более длительными инспекциями производства из-за логистических и геополитических сложностей. Учитывая специфику регулирования белорусского фармацевтического рынка в период санкционных барьеров, допускается производство и ввоз дженериков без согласия патентообладателя в интересах национальной безопасности и здравоохранения. На практике механизм применяется в отношении отдельных дорогостоящих онкопрепаратов и средств для лечения орфанных (редких) заболеваний.

Ценовое регулирование фармацевтического рынка – это самый чувствительный аспект для бизнеса и самый важный для населения. Например, предельные максимальные отпускные цены производителей устанавливаются для OTC списка (Over-the-Counter). Система референтного ценообразования (внешнее реферирование) имеет свою специфику, которая, заключается в том, что при регистрации или повышении цены производитель/импортер обязан представить данные о ценах на этот же препарат в референтных странах (как правило, Россия, Казахстан и ряд стран Восточной Европы), цена для Беларуси не может превышать минимальную цену в выбранной «корзине» стран. Это позволяет сдерживать рост цен на импортные брендированные лекарственные препараты. Специфическая особенность регулирования фармацевтического рынка Беларуси представляет собой патерналистскую модель с элементами плановой экономики. С одной стороны, система гарантирует одну из самых низких цен на лекарства в Европе (государство датирует аптеки и строго ограничивает наценку), государственное регулирование аптечной сети, включающее датирование (финансирование) аптек и строгое ограничение наценок, означает переход к модели социальной ответственности, где лекарственные препараты рассматриваются не как обычный товар, а как жизненно важный ресурс. С другой – фармацевтический рынок медленно открывается для иностранных инвесторов и частной инициативы в дистрибуции, а ассортимент зависит от геополитической обстановки и возможностей государственного сектора по импортозамещению. В то же время, данная особенность государственного регулирования цен на лекарственные средства в определенной степени может ограничивать рентабельность предприятий и их возможности для инвестиций в НИОКР.

Тем не менее, фармацевтическая отрасль показывает устойчивый рост производства и стремление активно инвестировать в новые лекарственные формы, особенно в проекты, связанные с импортозамещением. Однако фармацевтический рынок страны сталкивается с определенными проблемами:

1) высокая импортозависимость от активных фармацевтических субстанций, большинство активных компонентов для производства лекарств закупается за рубежом (в основном в Китае и Индии), что создает риски при логистических сбоях (нарушение сроков и сложность поставок);

2) преобладание дженериков над оригинальными препаратами и ограниченный экспортный потенциал. Фармацевтическая промышленность ориентирована на выпуск воспроизведенных лекарственных средств (дженериков), а не на разработку собственных оригинальных молекул, что в определенной степени сдерживает развитие экспортного потенциала;

3) фармацевтический сектор, хотя и развивается в сторону инноваций, но все еще частично использует экстенсивные методы производства. Необходима полная модернизация производств под стандарты GMP, более эффективный и «продвинутый» маркетинг, профессиональное использованием цифровых технологий и искусственного интеллекта,

что в свою очередь, будет способствовать более быстрой разработке новых соединений систем доставки и соответственно это приведет к эффективности вывода новых белорусских фармацевтических продуктов на рынок;

4) демографические изменения (старение населения) повышают нагрузку на систему здравоохранения страны и требуют увеличения производства лекарственных препаратов для пожилых людей, старение населения приводит к росту спроса на лекарственные препараты для данной категории.

Таким образом, целесообразно:

– ускорение процессов регистрации и перерегистрации, внедрение «бесшовных» механизмов вывода новых лекарственных препаратов на рынок;

– широкое развитие E-pharmacy (цифровая платформа, позволяющая приобретать лекарства, медицинские товары и получать фармацевтические консультации удаленно). Контролируемая либерализация онлайн-продажи лекарственных средств, включая рецептурные препараты с использованием электронных рецептов;

– усиление роли Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь в обеспечении конкуренции на фармацевтическом рынке, переход к систематическому агрегированному государственному контролю за ценами, условиями работы аптек и производителей лекарств с целью обеспечения добросовестной конкуренции, снижения стоимости лекарственных препаратов и повышения их доступности для населения;

– увеличение доли белорусских лекарств с одновременным стимулированием их экспортного потенциала.

Предлагаемые рекомендации направлены на снижение уязвимости фармацевтического рынка страны от внешних факторов, зависимости от импорта при одновременном повышении доступности современных и качественных лекарственных препаратов для населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дудан М.А. Стратегия развития фармацевтической отрасли Беларуси: обоснование ключевых направлений // Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление. – 2024. – № 1 (280). – С. 83–89.

2. Деревяго И.П. Условия и возможности перехода экономки к зеленому росту // Белорусский экономический журнал. – 2020. – № 4. – С. 20–35.

3. Обзор фармацевтической отрасли Республики Беларусь // BIK Ratings. – URL: https://bikratings.by/analitika/obzor-farmaczevticheskoj-otrasli-respubliki-belarus (дата обращения 05.08.2025).

УДК 338.53:621.31(476)

ТАРИФНАЯ ПОЛИТИКА В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ФАКТОР СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОПОТРЕБЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Лычагина Екатерина Сергеевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Ганюков Андрей Николаевич,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Электроэнергия остается стратегически важным ресурсом, критически влияющим на экономическую и энергетическую безопасность Республики Беларусь. Производство и распределение электроэнергии осуществляется через естественные монополии, что предопределяет необходимость государственного регулирования тарифов. Тарифная политика выступает важным инструментом государственного управления, обеспечивая баланс между экономической эффективностью энергетической отрасли и доступностью энергоресурсов для национального потребителя.

В Республике Беларусь электроэнергетическая отрасль развивается последовательно, что находит отражение как в росте объемов производства, так и в устойчивом увеличении потребления электрической энергии. По итогам 2024 года потребление электроэнергии в стране впервые превысило отметку в 43 млрд кВт·ч, что стало максимальным показателем за весь период суверенного существования государства. Практически на этом же уровне оно осталось в 2025 году. Существенный вклад в энергетический баланс страны вносит Белорусская атомная электростанция, совокупная выработка которой с начала ее ввода превысила 59 млрд кВт·ч. В 2025 году 43,2 % от объема производства электрической энергии ГПО «Белэнерго» приходилось на БелАЭС (на 3,6 п. п. больше, чем в предыдущем году). Это позволило существенно сократить объем использования природного газа – примерно на 14 млрд м³ [1].

На перспективу до 2030 года прогнозируется дальнейший рост потребления электроэнергии до уровня около 47 млрд кВт·ч в год, что обусловлено расширением сферы применения электричества и структурными изменениями в экономике. В связи с этим на государственном уровне рассматриваются два стратегических направления развития атомной генерации: строительство третьего энергоблока на площадке действующей БелАЭС либо возведение новой атомной электростанции. Реализация любого из этих вариантов позволит дополнительно увеличить выработку электроэнергии и укрепить национальную энергетическую независимость [2].

Развитие электроэнергетической отрасли в Республике Беларусь и достижение стопроцентной доступности электричества для потребителей открывает возможности для активного использования электроэнергии в хозяйственно-бытовом секторе, особенно при отоплении жилых помещений.

Сегодня для белорусского потребителя размер стоимости единицы конечной продукции топливно-энергетического комплекса является предсказуемым и достаточно стабильным. Это обусловлено тем, что в республике осуществляется государственное регулирование тарифов на электрическую энергию, отпускаемую энергоснабжающими организациями, входящими в состав ГПО «Белэнерго». Основанием для этого являются Законы Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 162-З «О естественных монополиях», от 10 мая 1999 г. № 255-З «О ценообразовании», Указ Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2011 г. № 72 «О некоторых вопросах регулирования цен (тарифов) в Республике Беларусь». Тарифы регулируются, в том числе с целью социальной заинтересованности в доступности оплаты

жилищно-коммунальных услуг. Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 февраля 2026 г. № 93 «Об установлении для населения цен на газ, тарифов на электрическую и тепловую энергию», которое вступило в силу с 1 марта 2026 г., для населения определена стоимость электрической энергии.

Одноставочный тариф для жилых домов и квартир с электрическими плитами и без газового оборудования для пищеприготовления равен 0,2581 руб. за кВт·ч. Имеется двухпериодная тарификация: минимальные нагрузки (22.00–17.00) – 0,1807 руб/кВт·ч; максимальные нагрузки (17.00–22.00) – 0,5162 руб/кВт·ч; а также трехпериодная тарификация: минимальные нагрузки (23.00–6.00) – 0,1549 руб/кВт·ч; максимальные нагрузки (17.00–23.00) – 0,4646 руб/кВт·ч; остальное время – 0,1807 руб/кВт·ч.

Для иных видов жилых домов и квартир тарифы на электрическую энергию, за исключением той, которая используется для нужд отопления и горячего водоснабжения, установлены в размере:

– одноставочный тариф – 0,3037 руб. за кВт·ч;

– двухпериодная тарификация: минимальные нагрузки (22.00–17.00) – 0,2126 руб/кВт·ч; максимальные (17.00–22.00) – 0,6074 руб/кВт·ч;

– трехпериодная тарификация: минимальные нагрузки (23.00–6.00) – 0,1822 руб/кВт·ч; максимальные (17.00–23.00) – 0,5467 руб/кВт·ч; остальное время – 0,2126 руб/кВт·ч.

При расчетах за потребленную электроэнергию по тарифам, дифференцированным по временным периодам, в субботу, воскресенье и праздничные дни применяются тарифы, установленные на период минимальных нагрузок. В результате население имеет возможность выбрать удобный для своего домовладения тарифный план и снизить платежи за электроэнергию. Но для осуществления расчетов по дифференцированным тарифам необходимо наличие многотарифного электронного прибора учета электрической энергии.

Отдельные тарифы установлены для потребителей, использующих электроэнергию для отопления и горячего водоснабжения. Если речь идет о домах без централизованного тепло- или газоснабжения, то одноставочный тариф находится на уровне 0,1242 руб/кВт·ч; при двухпериодной дифференциации во время минимальной нагрузки (23.00–6.00) – 0,0869 руб/кВт·ч, а в остальное время – 0,1615 руб/кВт·ч. Наличие отдельного прибора учета для отопления дает возможность оплачивать электроэнергию по более низкому тарифу – 0,0454 руб/кВт·ч. Их увеличение планируется с 1 июня и они будут действовать до 31 декабря 2026 года.

Одновременно при подключении электронагревательного оборудования мощностью свыше 5 кВт в период минимальных нагрузок (23.00–6.00) применяется тариф 0,1772 руб/кВт·ч, а в остальное время – 0,3290 руб/кВт·ч.

Экономически обоснованные тарифы составляют:

– одноставочный – 0,3265 руб/кВт·ч;

– двухпериодные: минимальные нагрузки (22.00–17.00) – 0,2286 руб/кВт·ч, максимальные нагрузки (17.00–22.00) – 0,6530 руб/кВт·ч;

– трехпериодные: минимальные нагрузки (23.00–6.00) – 0,1959 руб/кВт·ч; максимальные нагрузки (17.00–23.00) – 0,5877 руб/кВт·ч; остальное время – 0,2286 руб/кВт·ч.

Отмена системы дифференцированной оплаты по объемам потребления в 2019 году упростила расчет, обеспечив большую прозрачность тарифной политики, а ее ориентиром стало стимулирование населения к использованию электрических систем отопления и горячего водоснабжения.

Кроме того, масштабирование использования многотарифных приборов учета не только позволяет оптимизировать потребление электроэнергии и снижать расходы населения, но и повышать общую эффективность работы энергокомпаний.

Рост атомной генерации и увеличение потребления электроэнергии требуют гибкой, стратегически продуманной тарифной политики, способной одновременно решать задачи экономической эффективности, социальной доступности и энергетической безопасности, путем постоянной актуализации стоимости электрической энергии для потребителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Производство электрической энергии // Белэнерго. – URL: https://www.energo.by/content/deyatelnost-obedineniya/proizvodstvo-elektricheskoy-energii/ (дата обращения 16.04.2026).

2. Министр энергетики объяснил, зачем нужна вторая БелАЭС // Точка. – URL: https://tochka.by/articles/policy/ministr_energetiki_obyasnil_zachem_nuzhna_vtoraya_belaes/ (дата обращения 07.10.2025).

УДК 332.82

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Мостовская Ольга Станиславовна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

История становления и развития рынка недвижимости в Республике Беларусь включает в себя ряд последовательных фаз.

Первоначальный этап становления (1989–1992 гг.) характеризуется отсутствием законодательной базы для осуществления сделок с недвижимостью, отсутствием профессиональных участников рынка недвижимости, высоким уровнем риска при обороте недвижимого имущества и прав на него, сверхвысокими прибылями, вызывающими спекулятивные интересы недобросовестных субъектов экономической деятельности.

Продвинутый этап развития рынка (1992–2000 гг.) включает формирование жилищного законодательства и бесплатную приватизацию существующего жилищного фонда в 1992–2000 гг. Появление и развитие профессиональных участников и соответствующей инфраструктуры рынка, формирование отдельных секторов рынка недвижимости: жилого фонда и рынка земельных участков. Более интенсивное развитие получил рынок жилой недвижимости.

Современный этап развития рынка характеризуется формированием механизмов управления отношениями между профессиональными участниками рынка недвижимости и прослеживаются границы самостоятельных сегментов рынка: первичного и вторичного; жилого, коммерческого и земли [1, с. 33–34].

За годы независимости в Республике Беларуси сложилась гибридная модель, которая отражается в том, что при параллельном развитии рыночных механизмов сохранены элементы господдержки, такие как льготные кредиты и строительство арендного жилья. Основной тенденцией стало резкое сокращение доли бесплатного и субсидируемого жилья.

Уровень обеспеченности жильем в Республике Беларусь в среднем составляет 28–30 м^2 на душу населения, что соответствует показателям ряда восточноевропейских государств. Тем не менее, сохраняется существенный разрыв по регионам страны, например, в столице этот показатель достигает 32 м^2, тогда как в небольших городах и сельской зоне он не превышает 22 м^2. Усиливается актуальность проблем, связанных со старением жилого фонда, так как свыше 40 % домов построены до 1990 г., и значительным износом инженерных коммуникаций.

Доля личных средств граждан в совокупных инвестициях в жилье достигла 55–60 %, льготное государственное кредитование предоставляется лишь отдельным категориям – многодетным семьям, сиротам, судьям и др. – не более чем на 20 % от общего объема вводимого жилья. Растущую популярность приобретают альтернативные методы, такие как жилищно-строительные кооперативы, участие в долевом строительстве, а также рассрочка от застройщика.

С 2018 года активно развивается сегмент арендного жилья – как коммерческого, так и государственного. В период с 2021 по 2025 г. введено свыше 1 млн м^2 жилой площади в аренду, что трансформирует поведение семей, которое выражается в снижении острой потребности в немедленной покупке жилья, тем самым возрастает мобильность трудовых ресурсов. Этот процесс открывает пространство для изучения институциональных барьеров, включая низкий уровень капитального ремонта в арендном фонде.

Примерно 60 % ввода жилья приходится на Минск и областные центры. При этом сельские территории сталкиваются с оттоком населения, а в малых моногородах фиксируется стагнация в сфере строительства. В связи с этим предлагается классифицировать регионы на три группы в зависимости от ситуации с жильем: «развивающиеся» (Минск и Минский район), «стагнирующие» (Гомель, Могилев) и «депрессивные» (северные и юго-восточные районы). Для каждой из этих категорий требуется разработка собственной жилищной политики.

В период 2000–2024 гг. наблюдается сокращение численности населения (с 10,2 млн человек в 2000 г. до 9,1 млн в 2024 г.), что вызывает рост формальных показателей жилищной обеспеченности даже на фоне застоя в сфере строительства. Тем не менее, пустующее жилье, которое составляет около 10 % от общего фонда, сосредоточено в депрессивных регионах, что не устраняет дефицит в точках экономического роста. В результате на региональных рынках формируется феномен «неликвидных» объектов.

Таким образом, можно выделить основные направления механизма регулирования обеспечения домашних хозяйств жилой недвижимостью.

1. Дифференциация жилищных программ не только по категориям граждан, но и по регионам.

В Республике Беларуси единые категории льготников (многодетные семьи, дети-сироты, судьи и др.) не учитывают региональных особенностей. В депрессивных районах наблюдается значительный уровень несвоевременного использования жилья, однако льготное кредитование по-прежнему стимулирует строительство новых объектов, а не реконструкцию уже имеющихся. В быстро растущих агломерациях даже сниженные процентные ставки не способны обеспечить доступность жилья из-за высокой рыночной стоимости недвижимости.

В результате снизится дисбаланс между спросом и предложением, сократится объем незаселенного жилья в депрессивных регионах и повысится миграционная привлекательность малых городов за счет жилищного стимулирования.

2. Стимулирование строительства малогабаритного арендного жилья в городах-спутниках.

Города-спутники, например, Смолевичи, Фаниполь, Заславль и др., в основном застраиваются квартирами повышенной площади (свыше 70 м^2), что делает аренду неподъемной для молодых специалистов и малообеспеченных семей. Недостаточная транспортная доступность снижает привлекательность этих населенных пунктов.

В результате снизится нагрузка на арендный рынок г. Минска, вырастет мобильность рабочей силы, увеличится налоговая база городов-спутников за счет притока населения.

3. Развитие инструментов «жилищного лизинга».

Ипотека сегодня доступна для 70 % домохозяйств, а аренда не формирует накоплений для будущего выкупа.

В результате появится долгосрочный финансовый продукт для домохозяйств с нестабильным доходом, сократится теневой сектор аренды, вырастут поступления в бюджет, снизится социальная напряженность.

4. Цифровизация учета очередников и прозрачность распределения государственной поддержки.

Регистрация граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, осуществляется в разрозненных базах данных местных исполнительных органов с применением бумажных списков. Возникают риски коррупционных проявлений (внеочередное предоставление льгот), отсутствует единая система оценки степени нуждаемости. Жители не могут определить свое место в очереди и ориентировочный срок получения жилищной поддержки.

Цифровизация диалога между властью и обществом позволяет устранить разрозненность текущей структуры, превратив ее в единый, прозрачный и ориентированный на пользователя инструмент [2, с. 571]. В результате сократится время от постановки на учет до получения поддержки на 20–30 % за счет автоматизации, снизятся административные издержки исполкомов, появится возможность для граждан планировать свои жилищные перспективы.

5. Переход от субсидирования процентной ставки к адресным жилищным сертификатам.

Существующая схема льготного кредитования с процентными ставками от 1 до 5 % годовых для определенных групп населения демонстрирует низкую экономическую результативность. Фиксированная субсидируемая ставка не учитывает фактическую нуждаемость заемщиков, т. е. семьи с большим количеством детей и высоким уровнем дохода получают те же преференции, что и малоимущие граждане. В результате бюджет несет многомиллионные потери, тогда как главными бенефициарами выступают финансовые учреждения (получающие компенсацию разницы в ставках) и девелоперы (за счет завышенных цен на жилье). Более того, программа льготного кредитования создает перекосы на рынке спроса, искусственно подталкивая покупателей к приобретению квадратных метров, превышающих реальные потребности.

Жилищные сертификаты удостоверяют право на передачу права собственности на жилое помещение [3, с. 8].

Результатом будет снижение бюджетных расходов на 20–30 % при сохранении социальной эффективности, а также адресная помощь для действительно нуждающихся в жилье.

Перечисленные пять направлений образуют взаимосвязанную систему. Региональная дифференциация задает рамку для остальных мер. Малогабаритное жилье в городах-спутниках решает проблему доступности в точках роста, снимая давление на город Минск. Жилищный лизинг и сертификаты создают рыночные альтернативы ипотеке для низкодоходных групп населения. Цифровизация учета обеспечивает прозрачность распределения всех форм поддержки. Переход к адресным сертификатам является ключевой институциональной реформой, которая высвобождает бюджетные средства и перенаправляет их наиболее нуждающимся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Устюшенко Н.А. Рынок недвижимости: этапы развития и настоящее // Экономика, финансы, управление. – 2016. – № 2 (144). – С. 29–41.

2. Еременко М.М. Цифровизация взаимодействия органов власти и населения в сфере жилищной политики Республики Беларусь // Жилищные стратегии. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 561–574.

3. Марченко Т.В. Жилищный сертификат как ценная бумага: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2011. – 28 с.

УДК 338.465

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ УСЛОВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОДОПРОВОДНО-КАНАЛИЗАЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

Недведцкий Вадим Марьянович,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Водная безопасность – это один из важнейших вызовов ближайшего десятилетия, особенно для развивающихся стран, так как возможен рост дефицита водных ресурсов. Водная безопасность тесно связана с продовольственной, экономической и национальной безопасностью. Ее отсутствие вызвано изменением климата, загрязнением и нерациональным использованием воды, а также несовершенством политики в отношении водных ресурсов. Поэтому сегодня нужны новые подходы к организации коммунальной экономики, которые, с одной стороны, позволили бы обеспечить физическую и ценовую доступность услуг для потребителей, а с другой – экономическую эффективность деятельности самих организаций, включая возмещение затрат, привлечение инвестиций, повышение качества обслуживания и оказываемых услуг.

Услуги сферы водоснабжения и водоотведения (ВСиВО) предоставляются в условиях естественных монополий (ЕМ) и подлежат регулированию, финансирование которой с каждым годом сокращается. Данная сфера не относится к высокодоходным видам экономической деятельности как, например, услуги по передаче и распределению электрической и тепловой энергии; транспортировке газа, нефти и нефтепродуктов по трубопроводам; проблемы в основном связаны с технологическими, экономическими и правовыми особенностями организации деятельности; сфера с большим трудом поддается рыночным реформам; оказываемые услуги являются, как правило, услугами местного значения и ограничены территорией населенного пункта, а строительство и расширение сетей требуют значительных вложений.

Роль государства в деятельности ЕМ достаточна велика. Во-первых, с точки зрения потребителя, желателен один поставщик незаменяемого товара (услуги); во-вторых, существует опасность того, что этот поставщик, преследуя свои экономические интересы, может повлиять на уровень благосостояния населения; в-третьих, рост тарифов влияет на издержки других отраслей экономики и, соответственно, расходы домашних хозяйств. Поэтому необходимость регулирования не вызывает сомнений.

Регулирование приводится в действие с помощью правовых, экономических и иных инструментов для достижения поставленных целей. Монопольное предоставление коммунальных услуг (например, электро-, газо- и водоснабжение), по крайней мере на уровне распределения, считается экономически эффективным исходя из экономии от масштаба, капиталоемкости и технологических ограничений, которые делают конкуренцию нецелесообразной.

Фактически модель регулирования включает *структурное регулирование*, которое предусматривает вклад в организацию деятельности, законодательство, информационное обеспечение и наращивание отраслевого потенциала; *поведенческое регулирование*, которое включает правовое и договорное регулирование, экономическое регулирование, регулирование качества оказываемых услуг и обслуживания и взаимодействие с потребителями [1].

В республике в отношении естественно-монопольных сфер могут применяться долгосрочные параметры регулирования, к которым относятся уровень качества и надежности оказываемых услуг, динамика изменения расходов (затрат), норма доходности, сроки возврата инвестированного капитала и др. В настоящее время эти параметры задействованы

не в полном объеме. Возможность их практического применения придаст регулируемым сферам инвестиционную привлекательность и позволит найти резервы повышения операционной эффективности.

Все же ключевым ориентиром регулирования ЕМ остается тарифная политика, которая является составным компонентом общей макроэкономической политики и традиционно предусматривает снижение затрат, доведение тарифов до экономически обоснованного уровня, который позволил бы предприятиям осуществлять безубыточную деятельность и минимизировать нагрузку на бюджет, а также повышение качества оказываемых услуг.

С учетом современных вызовов целесообразно ориентироваться на тарифное регулирование на основе бенчмаркинга в целях повышения эффективности и результативности на основе лучших практик организации деятельности субъектов отрасли (сектора) с акцентом на их методы управления издержками. Среди его преимуществ можно назвать: обмен информацией, открытость, повышение инновационной активности и качества обслуживания, а также эффективности производственно-хозяйственной деятельности. Сравнительный анализ должен включать: 1) определение параметров, которые существенно влияют на результаты деятельности предприятия, 2) анализ затрат на оказываемые услуги субъектов хозяйствования, 3) определение эталона (субъект хозяйствования получил максимальное количество баллов по отобранным параметрам), 4) определение экономически обоснованных расходов для регулируемых организаций с использованием эталонного метода.

В последнее время ЕМ подвержены трансформации из-за появления новых технологий и изменения подходов к регулированию их деятельности, а также из-за роста конкуренции в смежных секторах, но, тем не менее, полученный опыт свидетельствует, что государственная или смешанная форма собственности позволяют организовать оказание услуг намного лучше, контролировать финансовые потоки, поддерживать единое экономическое пространство и обеспечивать национальную безопасность. Можно сказать, что реформы привели к существенным улучшениям: повышено качество обслуживания, обеспечены преемственность и надежность финансовых и правовых решений.

Технологический прогресс способствует увеличению количества образующихся стоков. Сточные воды предприятий, перерабатывающих химикаты, пестициды и другие химические вещества и материалы опасны для окружающей среды и нуждаются в очистке. Поэтому нужно возводить новые водоочистные сооружения и проводить их обслуживание, в т. ч. и действующие сети [2]. Данные направления, а также необходимость снижения износа и потерь ресурсов делают рынок водных ресурсов привлекательным для инвесторов.

Традиционно считается, что частный бизнес более мотивирован на эффективное управление, поэтому ГЧП необходимо рассматривать как инструмент привлечения инвестиций, который активно используется во многих странах. В странах-участницах ЕАБР инвестирование в инфраструктуру в целях устойчивого развития, в т. ч. на основе ГЧП, только набирает обороты, так как методологическая база и устойчивые финансовые инструменты пока еще недостаточно проработаны и доступны. В Законе Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» отмечено, что одной из целей ГЧП является создание условий для обеспечения устойчивого развития [3]. Следовательно, есть вероятность, что частные операторы появятся в инфраструктурных отраслях.

Инвестиции нужны для обеспечения устойчивого развития и управления водными ресурсами, поэтому представляют интерес следующие инструменты:

1) зеленое финансирование (поддержка инициатив, направленных на снижение негативного воздействия на окружающую среду и достижение уровня рационального использования ресурсов) [4];

2) предоставление налоговых льгот компаниям, которые инвестируют в модернизацию инфраструктурных отраслей (использование энергосберегающих технологий, автоматизированных систем мониторинга для выявления повреждений и снижения потерь ресурсов и др.);

3) использование потенциала несуверенного финансирования (займы, кредиты и гранты со стороны ключевых международных финансовых институтов для реализации проектов и поддержки развития);

4) организовать револьверные (оборотные) фонды для реализации проектов с длительным сроком окупаемости в инфраструктурных отраслях. Этот механизм недостаточно развит, но отдельные его элементы частично используют многие страны. Фонд может пополняться за счет установления более высоких тарифов на определенный период времени, а также отчислений фиксированной части тарифа и внешних источников [5].

В Республике Беларусь целесообразно сформировать единые государственные унитарные предприятия на уровне регионов с филиалами в городах и районах на базе действующих организаций ВСиВО. Переход к новым методам управления позволил бы более четко регламентировать взаимоотношения органов государственной власти на местах, внедрить сервисные контракты, улучшить водоучет на водозаборных сооружениях и местах ответвления распределительных трубопроводов.

Таким образом, с учетом современных вызовов целесообразно ориентироваться на устранение необоснованного роста тарифов на услуги, повышение инвестиционной привлекательности сфер естественных монополий и снижение нагрузки на государственный бюджет, а также ориентироваться на тарифное регулирование на основе бенчмаркинга, который стимулирует снижение операционных затрат, позволяет выявить неэффективные расходы и обосновать уровень доходности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Jaime Fernando de Melo Baptista The Regulation of Water and Waste Services. An Integrated Approach (RITA-ERSAR). – IWA Publishing, 2014. – 300 p. – URL: https://clck.ru/3QQnzx (дата обращения 05.05.2025).

2. Винокуров Е., Ахунбаев А., Чуев С., Адахаев А., Сарсембеков Т. Питьевое водоснабжение и водоотведение в Центральной Азии // Евразийский банк развития. – URL: https://clck.ru/3QAzbf (дата обращения 02.07.2025).

3. Маслова С. Правовая среда государственно-частного партнерства на евразийском пространстве. Межстрановой обзор // Евразийский банк развития. – 2025. – URL: https://clck.ru/3QAzZt (дата обращения 12.09.2025).

4. Винокуров Е., Кузнецов А., Малахов А., Алданазаров М. Инвестиции в будущее: проекты международных финансовых организаций в Евразии // ЕАБР. – 2025. – URL: https://clck.ru/3QAzdS (дата обращения 12.09.2025).

5. Развитие устойчивых систем водоснабжения и санитарии в сельских районах региона ЦАРЭС с акцентом на Китай, Монголию, Таджикистан и Узбекистан // Институт ЦАРЭС Совместное исследование с ЮНИСЕФ по управлению водными ресурсами в странах ЦАРЭС. – 2021. – URL: https://clck.ru/3QAzf2 (дата обращения 17.04.2026).

УДК 336.7

РАЗВИТИЕ РЫНКА ТОКЕНИЗИРОВАННЫХ ОБЛИГАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Шестаков Максим Евгеньевич,
Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого,
г. Гомель, Республика Беларусь

Начиная с 2017 года, с принятием Декрета Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» (№ 8 от 21.12.2017), в нашей стране достаточно быстрыми темпами стал развиваться рынок токенизированных облигаций (токенов). Токен представляет собой цифровой знак или запись в реестре (блокчейне), удостоверяющий права владельца на определенные виды активов. Фактически это цифровая облигация.

В Республике Беларусь выпуском токенов занимаются резиденты Парка высоких технологий (ПВТ). ПВТ – это специальный правовой режим, действующий для компаний-резидентов, осуществляющих деятельность по направлениям, предусмотренным законодательством (разработка программного обеспечения, фундаментальные и прикладные исследования, экспериментальные разработки в области естественных и технических наук, майнинг и др.).

Схема эмиссии токенов выглядит следующим образом. Заказчик токенов (промышленное предприятие, фирма) заключает договор с лицензированным оператором. Последний, используя разработанную и утвержденную законодательно электронную платформу, размещает на ней токены заказчика, проведя перед этим детальный аудит хозяйственной деятельности и финансовой состоятельности своего клиента. То есть выступает в роли посредника между заказчиком и инвестором. Теоретически лицензированный оператор может выступать и в роли эмитента и выпускать токены непосредственно от своего имени. После размещения на разрешенной электронной платформе доступ к покупке токенов получает инвестор. При погашении токенов платформа выдает ему всю сумму вместе с процентами в виде стейблкоинов, которые затем могут конвертироваться в денежные средства.

Графически схема эмиссии токенов представлена на рисунке 1.

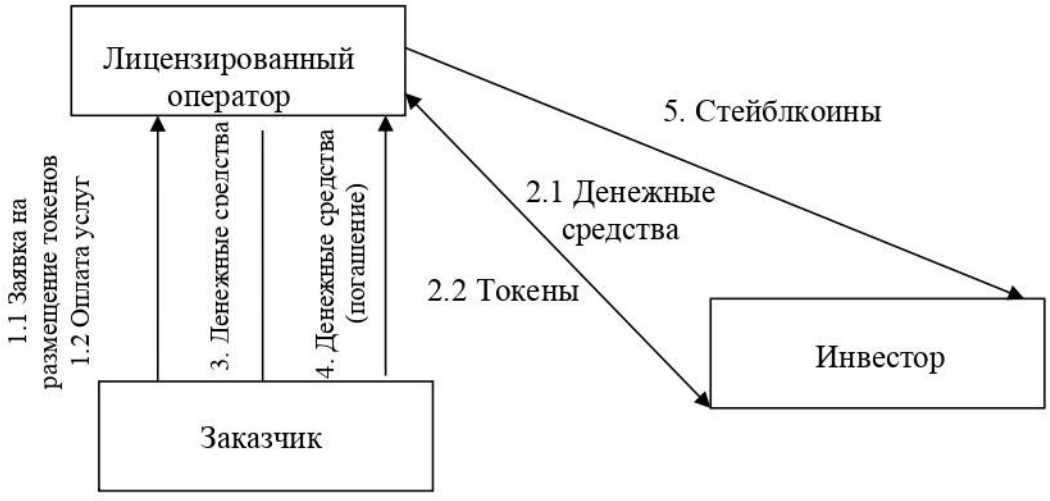

Рисунок 1 – Схема эмиссии токенов в Республике Беларусь

Примечание – Источник: собственная разработка на основе данных [1].

На данный момент выпуском токенов в Республике Беларусь занимается ряд компаний, основные из них – ООО «ДФС» (Finstore), ЗАО «Дзеньги ком» (Dzengi / ex-Currency.com) и ООО «ЕРПБЕЛ» (BYNEX) – в скобках обозначены цифровые платформы, посредством которых реализуется процесс совершения различных операций с токенами. Также выступать эмитентами или посредниками при выпуске токенов могут ООО «Альтерпэй», ООО «Брайтум», ООО «КомесКрипт», ООО «Крипто брокер», ООО «Новые цифровые инвестиции». Как и отмечалось выше, все это резиденты ПВТ [2].

Республика Беларусь – одно из немногих государств, в которых операции с токенами и прочими цифровыми активами регулируются на законодательном уровне. Это несомненный плюс для эффективного развития рынка токенов и привлечения потенциальных инвесторов. Среди прочих положительных характеристик, относящихся к токенизированным облигациям, можно выделить следующие. Во-первых, это возможность быстрого привлечения инвестиций (в том числе зарубежных) в обход разного рода бюрократических банковских процедур. Это касается эмитентов. Во-вторых, уже не у эмитентов, а у инвесторов появляется доступ к новым финансовым инструментам. Речь идет не только о токенах, но и о прочих цифровых активах (например, цифровые акции, права на недвижимость) с фиксированной, или плавающей, доходностью. Появляется альтернатива банковским депозитам, что, несомненно, положительно сказывается на уровне конкуренции на финансовом рынке.

Кроме положительных моментов, присущих развитию рынка токенов в Республике Беларусь, можно выделить целый ряд негативных. Во-первых, они проявляются в определенной пассивности внутреннего рынка. Соответственно, наблюдаются низкая вовлеченность населения, слабый локальный спрос и зависимость от иностранных инвесторов. Во-вторых, несмотря на наличие законодательной базы, рынку токенов присуща регуляторная неопределенность, поскольку правила его регулирования достаточно часто меняются и большей частью в сторону ужесточения. В-третьих, статистика по операциям с токенами на данный момент фактически не ведется (по крайней мере в таком виде, как ее представляет Минстат в своих отчетах). И наконец, в-четвертых, токены выпускаются исключительно в бездокументарной форме, т. е. все операции с ними хранятся только в электронном виде на серверах лицензированного оператора с четко не определенной ответственностью сторон. Приведем фрагменты записей с титульных листов Деклараций о размещении цифровых знаков (токенов), выпускаемых ООО «ДФС» (оформление титульных листов является типовым для любых клиентов):

«Уведомление о рисках владельцев токенов:

Цифровые знаки (токены) не являются законным платежным средством.

Токены не обеспечиваются государством.

Приобретение токенов может привести к полной потере денежных средств и иных объектов гражданских прав (инвестиций), переданных в обмен на токены (в том числе в результате волатильности стоимости токенов; риска возникновения технических сбоев (ошибок); риска совершения противоправных действий (хищений))…» [3, 4].

Подобное предупреждение, на наш взгляд, отпугнет любого рационального инвестора. Особенно угрожающе звучат пункты о рисках технических сбоев и хищений со стороны мошенников (хакеров). Оно должно быть включено в зону ответственности лицензированного оператора, а не инвестора, на долю которого приходится немалое количество прочих рисков, не связанных с безопасным функционированием цифровой платформы.

Предлагаем дополнить бездокументарную форму выпуска токенов формой документарной. Таким образом, в случае технического сбоя или хакерской атаки инвестор сможет предъявить документ (бумажный вариант токена) и обосновать свои претензии на возврат вложенных денежных средств и получение процентов. На основе предъявленного документа соответствующие записи будут заново внесены в базу данных на цифровой платформе. От подобного нововведения выиграют все: инвестор избавится от лишних (на наш взгляд, необоснованных) рисков; эмитент и лицензированный оператор повысят уровень доверия со стороны как данного, так и прочих, потенциальных инвесторов.

После решения вышеперечисленных проблем белорусский рынок токенов способен занять достойное место на европейском и азиатском сегментах финансового рынка. К настоящему времени в основном разработано национальное законодательство в этой сфере; функционируют лицензионные цифровые платформы и другие элементы инфраструктуры, поэтому имеются необходимые условия для использования токенизированных облигаций в интересах национальной экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Декрет Президента Респ. Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». – URL: https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716/ (дата обращения 30.04.2026).

2. Каталог криптокомпаний Беларуси. – URL: https://procrypto.by/belarus/companies/ (дата обращения 30.04.2026).

3. Декларация «White paper» о создании и размещении цифровых знаков (токенов) BELAZ_(USD_585). – URL: https://belaz.by/upload/img/Декларация%202024.pdf (дата обращения 30.04.2026).

4. Декларация «White paper» о создании и размещении цифровых знаков (токенов) FINSHOP_(BYN_650). – URL: https://finshop.by/media/docs/WP_FINSHOP.pdf (дата обращения 30.04.2026).

РАЗДЕЛ 4. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОГРАФИЯ

УДК 338.242:502.131.1:004

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Батова Надежда Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В современных условиях экологическая политика все в большей степени определяется не только содержанием природоохранных мероприятий, но и качеством информационно-аналитической инфраструктуры управления. Усиление климатических рисков, рост требований к экологической прозрачности, развитие механизмов углеродного регулирования, расширение практик ESG-отчетности и цифровой прослеживаемости продукции формируют необходимость перехода к новым моделям экологического управления, основанным на интеграции цифровых технологий, автоматизированного мониторинга и аналитики данных в режиме реального времени [1].

Для Республики Беларусь данное направление приобретает стратегическое значение в связи с необходимостью повышения эффективности экологического контроля, модернизации механизмов государственного управления и обеспечения сопоставимости национальной системы экологической отчетности с международными требованиями. Дополнительную актуальность цифровизации придают рост трансграничных экологических требований, необходимость оценки углеродного следа продукции и постепенное усиление международной конкуренции в сфере экологических стандартов. В этих условиях цифровизация перестает выступать исключительно технологическим инструментом и становится институциональным фактором трансформации государственной экологической политики.

Существующая система экологического управления в Республике Беларусь в последние годы характеризуется постепенным расширением цифровых и риск-ориентированных механизмов регулирования. Вместе с тем сохраняются отдельные ограничения, связанные с фрагментарностью информационных потоков, ведомственной разобщенностью данных и недостаточной интеграцией цифровых решений в процессы мониторинга и регулирования. Значительная часть экологической информации продолжает формироваться в виде разрозненной отчетности, что снижает оперативность принятия решений и усложняет межведомственную координацию. В совокупности это актуализирует необходимость дальнейшего перехода от преимущественно постфактум-контроля к системам предиктивного и превентивного управления экологическими рисками.

Модернизация экологической политики предполагает переход к цифровой модели экологического управления, основанной на непрерывном мониторинге, интеграции данных и использовании интеллектуальных аналитических систем. Принципиальным отличием такой модели становится переход: от дискретного контроля – к непрерывному мониторингу; от ведомственной разобщенности – к единому цифровому контуру данных; от реактивного регулирования – к предиктивному управлению экологическими рисками; от закрытых информационных систем – к открытым экологическим данным [2].

Цифровизация экологического управления приводит к изменению институциональной логики государственного регулирования. Экологический контроль постепенно трансформируется из системы периодических проверок и ведомственной отчетности в механизм непрерывного риск-ориентированного управления, основанного

на автоматизированном анализе данных и прогнозировании экологических угроз. Это способствует снижению транзакционных издержек, повышению согласованности межведомственных решений и усилению адаптивности экологической политики.

Ключевым элементом цифровой трансформации выступает создание государственной экологической платформы как единой информационно-аналитической системы экологического управления. Предполагается, что такая платформа обеспечит интеграцию данных о выбросах загрязняющих веществ, состоянии атмосферного воздуха, качестве водных ресурсов, почв, обращении с отходами, использовании вторичных материальных ресурсов и углеродном регулировании.

Формирование единой экологической платформы позволит:

– повысить оперативность государственного экологического контроля;

– обеспечить цифровую прослеживаемость экологически значимых процессов;

– снизить административные барьеры для бизнеса;

– обеспечить открытый доступ к экологической информации;

– создать основу для риск-ориентированного экологического надзора.

Особое значение приобретает внедрение технологий автоматизированного экологического мониторинга. Использование IoT-решений, интеллектуальных датчиков, дистанционного контроля и предиктивной аналитики позволяет перейти от выборочных проверок к непрерывному наблюдению за состоянием окружающей среды и деятельностью природопользователей. Это особенно важно для крупных промышленных узлов, объектов энергетики, систем водоотведения и обращения с отходами.

Цифровизация экологического управления формирует предпосылки для внедрения новых механизмов регулирования, включая:

– автоматизированную систему измерения, отчетности и верификации экологических показателей (далее – MRV);

– цифровую прослеживаемость потоков отходов и вторичных ресурсов;

– формирование национального углеродного реестра;

– интеграцию экологических данных в системы ESG-отчетности;

– развитие цифровых сервисов экологического аудита и экологической экспертизы.

Таблица 1 – Институциональная трансформация экологического управления под влиянием цифровизации

Традиционная модель	**Цифровая модель**
Периодический экологический контроль	Непрерывный мониторинг в режиме реального времени
Разрозненные ведомственные базы данных	Единая государственная экологическая платформа
Реактивное устранение последствий	Предиктивное управление рисками
Бумажная отчетность	Автоматизированная система MRV
Ограниченный доступ к информации	Открытые экологические данные
Выборочные проверки предприятий	Дистанционный цифровой контроль
Низкая прослеживаемость отходов	Цифровая прослеживаемость потоков материалов
Локальные информационные системы	Интегрированная аналитическая инфраструктура
Фрагментарное управление	Интегрированное управление в режиме реального времени

Примечание – Источник: составлено автором на основании данных научной литературы [3–5].

Особое значение приобретает цифровая прослеживаемость потоков материалов, отходов и углеродного следа продукции. Ее развитие позволяет обеспечить контроль жизненного цикла продукции, повысить эффективность механизмов расширенной ответственности производителей и обеспечить соответствие международным требованиям к устойчивости цепочек создания стоимости.

Система MRV приобретает особую значимость в условиях усиления международного климатического регулирования и расширения практик трансграничного углеродного контроля. Формирование национального углеродного реестра позволит обеспечить сопоставимость экологической отчетности с международными требованиями и повысить конкурентоспособность белорусской продукции на внешних рынках.

Важным направлением модернизации экологической политики становится использование технологий предиктивной аналитики и искусственного интеллекта. Их применение позволяет прогнозировать экологические риски, моделировать последствия управленческих решений и формировать сценарии реагирования на чрезвычайные экологические ситуации. В перспективе это создает основу для перехода к адаптивной модели экологического управления, основанной на прогнозировании и предупреждении экологических угроз.

Одновременно цифровизация экологической политики сопровождается рядом ограничений и рисков. К их числу относятся высокая капиталоемкость цифровой модернизации, дефицит специалистов в области экологической аналитики и цифровых технологий, необходимость унификации форматов экологических данных, недостаточная межведомственная интеграция и риски кибербезопасности. Сохраняется вероятность формального внедрения цифровых решений без реального повышения эффективности экологического управления.

Дополнительным ограничением выступает различный уровень цифровой зрелости отраслей и регионов [6]. В отдельных случаях внедрение цифровых систем осложняется изношенностью инфраструктуры, ограниченными финансовыми ресурсами и недостаточным уровнем подготовки кадров. Это требует сочетания технологической модернизации с развитием институциональных механизмов координации, подготовки специалистов и совершенствования нормативно-правовой базы.

Таким образом, цифровизация экологического управления должна рассматриваться не как вспомогательное направление технологического обновления, а как институциональная основа модернизации государственной экологической политики Республики Беларусь. В долгосрочной перспективе она формирует предпосылки для перехода к интегрированной системе экологического управления в режиме реального времени, способствует снижению климатических и экологических рисков и укрепляет международную конкурентоспособность страны в условиях усиления глобальных экологических требований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Батова Н.Н., Дорошкевич И.Н., Самцова Д.В. Глобальные тренды формирования международной и государственной экологической политики // Вестник Института экономики НАН Беларуси. – 2024. – Вып. 9. – С. 88–97.

2. Умнова-Конюхова И.А., Ясинь Т. Цифровые технологии в экологическом правовом регулировании и управлении охраной окружающей среды в Китае: преимущества и риски // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 18. – № 4. – С. 220–241.

3. Цифровой щит экологии: какие технологии помогают сохранять природу России // Компьютерра. – 2026. – 10 марта. – URL: https://www.computerra.ru/338504/tsifrovoj-shhit-ekologii-kakie-tehnologii-pomogayut-sohranyat-prirodu-rossii/ (дата обращения 03.04.2026).

4. Минприроды России представило комплексный план создания и перевода на платформу «ГосТех» отраслевых информационных систем / Пресс-служба Минприроды России. – 20февраля 2023. – URL: https://mnr.gov.ru/press/news/minprirody_rossii_predstavilo_kompleksnyy_plan_sozdaniya_i_perevoda_na_platformu_gostekh_otraslevykh/ (дата обращения 05.04.2026).

5. Цифровая трансформация отрасли экологии и природопользования / Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский фонд информации по природным ресурсам и охране окружающей среды Минприроды России». – URL: https://rfi.mnr.gov.ru/docs/appeals/files/стратнаправления%20(2)%20(5).pdf (дата обращения 05.04.2026).

6. Троянская М.А., Троянская А.Д. Развитие экологического управления на местном уровне в условиях цифровизации // ЕГИ. – 2025. – № 3 (59). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ekologicheskogo-upravleniya-na-mestnom-urovne-v-usloviyah-tsifrovizatsii (дата обращения 05.04.2026).

УДК 338.23

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Боброва Анастасия Григорьевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Пилецкий Кирилл Владимирович,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Социальная политика является неотъемлемой частью государственной политики, основанной на принципах социальной справедливости, солидарности и гуманизма, что составляет ядро национальной идеологии. Перед государством возникает ряд вопросов: как разрешить дилемму между социальной справедливостью и экономической эффективностью; сколько ресурсов выделять на проведение социальной политики, какие меры и инструменты государственного регулирования использовать.

Изучение различных аспектов социального развития общества началось в 1920-х годах и не прекращается до сегодняшних дней. Значительное количество исследований в 1920-х и 1930-х годах было посвящено вопросам заработной платы, материальных стимулов и охраны труда, позже появились научные работы по демографическому развитию и трудовому потенциалу, социальному обеспечению семей, квалификации и заработной плате работников, социальной региональной и отраслевой инфраструктуре. Изучение социальных аспектов экономического развития белорусского общества продолжалось и в первые десятилетия XXI века. В этот период появились всеобъемлющие монографические работы белорусских авторов П.Г. Никитенко, А.П. Моровой, Е.А. Лутохиной, Л.П. Шахотько, С.Ю. Солодовникова, А.А. Ракова и др.

Отдельные исследования были посвящены правовым аспектам реализации социальной политики и сравнительному анализу социальной сферы в Беларуси и других странах, оказывающих непосредственное влияние на уровень благосостояния и качество жизни населения. Научное сообщество понимало социальную политику в Беларуси как систему государственных мер, направленных на обеспечение достойной жизни, социального равенства и благополучия граждан посредством регулирования социальных процессов, включая формирование спроса и предложения на труд, предоставление социальных гарантий, услуг (образование, здравоохранение, пенсии, социальная защита) и создание условий для свободного развития личности на основе принципов справедливости, солидарности и адресности. Это инструмент сглаживания неравенства, поддержки уязвимых слоев населения и повышения качества жизни всех граждан.

Вместе с тем, социальная политика – это целенаправленная деятельность государства по регулированию социально-экономических отношений в обществе в целях обеспечения благополучия и социальной стабильности. В условиях формирования и развития суверенного белорусского государства она приобрела статус одной из приоритетных и системообразующих областей государственной политики, отражающей основные принципы социально ориентированной экономической модели. За период с 1991 по 2025 год социальная политика претерпела сложную эволюцию, адаптируясь к трансформационным вызовам постсоветского периода, макроэкономическим кризисам и новым глобальным тенденциям, сохраняя при этом свою ключевую функцию – гарантию социальной защиты граждан.

Социальная политика Республики Беларусь характеризуется следующими особенностями: распределение социальной составляющей между основными экономическими

субъектами; поддержание невысокой дифференциации доходов между работниками различных отраслей; введение института негосударственных платных услуг в социальной сфере при сохранении доступа к бесплатным услугам; переход к адресному назначению социальной помощи; поддержание минимума социальных гарантий для населения через систему государственных минимальных социальных стандартов. Идеологической основой этих мер является концепция сильного социального государства, которое не снимает с себя ответственность за благополучие граждан в условиях рыночных отношений.

Построение новой государственности и перестройка социальных отношений – процесс длительный, растягивающийся иногда на десятилетия, и нуждающийся в четком определении приоритетов развития, выполняемых задач и уяснении конечной цели. Это можно назвать созданием национальной идеи, которая бы фиксировала значимые общественные интересы, обеспечивающие национальную безопасность Республики Беларусь, экономические приоритеты, направленные на создание социально-ориентированной рыночной экономики и приоритеты развития социальной сферы, реализующие принцип социальной справедливости и свободного развития каждого человека.

Значимость и масштабность задач, решаемых в социальной сфере в Беларуси, обуславливают необходимость разработки Стратегии социальной политики Республики Беларусь до 2050 года (далее – Стратегия), которая является продолжением работы по построению и развитию государственной социальной политики, осуществляемой в соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года, решениями Президента Республики Беларусь и Совета Министров Республики Беларусь.

Правовую базу Стратегии составят Конституция Республики Беларусь, законодательные акты, постановления Совета Министров Республики Беларусь и иные нормативные правовые акты в социальной сфере.

Формирование долгосрочной Стратегии требует четкого определения ее целевой направленности, стратегических приоритетов и принципов реализации, способных обеспечить устойчивое повышение качества жизни населения в условиях современных и прогнозируемых социальных преобразований.

Общей целью Стратегии является обеспечение достойного уровня жизни и условий труда, социальной защищенности населения, равных возможностей получения образования, медицинского обслуживания и других социальных услуг, создание условий для недопущения социальных конфликтов и волнений в обществе. Стратегическая цель напрямую реализует ключевой идеологический принцип – построение сильного социального государства, ответственного за благополучие своих граждан.

Социальная политика государства реализуется через механизм государственных программ и системы социальных услуг. Основными направлениями проведения социальной политики являются: институционально-правовое развитие; развитие рынка труда; совершенствование системы подготовки кадров; обеспечение социальной защищенности граждан, борьба с бедностью и поддержание низкого уровня экономического неравенства; реабилитация и социальная интеграция инвалидов; социальное обслуживание граждан старших возрастов и инвалидов; развитие сектора негосударственных некоммерческих организаций в сфере оказания социальных услуг; дальнейшее развитие системы здравоохранения; совершенствование сферы образования; активная работа с молодежью; патриотическое воспитание; обеспечение комфортных жилищных условий и благоприятной среды; меры в области миграции населения.

Вышеперечисленные направления связаны между собой, что вызывает необходимость проведения сбалансированной социальной политики. Реализация обозначенных направлений позволит не только повысить эффективность социальной защиты, но и будет способствовать всестороннему развитию общества, укреплению взаимопонимания между властью и гражданами, а также заложит основу для продолжительного развития человеческого капитала республики.

Развитие государственной социальной политики в Республике Беларусь до 2050 года неизбежно должно опираться на ее комплексную модернизацию, охватывающую всю социальную сферу государства. Ключевым направлением модернизации социальной политики является последовательное совершенствование законодательства, регулирующего социальную сферу. Это позволит сместить акценты правового регулирования от покровительства государства к установлению партнерских отношений между государством, обществом и гражданами и обеспечит правовую основу для взаимовыгодного сотрудничества, повышения ответственности каждого гражданина за свою жизнь, здоровье и благополучие.

Особое внимание должно уделяться укреплению роли труда как основы жизнедеятельности человека, его самореализации и гармоничного развития.

Достижению поставленных стратегических целей во многом будет способствовать выработанный эффективный механизм реализации Стратегии, предусматривающий комплекс мер правового, экономического и организационного характера, обеспечивающий «баланс интересов» и скоординированные действия всех участников реализации Стратегии.

Полагаем, к 2050 году системная реализация Стратегии позволит достичь качественной трансформации социального развития страны. Научно обоснованный комплекс мер будет содействовать производительной занятости, развитию ее новых форм и инклюзивности за счет синергии экономических, социальных и культурных факторов, создающих благоприятную среду для поддержания и развития позитивных процессов на рынке труда.

К 2050 г. Республика Беларусь сформирует устойчивую социальную траекторию развития, которая содержит, в частности, условия для свободы личности и ее встроенности в социальный контекст; рост уровня занятости населения, включая обеспечение профессионально-квалификационной сбалансированности спроса и предложения на рынке труда, развитие новых профессиональных компетенций и создание условий для самореализации граждан на рынке труда, стимулирование роста экономической активности незанятого населения; формирование зеленых рабочих мест; развитие инклюзивной занятости; стимулирование миграционных процессов; построение современной системы профессионального образования; максимальный охват граждан качественными медицинскими услугами вне зависимости от возраста и места проживания; повышение уровня социального благополучия и цифровизация социального обслуживания; устойчивый и сбалансированный рост заработной платы во всех видах экономической деятельности и регионах страны; пенсионное обеспечение при котором реальные размеры пенсий будут поддерживаться на уровне сопоставимом росту реальной заработной платы по экономике.

Региональная дифференциация мер социальной политики обеспечит сокращение межтерриториальных диспропорций по уровню и качеству жизни населения, уменьшение разрыва между максимальной и минимальной номинальной среднемесячной заработной платой в регионах.

В международном аспекте реализация Стратегии будет способствовать обмену опытом, координации усилий и сотрудничества на международном уровне для решения общих социальных проблем с целью улучшения жизни граждан, сохраняя высокие места Республики Беларусь в мировых сводных показателях, в том числе в рейтинге Глобального индекса человеческого развития, Индекса социального прогресса.

Таким образом, социальная политика Республики Беларусь представляет собой комплексную, многоуровневую систему, выступающую ключевым инструментом достижения национальных стратегических приоритетов. В качестве приоритета государственной социальной политики Республики Беларусь сегодня видится создание новой парадигмы, объединяющей государственную заботу о гражданах с вовлеченностью людей и общественных организаций. Грамотная социальная политика окажет влияние не только на обеспечение благосостояния населения, социальной стабильности и национального единства, но и на достижение устойчивого экономического роста.

УДК 330.341

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ СЕЛЬСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Тетеринец Татьяна Анатольевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Инновационный вектор развития экономики предопределил структурную трансформацию аграрного сектора и возрастающее влияние нематериальных факторов, одним из которых выступает человеческий капитал. В современном мире сельское население является не только частью ресурсного потенциала, но и выступает одной из составляющих ее совокупного капитала. Под человеческим капиталом понимаются знания и навыки людей, которые позволяют им создавать материальные и нематериальные ценности в мировой экономической системе. Он динамически развивается с течением времени, как в сторону приращения знаний посредством постоянного их совершенствования, так и их потери ввиду отсутствия целенаправленных действий по их развитию. Согласно определению ОЭСР, «человеческий капитал – это знания, умения, навыки и способности, воплощенные в людях, которые позволяют им создавать личное, социальное и экономическое благосостояние» [1]. В этой связи, одним из основных условий достижения устойчивого социально-экономического развития страны является накопление, сохранение и совершенствование производительных качеств человека, которые могут быть им реализованы.

Формирование и накопление сельского человеческого капитала в Беларуси во многом обусловлено интенсивностью развития аграрного сектора и динамичностью модернизации социально-экономической, производственной, логистической и информационной инфраструктуры сельских территорий. Согласно официальным статистическим данным, удельный вес занятого населения в аграрном секторе страны, проживающего в сельских населенных пунктах, составил в 2024 году 37,4 %, сократившись по сравнению с 2023 годом на 1,4 п. п. или на 22,6 тыс. чел. [2]. Выявленное снижение составляет 7,8 % от численности занятого сельского населения в сельском, лесном и рыбном хозяйстве страны.

Высокая концентрация занятого сельского населения Республики Беларусь в аграрном секторе свидетельствует о приоритетном влиянии данного вида деятельности на интенсивность развития сельских территорий и интенсивности накопления человеческого капитала в данном пространственном срезе. Соответственно, достижение параметров его устойчивого накопления в территориально-отраслевом сегменте во многом обусловлено проводимой государственной политикой, ориентированной на развитие аграрного сектора белорусской экономики и его инфраструктурных элементов.

В республике уделяется особое внимание развитию сельского человеческого капитала, что находит отражение в разработке и реализации государственных программ. Ретроспективный анализ программных документов позволил выделить наиболее важные из них, направленные на решение задач развития сельских территорий:

– Государственная программа реформирования АПК Республики Беларусь на 1996–2000 годы, целью которой являлось реализация мер и мероприятий, обеспечивающих переход и адаптацию субъектов хозяйствования к новым рыночным условиям.

– Государственная программа совершенствования АПК Республики Беларусь на 2001–2005 годы ставила своей целью существенно повысить продуктивность агропромышленного комплекса и обеспечить высокий уровень продовольственной безопасности страны. В итоге энергоемкость сельского хозяйственного производства снизилась в 1,4 раза, материалоемкость – в 1,7 раза, производительность труда увеличилась на 50 %.

– Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы, нацеленная на повышение уровня социальных стандартов и качества жизни местного населения. Научно-практический базис программы – сельский житель, его интересы, перспективы роста и развития, что и определяло комплекс мероприятий по развитию социальной инфраструктуры сельских территорий. По итогам выполнения было создано более 1480 агрогородков, т. е. сельских территорий, обладающих благоустроенной социально-экономической, производственно-логистической инфраструктурой, оснащенных центральным водоснабжением, газом, располагающих асфальтированными улицами, имеющими необходимые социальные объекты, и в которых на тот момент проживало около 60 % сельских жителей.

Присвоение статуса «агрогородок» означает не только повышение зоны комфорта сельского населения, но и способствует созданию благоприятных условий для развития, сохранения и накопления сельского человеческого капитала. Программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы заложила основы реализации концепции построения «деревень будущего».

– Государственная программа устойчивого развития села на 2011–2015 годы, выступающая продолжением государственной программы предыдущего пятилетия, и которая была нацелена на сохранение и укрепление демографического потенциала сельских территорий Беларуси, реализацию комплекса мер по повышению уровня благосостояния сельских жителей, модернизацию социально-экономической, производственной-инженерной инфраструктуры на местах.

– Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы, центральным звеном которой являлось сохранение и обеспечение продовольственной безопасности Республики Беларусь, диверсификация экспорта аграрной продукции.

– Государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы, ориентированная на повышение эффективности агропромышленного комплекса страны, развитие информатизации и экологизации сельскохозяйственного производства, укрепление продовольственной безопасности Республики Беларусь.

Важно заметить, что государственное регулирование развития сельских территорий Беларуси также нашло отражение и в других программных документах на 2021–2025 годы, в числе которых Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года, Государственная программа «Социальная защита», Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность», Государственная программы «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» и др. [3].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2025 года № 602 (далее – Постановление) утвержден перечень государственных программ на 2026–2030 годы. Перечень включает 28 государственных программ: 18 государственных программ социально-экономической направленности, которые планируются к реализации в текущей пятилетке и являются переходящими на 2026–2030 годы, 2 новые государственные программы («Развитие демографического потенциала» и «Устойчивая энергетика и энергоэффективность»), 8 государственных программ национальной безопасности в области пограничной, общественной безопасности, обеспечения вооружением и другие [4].

Анализ основных направлений государственного регулирования формирования и развития человеческого капитала в Республике Беларусь свидетельствует о комплексном подходе, реализуемом в стране в среднесрочной перспективе. Вместе тем, скрининг программных документов с позиции охвата императивов управления развитием сельского человеческого капитала показывает недостаточную проработанность этих вопросов, что может выступать сдерживающим фактором его концентрации и приращения на местах. Учитывая вышеизложенное, становятся актуальными вопросы, касающиеся пространственного развития сельских территорий, конструирование стратегии человеческого развития, разработка государственной программы повышения продуктивной занятости

сельского населения. Решение этих задач позволит выработать научно-обоснованные предложения по формированию человекоценричной модели развития национальной экономики и преломления основных государственных императивов в территориальную плоскость села.

Исследование выполнено в рамках проекта «Развитие теоретико-методологических основ и разработка механизма резильентности сельского человеческого капитала в условиях социально-экономических пространственных неравенств» при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г26-001 от 15.04.2026).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. The Well-being of nations: The role of human and social capital, 2001 // OECD-Ilibrary. – URL: https://www.oecdilibrary.org/education/the-well-being-of-nations_9789264189515-en (дата обращения 14.01.2025).

2. Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2024 году. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2025. – 38 с.

3. Перечень государственных программ на 2021–2025 годы // Мин-во экономики Респ. Беларусь. – 2022. – URL: https://economy.gov.by/ru/gos-progr-2021-25-ru/ (дата обращения 23.07.2025).

4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2025 года № 602 «Об утверждении перечня государственных программ на 2026–2030 годы» // Совет Министров Республики Беларусь. – URL: https://www.government.by/news/utverzhden-perechen-gosudarstvennykh-programm-na-2026-2030-gody (дата обращения 01.02.2026).

УДК 349.412.3:349.414

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ И ВИДОВ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Чиж Дмитрий Анатольевич,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Изменения в землепользовании происходят постоянно и в разных масштабах, оказывая специфическое и кумулятивное воздействие на смену форм собственности (владения, пользования) на земельные участки. Пропорции в формах земельной собственности, централизация или фрагментация распределения, играют главенствующую роль в темпах экономического развития, дифференциации доходов населения. Так, концентрация земельной собственности является серьезным препятствием для формирования институтов, способствующих развитию человеческого капитала и экономического роста [1]. Структурные сдвиги в сторону справедливого распределения, как правило, оказывают глубокое влияние на социальную сферу, способствуют расширению прав и возможностей, укреплению социального капитала [2].

В земельном фонде Республики Беларусь происходит перманентное распределение и перераспределение земельных участков между различными секторами экономики, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами. Согласно ст. 13 Кодекса Республики Беларусь о земле [3] земельные участки могут предоставляться на следующих правах: государственной и частной собственности; пожизненного наследуемого владения; постоянного пользования (пользования без заранее установленного срока); временного пользования; аренды (субаренды).

По данным реестра земельных ресурсов Республики Беларусь [4] за последние 20 лет структура собственности на земельные ресурсы страны практически не изменилась, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1 – Распределение земельного фонда Республики Беларусь по формам собственности и видам прав на землю, тыс. га

Формы собственности на землю	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2026 г.
В государственной собственности	20687,6	20686,8	20681,8	20683,6	20693,1
В частной собственности	72,2	76,0	78,2	76,4	69,8
Итого земель	20759,8	20759,8	20760,0	20760,0	20762,9

Доминирующей формой собственности на землю является государственная. Именно в ней произошли наибольшие по площади изменения: сократились площади в пожизненном наследуемом владении и арендуемые, а в постоянном пользовании – возросли (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение государственной собственности по видам прав на землю

Виды прав на землю	2005 г.		2026 г.	
	тыс. га	%	тыс. га	%
В пожизненном наследуемом владении	962,0	4,6	563,5	2,7
В постоянном пользовании	18241,8	88,2	18759,9	90,7
Во временном пользовании	393,1	1,9	384,8	1,9
Арендуемые	453,7	2,2	277,3	1,3
Не предоставленные землепользователям	637,0	3,1	707,6	3,4
Итого земель в государственной собственности	20687,6	100	20693,1	100

Сокращение площади земельных участков, находящихся в пожизненном наследуемом владении, произошло за счет земель граждан (всего минус 393,6 тыс. га, из них 345 тыс. га земельные участки, предоставленные для ведения личного подсобного хозяйства (ЛПХ)).

Площади земель в постоянном пользовании увеличились преимущественно за счет земель организаций, ведущих лесное хозяйство, а также земель крестьянских (фермерских) хозяйств.

При общей стабильности площадей земельных участков во временном пользовании, произошло перераспределение земель между сельскохозяйственными организациями (+286 тыс. га) и землями граждан (-270 тыс. га).

Арендуемых земель за 20-и летний период уменьшилось на 176 тыс. га за счет сокращения площади земель сельскохозяйственных организаций.

За исследуемый период в частной собственности граждан стабильно находится 0,3 % земельных ресурсов страны. В последнее время отмечается не значительная, но устойчивая тенденция к сокращению этих земель (таблица 3).

Таблица 3 – Площадь земельных участков в частной собственности граждан

Земли граждан, предоставленные для:	2005 г.		2015 г.		2026 г.	
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
- строительства и обслуживания жилого дома	19,5	27,0	26,9	34,4	31,1	44,7
- ведения личного подсобного хозяйства	36,4	50,4	29,7	38,0	18,1	26,0
- садоводства и дачного строительства	16,3	22,6	21,5	27,5	20,4	29,3
Всего земель	72,2	100	78,1	100	69,6	100

По сравнению с 2005 г. наибольшие структурные сдвиги произошли в площадях земельных участков, предоставленных для ведения личного подсобного хозяйства (минус 24,4 п. п.). Их удельный вес снизился с 50 % до 26 %. Сокращение площади этих приватизированных участков обусловлено уменьшением общей площади почти в 2,7 раза по сравнению с 2005 г. Главная причина кроется в уменьшении численности сельского населения, в процессах урбанизации и демографических сдвигах. Например, численность сельского населения уменьшилась в более чем 1,7 раза в Витебской, Гродненской и Могилевской областях.

Садоводы и дачники приватизировали около половины площади земельных участков (49,7 %). Только 9,2 % земельных участков под строительство и обслуживание жилого дома находятся в частной собственности и 8,6 % – для ведения личного подсобного хозяйства.

Исследование выполнено в рамках проекта «Развитие теоретико-методологических основ и разработка механизма резильентности сельского человеческого капитала в условиях социально-экономических пространственных неравенств» при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г26-001 от 15.04.2026).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Galor O., Moav O., Vollrath D. Inequality in Landownership, the Emergence of Human-Capital Promoting Institutions, and the Great Divergence // The Review of economic studies. – 2009. – Vol. 76(1). – P. 143–179.

2. Győri Á, Kovách I. The New Dimension of Social Inequality: The Agricultural Land Use Structure and the Development Level of Settlements // Social Sciences. – 2023. – Vol. 12(2).

3. Кодекс Республики Беларусь о земле. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk0800425 (дата обращения 15.04.2026).

4. Реестр земельных ресурсов Республики Беларусь // Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь. – URL: http://gki.gov.by/ru/activity_branches-landreestr/ (дата обращения 15.04.2026).

УДК 331.526

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН – НЕОЦЕНИМЫЙ ВКЛАД В УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Андилевко Татьяна Валерьевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Одним из ключевых факторов обеспечения экономического роста и устойчивого развития является повышение экономических возможностей для женщин. Если женщины смогут полностью реализовать свой потенциал, это улучшит условия жизни их семей и общества в целом, будет способствовать созданию рабочих мест, инклюзивному экономическому росту. Исследования показывают, что инвестиции в экономические возможности женщин могут оказывать мультипликативный эффект на сокращение бедности, так как женщины, как правило, реинвестируют значительную долю своего заработка на благо своих семей [1]. Эксперты Международной организации труда публикуют аналитические обзоры на тему «Мировые перспективы занятости и социальной сферы – тенденции для женщин». Авторы исследований рассматривают развитие гендерного вопроса под углом обеспечения занятости женщин, их социальной роли в семье и места на современном рынке труда. В результате получен однозначный вывод: занятость в экономике – лучший и, пожалуй, единственный способ повысить экономические возможности для женщин. Ведь работа – это больше, чем просто источник дохода; работа укрепляет чувство собственного достоинства, дает возможность видеть цели, чувствовать свою полезность, помогает выстраивать социальные связи, что значительно улучшает качество жизни.

Женщины вносят существенный вклад в общее экономическое благосостояние, выполняя большой объем неоплачиваемой работы, такой как уход за детьми, пожилыми или больными родственниками, работу по дому. В среднем женщины тратят на домашнюю работу вдвое больше времени, чем мужчины. Несмотря на то, что мужчины все чаще берут на себя часть этой работы, до баланса еще далеко: женщины выполняют большую часть работы

по дому и уходу. Этот неоплачиваемый труд необходим для жизнеобеспечения домохозяйств и поддержания благосостояние всего общества, однако, он не учитывается в статистике и не получает должного признания. Существует мнение, что если бы неоплачиваемому женскому труду была присвоена эквивалентная денежная стоимость, то в некоторых странах эта цифра превысила бы 40 % ВВП [2]. Это больше, чем доля целых отраслей, таких как промышленное производство или транспорт. Обязанности по уходу являются основным препятствием для полноценного участия женщин на рынке труда, в то время как для мужчин выделяют другие причины – это проблемы с образованием и здоровьем.

В Беларуси 2026 год объявлен Годом белорусской женщины. Соответствующий указ подписан Главой государства. Как сказано в документе, он принят в том числе в целях формирования национального образа женщины-труженицы. Право на труд закреплено на высшем законодательном уровне. Каждая женщина, как и любой гражданин, имеет право выбора профессии с учетом способностей и образования, а также на здоровые и безопасные условия труда. Действует в стране и запрет дискриминации с особыми мерами поддержки для социально уязвимых групп. Законодательством сохранен взвешенный подход к защите здоровья женщин, обеспечивающий трудовые гарантии женщинам. К примеру, запрещены подземные работы (кроме нефизического труда), тяжелый физический труд с превышением норм нагрузок, а также работы с вредными или опасными условиями [3].

В 2024 г. в Республике Беларусь доля женщин в численности занятого населения достигла 50 %. Рост доли женщин в численности занятого населения обусловлен, в первую очередь, большей долей женского населения в численности населения страны и снижением числа мужчин в численности занятого населения. Анализ статистических значений показателей численности женщин, занятых в экономике, и числа женщин в численности населения страны за период 2015–2024 гг. выявил сильную (прямую) взаимосвязь между ними, величина коэффициента корреляции составила 0,8. В сравнении, зависимость численности мужчин, занятых в экономике, от числа мужчин в численности населения страны характеризует более сильная взаимосвязь – коэффициент корреляции равен 0,9. Численность занятого населения в 2024 г. по сравнению с 2015 г. сократилась на 7,7 %, в том числе за счет женщин – на 3,6 %, за счет мужчин – на 4,2 %. Преимущественно за счет мужчин увеличивается число граждан, работающих за рубежом. В 2024 г. по сравнению с 2020 г. число граждан, работающих за рубежом, увеличилось на 29,7 %, в том числе за счет мужчин произошел рост на 29,9 %, за счет женщин – снижение на 0,2 %. В 2024 г. по сравнению с 2020 г. число безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите, сократилось на 58,9 %, в том числе за счет женщин – на 20 %, за счет мужчин – на 38,9 %. В числе безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите, сохраняются следующие пропорции: 1/3 – составляют женщины, 2/3 – мужчины.

Грани между «мужскими» и «женскими» профессиями постепенно стираются, но если подойти к этому вопросу с точки зрения здравого смысла, то рассуждение на тему «мужских» и «женских» профессий следует начать с определения того, что чисто физически не может делать женщина. В Республике Беларусь в отдельных видах экономической деятельности заняты преимущественно женщины. В 2024 г. наибольшая доля женщин в среднесписочной численности работников по видам экономической деятельности наблюдается в здравоохранении – 85,2 %, в образовании – 81,6 %, в оптовой и розничной торговле (за исключением торговли автомобилями и мотоциклами) – 74,6 %, в финансовой и страховой деятельности – 72,2 %, в услугах по временному проживанию и питанию – 67,6 %, в творчестве, развлечениях и отдыхе – 60,9 %, в профессиональной, научной и технической деятельности – 57,5 %. В структуре распределения женщин по видам экономической деятельности наибольший удельный вес женщин приходится на образование – 9,9 %, обрабатывающую промышленность – 9,5 %, здравоохранение и социальные услуги – 8,0 %, розничную торговлю, за исключением торговли автомобилями и мотоциклами – 6,3 %.

Между тем спрос на рынке труда характеризует высокая потребностью в работниках рабочих профессий – 69 % вакансий. В рабочей силе нуждаются промышленность, строительство, оптовая и розничная торговля. Женщины не могут закрыть эти потребности.

Женщинам законодательно запрещено выполнять некоторые виды работ. Большинство из них связано с поднятием тяжестей, подземными, верхолазными работами, вредными производствами или взрывчатыми веществами. Запрещено привлечение женщин к работам по тушению пожаров и ликвидации аварий, по управлению железнодорожными транспортными средствами, по монтажу, ремонту и обслуживанию линий электропередачи и контактных сетей воздушных линий и прочее. Женщины не могут работать грузчиками, взрывниками, паяльщиками по свинцу, дистиллировщиками ртути, кочегарами паровозов в депо или сталеварами, все это чисто «мужские» профессии. Доля женщин в числе занятых тяжелым физическим трудом в 2024 г. составляла 25,8 %, по сравнению с 2020 г. она увеличилась на 4,5 п. п. Такая ситуация сложилась по причине сокращения таких рабочих мест больше для мужчин, нежели женщин. В 2024 г. по сравнению с 2020 г. численность женщин, занятых тяжелым физическим трудом, сократилась на 21,2 %, численность мужчин – на 38,8 %.

Женщины становятся все более квалифицированными. Одним из важнейших факторов, способствующих повышению участия женщин в экономике, стали цифровые технологии. Цифровые технологии создали новые перспективы, устранив многие прежние препятствия. Например, женщины, находящиеся в декретном отпуске, раньше вынужденно выпадали из экономики, теперь могут успешно работать дистанционно в сфере программирования, дизайна, репетиторства, консультационных услуг. Цифровые технологии дают толчок и женскому предпринимательству. Создать стартап может любой человек, если есть хорошая идея и доступ в интернет.

Женщины вносят неоценимый вклад в устойчивое развитие страны. Они не только массово заняты в экономике (уровень занятости женщин трудоспособного возраста в 2024 г. составил 84,8 %), но и выполняют большую часть неоплачиваемой работы по дому, воспитанию детей, а также по уходу за пожилыми или больными родственниками. Самостоятельность женщины на рынке труда в самоуправлении своим благосостоянием и благополучием является своеобразной характеристикой эффективности государственного управления. В Республике Беларусь для женщин создают необходимые условия по совмещению профессиональных обязанностей и обязанностей по воспитанию и уходу за детьми. Например, гарантируется недопущение расторжения трудового договора по инициативе нанимателя с беременной женщиной, на период нахождения в отпуске по беременности и родам и отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет за женщиной сохраняется рабочее место. После окончания отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет обеспечивается защита занятости женщины до достижения ребенком 5 лет. При желании женщины, ожидающей рождения ребенка или воспитывающей ребенка до 14 лет, наниматель обязан пойти ей навстречу и установить неполный рабочий день. Для поддержки женщин на рынке труда государство делает много. Однако время изменяет условия, остаются и нерешенные вопросы, например все более актуальной становится проблема старения населения и, как следствие, увеличение продолжительности трудовой жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Занятость: реализация экономического потенциала женщин и стимулирование роста экономики // Группа Всемирного банка. – 2026. – URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/immersive-story/2025/03/06/jobs-unlocking-womens-economic-potential-and-boosting-economies (дата обращения 06.04.2026).

2. Неоплачиваемый труд женщин будет составлять более 40 % ВВП // Дипломатический форум. – 2026. – URL: https://www.forumdiplomatico.com/ru/2024/10/29/el-trabajo-no-remunerado-de-las-mujeres-supondria-mas-del-40-del-pib/#google_vignette (дата обращения 06.04.2026).

3. Какие условия созданы для профессионального роста женщин. – 2026. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/february/92245/ (дата обращения 06.04.2026).

УДК 364

О ВЫПОЛНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА» НА 2021–2025 ГОДЫ

Воронецкая Людмила Григорьевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Реализация государственной программы «Социальная защита» на 2021–2025 годы имело важное значение для социально-экономического развития Республики Беларусь и обеспечения благосостояния населения. В Республике Беларусь около 15 % граждан – люди пожилого возраста, которым требуется помощь государства, именно этому вопросу уделяется внимание в рамках рассматриваемой программы. Кроме того, государственная программа призвана устранить трудности, с которыми сталкиваются граждане с ограниченными возможностями, касающиеся доступности общественного транспорта и инфраструктуры, что способствует их полноценной адаптации в обществе и гарантирует равные права всем гражданам. Достижение поставленных целей направлено на улучшение качества жизни граждан, уменьшение социальной напряженности, усиление доверия населения к институтам власти. Недавно утверждена государственная программа «Общество равных возможностей» на 2026–2030 годы, сменившая предыдущую и сохраняющая преемственность, что обеспечит непрерывность развития в запланированном направлении, также ее реализация будет способствовать достижению на национальном уровне Целей устойчивого развития, в том числе Цели 10 «Уменьшение неравенства».

Государственная программа «Социальная защита» на 2021–2025 годы отвечала реальным потребностям населения, учитывала демографические вызовы и содержала две подпрограммы, первая из которых касалась вопросов социального обслуживания и социальной поддержки, а вторая – доступной среды жизнедеятельности для людей с инвалидностью и физически ослабленных лиц [1].

В процессе реализации государственной программы «Социальная защита» на 2021–2025 гг. были уточнены плановые значения некоторых показателей (целевого и сводных). В частности, было немного уменьшено плановое значение сводного показателя «доля объектов социальной и транспортной инфраструктуры, доступных для людей с инвалидностью и физически ослабленных лиц, в общем количестве таких объектов» на 2022 г. (с 19,3 % до 19,1 %), а также увеличено плановое значение этого же показателя на 2023, 2024 и 2025 гг. При этом было обеспечено 100 % достижение планового значения по данному показателю в 2021–2024 гг. [2].

Также были скорректированы плановые значения некоторых целевых показателей на 2022–2025 гг. Так, по показателям «доля доступных для людей с инвалидностью и физически ослабленных лиц объектов социальной инфраструктуры в общем количестве таких объектов» и «удельный вес адаптированного автомобильного транспорта общего пользования к перевозкам людей с инвалидностью, осуществляющего автомобильные перевозки пассажиров в регулярном сообщении (городские, пригородные), и городского электрического транспорта» характерно уменьшение планового значения на 2022 г., а затем его увеличение на 2023–2025 гг. При этом в 2021–2024 гг. было обеспечено 100 % достижение плановых значений по данным показателям [2].

Для показателей «доля доступных участков дороги, предназначенных для движения пешеходов» и «доля доступных тротуаров, предназначенных для движения пешеходов» характерно увеличение плановых значений на 2022–2025 гг. и 100 % их достижение в 2021–2024 гг., за которые имеются данные [2].

Для показателя «доля доступных объектов транспортной инфраструктуры» наоборот характерно уменьшение плановых значений на 2022–2025 гг. и тоже 100 % их достижение в 2021–2024 гг. [2].

По целевому показателю: «удельный вес адаптированного автомобильного транспорта общего пользования к перевозкам людей с инвалидностью, осуществляющего автомобильные перевозки пассажиров в регулярном сообщении (городские, пригородные), и городского электрического транспорта» не было достигнуто плановое значение в 2022 г.

Со значительным опережением плана идет выполнение программы по показателю «адаптация телевизионного продукта для лиц с нарушениями слуха на государственных телеканалах» в течение 2021–2024 гг., за которые имеются данные.

Положительная динамика характерна для следующих показателей: «доля объектов социальной и транспортной инфраструктуры, доступных для людей с инвалидностью и физически ослабленных лиц, в общем количестве таких объектов», «численность пожилых граждан и людей с инвалидностью, охваченных социальным обслуживанием, в процентах к предыдущему году», «доля доступных для людей с инвалидностью и физически ослабленных лиц объектов социальной инфраструктуры в общем количестве таких объектов», «доля доступных участков дороги, предназначенных для движения пешеходов», «доля доступных тротуаров, предназначенных для движения пешеходов», «доля доступных объектов транспортной инфраструктуры», «удельный вес адаптированного автомобильного транспорта общего пользования к перевозкам людей с инвалидностью, осуществляющего автомобильные перевозки пассажиров в регулярном сообщении (городские, пригородные), и городского электрического транспорта», «адаптация телевизионного продукта для лиц с нарушениями слуха на государственных телеканалах». По остальным показателям динамика не менялась. Показатели с отрицательной динамикой отсутствуют, что свидетельствует о стабильной ситуации в области социальной защиты, а также об ее улучшении по многим направлениям.

Существует малый риск недостижения целевых значений только по одному целевому показателю: «удельный вес адаптированного автомобильного транспорта общего пользования к перевозкам людей с инвалидностью, осуществляющего автомобильные перевозки пассажиров в регулярном сообщении (городские, пригородные), и городского электрического транспорта». Выполнение программы по данному показателю в 2022 г. составило 99,0 %. В 2023–2024 гг. по рассматриваемому показателю выполнение составило 100 % [2].

В отчете Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (Отчет о результатах реализации Государственной программы «Социальная защита» на 2021–2025 годы в 2021–2022 годах) отмечается, что фактическое значение целевого показателя «удельный вес адаптированного автомобильного транспорта общего пользования к перевозкам людей с инвалидностью, осуществляющего автомобильные перевозки пассажиров в регулярном сообщении (городские, пригородные), и городского электрического транспорта» за 2022 г. составило 59,8 % (при плане 60,4 %) в связи с задержками поставок ряда импортных комплектующих для производства автобусов ОАО «МАЗ» в Брестской и Гродненской областях. В то же время, автобусы, недополученные в 2022 г., поставлены в первом квартале 2023 г. Это свидетельствует о невысоком риске невыполнения программы по данному показателю в целом за пятилетний период [3].

Примерно 65 % общественного транспорта Республики Беларусь приспособлено для людей с инвалидностью и физически ослабленных лиц. В стране прилагаются существенные усилия по созданию доступной среды. На протяжении ряда лет в стране закупается низкопольный транспорт, чтобы люди с инвалидностью могли свободно пользоваться общественным транспортом – автобусами и троллейбусами. Лидером в этом направлении является г. Минск, где доля доступного низкопольного транспорта составляет более 92 % [4].

Среди сводных показателей государственной программы «Социальная защита» на 2021–2025 гг. проблемные показатели отсутствуют [1, 2]. В целом выполнение государственной программы имеет высокую эффективность.

За счет республиканского бюджета и за счет всех источников финансирования в целом фактические показатели финансирования оказались немного ниже плановых даже с учетом корректировки плановых значений, особенно это характерно для финансирования из республиканского бюджета. В то же время процент выполнения плана является достаточно высоким. На этот процент влияет комплекс факторов, включая реальные значения инфляции и др. Планы финансирования некоторых мероприятий могли быть пересмотры. В конце реализации программы данная разница между планом и фактом стала минимальной за счет усилий органов государственного управления. Большую проблему представлял бы перерасход запланированных средств, особенно средств республиканского бюджета, поскольку бюджетные ресурсы ограничены, что объясняет более низкий процент выполнения финансирования именно по республиканскому бюджету, чем в целом по всем источникам финансирования, которые включают в себя не только бюджетные расходы.

Таким образом, государственная программа «Социальная защита» на 2021–2025 годы реализовывалась эффективно. Отдельные направления требуют усиления инвестиционных и организационных мер. Реализация программы характеризуется устойчивой положительной динамикой, однако, с учетом выявленных рисков, требуют пристального внимания и, возможно, точечной корректировки некоторые направления в рамках новой государственной программы «Общество равных возможностей» на 2026–2030 годы. Кроме того, в Республике Беларусь изучается вопрос изменения термина «инвалид» [5]. Национальные и международные общественные организации, эксперты и люди с инвалидностью видят в этом слове негативный смысл. В связи с этим в нормативных правовых актах и программных документах рекомендуется использовать словосочетания «люди с инвалидностью», «человек с инвалидностью», «лицо с инвалидностью».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Государственной программе «Социальная защита» на 2021–2025 годы / Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2020 г. № 748. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000748 (дата обращения 25.09.2025).

2. Отчет о результатах реализации Государственной программы «Социальная защита» на 2021–2025 годы в 2021–2024 годах. – URL: https://www.mintrud.gov.by/uploads/files/Otchet.pdf (дата обращения 25.09.2025).

3. Отчет о результатах реализации Государственной программы «Социальная защита» на 2021–2025 годы в 2021–2022 годах. – URL: https://www.mintrud.gov.by/uploads/files/GP-2021-2022-gg.pdf (дата обращения 25.09.2025).

4. В Беларуси около 65 % общественного транспорта адаптировано для людей с инвалидностью. – URL: https://www.sb.by/articles/v-belarusi-okolo-65-obshchestvennogo-transporta-adaptirovano-dlya-lyudey-s-invalidnostyu.html (дата обращения 10.04.2026).

5. Почему слово «инвалид» хотят убрать из всех официальных документов – URL: https://www.sb.by/articles/slova-i-smysly-invalid.html (дата обращения 10.04.2026).

УДК 314.15

НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛАРУСИ: ОТ КОМПЕНСАЦИИ К ПРОАКТИВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ РИСКАМИ

Кот Ульяна Владимировна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь характеризуется комплексом взаимосвязанных и взаимно усиливающихся вызовов, формирующих долгосрочные системные риски для социально-экономической стабильности и национальной безопасности. Ключевая особенность – углубление структурного дисбаланса, при котором негативные тенденции не только сохраняются, но и усиливают друг друга, формируя определённую траекторию развития.

В основе кризиса лежит модель воспроизводства населения, определяемая тремя фундаментальными компонентами.

Первый компонент – низкий уровень рождаемости, который не обеспечивает простое воспроизводство населения. Это свидетельствует о закреплении модели малодетности в репродуктивных установках. Ситуация является следствием совокупности экономических (жилищная проблема, высокая стоимость воспитания детей, неуверенность в экономическом будущем), социальных (недостаточность инфраструктуры для семей с детьми, дефицит мест в дошкольных учреждениях в отдельных регионах, проблемы совмещения карьеры и материнства) и социокультурных факторов (трансформация ценностных ориентиров, приоритет самореализации и личного комфорта, изменение представлений о семье). Несмотря на меры государственной поддержки, такие как семейный капитал и развитая система пособий, их воздействие носит ограниченный характер и не приводит к кардинальному изменению тренда.

Второй компонент – слабая положительная динамика показателей смертности, особенно в трудоспособном возрасте. Структура причин смерти указывает на высокую долю преждевременной и предотвратимой смертности. Среди мужчин трудоспособного возраста лидируют смерти от внешних причин, что напрямую коррелирует с поведенческими факторами риска (злоупотребление алкоголем, курение, рискованное поведение), а также с состоянием системы профилактики и охраны труда. Среди женщин ведущей причиной смерти остаются новообразования, что указывает на недостаточную эффективность системы ранней диагностики, скрининга и доступности высокотехнологичной медицинской помощи. Сохраняющиеся проблемы свидетельствуют о системных недостатках модели общественного здоровья, ориентированной в большей степени на лечение, а не на профилактику.

Третий компонент – активный процесс демографического старения, выражающийся не только в увеличении доли населения старше трудоспособного возраста, но и в старении самой возрастной структуры пожилых (рост доли лиц старше 75–80 лет). Данный глобальный тренд в условиях Беларуси приобретает острый характер из-за низкой рождаемости. Он создаёт растущую нагрузку на пенсионную систему, социальное обеспечение и здравоохранение, требуя пересмотра принципов финансирования, адаптации инфраструктуры и разработки новых моделей ухода за пожилыми. Старение населения – это не только вызов, но и потенциальный ресурс через концепцию активного долголетия.

Следствием одновременного действия этих трёх факторов является устойчивый и один из самых значительных в Европе гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни, превышающий десять лет. Этот разрыв – яркий индикатор системных проблем в мужском здоровье и социально-поведенческих моделях. Все указанные внутренние дисбалансы усугубляются миграционным оттоком, что создаёт дополнительное давление на рынок труда, инновационный потенциал экономики и усугубляет демографический дисбаланс, «старя» население.

Таким образом, государство столкнулось с необходимостью проведения неотложной, комплексной и скоординированной политики. Требуется не корректировка существующих мер, а фундаментальное изменение подхода – переход от реагирования к проактивному стратегическому управлению демографическими рисками на протяжении всего жизненного цикла человека.

Основным программным документом является Государственная программа «Развитие демографического потенциала» на 2026–2030 годы. Важным дополнением стала Национальная стратегия «Активное долголетие – 2030», подразумевающая не только продление жизни, но и улучшение её качества, включая инициативы по вовлечению старшего поколения в активную социальную, культурную и трудовую деятельность [1, 2].

Однако анализ эффективности мер показывает их ограниченность. Несмотря на рост абсолютных бюджетных расходов на семейную и демографическую политику, их доля в ВВП имеет тенденцию к снижению. Наблюдается сокращение числа получателей ключевых пособий и пользователей программами (например, «Семейный капитал»), что коррелирует с падением рождаемости. Существующие инструменты, будучи важной социальной поддержкой, носят компенсационный и реактивный характер: они смягчают последствия для отдельных семей, но не формируют новую позитивную динамику. Они не в полной мере учитывают глубинные причины низкой рождаемости (ценностные установки, внутрисемейное разделение обязанностей) и системные причины высокой смертности.

В этой связи требуется переход к новой парадигме демографической политики, основанной на принципах проактивного управления рисками. Её совершенствование должно базироваться на следующих ключевых принципах:

1. Научно-обоснованный и доказательный принцип. Формирование политики должно опираться на глубокий анализ дезагрегированных демографических данных, результатов социологических исследований репродуктивных установок, оценки эффективности ранее принятых мер и адаптированного международного опыта.

2. Принцип адресности и использования данных. Переход от универсальных мер к точечной поддержке конкретных групп населения – молодых семей, многодетных семей, населения экономически депрессивных районов, лиц с определёнными рисками для здоровья. Это требует создания систем сбора и анализа данных на микроуровне.

3. Принцип территориальной дифференциации. Учёт значительной региональной вариативности демографических процессов (разная возрастная структура, миграционный баланс, состояние рынка труда, уровень развития инфраструктуры). Политика не может быть единой для г. Минска, малых городов и сельской местности.

4. Принцип системной интеграции. Демографическая политика не должна быть изолированной отраслевой задачей Минздрава или Минтруда. Она должна быть встроена в стратегии социально-экономического развития, здравоохранения, образования, жилищного строительства, рынка труда, гендерной политики.

5. Гендерно-ориентированный принцип. Меры политики должны быть чувствительны к гендерным ролям и способствовать балансу между профессиональной реализацией и семейными обязанностями как для женщин, так и для мужчин. Это включает поддержку ответственного отцовства, расширение возможностей женской занятости, решение проблемы «двойной нагрузки» на женщин.

6. Принцип цифровизации. Внедрение цифровых технологий в здравоохранении (телемедицина, электронные карты, дистанционный мониторинг), социальных услугах (единые порталы) и управлении данными повышает доступность, качество и персонализацию услуг.

7. Принцип учёта глобального контекста. Политика должна адаптироваться к международным трендам (например, рост мобильности высококвалифицированных кадров) и использовать потенциал сотрудничества с ЮНФПА, ВОЗ, странами СНГ и ЕАЭС.

Исходя из этой новой парадигмы, приоритетные направления модернизации демографической политики носят межведомственный и сквозной характер:

1) институционально-правовое направление;

2) глубинная трансформация системы охраны здоровья в сторону превентивной модели;

3) гендерно-ориентированные меры в здравоохранении, направленные на снижение предотвратимой смертности;

4) поддержка семьи, родительства и стимулирование рождаемости через создание комплексной системы благоприятных условий;

5) политика активного и здорового долголетия и интеграция пожилых людей.

Проведённый анализ показывает, что Беларусь находится в структурном кризисе воспроизводства населения. Существующая политика, сконцентрированная в основном на финансовой поддержке семей, необходима, но недостаточна. Она не затрагивает глубинные причины низкой рождаемости и высокой предотвратимой смертности, слабо учитывает региональную специфику. Эффективная демографическая политика требует координации усилий министерств здравоохранения, труда, образования, экономики, а также местных исполнительных органов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Государственной программе «Развитие демографического потенциала» на 2026–2030 годы / Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 2025 г. № 765. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500765 (дата обращения 10.04.2026).

2. О Национальной стратегии Республики Беларусь «Активное долголетие – 2030» / Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 3 декабря 2020 г. № 693. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000693 (дата обращения 10.04.2026).

УДК 331.5

ПОЛЯРИЗАЦИЯ РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ОСОБЕННОСТИ БЕЛАРУСИ

Крицкая Наталья Викторовна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Одной из самых дискуссионных научных проблем в современной макроэкономике является модель «поляризации» рынка труда во взаимосвязи с экономическими циклами. Под поляризацией подразумевается процесс «вымывания» среднего класса, выраженная в росте доли высокооплачиваемых и низкооплачиваемых рабочих мест, в то время как доля рабочих мест средней квалификации с рутинным содержанием работы сокращается. Такая неоклассическая модель, строится на воздействии случайных шоков. К ним относятся не только технологические шоки, учитываемые в реальном деловом цикле, но и специфические шоки, влияющие на разные сектора экономики и объясняющие, почему колебания имеют разную амплитуду и длительность.

В работе экономистов Н. Джаймовича и Г.Е. Сиу проведены исследования «поляризации» рынка труда в США в течении 35 лет. Они доказали, что «потеря занятости в рутинных профессиях происходит во время экономических спадов», и восстановление безработицы происходит медленнее по сравнению с совокупным объемом производства и за счет увеличения «рутинных профессий» [1, с. 23]. Согласно их работе «Поляризация рынка труда и восстановление экономики без создания новых рабочих мест», рецессия выступает ключевым фактором поляризации рынка труда. В периоды экономического бума предприятиям невыгодно останавливать производство для внедрения автоматизации или реструктуризации, так как в данный период «альтернативные издержки» простоя слишком высоки. А когда наступает фаза рецессии, остановка производства не несет высокие издержки,

и тогда кризис используется как повод, чтобы уволить сотрудников, выполняющих рутинную работу (бухгалтеров, операторов станков, администраторов), заменить их алгоритмами или роботами. В итоге рабочие места средней квалификации исчезают именно во время спадов и не возвращаются на фазе подъема.

Поляризация изменила характер выхода экономики из кризиса. Если до 1990-х годов в фазе спада в экономике работников временно увольняли, то во время подъема их нанимали обратно на те же места, и восстановление занятости шло V-образно, параллельно с колебаниями ВВП. Современные тенденции на рынке труда отличаются: поскольку рутинные рабочие места уничтожаются в кризис навсегда, бывшие «среднеквалифицированные» работники не могут вернуться на старые места. Затрачивается время на переобучение или поиск работы в другой сфере, и чаще всего в низкооплачиваемой сфере услуг. Несмотря на то, что модель описывает весьма болезненные процессы исчезновения рабочих мест, она методологически остается равновесной, и предполагает, что агенты (предприятия и домохозяйства) принимают оптимальные решения в ответ на изменение цен и технологий. Но принятие решения занимает определенное время, то есть присутствует фактор запаздывания реакции рынка труда на падение ВВП, а в математической верификации этой модели он не учтен. Рынок труда в этой модели формально «очищается». Время в данном случае критически важно, так как авторы модели доказывают, что «структурная смерть» рутинных профессий происходит не плавно, а скачкообразно – именно в моменты острых экономических спадов. Таким образом, предполагается, что ВВП восстанавливается быстро, а занятость отстает на годы, что затрудняет диагностику фаз цикла по американской методике, которая учитывает фактор уровня безработицы.

Кроме того, поляризация влияет на устойчивость самого экономического цикла через доходы населения. Люди, потерявшие работу среднего уровня (например, банковские служащие), часто вынуждены идти на низкоквалифицированную работу (курьеры, таксисты). Наплыв бывших работников среднего звена в сектор низкоквалифицированного труда создает избыток предложения рабочей силы, что, в свою очередь, давит на заработную плату, не давая ей расти даже в фазе экономического подъема. Поскольку «средний класс» – основной драйвер потребления, его размывание делает восстановление спроса после кризиса в фазе оживления вялым и неустойчивым.

Подтвердили взаимную зависимость уровня образования и циклических колебаний в экономике исследования Федерального резервного банка Сан-Франциско США в 2021 г., доказав, что контингент работников с более низким уровнем образования и те, кто занят в более «цикличных» отраслях, таких как строительство и промышленное производство, обладают более высокой чувствительностью к кризисам. Более образованные и высококвалифицированные работники демонстрируют меньшую волатильность занятости. «Профессия играет роль в объяснении относительных циклических различий в уровне безработицы в разных демографических группах» [2].

Экономисты Национального бюро экономических исследований (NBER), США, Дж. Хант и Р. Нанн в своей работе «Является ли поляризация в сфере занятости информативной в отношении неравенства в оплате труда, и действительно ли занятость вызывает поляризацию?» также доказали, что «инвестиции в компьютеризацию и автоматизацию дополняют работников высококвалифицированных профессий и повышают спрос на их рабочую силу и заработную плату, одновременно снижая спрос и заработную плату для работников профессий средней квалификации за счет устранения рутинных задач и увеличивая предложение работников низкооплачиваемых профессий, поскольку работники средней квалификации занимают эти профессии» [3, с. 3].

В отличие от развитых стран, где поляризация во многом вызвана автоматизацией, в Беларуси она подпитывается дефицитом кадров и структурным перекосом в оплате труда. Так, высокий уровень заработной платы предлагается специалистам в области IT, инженерии, менеджмента, и ее рост опережает средние показатели по стране. Также существует огромный спрос в ритейле, логистике, строительстве и общепите на линейный и рабочий персонал.

Парадоксально: зарплаты курьеров или водителей в 2024–2025 гг. приравнивались к доходам специалистов среднего звена по причине дефицита кадров. Следовательно офисные работники средней квалификации, такие как бухгалтеры и администраторы, сталкиваются с замедлением роста доходов и риском автоматизации бизнес-процессов, в том числе путем внедрения искусственного интеллекта в документооборот.

В направлении представления рынка труда как неоднородной социально-экономической подсистемы проведены исследования белорусских экономистов Е.В. Ванкевич и О.В. Зайцевой. Проанализировав показатели рынка труда, они выявили тенденции, характерные для его поляризации. Так, «в 2023 г. в Республике Беларусь 63,3 % работников выполняли работу, соответствующую их квалификации. В то же время 15,9 % занимались деятельностью, которая была ниже их квалификационного уровня. Кроме того, 18,2 % занятых выполняли работу, соответствующую их квалификации, но не связанную с полученным образованием (указывает на растущее горизонтальное несоответствие)». Следует отметить, что наивысший уровень несоответствия относится к «группе «Работники, занятые предоставлением офисных, административных и вспомогательных услуг, услуг потребителям, подготовкой, обработкой информации и учетом» (63,6 % в 2023 г.), «Работники сферы обслуживания, торговли и других родственных видов деятельности» (55 % в 2023 г.), «Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства» [4, с. 89]. Таким образом, рынок труда Беларуси поляризуется не только из-за избытка технологий, но и из-за «кадрового голода», когда предприятия для продолжения деятельности вынуждены переплачивать низкоквалифицированным работникам, и специалисты среднего звена переходят на такую работу.

Рассматривая модель «поляризации» рынка труда, предложенную Н. Джаймович и Г.Е. Сиу, необходимо отметить, что, во-первых, недооценивается влияние государства на рынок труда. Применительно к ситуации в Беларуси «рутинные» рабочие места часто сохраняются на государственных предприятиях не из-за отсутствия технологий, а ради поддержания социальной стабильности. Во-вторых, в условиях развития технологий и цифровизации возможен «горизонтальный» переход в сфере занятости, проигнорированы издержки на переобучение. В-третьих, авторами модели поляризации утверждается, что сектор низкоквалифицированных нерутинных услуг менее подвержен циклам. Но кризис, вызванный пандемией 2020 г., опроверг этот тезис, потому что именно контактный сервис пострадал первым. Следовательно, модель требует модификации с учетом природы циклообразования (технологический, финансовый или эпидемиологический). Необходимо также отметить, что для экономики Беларуси важно учитывать исчезновение рабочего места в географическом аспекте, то есть исчезает ли оно из-за автоматизации и роботизации или из-за того, что цифровизация позволила передать эту функцию на аутсорс в другую страну. Таким образом, модель поляризации Джамович-Сиу объясняет скачкообразное исчезновение рутинного труда в развитых странах, но для экономики Беларуси данный процесс сглаживается за счет влияния государственных институтов и возможности использования удаленного рабочего места.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Jaimovich N., Siu H.E. Job Polarization and Jobless Recoveries, NBER Working Paper 18334 (2012) – URL: https://doi.org/10.3386/w18334 (дата обращения 07.05.2026).

2. Duzhak E. How Do Business Cycles Affect Worker Groups Differently? – URL: https://www.frbsf.org/research-and-insights/publications/economic-letter/2021/09/how-do-business-cycles-affect-worker-groups-differently/ (дата обращения 07.05.2026).

3. Hunt J., Nunn R. Is Employment Polarization Informative About Wage Inequality and Is Employment Really Polarizing? NBER Working Paper 26064 (2019), – URL: https://doi.org/10.3386/w26064 (дата обращения 07.05.2026).

4. Ванкевич Е.В., Зайцева, О.В. Рынок труда Республики Беларусь: развитие в условиях современных вызовов // Белорусский экономический журнал. – 2024. – № 3. – С. 80–94.

УДК 316.75:37.035.6

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КАК ФАКТОР НАКОПЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лебедевич Марина Викторовна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Переход к постиндустриальному укладу и цифровой экономике актуализирует проблему качественного наполнения человеческого капитала. Помимо профессиональных компетенций, критически важным элементом конкурентоспособности нации становятся социально-психологические характеристики населения: уровень национальной идентичности, межпоколенческая солидарность и устойчивость к деструктивным информационным воздействиям. Система гражданско-патриотического воспитания, функционирующая в Республике Беларусь, выступает ключевым механизмом воспроизводства этих нематериальных активов.

Именно эти нематериальные активы определяют направленность и интенсивность использования профессиональных знаний: будут ли они направлены на созидательное развитие национальной экономики. Республика Беларусь, столкнувшись после распада СССР с необходимостью выстраивания собственной модели государственности, прошла сложный путь от концептуального вакуума постсоветского периода до конституционного закрепления идеологии белорусского государства в качестве основы демократии (ст. 4 Конституции в редакции 2022 г.) [1]. Этот эволюционный процесс свидетельствует о признании на высшем уровне того, что без единого ценностно-мировоззренческого фундамента невозможно эффективно отвечать на внешние вызовы, мобилизовать общество на достижение общенациональных целей.

Гражданско-патриотическое воспитание, выступая практическим инструментом трансляции идеологических установок, приобретает в этой связи значение не только социально-политического, но и экономического института, формирующего качественные характеристики трудовых ресурсов.

Институциональная архитектура системы гражданско-патриотического воспитания в Республике Беларусь характеризуется высокой степенью вертикальной интеграции и охватывает все уровни социализации личности. Принятие Директивы Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» стало знаковым этапом институционализации данной сферы. Документ не только консолидировал ранее разрозненные нормативные предписания, но и четко определил субъектный состав идеологической деятельности, закрепив персональную ответственность руководителей всех уровней – от министерств до конкретных организаций – за состояние идеологической работы в трудовых коллективах [2]. Данная норма имеет прямое экономическое измерение, поскольку создает институциональные стимулы для поддержания здорового социально-психологического климата на предприятиях, что, в свою очередь, снижает транзакционные издержки, связанные с текучестью кадров, трудовыми конфликтами и падением производительности вследствие демотивации персонала.

Важнейшим инструментом реализации государственной политики в рассматриваемой сфере на среднесрочную перспективу выступает Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2026–2030 гг., разработанная в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании, Концепцией развития системы образования до 2030 года, Стратегией развития государственной молодежной политики до 2030 года и Концепцией непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи. Данный документ интегрирует различные направления воспитательной работы – от гражданско-патриотического и идейно-

политического до духовно-нравственного и трудового – в единую комплексную систему, обеспечивая преемственность и непрерывность воспитательного процесса [3].

Особого внимания заслуживает межпоколенческий аспект гражданско-патриотического воспитания, экономическое значение которого часто упускается из виду. Активное вовлечение представителей старшего поколения – ветеранов труда, Вооруженных Сил, правоохранительных органов – в процессы наставничества и передачи опыта молодежи способствует сохранению и воспроизводству уникальных профессиональных компетенций, особенно в отраслях реального сектора экономики, где критически важна преемственность технологических и организационных знаний.

В долгосрочной перспективе (до 2050 г.) эффективность системы гражданско-патриотического воспитания будет определяться ее способностью адаптироваться к новым вызовам, среди которых ключевое место занимают цифровая трансформация общественной жизни и обострение информационно-психологического противоборства.

Важным шагом на пути повышения эффективности рассматриваемой системы должно стать внедрение научно обоснованных методов оценки ее результативности. В настоящее время отчетность в сфере идеологической работы в значительной степени оперирует количественными показателями охвата (число проведенных мероприятий, количество участников), что не позволяет судить о реальном воздействии на ценностные ориентации и мотивационные установки целевых групп. Представляется целесообразной разработка трехуровневой системы индикаторов, включающей: на макроуровне – динамику индекса социального оптимизма и уровня доверия к государственным институтам (на основе регулярных социологических замеров); на мезоуровне – показатели вовлеченности молодежи в деятельность патриотических объединений и реализации социально значимых инициатив; на микроуровне (предприятие, учреждение) – корреляцию между участием персонала в идеологических мероприятиях и показателями производительности труда, текучести кадров, инновационной активности.

Таким образом, гражданско-патриотическое воспитание в Республике Беларусь представляет собой не просто социально-политический проект, а стратегическую инвестицию в качество человеческого капитала, определяющую долгосрочные перспективы экономического роста и национальной конкурентоспособности. Дальнейшее совершенствование данной системы должно идти по пути ее научного обоснования, цифровой модернизации и более тесной интеграции с задачами социально-экономического развития страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/kanstytutsyya-1994-goda-sa-zmyanennyami-i-dapa-nennyami2022/index.php#1994-4 (дата обращения 15.04.2026).

2. Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012 (дата обращения 15.04.2026).

3. Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 4 ноября 2025 г. № 192 «О Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи» на 2026–2030 гг. – URL: https://adu.by/images/2025/11/programma-nepreryvnogo-vospitaniya-2026-2030.pdf (дата обращения 15.04.2026).

УДК 314.8(476)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИВИДЕНД В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Лемешевский Арсений Александрович,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Концепция демографического дивиденда, подразумевающая экономические выгоды от благоприятных сдвигов в возрастной структуре населения, сохраняет свою актуальность для Республики Беларусь, несмотря на сложные демографические тенденции. Целью работы является оценка текущего состояния и перспектив получения демографического дивиденда в стране на основе анализа официальных данных Национального статистического комитета (Белстата).

Трансформация возрастной пирамиды населения выступает сегодня одним из ключевых факторов, определяющих контуры долгосрочного экономического роста Республики Беларусь. В научной литературе под демографическим дивидендом принято понимать экономическую выгоду, которую страна способна извлечь из благоприятных сдвигов в соотношении трудоспособного и нетрудоспособного населения. Однако анализ актуальных данных Белстата свидетельствует о том, что Беларусь находится в точке, где «окно демографических возможностей» начинает сужаться, требуя от экономической политики не просто адаптации, а опережающих мер для получения так называемого «второго демографического дивиденда», связанного с накоплением человеческого капитала и сбережений в старших возрастах.

Исследование закономерностей экономического развития с второй половины XX – начала XXI века демонстрирует, что традиционные показатели, такие как труд, капитал и земля не исчерпывают всего многообразия детерминант экономической динамики. Демографические процессы, и прежде всего изменения в возрастной структуре населения, демонстрируют существенное влияние на темпы экономического роста, в том числе и на накопление капитала и уровень благосостояния.

Термин «демографический дивиденд» закрепился в научном обороте относительно недавно, но идея о связи между эконмическим ростом и возрастной структурой имеет более глубокие корни в экономической мысли. Классики политической экономии обращали внимание на то, что соотношение потребителей и производителей в обществе не является постоянным и зависит от демографических значений и параметров. Во второй половине XX века, когда большинство стран мира вступило в фазу завершения демографического перехода, ученые получили возможность эмпирически определить гипотезы о макроэкономических последствиях сдвигов в возрастной структуре.

По данным Белстата, среднегодовая численность населения страны в 2024 году составила 9 156,6 тыс. человек, из которых 5 335 тыс. (58,3 %) находились в трудоспособном возрасте. При этом доля населения старше трудоспособного возраста достигла 24,2 % (2 220 тыс. человек), а моложе трудоспособного – 17,5 % (1 577 тыс. человек) [1]. Эти пропорции свидетельствуют о том, что «окно демографических возможностей» в Беларуси постепенно сужается. Средний возраст жителя страны увеличился, а коэффициент демографической нагрузки (соотношение лиц нетрудоспособного возраста на 1000 лиц трудоспособного возраста) в 2024 году достиг 712 человек, причем основная часть нагрузки (416 человек) формируется за счет граждан старших возрастных групп [1]. По мере дальнейшего старения населения эта нагрузка будет возрастать, что подтверждается и ростом коэффициента старения (отношение численности лиц старше 65 лет к численности детей 0–15 лет) до 112,6 % в 2024 году [1].

Потенциал для извлечения демографического дивиденда в Беларуси не исчерпан. Во-первых, относительно высокая доля трудоспособного населения сохраняется, а ожидаемая продолжительность жизни при рождении постепенно растет: в 2024 году она достигла 74,7 года (у женщин – 79,8 года, у мужчин – 69,3 года) [1]. Это создает предпосылки для реализации так называемого «второго демографического дивиденда», связанного с увеличением сбережений и инвестиций в старших возрастных группах. Во-вторых, рынок труда демонстрирует определенную устойчивость: уровень участия в рабочей силе в 2024 году составил 69,6 %, а уровень безработицы (по данным выборочного обследования) снизился до 3,0 % [1]. Высокий уровень человеческого капитала, традиционно присущий Беларуси (доля населения с высшим и средним специальным образованием превышает 70 %), позволяет компенсировать сокращение численности работников ростом производительности труда [2].

Правительством Республики Беларусь предпринимаются меры, направленные на продление периода получения демографического дивиденда. В декабре 2025 года принято постановление Совета Министров № 765, утвердившее государственную программу «Развитие демографического потенциала» на 2026–2030 годы, которая ставит задачи по увеличению продолжительности жизни до 76,5 лет и повышению рождаемости [3].

Хотя пик демографического дивиденда в Беларуси, по-видимому, пройден, возможности для получения позитивных экономических эффектов от возрастной структуры сохраняются. Их реализация зависит от успешности политики, направленной на повышение экономической активности и производительности труда, стимулирование рождаемости и адаптацию социальной сферы к старению населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ (дата обращения 10.04.2026).

2. Ванкевич Е.В., Зайцева О.В. Демографическое измерение рынка труда Республики Беларусь и роль демографического дивиденда в экономическом росте // Факторы и механизмы демографического развития: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2025. – С. 244–258.

3. О Государственной программе «Развитие демографического потенциала» на 2026–2030 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 дек. 2025 г., № 765 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500765 (дата обращения 12.04.2026).

УДК 314.6

ДОМОХОЗЯЙСТВО КАК ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Мурашко Ольга Юрьевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Домохозяйства представляют собой один из ключевых субъектов современной экономической системы, от деятельности которого зависит не только уровень благосостояния отдельных единиц, но и общее благосостояние населения страны. Наряду с предприятиями и государством домохозяйства участвуют в процессах производства, распределения, обмена и потребления [1]. В экономико-демографическом контексте домохозяйство выступает связующим звеном между демографическими процессами (рождаемость, смертность, брачность) и хозяйственными решениями. В отличие от семьи, подразумевающей родственные связи, домохозяйство – более широкая категория: оно может включать одиночек, сожителей, группы лиц, не связанных кровными узами, но объединенных совместным проживанием и бюджетом.

Эволюция представлений о домохозяйстве прошла несколько этапов. В античности (Ксенофонт, Аристотель) оно рассматривалось неотрывно от самой «экономики» как автономная единица выживания с целью накопления натуральных запасов, а не денег [2]. В Средневековье домохозяйство оставалось производственной ячейкой, но уже встроенной в феодальную иерархию и цеховые уставы, утратив полную автономию. Классическая школа (Смит, Рикардо) сместила фокус на распределение богатства между разными типами домохозяйств (рабочие, капиталисты, землевладельцы) [3]. Марксизм подчеркнул объективную необходимость домохозяйства как ячейки общества, вызванную недостаточным уровнем производительных сил. Госсен, Энгель и Беккер рассматривали домохозяйство как полноценный микроэкономический агент – не только как потребитель, но и как продавец ресурсов, покупатель товаров и инвестор. В советской и постсоветской науке утвердился междисциплинарный подход, изучающий домохозяйство как статистическую единицу и социальный институт.

В Республике Беларусь с 1994 г. статистика перешла к учету домохозяйств по международным рекомендациям ООН, где основными признаками стали: совместное проживание и ведение общего хозяйства [4]. Домохозяйство как объект исследования приобрело актуальность еще в XIX веке, что позволило выделить его ключевые признаки: проживание участников на территории одного жилого помещения; совместное ведение хозяйства; наличие общих ресурсов (имущества, доходов); самостоятельность в принятии хозяйственных решений; ориентация на общехозяйственные интересы в вопросах жизнедеятельности; стремление к максимальному удовлетворению потребностей членов.

С позиции экономико-демографического подхода домохозяйство рассматривается не просто как хозяйственная единица, а как первичная ячейка воспроизводства населения и человеческого потенциала. Особого внимания заслуживает трактовка Р.С. Шокирова: «домашнее хозяйство – это неформальный институт, обеспечивающий процесс воспроизводства в национальной экономике и воздействующий на развитие всех иных институтов» [5]. Функции домохозяйства в этом измерении многообразны: воспроизводственные (биологическое воспроизводство, социализация, защитная функция), экономические (формирование доходов, распределение, потребление, сбережение и инвестирование, производственная деятельность и др.).

Для углубленного изучения того, как современная наука понимает домохозяйство, особое значение приобретают качественно-количественные методы анализа текстов. Среди них значительное место занимает контент-анализ, позволяющий перейти от интуитивного

восприятия научного дискурса к выявлению устойчивых смысловых категорий. В теоретических исследованиях, где понятия часто междисциплинарны и не имеют жестких строгих определений (как в случае с домохозяйством), контент-анализ дает возможность объективно понять, какие аспекты – экономические, демографические или институциональные – встречаются в публикациях чаще. Данный метод особенно ценен для проверки предположений о том, какие проблемы обсуждаются в науке.

В рамках исследования был осуществлен контент-анализ научных публикаций, направленный на выявление ключевых тематических направлений и определение того, как в научной литературе концептуализируются домохозяйства. На первом этапе была сформирована система кодов, отражающая основные смысловые категории: угрозы, проблемы, финансовая безопасность, заработная плата, расходы, доходы, общество, ребенок, родители, дети, экономическая безопасность, демографическая безопасность, государственная поддержка, мужчины, женщины, семейная политика, демографическая политика, воспроизводство населения, бездетные семьи, рождаемость, молодая семья, многодетная семья, семья, супружеская пара, домохозяйство.

Построенная симметричная матрица совместной встречаемости кодов позволила выявить наиболее устойчивые тематические связи. Анализ матрицы показал, что центральное место в дискурсе занимают коды «проблемы», «доходы», «расходы», «общество» и «дети». Так, код «проблемы» наиболее часто встречается совместно со следующими понятиями: «дети» (33 случая), «доходы» (30), «расходы» (30), «общество» (31), «рождаемость» (24). Это свидетельствует о восприятии домохозяйств прежде всего через призму социально-экономических трудностей, связанных с содержанием детей и недостатком ресурсов. Высокая совместная встречаемость «доходов» и «расходов» (20) подтверждает ключевое значение финансового баланса для благополучия домохозяйств.

Код «финансовая безопасность» и «экономическая безопасность» демонстрируют умеренные связи, причем последняя практически не пересекается с другими кодами, что может указывать на ее более узкое, макроэкономическое понимание в рассмотренных статьях. В то же время «государственная поддержка» тесно связана с «семейной политикой» (6), «демографической политикой» (4), «доходами» (7) и «расходами» (7), отражая ожидание адресных мер со стороны государства.

Отдельный блок образуют коды, относящиеся к демографическим процессам: «рождаемость», «демографическая безопасность», «воспроизводство населения». Наибольшая совместная встречаемость кода «рождаемость» наблюдается с «детьми» (23), «доходами» (19), «проблемами» (24). Репродуктивное поведение в данном случае рассматривается в контексте ресурсных ограничений и социальных рисков.

Важным результатом является тесная связь домохозяйства как центрального понятия с кодами «проблемы» (30), «расходы» (19), «доходы» (26), «дети» (24), «семья» (28). Это подтверждает многомерность категории «домохозяйство», объединяющей экономическое, социальное и демографическое измерения.

Проведенный контент-анализ позволяет выделить три ключевых тематических кластера современного научного дискурса о домохозяйствах:

1. социально-экономическая уязвимость (проблемы, доходы, расходы, общество, дети);
2. демографические процессы и репродуктивное поведение (рождаемость, воспроизводство населения, дети, семья);
3. институциональная поддержка (государственная поддержка, семейная политика, демографическая политика).

Домохозяйства различаются по многим признакам: размеру, наличию детей, типу семейной структуры, уровню доходов, месту проживания и др. Каждая из этих характеристик влияет на экономическое поведение: размер домохозяйства – на объем потребления, наличие детей – на сберегательные стратегии, уровень доходов – на структуру расходов. Понимание этой неоднородности необходимо для разработки эффективных мер поддержки, поскольку за обобщенной категорией «домохозяйство» стоят разные типы семей с неодинаковыми потребностями и рисками.

Таким образом, домохозяйство как объект экономико-демографического исследования представляет собой сложную многоуровневую систему, где демографические процессы неразрывно связаны с экономическим поведением. Выполняя широкий спектр функций – от воспроизводства населения до инвестирования в экономику, – домохозяйство выступает связующим звеном между микроуровнем индивидуально-семейной жизни и макроэкономической динамикой. Это обусловливает необходимость адресной государственной поддержки, направленной на создание условий для реализации совокупного потенциала домохозяйств как основы устойчивого развития национальной экономики и демографической безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гукасьян Г.М. Экономика от «А» до «Я»: темат. справ. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 479 с.
2. Guy H. Orcutt, Alice M. Rivlin, Demographic and Economic Change in Developed Countries. – URL: https://www.nber.org/system/files/chapters/c2391/c2391.pdf (дата обращения 12.04.2026).
3. Жеребин В.М., Романов А.Н. Экономика домашних хозяйств. – М.: Юнити, 1998. – 231 с.
4. Земцов А.А., Осипова Т.Ю., Шипунова В.В. Обзор российских диссертаций о домашних хозяйствах // Проблемы учета и финансов. – 2015. – № 2 (18). – С. 12–21.
5. Шокиров Р.С. Домашние хозяйства трансформационной экономики: современная трактовка и особенности экономического поведения // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – С. 220–237.

УДК 330:502.131.1:004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЗЕЛЕНОЙ ЭКОНОМИКИ В КИТАЕ

Мэн Цзялян,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В последние годы искусственный интеллект все более отчетливо рассматривается не только как технологический драйвер цифровой трансформации, но и как важный инструмент обеспечения экологически ориентированного и структурно сбалансированного экономического роста. В условиях усиления климатической повестки, роста требований к ресурсной эффективности, декарбонизации производства и модернизации управления искусственный интеллект начинает выполнять функцию сквозной технологии, способной соединять задачи технологического обновления и перехода к более устойчивой модели развития [1, 2]. Именно поэтому проблематика искусственного интеллекта в контексте зеленой экономики приобретает междисциплинарный характер и требует анализа одновременно в экономическом, институциональном, экологическом и управленческом измерениях.

Теоретически искусственный интеллект может воздействовать на зеленую экономику по нескольким направлениям. Первое направление связано с ростом производительности. Использование алгоритмов машинного обучения, интеллектуальной аналитики и систем автоматизированного управления позволяет сокращать издержки, оптимизировать использование сырья, энергии и рабочего времени, а также снижать объемы потерь в производственных и логистических процессах [3, 4]. Для зеленой экономики это имеет принципиальное значение, поскольку повышение производительности в данном случае сопрягается не только с экономией затрат, но и с уменьшением ресурсоемкости и экологического давления.

Второе направление воздействия искусственного интеллекта связано с ускорением инновационной деятельности. ИИ используется для обработки больших массивов научно-технической информации, оптимизации исследовательских циклов, моделирования технологических решений и ускорения вывода новых продуктов на рынок [4, 5]. В рамках зеленой трансформации это особенно важно для разработки энергоэффективных производственных систем, интеллектуальных сетей, систем прогнозирования нагрузки, новых материалов, а также цифровых решений для контроля выбросов и рационального природопользования [4–7]. Таким образом, искусственный интеллект выступает не просто инструментом автоматизации, а фактором технологического обновления, который усиливает инновационную емкость экономики.

Третье направление связано со структурными изменениями в экономике. В прикрепленном исследовании подчеркивается, что искусственный интеллект способствует оптимизации и модернизации отраслевой структуры, трансформации традиционной промышленности и формированию новых моделей хозяйственной деятельности [8]. Данная идея подтверждается и более широкими аналитическими источниками, согласно которым интеграция ИИ в производство и сферу услуг поддерживает развитие так называемых новых качественных производительных сил, создавая основу для более экологичного и технологически насыщенного роста [7–10]. В этом контексте зеленая экономика перестает быть только экологическим проектом и становится формой структурной модернизации, в которой цифровые технологии, включая ИИ, играют роль институционального и производственного катализатора.

Четвертое направление воздействия связано с трансформацией занятости и человеческого капитала. Искусственный интеллект одновременно снижает спрос на часть рутинного труда и повышает спрос на новые компетенции, связанные с анализом данных, разработкой и настройкой цифровых систем, управлением сложной инфраструктурой и экологическим аудитом [1, 10]. В результате переход к зеленой экономике под влиянием ИИ приобретает двойственный характер: с одной стороны, он открывает новые возможности для роста высококвалифицированной занятости, с другой – усиливает риски сегментации рынка труда, если системы образования и профессиональной подготовки не успевают адаптироваться к структурным сдвигам.

Одним из наиболее значимых направлений применения искусственного интеллекта для зеленой экономики становится энергетика. ИИ используется для прогнозирования спроса и предложения электроэнергии, оптимизации работы энергосистем, повышения эффективности интеграции возобновляемых источников энергии, контроля распределительных сетей и верификации данных о выбросах [8, 9]. Китай в последние годы делает ставку на сочетание развития ИИ и энергетического перехода, включая сценарии «AI plus energy», пилотные проекты и цифровизацию управления энергосистемой [8]. Это позволяет говорить о постепенном формировании новой модели энергоменеджмента, где цифровые алгоритмы становятся частью зеленой инфраструктуры.

Китайская стратегия высококачественного развития исходит из необходимости повышения технологического уровня производства, ускорения перехода к умным фабрикам, зеленым промышленным цепочкам и более устойчивым системам промышленной организации [8, 10]. В этой логике ИИ используется для предиктивного обслуживания оборудования, снижения технологических потерь, оптимизации потребления ресурсов, управления логистикой и контроля качества. Такие решения способны одновременно повышать экономическую эффективность предприятий и уменьшать экологическую нагрузку. Следовательно, искусственный интеллект становится частью не только цифровой, но и экологической индустриальной политики.

ИИ требует развитых вычислительных мощностей, центров обработки данных, цифровых платформ, систем передачи и хранения информации, доступа к надежным и качественным данным. Однако именно на этом этапе возникает важное противоречие: инфраструктура искусственного интеллекта сама по себе характеризуется высоким

энергопотреблением и экологическим следом [8]. Следовательно, использование ИИ в интересах зеленой экономики требует не только цифрового наращивания мощностей, но и перевода самой ИИ-инфраструктуры на более устойчивую основу, включая повышение энергоэффективности дата-центров, использование возобновляемой энергии и территориальную оптимизацию размещения вычислительных мощностей [8, 9].

Кадровый дефицит представляет еще одно системное ограничение. Развитие ИИ для зеленой экономики требует не просто программистов или инженеров, а специалистов на стыке цифровых, экологических, экономических и управленческих компетенций. Международные исследования подчеркивают, что для успешного прохождения двойного перехода – зеленого и цифрового – требуется обновление систем высшего образования, программ профессиональной переподготовки и моделей взаимодействия университетов, бизнеса и государства [9–11]. Без такого обновления усиливается риск того, что технологии будут внедряться фрагментарно и не приведут к устойчивому росту производительности и экологической эффективности.

Для реального воздействия ИИ на зеленую экономику необходимы постоянные вложения в исследования и разработки, экспериментальные платформы, отраслевые прикладные решения, а также в создание открытых и совместимых данных [1, 11]. Если инвестиции ограничиваются внедрением готовых решений без развития собственной исследовательской базы, экономика становится зависимой от внешних технологических поставщиков и не формирует устойчивой внутренней инновационной экосистемы. В этом смысле искусственный интеллект способен усиливать существующие технологические асимметрии между странами и регионами.

Риски информационной и кибербезопасности также приобретают особую значимость. Чем глубже ИИ интегрирован в энергетику, транспорт, промышленную логистику, систему мониторинга выбросов и распределение ресурсов, тем выше цена ошибок, манипуляций и утечек данных [1, 7]. Для зеленой экономики, основанной на сложных цифровых системах управления, это означает необходимость правового и организационного обеспечения надежности алгоритмов, защиты критической инфраструктуры и прозрачности работы платформенных решений. В противном случае цифровизация может породить новые системные уязвимости, нивелирующие ожидаемый экологический и экономический эффект.

В китайском контексте сочетание ИИ и зеленого развития встроено в более широкую стратегию высококачественного развития. Официальные документы и аналитические материалы указывают на то, что КНР рассматривает цифровые технологии, умное производство, зеленые фабрики, экологически ориентированную модернизацию и развитие новых производительных сил как взаимосвязанные элементы единого курса [10, 11]. При этом искусственный интеллект не сводится только к коммерческой технологии: он становится частью государственной политики промышленной модернизации, регионального развития и повышения устойчивости экономики. Такая связка имеет принципиальное значение, поскольку показывает, что на макроуровне ИИ эффективен не сам по себе, а в рамках институционально координируемой модели развития.

Однако и китайский опыт демонстрирует наличие двойственных эффектов. С одной стороны, ИИ способен снижать углеродоемкость и повышать ресурсную эффективность отраслей. С другой стороны, быстрое расширение вычислительной инфраструктуры увеличивает энергопотребление, а обучение крупных моделей создает дополнительную нагрузку на энергосистему [8].

Для государств, заинтересованных в использовании ИИ как фактора экологически ориентированного роста, можно выделить несколько приоритетных направлений политики:

– необходима интеграция цифровой и экологической стратегий, при которой внедрение ИИ оценивается не только по показателям технологического прогресса, но и по его влиянию на энергоэффективность, выбросы, материалоемкость и устойчивость производственных цепочек [2, 11];

– требуется поддержка прикладных решений в тех секторах, где экологический эффект наиболее очевиден;

– следует развивать образование и переподготовку кадров [10, 11];

– необходимы механизмы оценки не только результативности, но и издержек применения ИИ;

– важна институционализация этических и правовых стандартов использования ИИ в зеленой экономике.

Искусственный интеллект следует рассматривать как важный, но не самодостаточный фактор зеленой трансформации экономики. Его вклад в высококачественное развитие раскрывается в полной мере лишь тогда, когда технологические решения встроены в долгосрочную промышленную, образовательную, экологическую и институциональную стратегию. В этом смысле ключевая задача состоит не просто во внедрении ИИ, а в формировании такой модели управления, при которой искусственный интеллект способствует росту качества экономики, снижению экологических издержек и укреплению устойчивости развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. What to know about China's high-quality development. – URL: http://english.scio.gov.cn/m/in-depth/2024-03/18/content_117066836.htm (дата обращения 30.04.2026).

2. New Milestone Achievements in China's Industrial Development. – URL: http://www.chinaeconomist.com/pdf/2024/2024-2/Research%20Group%20of%20the% 20Institute%20of%20Industrial%20Economics.pdf (дата обращения 30.04.2026).

3. Made in China 2025: Artificial intelligence intervention and green sustainability. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301479725023874 (дата обращения 30.04.2026).

4. AI Capacity-Building Action Plan for Good and for All // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjbzhd/202409/t20240927_11498465.html (дата обращения 30.04.2026).

5. China bets on AI to power its green transition // Reuters. – URL: https://www.reuters.com/sustainability/climate-energy/china-bets-ai-power-its-green-transition--ecmii-2025-12-22/ (дата обращения 30.04.2026).

6. China's Path to AI-Powered Industry Transformation // World Economic Forum. – URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Blueprint_to_Action_Chinas_Path_to_AI-Powered_Industry_Transformation _2025.pdf (дата обращения 30.04.2026).

7. China Green Finance Status and Trends 2023–2024. – URL: https://greenfdc.org/china-green-finance-status-and-trends-2023-2024/ (дата обращения 30.04.2026).

8. Report on China's national economic, social development plan. – URL: https://english.www.gov.cn/atts/stream/files/67d2d4f3c6d0c78809900059 (дата обращения 30.04.2026).

9. Training Supply for the Green and AI Transitions // OECD. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports /2024/12/training-supply-for-the-green-and-ai-transitions_e75ff953/ (дата обращения 30.04.2026).

10. Cultivating the next generation of green and digital innovators: the role of higher education // OECD. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/03/cultivating-the-next-generation-of-green-and-digital-innovations_2c4644fc/ (дата обращения 30.04.2026).

11. What skills are needed for the AI and green jobs era? // OECD. – URL: https://www.oecd.org/en/blogs/2024/12/what-skills-are-needed-for-the-ai-and-green-jobs-era.html (дата обращения 30.04.2026).

УДК 303.64

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

Рачкевич Виктория Александровна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Контент-анализ представляет собой метод формализованного исследования текстовых документов, позволяющий перевести их качественное содержание в количественные показатели, такие как частота упоминаний значимых единиц (понятий), коэффициент сопряженности между ними и др. Для достижения исследовательских целей реализуются следующие этапы контент-анализа: определение единиц анализа (слов, словосочетаний); разработка категорий кодирования (объединение множества единиц в более крупные смысловые блоки); непосредственное кодирование всего массива документов с фиксацией частоты и объема упоминаний выделенных единиц; статистическая обработка полученных данных и их интерпретация. Контент-анализ является универсальным методом, применяемым к широкому кругу источников, среди которых можно выделить государственные документы (законы, программы, стратегии, планы), медийные тексты (новости, посты, пресс-релизы) и др.

Применительно к государственным программам данный метод позволяет получить информацию о распределении приоритетов политики (какие цели, задачи или социальные группы упоминаются чаще других), а также их изменении при сравнении документов разных временных периодов. В основе частотного анализа как одной из ключевых процедур контент-анализа лежит предположение, согласно которому чем чаще та или иная единица (понятие, категория, социальная группа) встречается в тексте, тем больше внимания ей уделяет автор. Для демонстрации прикладных возможностей рассмотрим государственные программы по рынку труда Республики Беларусь, а именно: государственная программа «О социальной защите и содействии занятости населения» на 2016–2020 годы (подпрограммы 1 «Содействие занятости населения» и 2 «Охрана труда»); государственная программа «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы; государственная программа «Сбалансированный рынок труда» на 2026–2030 годы [1–3].

С целью определения того, каким категориям населения уделяется наибольшее внимание в программных документах, была разработана система кодов, позволяющая оценить частоту их упоминания. Были выделены четыре категории: 1) по полу – мужчины, женщины; 2) по возрасту – лица младше трудоспособного возраста, молодежь, лица трудоспособного возраста, лица старше трудоспособного возраста; 3) по роли в трудовых отношениях – наниматели, работники, безработные; 4) другие категории – инвалиды, иностранные граждане. Кодирование и статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программы MAXQDA.

Общее количество упоминаний социальных групп составило 334. Наибольшее суммарное число упоминаний во всех документах приходится на категории, различающиеся по роли в трудовых отношениях (204 упоминания, или более 60 % от общего массива), а именно: «работники» – 83; «безработные» (в том числе незанятые, экономически неактивное население) – 74; «наниматели» – 47.

Вторыми по частоте упоминаний являются другие категории, к которым относятся «инвалиды» (в том числе лица с ограниченными возможностями здоровья, нетрудоспособные – 41 упоминание) и «иностранные граждане» (в том числе иностранная рабочая сила, иностранцы, иностранные работники – 30 упоминаний).

Возрастные категории занимают третье место по частоте встречаемости – 53 упоминания. Абсолютным лидером выступает «молодежь» (29), далее идут «лица

трудоспособного возраста» (15), «лица старше трудоспособного возраста» (в том числе пенсионеры, пожилые – 8) и «лица младше трудоспособного возраста» (1).

Наименее представлены в программах гендерные группы (6 упоминаний), в том числе «женщины» (5) и «мужчины» (1).

Ключевой особенностью государственной программы 2016–2020 годов является наиболее высокое внимание к категории «инвалиды» – 16 упоминаний, что превышает показатели последующих программ (15 и 10 соответственно). В программе 2021–2025 годов отмечается рост внимания к категории «молодежь»: с 3 упоминаний в предыдущем документе до 14. Также группа «безработные» встречается чаще, чем в других программах. Наиболее яркой характеристикой государственной программы 2026–2030 годов выступает беспрецедентный рост внимания к категории «иностранные граждане» – 28 упоминаний, тогда как в предыдущие периоды их было 2. Одновременно наблюдается резкое снижение встречаемости «безработных» – с 36 до 9.

Полученные результаты свидетельствуют о смене тематической волны в государственных программах сферы занятости. В период 2016–2020 годов наибольшее внимание уделялось социально уязвимым группам населения; в 2021–2025 годах на первый план выходят стимулирование занятости внутренних трудовых ресурсов; в программе 2026–2030 годов центральное место отводится иностранной рабочей силе. Такая переориентация подчеркивает формирование нового вектора политики на рынке труда, который заключается в постепенном переходе от парадигмы максимальной активизации и использования внутренних трудовых ресурсов к парадигме целенаправленного привлечения и интеграции внешних трудовых ресурсов. При этом относительно стабильным на протяжении всего рассматриваемого периода остается упоминание категории «инвалиды», что означает, что политика в отношении данной группы устойчива к экономическим изменениям и смене приоритетов в развитии рынка труда.

Таким образом, формализованный подсчет частотности упоминаний социальных групп позволил не только проранжировать категории населения по степени внимания к ним со стороны государства, но и проследить динамику этих приоритетов во времени. К числу основных достоинств контент-анализа как метода изучения государственных программ следует отнести: 1) возможность обработки больших массивов текстов с единообразными критериями кодирования; 2) сведение качественной информации к количественным показателям, допускающим статистическое сравнение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 января 2016 г. № 73 «Об утверждении Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21600073 (дата обращения 15.01.2026).

2. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 777 «О Государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22000777 (дата обращения 15.01.2026).

3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 декабря 2025 г. № 699 «О Государственной программе «Сбалансированный рынок труда» на 2026–2030 годы» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500699 (дата обращения 12.12.2025).

УДК 338.43: 633.521

АДАПТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЬНОВОДСТВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Самцова Дарья Владимировна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В последние несколько десятилетий последствия изменения климата все активнее проявляются в трансформации агроклиматических условий, что ставит перед аграрным сектором разных стран новые вызовы, связанные с изменением вегетационных периодов и границ выращивания традиционных культур. Особую значимость эта проблема приобретает для регионов с исторически сложившейся узкой специализацией, где растениеводство привязано к конкретным природным условиям, которые встречаются только на определенной территории и являются критически важными для выращивания конкретных культур. От постоянства этих условий напрямую зависит вся последующая производственно-технологическая цепочка, от посева до переработки и выпуска готовой продукции. Одним из таких регионов является Витебская область – традиционная зона льноводства Беларуси, где лен-долгунец выступает не просто товарной культурой, но в некоторой степени системообразующим элементом аграрного природопользования, культурного ландшафта и социально-экономического уклада сельских территорий.

Для Витебской области характерен умеренно-континентальный климат с влиянием атлантических воздушных масс, что проявляется в повышенной влажности, умеренных летних температурах и достаточно продолжительном снежном покрове. По сравнению с другими областями Беларуси, климат Витебской области отличается более коротким вегетационным периодом, поздними весенними и ранними осенними заморозками, что не является недостатком для выращивания льна, а напротив, способствует формированию длинного и прочного волокна. При относительно низком естественном плодородии и повышенной кислотности почвы области при соблюдении агротехнологии также являются благоприятными для льна-долгунца. Именно сочетание умеренных температур, высокой влажности и специфических почвенных условий предопределило историческое закрепление льноводства как одной из ключевых отраслей специализации региона [1].

В течение последних десятилетий происходит устойчивое смещение агроклиматических зон на территории Беларуси в северном направлении. Если в исторической перспективе (до 1980-х гг.) большая часть Витебской области относилась к Северной умеренно теплой влажной агроклиматической области с суммой активных температур менее 2200–2400 °С, то уже в период 1989–2015 гг. границы зон сдвинулись на север. Прогнозы на 2041–2060 гг. показывают, что зоны с суммой температур выше 2600 °С охватят значительную часть Беларуси, включая южные и частично центральные районы Витебской области. Фактически, в настоящее время значительная часть региона относится уже к Центральной агроклиматической области, тогда как лишь отдельные участки на севере и западе сохраняют характеристики более прохладных зон [2].

Данная трансформация имеет двойственный характер для льноводства. С одной стороны, повышение сумм активных температур расширяет потенциальные возможности для сельскохозяйственного производства в целом, позволяет выращивать более теплолюбивые культуры и удлиняет вегетационный период. С другой стороны, именно для льна-долгунца, качество волокна которого напрямую зависит от сочетания условий, смещение агроклиматических границ создает прямые риски. Повышение температур в период вегетации может приводить к ускоренному развитию растений, огрублению волокна и снижению его прочностных характеристик [1].

Несмотря на серьезность климатических вызовов, система выращивания льна в Витебской области демонстрирует высокую адаптивную способность, что позволяет ей не только сохраняться, но и успешно развиваться в изменившихся условиях [3]. Ключевая особенность этой системы заключается в том, что климатическая адаптация не выделяется в ней как отдельный блок управления или набор мер, а интегрирована в повседневные производственные практики, сформированные на протяжении длительного периода [4].

К числу основных механизмов климатической адаптации, присутствующих в традиционной системе льноводства Витебской области, относятся:

– целенаправленный подбор сортов льна с учетом конкретных природно-климатических условий;

– гибкая настройка сроков выполнения всех агротехнических операций (посев, уход, уборка, расстил тресты) в зависимости от погодных особенностей конкретного вегетационного периода;

– использование технологий возделывания, позволяющих нивелировать негативные последствия как избыточного увлажнения, так и кратковременных засух [3].

Необходимо отметить, что данные адаптационные практики не являются изобретением последних лет, они формировались десятилетиями и передавались как часть локального агрономического знания. Такие практики позволяют минимизировать климатические риски и обеспечивать устойчивую урожайность даже при заметных отклонениях погодных условий от многолетних норм.

Кроме способности к адаптации система выращивания льна в Витебской области обладает рядом экологических и климатических преимуществ, которые приобретают особую ценность в контексте перехода к низкоуглеродной экономике и «зеленым» цепочкам создания стоимости.

Преимущества системы связаны, прежде всего, с тем, что лен как растительное сырье обладает низким углеродным следом по сравнению с синтетическими материалами, производство которых опирается на использование ископаемых ресурсов и сопровождается высоким уровнем выбросов парниковых газов. Расширение использования льняной продукции способствует снижению зависимости от невозобновляемых ресурсов и формированию устойчивых моделей потребления. В природно-климатических условиях Витебской области выращивание льна характеризуется сниженным водопотреблением благодаря достаточному уровню естественного увлажнения, а также относительно низкой химической нагрузкой при соблюдении агротехнологических регламентов. Существенным преимуществом является полная биоразлагаемость льняного волокна. Дополнительным фактором выступает способность льна к депонированию углерода в почве, что может рассматриваться в контексте формирования углеродных балансов агроэкосистем и создания карбоновых полигонов на сельскохозяйственных землях. Совокупность указанных характеристик позволяет рассматривать лен как элемент зеленых цепочек создания стоимости и инструмент адаптации к современной климатической политике [3].

Экологические преимущества традиционной системы проявляются, прежде всего, в ее способности обеспечивать сохранение и воспроизводство природных ресурсов при одновременном ведении хозяйственной деятельности. Система основывается на строгом соблюдении агротехнологических требований к выращиванию культуры, включая учет пригодности почв, кислотности, севооборот и пространственной организации посевов. Данные ограничения не являются внешними по отношению к системе, а встроены в нее как обязательные условия функционирования, что объективно ограничивает экстенсивное использование земельных ресурсов и способствует поддержанию их продуктивного потенциала. Ключевым элементом системы выступает севооборот, предусматривающий длительный цикл возврата льна на прежнее поле (как правило, не ранее чем через 5–7 лет). Это обеспечивает предотвращение деградации почв, снижение фитосанитарных рисков, накопления специфических патогенов и сохранение биологической активности агроэкосистем.

Специфика системы выращивания льна в Витебской области заключается в том, что именно сочетание относительно низких температур, повышенной влажности и ограниченного почвенного плодородия, которое могло бы рассматриваться как недостаток в других отраслях растениеводства, предопределило закрепление льна-долгунца как ключевой культуры, обеспечивающей наибольшую эффективность использования природного потенциала региона. В отличие от более благоприятных в агроклиматическом отношении территорий, где возможна широкая диверсификация растениеводства, в Витебской области сложилась устойчивая модель хозяйствования, в которой лен выполняет системообразующую функцию, связывая природные условия, агротехнологии, переработку и социально-экономическое развитие сельских территорий.

В этой связи поддержка и дальнейшее изучение традиционного льноводства Витебской области имеет значение не только для Беларуси, но и для международного сообщества как пример гармоничного сочетания традиционных знаний и современных вызовов в сфере климатической адаптации сельского хозяйства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Физическая география Витебской области: учебное пособие / А.Н. Галкин [и др.]; под ред. А.Н. Галкина. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – 235 с.

2. Агроклиматическое зонирование территории Беларуси с учетом изменения климата в рамках разработки национальной стратегии адаптации сельского хозяйства к изменению климата в Республике Беларусь. – Минск, 2017. – URL: https://minpriroda.gov.by/uploads/files/Agroklimaticheskoe-zonirovanie-Respubliki-Belarus.pdf (дата обращения 26.03.2026).

3. Самцова Д.В. Карбоновые полигоны на сельскохозяйственных землях Беларуси: вызовы и возможности // Актуальные проблемы инновационного развития агропромышленного комплекса Беларуси: сб. науч. тр. по материалам XVI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Л. В. Пакуш: в 2 ч. / редкол.: И.В. Шафранская (отв. ред.) [и др.]. – Горки: БГСХА, 2024. – Ч. 2. – С. 112–120.

4. Цвирков В.В., Синельников В.М., Попов А.И. Инновационные механизмы развития предприятий по переработке льна: монография. – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2025. – 160 с.

РАЗДЕЛ 5. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

УДК 334.012.64

МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ

Калинкович Виталий Александрович,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В мире продолжают нарастать такие угрозы как нехватка продовольственных и природных ресурсов, климатические изменения и антропогенное воздействие на окружающую среду, наркотрафик, торговля людьми, незаконная миграция. Периодически нарастает напряженность между странами-поставщиками, транзитерами и потребителями ресурсов. Ускоряются негативные тенденции в демографической сфере развитых государств, прежде всего старение населения, усиление миграционных потоков и т. п., и все это активно влияет на экономическое состояние и этнокультурный ландшафт стран. Как было заявлено на Всемирном экономическом форуме 2026 г., самый резкий рост среди всех категорий рисков за последние два года продемонстрировали экономические риски (экономический спад, растущая инфляция, потенциальные «пузыри» на рынке активов, нарушения в работе критически важной инфраструктуры и др.). При этом самым серьёзным среди 33 важных глобальных рисков на ближайшие, как минимум, два года, признана геоэкономическая конфронтация [1].

Как малые предприятия, так и крупные компании, сталкиваются сегодня со значительным количеством внутренних и внешних рисков, негативно влияющих на их жизнеспособность, устойчивость и рост. Но при этом малые и средние предприятия (МСП), по сравнению с крупными, менее подготовлены к управлению рисками, ведь у них, как правило, отсутствуют системы управления рисками, недостаточно ресурсов и опыта для минимизации их последствий. Но поскольку МСП играют жизненно важную роль в национальной экономике, разработка мер по защите МСП от разрушительного влияния глобальных рисков на этот сектор экономики становится одной из центральных функций государства.

Когда разрабатывалась Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года, перед ее авторами стояла задача учета и выработки мероприятий по нивелированию таких общемировых рисков и угроз как усиление геополитической неопределенности и региональной нестабильности, ухудшение демографической ситуации и нарастание дисбалансов на рынке труда, изменение подходов к ведению бизнеса в связи с применением цифровых платформ, робототехники и технологий и т. п. В перечень важных внешних угроз для национальной экономики включено и «санкционное давление» по отношению к тем государствам, «которые не вписываются в предложенную США и коллективным Западом модель мироустройства» [2].

Санкции сегодня превратились в «экономическое оружие», и за период с 1997 по 2025 год против белорусских субъектов хозяйствования и финансового сектора их введено более 1,7 тыс. Именно санкции и торговые войны наглядно продемонстрировали нам негативные последствия чрезмерной открытости национальной экономики и беспрепятственного перемещения товаров, капиталов и трудовых ресурсов, что неизбежно «транслирует» и все внешние политические, экономические и информационные проблемы на внутренний национальный «контур».

Во всем мире признано, что продуманная господдержка субъектов МСП позволяет им быстро и с минимальными потерями преодолеть периоды кризисов и далее эффективно

наращивать свой потенциал. И речь идет не только о прямой финансовой поддержке в виде безвозвратной субсидии или гранта, но и о косвенной в виде формирования предпринимательской инфраструктуры, нормативно-правовой и институциональной среды, что более предпочтительно как для конкурирующих субъектов предпринимательства, так и для национальной экономики в целом.

Белорусское государство, стремясь защитить свою экономику, оказывает поддержку субъектам МСП для минимизации рисков, связанных с негативным влиянием на их деятельность неблагоприятных внешних факторов. Для чего в республике каждые пять лет разрабатываются программы, направленные на создание для субъектов МСП благоприятных институциональных и экономических условий и создание эффективной инфраструктуры их государственной поддержки. В новой Государственной программе «Устойчивое предпринимательство» на 2026–2030 годы» не только очерчен перечень проблемных вопросов, сдерживающих деловую активность в стране, но и обозначен ряд мер по их устранению и созданию «благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности и динамичного развития МСП» [3].

Современным трендом становится «подключение» к оказанию нефинансовой поддержки предпринимательства тех институциональных структур, которые традиционно оказывали содействие в развитии предпринимательских структур посредством различных финансовых инструментов. Так, начиная с 2022 г. Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей содействует более масштабной промышленной кооперации между крупным, средним и малым бизнесом. Для этого специалисты Фонда изучают спрос крупных предприятий на необходимое им импортное сырье, комплектующие и далее стимулируют субъектов МСП оказать содействие в локализации производства данного вида продукции. Для практической реализации этой бизнес-модели Фондом был создан общереспубликанский информационный ресурс субконтрактации (контактно-кооперационная биржа), где представлен поддерживаемый в актуальном состоянии от крупных предприятий список необходимых импортозамещающих товаров и услуг.

О том, как белорусские субъекты МСП оценивают экономические риски, и насколько эффективными они считают выработанные правительством мероприятия по минимизации экономических рисков и угроз, в некоторой степени можно судить по результатам опроса предпринимателей, проводимого Республиканской конфедерацией предпринимательства для измерения индекса делового оптимизма. В ходе последнего опроса каждый третий респондент (33 %) ответил, что общие условия ведения бизнеса ухудшились, а 38 %, – что ощутили это на состоянии своего бизнеса. При перечислении факторов, в наибольшей степени негативно влияющих на их бизнес, на первые позиции опрошенные поставили «высокую налоговую нагрузку» (16,5 %), «неравенство форм собственности» (15,5 %), «избыточные административные процедуры» и «отсутствие оборотных средств» (по 14,6 %). Относительно перспектив для бизнеса, можно отметить значительный оптимизм: только 11,9 % ожидают ухудшения общих условий для его ведения [4].

Общепринятым является утверждение, что МСП легче справляются с внутренними рисками, так как они могут лучше контролировать большую их часть, принимать меры по управлению ими и устранению их последствий, а перед внешними рисками они более уязвимы «поскольку эти риски зачастую находятся вне их контроля, влияния, поля зрения и возможностей по управлению ими» [5]. Следовательно, стоило ожидать, что влияние экономических санкций на белорусские предприятия большинством опрошенных будет оценено как крайне негативное. Но 69 % белорусских предпринимателей ответили, что не ощущают негативного влияния санкций на деятельность их предприятия, и лишь 20,4 %, назвали это влияние негативным. То, что большинство субъектов МСП не ощущают негативного влияния санкций на бизнес, стоит расценивать как один из показателей эффектной работы правительства по импортозамещению и налаживанию торговых отношений с новыми странами. Но на этом фоне обращает на себя внимание тот факт,

что более половины опрошенных (52,4 %) не удовлетворены состоянием диалога власти и бизнеса, а 39,8 % заявили, что доверие бизнеса к власти отсутствует [4].

В Беларуси предпринимательство признается одним из ключевых факторов дальнейшего экономического роста и решения других задач социального характера, включая создание новых рабочих мест. Предпринимательство как социально-экономический феномен способствует созданию новых и расширению существующих рынков, повышает конкурентоспособность и престиж страны. Но чтобы деловая активность белорусских предпринимателей в еще большей степени способствовала экономическому росту требуется более активное включение предпринимателей в современную полицентрическую систему управления и информационного обмена, совершенствование системы господдержки и масштабная интубация санкционного комплаенса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Global Risks Report 2026. – URL: https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2026/in-full/global-risks-report-2026-appendix-b/ (дата обращения 14.04.2026).

2. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. – Минск, 2025. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf (дата обращения 21.04.2026).

3. О Государственной программе «Устойчивое предпринимательство» на 2026–2030 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20 декабря 2025 г. № 739. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500739 (дата обращения 19.02.2026).

4. Индекс делового оптимизма. Официальный сайт Республиканской конфедерации предпринимательства. – URL: https://rce.by/ido.php (дата обращения 11.04.2026).

5. Small and Medium Enterprises and Global Risks: Evidence from Manufacturing SMEs in Turkey. – URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7223563/ (дата обращения 23.02.2026).

УДК 330.35 +338.24.021.8

ФАКТОРЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА КИТАЯ

Попкова Анна Станиславовна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

На современном этапе развития многие страны ищут новые источники экономического роста, в том числе и КНР. Китай долгие годы демонстрировал высокие темпы макроэкономической динамики (на уровне 9–10 % и выше). В 2025 г. экономика Китая выросла на 5 %, а в текущем 2026 г. запланирован рост на 4,5 %. Согласно прогнозам, в ближайшие пару лет Китай продолжит вносить вклад в мировой экономический рост на уровне около 30 % [1]. По темпам экономического роста Китай занимает лидирующее положение среди ведущих экономик мира, что обусловило высокую потребность в исследовании факторов обеспечения китайского экономического чуда.

Эпоха бурного развития Китая началась с политики реформ и открытости (1978 г.). Ее основные направления включали переход от плановой экономики к социалистической рыночной экономике и переход от практически закрытой к открытой экономике. Рынок постепенно становился основным инструментом распределения ресурсов. Цены на большинство производственных материалов стали определяться рыночным спросом

и предложением. Стала формироваться система рыночной занятости в Китае. Если ранее существовала система «железной рисовой чаши» или пожизненного трудоустройства на государственных предприятиях, то после реформ субъекты хозяйствования получили право нанимать и увольнять работников в соответствии с конъюнктурой на рынке труда, появилась конкуренция за рабочие места, повысилась производительность. Миграция сельских жителей способствовала притоку дешевой рабочей силы в города.

Развитие рынка капитала стало еще одним фактором формирования китайского экономического чуда. Данный процесс предполагал переход от административного распределения финансовых ресурсов к рыночным механизмам (от безвозмездных субсидий и грантов к платным кредитам и долевому финансированию). Были созданы Шанхайская и Шэньчжэньская фондовые биржи, что позволило компаниям привлекать альтернативные инвестиции. Финансовые учреждения постепенно преобразовывались в акционерные общества и их управление становилось более прозрачным и эффективным. На рынке стали появляться частные банки, инвестиционные фонды, страховые компании, в том числе и с иностранным капиталом. Это принесло западные стандарты корпоративного управления, риск-менеджмента и финансовой отчетности. Стали появляться независимые регуляторы рынка (Комиссия по ценным бумагам, Комиссия по страхованию, Комиссия по банковскому и страховому регулированию и др.). Такое развитие рынка капитала способствовало мобилизации сбережений населения и трансформации их в инвестиции, появлению новых финансовых инструментов, более эффективному распределению ресурсов.

Еще одним из факторов стимулирования экономического роста выступило активное развитие передовых технологий. Институциональная среда стала совершенствоваться за счет принятия нормативно-правовых актов в сферах авторского права, патентоведения, недобросовестной конкуренции и др., появления бирж интеллектуальной собственности, консалтинговых фирм, оценщиков и т. п. Однако на первоначальном этапе экономическим субъектам не хватало мотивации к инновациям, особенно для технологий, требующих значительных инвестиций и имеющих длительные циклы разработки. Проще было заимствовать и копировать технологии, вследствие чего многие китайские предприятия работали в качестве сборщиков готовой продукции и субподрядчиков [2].

Вступление Китая в ВТО в 2001 г. способствовало устранению торговых ограничений и открыло для страны новые экспортные рынки. В процессе интеграции в мировую экономику проявилась структурную особенность китайской экономики: низкие затраты на рабочую силу в сочетании с высоким уровнем квалификации, вследствие чего на экспорт поставлялись как трудоемкие, так и наукоемкие товары. Эта особенность наделила Китай конкурентным преимуществом в мировой торговле. Без этой возможности извлечение выгоды из международного разделения труда не было бы условием для высокого экономического роста Китая [3]. Развитие проекта «Пояс и путь» также позволило КНР найти новые рыночные ниши, развивать международное сотрудничество и наращивать инвестиции.

Таким образом, Китай достиг высоких темпов роста во многом благодаря планомерному формированию развитой промышленной системы и экономики знаний. Этот фундамент позволял расти и его потенциал не исчерпан. В последние годы Китай осуществляет переход к качественной модели экономического роста, основанной на инновациях, и соответственно меняет подходы к государственной политике. Ставка делается на поощрение инновационного предпринимательства, стимулирование внутреннего потребления, обеспечение технологического суверенитета, развитие зеленой экономики. Китай направил все усилия на развитие собственной инновационной системы с целью сокращения зависимости от иностранных технологий. В КНР активно формируется многоуровневая система капитала для финансирования инновационной деятельности малых и средних предприятий [4]. Такую модель роста эксперты оценивают как более устойчивую и менее зависимую от внешнеэкономической конъюнктуры.

ВВП Китая в первом квартале 2026 г. вырос на 5 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Программа по обмену старых потребительских товаров на новые

привела к росту объема продаж более чем на 430 млрд юаней, охватив более 60 млн человек. Объем розничных продаж услуг вырос на 5,5 %. Инвестиции в инфраструктуру увеличились на 8,9 %, а в обрабатывающую промышленность – на 4,1 %. Для реализации строительных проектов использовались средства облигационных займов, был усовершенствован долгосрочный механизм участия частных предприятий в строительстве крупных проектов.

В первом квартале 2026 г. добавленная стоимость машиностроительной отрасли выросла на 8,9 %, высокотехнологичной обрабатывающей промышленности – на 12,5 %. Вклад высокотехнологичных производств в темпы роста всей крупной промышленности составил 32,6 %. Добавленная стоимость в сфере передачи информации, программного обеспечения и IT-услуг выросла на 10,6 %, а в сфере лизинга и деловых услуг – на 12,2 %. Их совокупный вклад в экономический рост составил около 25 %. Новые драйверы оказывают все более весомое влияние на формирование экономического роста. Производство цифровых продуктов выросло на 11,2 %. Инвестиции в высокотехнологичные производства и услуги значительно опережают общий рост инвестиций. Онлайн-продажи товаров и услуг выросли на 8 %, а продажи новых моделей розничной торговли, таких как магазины без персонала и складские магазины по подписке, сохранили двузначный темп роста.

Для более высококачественного развития в Китае активно развиваются проекты зеленой экономики. В первом квартале доля возобновляемых источников энергии в общем объеме энергопотребления увеличилась примерно на 0,4 п. п. в годовом исчислении. Производство литий-ионных аккумуляторов выросло на 40,8 %, ветрогенераторов – на 30,1 %. В последнее время многие транснациональные компании объявили о дальнейшем увеличении своих инвестиций в Китай: Eli Lilly собирается инвестировать в общей сложности 3 млрд долл. США в течение 10 лет для расширения своих производственных мощностей в Китае, Novo Nordisk объявила о расширении своей производственной базы в Гуанчжоу, а Schneider Electric планирует построить два новых завода в Сямэне и Уси, а также модернизировать научно-исследовательский центр в Пекине. За первые два месяца 2026 г. в Китае было создано 8 631 новое предприятие с иностранными инвестициями, что на 14 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [5].

На основе проведенного анализа можно отметить, что экономический рост Китая был обусловлен развитием промышленной системы, накоплением знаний, стимулированием инновационной активности субъектов хозяйствования и другими факторами. Происходил постепенный переход от экстенсивной модели роста к качественной модели (с опорой на высокие технологии, инновации и цифровизацию). Опыт Китая может быть полезен и для других государств, особенно в части стимулирования инновационного предпринимательства и взращивания инновационных чемпионов. В новой пятилетке целесообразно уделить большое внимание внедрению новых технологий, повышению производительности труда, цифровизации бизнес-процессов, повышению качества образования и квалификации трудовых ресурсов и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Chinese economy seen staying robust. – URL: https://www.chinadailyasia.com/hk/article/625444 (дата обращения 06.04.2026).

2. 中国经济增长奇迹的经济学解释 = Объяснение экономического чуда Китая. – URL: https://www.50forum.org.cn/portal/article/index.html?id=419 (дата обращения 02.04.2026).

3. 中国经济为什么能够增长 = Почему экономике Китая удалось добиться роста? – URL: https://www.cssn.cn/dkzgxp/zgxp_zgshkx/2022nd1q/202208/t20220822_5474686.shtml (дата обращения 17.04.2026).

4. Попкова А.С. План стимулирования инновационной деятельности малых и средних предприятий Китая // Банковский вестник. – 2025. – № 8 (745). – С. 55–64.

5. 从首季成绩单看“十五五”开局之年中国经济走势 = Анализ экономических показателей за первый квартал позволит оценить траекторию экономического развития Китая в первый год 15-й пятилетки. – URL: https://www.news.cn/fortune/20260416/f13262ef761049358c15786f1e02ef5f/c.html (дата обращения 16.04.2026).

УДК 330.354:620.9(476)

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Цилибина Валентина Михайловна,
кандидат технических наук,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В условиях новой геополитической реальности – роста энергетических вызовов – повышение энергоэффективности приобретает как никогда актуальное значение, оставаясь ключевым вектором государственной политики Республики Беларусь. Этот курс официально закреплен в Программе социально-экономического развития страны на 2026–2030 годы, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 19 декабря 2025 г. № 1. Документ задает стратегическое направление на пятилетний период через семь ключевых приоритетов, в основе которых лежит осознание системообразующей роли энергетики. Развитие национальной экономики и повышение благосостояния населения, в том числе и в Беларуси, напрямую зависят от надежного и эффективного энергоснабжения. Как базовая отрасль, энергетика служит не только основой экономического роста, но и ключевым условием устойчивого развития. Именно поэтому в числе приоритетов программы – рост конкурентоспособности, ускорение технологического развития и цифровая трансформация. Это закономерно: уровень развития топливно-энергетического комплекса и эффективность его работы напрямую определяют устойчивость и динамику всего национального хозяйства.

Таким образом, стратегические цели Беларуси на новую пятилетку вытекают из необходимости укреплять этот критически важный фундамент. Эти задачи реализуются через Государственную программу «Устойчивая энергетика и энергоэффективность» на 2026–2030 годы [1]. Ключевыми индикаторами успеха выбраны снижение энергоемкости ВВП на 4 % к 2030 году (в сравнении с 2025 годом) и доведение доли местных топливно-энергетических ресурсов до 33 %, что напрямую способствует укреплению энергетической независимости страны. Для достижения указанных показателей программа структурирована по трём направлениям: повышение эффективности использования ТЭР, укрепление энергетической самостоятельности, а также сбалансированное развитие и модернизация энергетической отрасли.

Современные энергетические технологии служат катализатором инновационного развития, способствуют созданию новых рабочих мест и укрепляют научно-технический потенциал страны. Энергетическая независимость в свою очередь усиливает геополитическую устойчивость, снижает зависимость от внешних поставок и укрепляет национальную безопасность.

Для проведения межстрановых сопоставлений использовались данные, размещенные на сайтах международных энергетических организаций, включая Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (IRENA) и Международное энергетическое агентство (IEA). Дополнительно были привлечены сведения Национального статистического комитета Республики Беларусь, Министерства энергетики, Департамента по энергоэффективности

Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь, а также других официальных источников [2–4]. Так, статистические данные демонстрируют стабильную тенденцию увеличения мирового потребления ТЭР, которое выступает одним из ключевых факторов обеспечения экономического развития и формирования ВВП как отдельных государств, так и мировой экономики в целом.

За период 1990–2024 гг. мировое энергопотребление увеличилось в 1,7 раза, что стало важнейшим катализатором экономического роста. Детальные исследования подтверждают наличие выраженной взаимосвязи: за аналогичный период мировой ВВП вырос в три раза при коэффициенте корреляции 0,99 между динамикой энергопотребления и экономическими показателями. Данная закономерность однозначно свидетельствует о сохраняющейся фундаментальной роли энергетического фактора в экономическом развитии. Однако выявленная зависимость сопряжена с существенными экологическими последствиями. Рост потребления топливно-энергетических ресурсов приводит к пропорциональному увеличению выбросов CO_2 в энергетическом секторе, которые в 2024 году превышают уровень 1990 года в 1,6 раза. Выявленная динамика усугубляет проблему глобального изменения климата и создает серьезные препятствия для реализации Целей устойчивого развития.

В этой связи особое значение приобретает развитие экологически чистых источников энергии, которое позволяет минимизировать негативное воздействие на окружающую среду и выполнять международные обязательства в сфере устойчивого развития. Будущее мировой энергетики сложно представить без возобновляемых источников энергии. Так IEA прогнозирует, что к 2030 году ВИЭ будут обеспечивать более половины прироста мировой электроэнергии, а их доля в энергобалансе возрастет до 30–35 %. При этом спрос на уголь сократится, на нефть – стабилизируется, а газ сохранит значимость как переходное топливо. В сценарии Net Zero Emissions предполагается еще более быстрый рост ВИЭ и атомной энергетики, что позволит удержать глобальное потепление в пределах 1,65 °C.

Однако утверждения о скором полном переходе мира на ветровую, солнечную, геотермальную энергии, озвучиваемые многими политическими и общественными деятелями, вряд ли имеют под собой серьезные основания. Несмотря на рост альтернативных источников, нефть и газ остаются незаменимыми в ряде отраслей. Ископаемое топливо продолжает играть доминирующую роль в глобальных энергетических системах, так как не существует других источников энергии, которые могли бы конкурировать с органическим топливом по доступности, степени распространения и эффективности. Это связано прежде всего с тем, что последние два столетия практически вся энергетическая инфраструктура, создаваемая в мире, была ориентирована именно на органическое топливо. Основными источниками энергии в 2024 году были нефть (33,6 %), природный газ (25,1 %) и уголь (27,9 %), которые в совокупности формируют более 85 % мирового энергобаланса. При этом наблюдается постепенное смещение акцентов: доля ядерной энергетики увеличилась с 4 % до 5,2 %, что отражает рост интереса к низкоуглеродным технологиям и стремление ряда стран диверсифицировать энергопоставки. Сокращение доли гидроэлектроэнергии (-3,7 %) и возобновляемых источников (-1,7 %) указывает на замедление темпов их развития в глобальном масштабе. Это может быть связано как с ограниченными природными условиями (например, засухами, влияющими на гидрогенерацию), так и с инвестиционными и технологическими барьерами в сфере ВИЭ.

Отметим, что сегодня газ для Республики Беларусь – основной ресурс производства тепловой и электрической энергии. Роль ВИЭ может быть увеличена в долгосрочной перспективе, но балансирующим энергоносителем, гарантирующим покрытие пиковых потребностей, может быть только газ.

Ключевым элементом энергетической стратегии стало введение в строй Белорусской атомной электростанции. Как отметил Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, у нас появилась своя атомная станция, которая серьезно укрепила энергетическую независимость страны, но к 2030 году надо поднять этот уровень еще выше. Конкретным

результатом реализации данного курса стали объемы выработки БелАЭС. Так, на 14 апреля 2026 года энергоблок № 1 произвел 38143,04 млн кВт·ч, энергоблок № 2 – 21188,18 млн кВт·ч.

В мировой практике для оценки энергоэффективности экономики в качестве одного из ключевых показателей используется энергоемкость валового внутреннего продукта. Этот показатель отражает объем потребляемых топливно-энергетических ресурсов, приходящихся на единицу произведенного ВВП, и позволяет судить о рациональности использования энергетических ресурсов в экономике. Считается, что чем ниже значение энергоемкости, тем выше уровень энергоэффективности экономики, поскольку это свидетельствует о меньших затратах энергетических ресурсов на производство единицы ВВП. Анализ динамики энергоемкости свидетельствует о стабильном снижении данного показателя в мировом масштабе. В русле этой общемировой тенденции находится и Республика Беларусь: по данным Белстата и международных источников, энергоемкость ВВП страны за рассматриваемый период сократилась в 3,3 раза. Вместе с тем несмотря на достигнутые успехи, энергоемкость ВВП Беларуси остается высокой: она в 2,3 раза превышает показатель Германии и в 1,3 раза – уровень Финляндии, США и среднемировое значение. В 2024 г. Республика Беларусь занимала 103-е место среди 135 государств по значению этого показателя. Это диктует необходимость дальнейшего совершенствования национальной политики в сфере энергоэффективности и углубления интеграции в глобальные тенденции устойчивого развития.

Траектория развития Беларуси с 1990 года демонстрирует уникальный эффект абсолютного декаплинга: экономический рост (ВВП – 211 % к уровню 1990 года) достигнут на фоне снижения – 69 % – потребления ТЭР. Снижение выбросов парниковых газов (с 92,6 млн т до 53,6 млн т CO_2 – экв., или в 1,7 раза) свидетельствует об успешном курсе на повышение энергоэффективности и декарбонизацию.

В источнике выполнен анализ взаимосвязи показателей потребления ТЭР, объема ВВП и энергоемкости ВВП в некоторых странах и, для сравнения, в Республике Беларусь в 1990 и 2024 годах. Важно отметить, что снижение потребления ТЭР в Беларуси, Германии, России и Финляндии обусловило более умеренные темпы роста ВВП по сравнению с Канадой, Китаем, США, где энергопотребление возрастало [5].

Как отмечают профильные эксперты, монопольная ориентация на возобновляемые источники энергии не способна выступать ядром современной энергетической стратегии. Данный подход объективно ограничен как технологическими факторами (прерывистый характер генерации, несоответствие выработки пиковым нагрузкам), так и экономическими (нестабильность денежных потоков, увеличение сроков окупаемости и высокая волатильность инвестиционных рисков).

В этих условиях повышение эффективности использования углеводородного топлива сохраняет долгосрочную стратегическую значимость для глобального энергетического сектора и остаётся приоритетным направлением энергетической политики Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2025 г. № 819 «О Государственной программе «Устойчивая энергетика и энергоэффективность» на 2026–2030 годы». – URL: https://energoeffect.gov.by/downloads/laws/resolution/2026_resolution/20260126_psm819_31122025.pdf (дата обращения 12.02.2026).

2. Статистический обзор мировой энергетики Energy Institute Statistical Review of World Energy. – URL: https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads (дата обращения 17.09.2025).

3. Наш мир в данных. Институт энергетики – Статистический обзор мировой энергетики (2024). – URL: https://ourworldindata.org/energy-mix (дата обращения 17.09.2025).

4. Всемирный банк. GDP, PPP (constant 2021 international $) International Comparison Program, World Bank | World Development Indicators database, World Bank | Eurostat-OECD PPP Programme. // https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD?locations=BY (дата обращения 05.09.2025).

5. Цилибина В.М. Четкий вектор // Вестник Белнефтехима. – 2026. – № 1. – С. 22–27.

УДК 339.138

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И УСТОЙЧИВОГО РОСТА БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Аксеневич Анна Михайловна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Цифровая трансформация предпринимательства как условие устойчивого роста села. В современных условиях хозяйствования для выживаемости бизнеса, в том числе в сельской местности, сохранения его конкурентоспособности важно обеспечить его комплексную цифровизацию. Как подчеркнул Глава государства на совещании о развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли 16 апреля 2026 г.: «…от положения дел на селе во многом зависят благосостояние наших людей, валютные поступления, уровень продовольственной безопасности и в конечном итоге социально-политическая стабильность в стране».

Отечественные регуляторы осознают необходимость цифровой трансформации сельского бизнеса. Так, в проекте Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 г. в качестве одного из важнейших направлений развития агробизнеса обозначено создание платформ электронной торговли продуктами питания, мобильных приложений для розничных покупателей, оптовых распределительных центров с современными цифровыми технологиями товародвижения и возможностью формирования электронных торгов и заказов. В Государственной программе «Аграрный бизнес» на 2021–2025 гг. также определяется необходимость создания благоприятных условий для развития предпринимательства в сельском хозяйстве, его цифровизации.

Тем не менее, как отметил первый заместитель Министра экономики Республики Беларусь И.В. Вежновец, сельская местность в настоящее время слабо охвачена электронной коммерцией: «Необходимы новые подходы, инновационные решения, которые бы снизили затраты и обеспечивали высокое качество обслуживания» [1].

Степень проработки проблемы. Отметим, что для каждой отдельно взятой страны характерны свои институциональные особенности развития национальной экономики. В данном контексте, ввиду направленности исследования непосредственно на вопросы развития электронной коммерции в сельской местности в Республике Беларусь, особый интерес вызвали, прежде всего, наработки отечественных исследователей. Среди белорусских ученых, занимающихся изучением вопросов инновационного развития аграрного бизнеса, следует выделить: Киреенко Н.В., Паньшина Б.Н., Войтко И.А., Яковчика Н.С., Городецкую Е.А., Шестакова Ю.Н., Хоровец И.Г., Журавлева В.А., Радченко Н.В., Соколовскую Е.В., Радченко С.В., Казакевича П.П., Пилипука А.В., Такуна А.П. и др. Проведенный аналитический обзор научной литературы по обозначенной тематике показал, что *в отечественной практике вопросы развития электронной коммерции в сельской местности слабо затронуты:* организационно-экономические аспекты развития цифрового аграрного

бизнеса в селе если и рассматриваются учеными, то в рамках более широких направлений (цифровизация агропромышленного комплекса в целом).

Вызовы развития белорусского села. Современные условия социально-экономического развития белорусского села характеризуются следующими тенденциями. Наблюдается сокращение сельского населения ввиду *его старения, а также оттока молодежи из села.* Сокращение сельского населения (более чем на 200 тыс. человек за 10 лет), дефицит кадров и низкая закрепляемость молодежи остаются острыми проблемами. При этом опросы студенческой молодежи, проведенные Белорусским институтом стратегических исследований в рамках проекта «Будущее сельской местности», показали, что ключевыми факторами привлекательности сельской жизни для молодежи являются доступность и скорость интернета, а также транспортная инфраструктура [2].

Проблемой может выступить *высокая скорость сменяемости цифровых технологий, считающихся передовыми, более новыми.* Старшему поколению, которое отличается меньшей адаптивностью по сравнению с молодежью, тяжелее адаптироваться к скорым изменениям, что также выступает в качестве барьера. Так, коэффициент старения населения в сельской местности в 2025 г. достиг отметки 155,3 %; численность молодежи, проживающей в селе, также неуклонно сокращается (на 12 172 человек в 2025 г. по сравнению с 2024 г.) [3].

Текущий уровень цифровизации бизнеса в сельской местности Беларуси находится на начальном этапе. Традиционные и наиболее распространенные форматы – стационарный магазин и автолавка [1].

Показательный пример Китая в части развития электронной коммерции в сельской местности. Опыт Китая является показательным примером того, как бизнес в сельской местности при помощи новых технологий приобретает цифровые конкурентные преимущества. Этому, прежде всего, содействовала масштабная работа со стороны китайского правительства по содействию развития электронной коммерции в стране как в целом, так и в регионах и провинциях.

Комплексная система поддержки развития электронной коммерции в сельской местности Китая включает пять направлений (более подробно в [4]):

– организационная (создание структурных подразделений по цифровому развитию сельского хозяйства на базе Alibaba, цифровые центры Hema City);

– традиционные меры финансовой поддержки и финтех-поддержка (программы инклюзивного финансирования MYbank, технология спутникового зондирования Tomtit для оценки рисков, краудфандинг Ant Farm);

– подготовка кадров (программа «100 продуктов из 100 провинций», Университет Duoduo);

– развитие логистической инфраструктуры (Cainiao Village для «последней мили»);

– создание цифровых экосистем (фермы Duoduo по модели трёхстороннего сотрудничества: платформа – местные власти – научные организации).

Такой комплексный подход позволяет сельским предпринимателям выходить на цифровые рынки, тем самым обеспечивая приращение прибыли.

Изученный китайский опыт позволил выделить четыре эффективные модели электронной коммерции для предпринимателей из сельской местности [4, 5]:

– реализация продукции (товаров, работ, услуг) через традиционные маркетплейсы (пример Китая – Alibaba, jd.com);

– социальные сети (WeChat, TikTok, Pinduoduo);

– прямые трансляции на платформах Taobao Live, Kuaishou;

– цифровые модели на основе сельскохозяйственной кооперации (фермы Duoduo).

Для каждой из обозначенных моделей присущи свои специфические конкурентные преимущества. Общими же выступают следующие [4, 5]:

– более высокие объемы продаж по сравнению с традиционными каналами реализации продукции (товаров, работ, услуг);

– доступ к широкой клиентской базе без необходимости создания физической торговой инфраструктуры;

– снижение трансакционных издержек (связанных с поиском клиентов, осуществлением платежных операций, пр.);

– сокращение транспортных расходов и сроков доставки;

– уменьшение информационной асимметрии.

Развитие электронной коммерции в сельской местности способно не только повысить доходы сельчан, но и замедлить отток населения, создавая новые рабочие места и точки роста.

Направления адаптации китайского опыта для Беларуси в контексте развития «деревень будущего». На основе проведенного анализа и с учетом поручений Главы государства о реализации концепции «деревень будущего» (агрогородки нового уровня с модернизированной инфраструктурой, высокоскоростным интернетом) предлагаются следующие шаги:

– *развитие государственно-частного партнерства* с крупными маркетплейсами (OZON, Wildberries, а также белорусскими платформами) для создания специализированных разделов «сельское подворье», предоставления складских и логистических услуг на льготных условиях;

– *образовательные программы по цифровым навыкам* для сельских предпринимателей на базе районных центров поддержки предпринимательства и аграрных колледжей (по аналогии с Университетом Duoduo);

– *финансовая и финтех-поддержка:* разработка упрощенных кредитных продуктов для сельчан с использованием альтернативных методов оценки кредитоспособности (анализ цифровых следов, данных о продажах на платформах), развитие краудфандинга для локальных проектов;

– *логистика «последней мили»:* субсидирование доставки в отдаленные населенные пункты, создание кооперативных логистических узлов на базе агрогородков;

– *пилотные проекты «Цифровая деревня»* в нескольких сельсоветах с последующим тиражированием (в соответствии с концепцией «деревня будущего»).

Ключевым условием успешного развития электронной коммерции в сельской местности является системная работа государства (развитие цифровой и логистической инфраструктуры), бизнеса (активное вовлечение сельских предпринимателей на цифровые платформы) и науки (развитие теоретико-методических основ развития электронной коммерции в сельской местности, поиск и разработка эффективных инструментов и механизмов цифрового преобразования белорусского агробизнеса из регионов). Переход от точечных мер к целостной цифровой трансформации сельского предпринимательства позволит обеспечить устойчивый рост и социальное развитие белорусской деревни в соответствии с концепцией «деревень будущего» (населенных пунктов с модернизированной социальной инфраструктурой, высоким уровнем благоустройства, являющихся одним из важных элементов реализации белорусской концепции регионального развития).

Результаты исследования получены при поддержке БРФФИ в рамках выполнения научно-исследовательской работы «Электронная коммерция как драйвер роста сельского предпринимательства в современных условиях социально-экономического развития белорусского села» (договор № Г26М-011 от 15.04.2026).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цифровизация является ключевым трендом торговли, но с сохранением и традиционных ниш // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/september/78659/ (дата обращения 20.04.2026).

2. Русак И. Точки роста белорусской деревни // БИСИ. – URL: https://bisr.gov.by/mneniya/tochki-rosta-belorusskoy-derevni (дата обращения 20.04.2026).

3. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/home-page (дата обращения 20.04.2026).

4. Аксеневич А.М. Развитие электронной коммерции в сельской местности: опыт Китая // Аграрная экономика. – 2025. – № 8. – С. 74–85.

5. Паньшин Б.Н., Хао Ю Влияние электронной торговли на рост доходов фермеров // Аграрная экономика. – 2025. – № 3. – С. 51–62.

УДК 339.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПЕРЕХОД ОТ ЛИНЕЙНЫХ МОДЕЛЕЙ К ПЛАТФОРМЕННЫМ И ЭКОСИСТЕМНЫМ

Бабоян Эгине,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Цифровизация экономики приводит к трансформации механизмов создания стоимости. Традиционные линейные бизнес-модели, основанные на последовательной цепочке производства, постепенно уступают место платформенным структурам, обеспечивающим взаимодействие множества участников. Платформы выступают в роли посредников, снижая трансакционные издержки, усиливая прозрачность процессов и формируя новые рынки благодаря сетевым эффектам. Следующим этапом эволюции становится экосистемная модель. Она предполагает интеграцию множества платформ, сервисов и цифровых продуктов в единую среду взаимодействия.

В этих условиях ключевой задачей становится разработка стратегий перехода от традиционных моделей к цифровым, поскольку неспособность к трансформации ведет к утрате конкурентных позиций.

Линейная модель предполагает создание ценности через последовательные стадии: производство, распределение, потребление. В традиционной линейной модели компания стремится производить ценность внутри себя. Она контролирует ресурсы, управляет цепочками поставок и оптимизирует внутренние процессы. Такой подход обеспечивает стабильность, но ограничивает возможности масштабирования.

Платформенная модель основана на организации взаимодействия между различными группами пользователей (производители, потребители, разработчики). Ценность начинает формироваться не внутри компании, а в пространстве взаимодействий между внешними участниками. Платформа становится посредником, который организует эти взаимодействия, снижает транзакционные издержки и создает условия для сетевых эффектов. Владение ресурсами утрачивает первостепенное значение и заменяется управлением доступом к ним, тогда как ключевым критерием эффективности становится масштабируемость сети [1].

Экосистемная модель объединяет в рамках единой архитектуры и логики взаимодействия множество платформ, сервисов, цифровых продуктов и участников, при этом ценность формируется за счет их взаимного усиления. Она обеспечивает пользователю непрерывный и комплексный опыт, одновременно создавая условия для устойчивого роста компании за счет перекрестных сетевых эффектов и высокой степени вовлеченности. В рамках данной модели фирма выступает не только организатором взаимодействий, но и архитектором целостной среды, в которой различные сервисы взаимно дополняют и усиливают друг друга [2].

Переход к платформенно-экосистемной модели сопровождается существенной трансформацией структуры факторов производства, определяющих процессы создания и распределения ценности.

В рамках традиционной экономической парадигмы доминирующую роль играли физический капитал, труд и материальные ресурсы, тогда как данные рассматривались преимущественно как побочный продукт операционной деятельности. Однако развитие цифровых технологий и расширение сетевых взаимодействий радикально изменяют данную логику, выдвигая данные и нематериальные активы в число ключевых факторов производства.

Во-первых, капитал приобретает преимущественно нематериальный характер. Программные решения, алгоритмы, пользовательские сети и бренды обладают свойством возрастающей отдачи. По мере расширения их использования растет и их экономическая ценность. Это принципиально отличает их от физического капитала, эффективность которого со временем снижается вследствие износа.

Во-вторых, труд утрачивает жесткую привязку к традиционной штатной структуре. Платформенные решения формируют гибкие и распределенные модели занятости, в рамках которых часть функций автоматизируется, а другая требует высокого уровня профессиональных компетенций. Это приводит к усилению поляризации рынка труда, выражающейся в одновременном росте спроса на высококвалифицированных специалистов и на массовых исполнителей, взаимодействующих с работодателями через цифровые интерфейсы.

В-третьих, ресурсы утрачивают жесткую географическую привязку. Виртуализация инфраструктуры, развитие облачных сервисов и глобальных сетевых решений обеспечивают масштабируемый доступ к ресурсам практически без территориальных ограничений. Это снижает зависимость хозяйствующих субъектов от физического местоположения и расширяет возможности для пространственной диверсификации деятельности.

Данные становятся ключевым фактором производства. Они превращаются в стратегический ресурс, усиливающий ценность платформы по мере накопления и обработки. Расширение объема доступной информации повышает точность алгоритмов, улучшает качество цифровых сервисов и усиливает сетевые эффекты, что делает данные одним из основных источников конкурентных преимуществ в цифровой экономике.

Таким образом, платформенно-экосистемная модель формирует новую конфигурацию факторов производства, где доминируют нематериальные активы, гибкие формы труда, виртуализированные ресурсы и данные как ключевой источник конкурентных преимуществ.

Сдвиг в структуре факторов производства неизбежно трансформирует конкурентную среду и макроэкономические условия, формируя новые вызовы для регулирования и государственной политики.

1. Трансформация факторов производства. Переход к платформенно-экосистемной модели сопровождается постепенным вытеснением физического капитала нематериальными активами (данными, алгоритмами, цифровыми связями, репутационными ресурсами). Это требует пересмотра корпоративной отчетности, методов оценки стоимости организаций и подходов к учету износа нематериальных активов.

2. Изменение характера конкуренции. Конкуренция смещается от ценовых и продуктовых параметров к качеству архитектуры взаимодействия, скорости обновления сервисов и эффективности механизмов управления. Антимонопольная политика должна учитывать не только долю рынка, но и контроль над данными, барьеры перехода между сервисами и неравенство в доступе к алгоритмическим инструментам.

3. Макроэкономические последствия. Традиционные макроэкономические показатели, такие как валовой внутренний продукт и производительность труда не в полной мере отражают прирост благосостояния населения за счет бесплатных цифровых услуг, снижение транзакционных издержек и совместное создание ценности пользователями. В этих условиях необходима модернизация национальной статистической системы, включая разработку индикаторов цифровой активности, сетевых эффектов и вклада цифровых экосистем в экономический рост.

Исследование выполнено в рамках проекта «Развитие теоретико-методологических основ и разработка механизма резильентности сельского человеческого капитала в условиях социально-экономических пространственных неравенств» при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г26-001 от 15.04.2026).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – Том 11, № 6. – 2018. – С. 22–36.

2. Гудкова Т.В., Кузнецов Г.Ю. Цифровые экосистемные модели в бизнесе: вызовы теории и практика управления / МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – Том 13, № 3. – 2022. – С. 476–493.

УДК 330.366; 330.534

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ПРИНЦИП «ВЫХОДА ЗА РАМКИ ВВП»

Дорожкин Сергей Юрьевич,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Основным инструментом оценки экономического роста является международная Система национальных счетов (СНС). В настоящее время она используется почти в 200 странах. Использование государствами стандартов СНС при составлении национальных счетов значительно повышает качество и сопоставимость данных, что помогает делать более точные выводы об экономической ситуации и правильно оценивать экономические проблемы на национальном и международном уровнях. Первая версия СНС была опубликована ООН в 1953 г., последующие версии датированы 1960, 1964, 1968, 1993 и 2008 гг. За последние 50 лет был предложен ряд новых подходов к измерению экономического роста.

В последние десятилетия мир столкнулся с целым рядом проблем: COVID-19, изменение климата, уменьшение биоразнообразия, загрязнение окружающей среды, усиление экономического неравенства, неравномерная динамика глобализации, финансовая нестабильность и уязвимость, быстрая цифровая трансформация, цифровой разрыв и разрыв в доступе к данным привели к масштабному переосмыслению привычных методов ведения бизнеса при оценке благополучия людей и планеты. В мире появляются инициативы, основой которых является принцип *«выхода за рамки ВВП»*, подчеркивающий необходимость использования комплексных показателей для более точной оценки общественного прогресса и устойчивого благосостояния.

Дискуссия о таких метриках началась в середине XX века и возобновилась в 2009 г., когда правительство Франции опубликовало доклад Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса под руководством Дж. Стиглица, А. Сена и Ж.П. Фитусси, в котором рассматривались недостатки ВВП как показателя экономического роста и социального прогресса [1]. К ведущим исследованиям в этой области относится и доклад Всемирного банка «Меняющееся богатство наций 2018: построение устойчивого будущего». Его авторами отмечено, что индикатор ВВП не отражает амортизацию и сокращение производственных активов, а также не показывает, соответствуют ли объемы инвестиций и накоплений темпам роста населения. Ими предложены *счета национального богатства* (national wealth accounts) (СНБ) учитывающие произведенный капитал; природный капитал; человеческий капитал и чистые иностранные активы [2].

В 2022 г. Совет административных руководителей системы Организации Объединённых Наций по координации (СЕВ) принял соответствующие рекомендации [3].

В них приведён примерный перечень направлений и проблем, которые должны учитывать наряду с ВВП.

Уважение к жизни и планете:

– отрицательные побочные результаты воздействия экономического роста на окружающую среду;

– природный капитал, включающий природные ресурсы и экосистемные активы. Экосистемные активы – это территории с уникальными экосистемами, характеризующиеся определённым набором биотических и абиотических элементов и их взаимодействий, непосредственно не учитываемые в СНС 2008. При этом должны учитываться показатели совокупных затрат ресурсов, удельной материалоемкости, динамики добычи полезных ископаемых и энергопотребления и их связь с экономическим ростом;

– ухудшение состояния окружающей среды и истощение природных ресурсов;

– трансферты между поколениями, учитывающие истощение природного и износ физического капитала, а также процессы создания физического, природного и человеческого капитала с учетом устойчивости сегодняшнего благосостояния;

– биоразнообразие и его утрата.

Проблемы устойчивого развития:

– уязвимость и подверженность экономическим и экологическим рискам, стихийным бедствиям и кризисам;

– недостаток инвестиций в превентивные меры;

– неразвитые системы социальной защиты;

– отсутствие безопасности;

– слабая цифровая и транспортная инфраструктура;

– географическая удаленность;

– недостаточная диверсификации экономики и структурных преобразований;

– недостаточный производственный потенциал;

– зависимость экономики от добычи полезных ископаемых или импорта продовольствия;

– недостаточная технологическая готовность, неразвитая инфраструктура;

– недостаточное развитие сферы услуг;

– барьеры для участия в глобальных цепочках создания стоимости и цифровизации, нехватка квалифицированных кадров для перспективных направлений и т. д.

При оценке уязвимости и устойчивости следует обращать внимание на следующие аспекты:

Экологические и физические факторы: отдалённость от моря или отсутствие выхода к морю, риск стихийных бедствий, доля низкорасположенных прибрежных участков суши, доля населения, проживающего в засушливых районах, нестабильность сельскохозяйственного производства, количество погибших и пострадавших в результате стихийных бедствий, виды, находящиеся под угрозой исчезновения. Кроме того, необходимо учитывать такие элементы устойчивости, как адаптивная инфраструктура, доля возобновляемых источников энергии, «зеленые» технологии, готовность к стихийным бедствиям и т. д.

Экономическая уязвимость, связанная с экономической и торговой диверсификацией, удаленностью от рынков сбыта, производственными мощностями, долей добывающей промышленности, долговым бременем, зависимостью от нестабильных источников финансирования, низкой интеграцией в глобальные производственно-сбытовые цепи, задолженностью домохозяйств, диверсификацией торговли и туризма и т. д. Комплексные показатели благосостояния также могут дать представление об экономической устойчивости, показывая, насколько диверсифицирован портфель активов страны и не сосредоточено ли ее богатство в руках немногих, что делает ее уязвимой перед внешними или непредвиденными потрясениями.

Социальная уязвимость оценивается с учётом жизненного цикла и соблюдения прав человека, в том числе; безработица или её риск, сокращение продолжительности рабочего времени и соотношение дохода и потребностей; риски для здоровья, ожирение, инвалидность; доступ к продовольствию, качественному медицинскому обслуживанию, социальному обеспечению и т. д.

Институциональная приспособляемость рассматриваемая как способность заранее подготовиться к стрессовым ситуациям и изменениям или реагировать на них. Сюда входят управление и политические меры реагирования на кризисы, система социальной защиты, интегрированная система управления и т. д. При этом могут использоваться показатели, оценивающие ожидаемые (например, количество людей, вышедших на пенсию, безработных, сменивших работу из-за цифровизации и т. д.) или непредвиденные (стихийные бедствия, вооружённые конфликты, экономические кризисы) явления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. – URL: http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/rapport_anglais.pdf (дата обращения 08.04.2026).

2. The changing wealth of nations 2018: Building a sustainable future / Ed. by Lange G.-M., Wodon Q., Carey K. – Wash.: World Bank group, 2018.

3. Valuing What Counts – United Nations System-wide Contribution on Progress Beyond Gross Domestic Product (GDP). – URL: unsceb.org›sites/default/files/2023-01/Valuing-what-counts (дата обращения 08.04.2026).

УДК 334.012

СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕКТОРА МСП В УСЛОВИЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Дявго Яна Андреевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Феномен структурной трансформации сектора малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь в последнее десятилетие приобрел черты не просто адаптационного ответа на внешние шоки, но и глубинной перестройки самой парадигмы выживания бизнеса. В условиях перманентной макроэкономической нестабильности, выражающейся в волатильности обменного курса, циклических девальвационных ожиданиях, высокой инфляции и сжатии внутреннего спроса, традиционные модели управления МСП, ориентированные на долгосрочное планирование и линейный рост, демонстрируют свою ограниченную применимость. Как следствие, произошла принудительная смена приоритетов с капиталоемкого развития на тактики операционной ликвидности и гиперреактивности, что выражается в дроблении бизнеса и сокращении горизонта планирования до двух-трех месяцев.

Разнонаправленная динамика как маркер качественного сдвига. Статистические данные фиксируют нелинейную реорганизацию сектора МСП. С одной стороны, наблюдается рекордный рост числа юридических лиц в категории МСП – 128 тыс. в 2026 году, что на 15,2 % больше, чем в 2021 году [1]. С другой стороны, ввиду принятия Закона № 365-З, ограничившего допустимые виды деятельности для ИП, происходит синхронное сжатие сектора индивидуального предпринимательства: численность ИП сократилась на 13,5 %

до 205 тыс. человек [2]. Эта разнонаправленная динамика – ключевой маркер перехода от количественных изменений к качественной трансформации модели предпринимательства. Одновременно произошло институциональное расширение самой категории МСП за счет включения самозанятых граждан, ремесленников и владельцев агроусадеб, чья совокупная численность уже превышает 260 тыс. человек.

Географическая переориентация. Макроэкономическая нестабильность повлияла на географическое перераспределение бизнеса. Если в докризисный период столичный регион аккумулировал до 39,9 % всех субъектов МСП, то после 2020 года доля Минска снизилась до устойчивого значения около 32 %. Напротив, произошел значительный рост доли Брестской области (с 9,4 % до 12,1 %), Гродненской (с 7,6 % до 9,4 %) и Гомельской (с 9,0 % до 10,5 %). Эту географическую трансформацию можно интерпретировать как бегство предпринимателей от избыточной конкуренции и административной плотности столицы в регионы, где ниже издержки входа и выше доступ к сырьевым и логистическим нишам.

Отраслевые сдвиги. Основная концентрация субъектов МСП по-прежнему приходится на оптовую и розничную торговлю, промышленность и сельское хозяйство, что коррелирует с общей социально-экономической моделью Беларуси. Внутри этих секторов происходят структурные сдвиги: число организаций в торговле выросло на 6 тыс. в 2024 году по сравнению с 2019 годом, а в промышленности зафиксирован устойчивый рост, особенно заметный в 2024 году (+16,7 тыс.). Укрепились позиции транспортной деятельности (+1,6 тыс.) и строительства (+0,8 тыс.).

Однако наиболее динамичный прирост наблюдается в так называемых третичных секторах: образование (+44 %), креативные индустрии (+40 %) и сфера гостеприимства (+34 %). Это указывает на смещение фокуса в сторону услуг, что подтверждает тезис об «экономике впечатлений и компетенций», приходящей на смену традиционной индустриальной модели малого бизнеса. В условиях высокой турбулентности именно сфера услуг с коротким производственным циклом и возможностью быстрой перенастройки оказывается наиболее жизнеспособной. В то же время глубинная трансформация сектора характеризуется сменой специализации малого и среднего бизнеса. Предприниматели адаптируются к текущим условиям, переориентируясь с высокотехнологичных проектов с длинными циклами на ниши с более быстрой оборачиваемостью – посредничество, сервисные услуги и гибкие логистические схемы. Количественный рост числа субъектов не сопровождается качественным усложнением производственных цепочек, а ведет к примитивизации валовой добавленной стоимости.

Экономическая эффективность сектора достигла уровня, позволяющего рассматривать МСП в качестве системообразующего элемента национальной экономики. Доля валовой добавленной стоимости (ВДС), создаваемой субъектами МСП, составила рекордные 31,4 %, увеличившись на 2 процентных пункта за пятилетний период, с целевым ориентиром достижения 33 % к 2030 году. Причем этот рост обеспечен исключительно микро- и малыми организациями на фоне сокращения вклада индивидуальных предпринимателей и стабильно скромной роли средних предприятий.

Причины этого феномена носят структурный характер. Во-первых, произошел переток активности из сегмента ИП в микроорганизации: предприниматели массово меняют статус на юридическое лицо, чтобы сохранить доступ к корпоративным заказам, государственным закупкам и более гибким налоговым режимам. Во-вторых, микро- и малые организации продемонстрировали более высокую адаптивность к шокам 2020 и 2022 годов: они быстрее переориентировались на импортозамещение, находили новые логистические цепочки и осваивали ниши, освободившиеся после ухода иностранных компаний, в отличие от средних предприятий. В-третьих, сказалась стагнация крупного бизнеса: в условиях санкционного давления и падения инвестиционной активности крупные предприятия снижали объемы производства, что на фоне относительного роста малого бизнеса привело к увеличению доли МСП в ВДС.

Сектор МСП сегодня обеспечивает более четверти общего выпуска товаров и услуг, пятую часть промышленного производства и около половины объемов подрядных работ. Особенно показательной выглядит инвестиционная активность: доля МСП в инвестициях в основной капитал достигла 39,5 %, что в полтора раза превышает показатели предшествующего периода. Наиболее капиталоемкие проекты сконцентрированы в промышленности, транспорте и сельском хозяйстве, аккумулируя около 80 % всего объема финансовой поддержки [3]. Данный факт опровергает устоявшееся представление о том, что малый бизнес функционирует исключительно в режиме операционного выживания, лишенного долгосрочной инвестиционной составляющей.

Доступ к формальному банковскому кредитованию для МСП в Республике Беларусь обеспечивается преимущественно через комбинацию государственных программ (с участием Банка развития и ОАО «Беларусбанк»), механизмов льготного финансирования и гарантийных инструментов. Приоритет отдается поддержке инвестиционных проектов, лизинговым операциям и региональному развитию, тогда как ключевыми условиями получения кредитных ресурсов выступают наличие зарегистрированного юридического лица или статуса индивидуального предпринимателя, подтвержденная эффективность бизнес-модели и предоставление обеспечения.

Фискальная значимость сектора остается стабильно высокой. Доля налоговых поступлений от субъектов МСП держалась на уровне 34–36 %, с пиком в 2022 году (36,1 %). Несмотря на сокращение численности ИП, их фискальный вклад вырос с 2,2 % до 2,8–3,1 %, что может свидетельствовать о повышении налоговой нагрузки на этот сегмент либо о легализации части операций. Доля микроорганизаций до 2023 года росла (+1,4 %), а доля малых организаций претерпела значительное приращение с 14–17 % до 24,2 %, что объясняется переходом микроорганизаций в категорию малых по мере роста оборотов. Средние организации сохраняли одинаковый уровень налоговых поступлений (8–9 %) на протяжении всего периода.

В итоге фискальная значимость МСП остается стабильной, а структурные изменения в учете не повлияли на итоговую долю сектора в налоговых доходах страны – около 35 %. Однако за этой видимой стабильностью скрывается глубокая внутренняя трансформация: налоговая нагрузка перераспределилась с индивидуального предпринимательства на малые юридические лица, что изменило мотивационную структуру бизнеса. С точки зрения макроэкономической динамики, это означает, что сектор МСП перестал быть предсказуемым источником «легких» налогов, но стал более институционализированным.

Социально-демографический профиль МСП также претерпел существенные изменения. Доля средней численности работников субъектов МСП в общей численности занятых по стране выросла до 35,8 % в 2024 году. Сектор не только сохранил, но и усилил свою значимость на рынке труда, выступая основным генератором рабочих мест в условиях, когда крупные государственные предприятия сдерживают найм. При этом доля занятых в сфере услуг увеличилась с 74,3 % до 75,8 %, тогда как в производстве сократилась с 25,7 % до 24,2 %.

Это подтверждает важный тезис: импортозамещение в промышленности, о котором много говорят на государственном уровне, не привело к росту занятости в производственном сегменте МСП. Напротив, из-за проблем с комплектующими, разрывом логистических цепочек и снижением спроса производственные МСП скорее сжимались, в то время как сфера услуг оказалась более устойчивой и адаптивной.

Эта структурная перестройка имеет и обратную сторону: в условиях, когда планирование осуществляется на несколько месяцев, белорусские предприниматели массово отказываются от капиталоемких стратегий развития в пользу тактик операционной ликвидности. Бизнес дробится не только ради налоговой оптимизации, но и ради повышения скорости реакции.

За последнее десятилетие белорусский сектор малого и среднего предпринимательства продемонстрировал переход от модели капиталоемкого развития к стратегиям,

ориентированным на операционную ликвидность. Это повлекло за собой сокращение сроков планирования до 2–3 месяцев, фрагментацию бизнес-структур и вытеснение высокотехнологичных производств нишами с ускоренным оборотом капитала. Рост числа юридических лиц МСП, их географическое перераспределение в регионы и отраслевой сдвиг в сторону услуг указывают на качественную трансформацию предпринимательской парадигмы. Тем не менее, количественное расширение сектора происходит за счет упрощения производственных процессов и создания меньшей добавленной стоимости.

При этом экономическая значимость МСП выросла: доля в ВДС – 31,4 %, в инвестициях – 39,5 %, в занятости – 35,8 %, а фискальный вклад стабилен на уровне 35 %. Цена этой институционализации – отказ от долгосрочных стратегий, примитивизация производственной структуры и рост трансакционных издержек.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вклад малого и среднего бизнеса в валовую добавленную стоимость должен вырасти к 2030 году до 33 процентов / Белорусский Фонд Финансовой Поддержки Предпринимателей. – URL: https://www.belarp.by/ru/about-fond/press-center/~shownews/Vkladmalogoisrednegobiznesavvalovujudobavlennujustoimostdolzhenvyrastik2030godudo33protsentov (дата обращения 13.04.2026).

2. Закон Республики Беларусь от 22 апреля 2024 г. № 365-З «Об изменении законов по вопросам предпринимательской деятельности» // Принят Палатой представителей 21 марта 2024 г., одобрен Советом Республики 10 апреля 2024 г. / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12400365 (дата обращения 13.04.2026).

3. Снопков: доля малого и среднего бизнеса в ВВП Беларуси составляет почти 30 % / БЕЛТА. – URL: https://belta.by/economics/view/snopkov-dolja-malogo-i-srednego-biznesa-v-vvp-belarusi-sostavljaet-pochti-30-696432-2025/ (дата обращения 14.04.2026).

4. Какие изменения внесены в законодательство по вопросам предпринимательской деятельности / БЕЛТА. – URL: https://expert.belta.by/stranagovorit50 (дата обращения 14.04.2026).

УДК 334.01

ВОСПРИЯТИЕ БИЗНЕС-КЛИМАТА БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Качан Анна Сергеевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Деловой климат как системная характеристика предпринимательской среды традиционно занимает важное место в экономическом анализе, поскольку определяет интенсивность инвестиционных процессов, инвестиционную привлекательность страны, динамику создания новых предприятий, эффективность распределения ресурсов. Теоретически бизнес-климат влияет на экономический рост и развитие страны через несколько каналов. Во-первых, через снижение транзакционных издержек, стимулирование конкуренции, повышение совокупной факторной производительности. Во-вторых, через формирование ожиданий инвесторов: международные рейтинги и институциональные характеристики формируют представление о надежности экономики, так ухудшение бизнес-климата снижает приток ПИИ, а их снижение создает самостоятельный дестабилизирующий эффект.

В 2019–2025 гг. Республика Беларусь прошла через ряд значимых экзогенных и эндогенных потрясений, существенно повлиявших на параметры деловой среды. Это создает возможность исследовать устойчивость деловой среды в условиях множественных одновременных шоков.

На протяжении 2010-х годов Беларусь последовательно улучшала позиции в рейтинге Doing Business (с 68-го места в 2015 г. до 37-го в 2019 г.), войдя в число «реформаторов» по регулированию административных процедур (по оценке Всемирного банка с 2005 г. в Беларуси было проведено 39 реформ по улучшению деловой среды) [1]. В 2020 г. позиция составила 49-е место, публикация затем была прекращена в связи с методологическим аудитом. Сменивший его B-Ready данные по Республике Беларусь на данный момент не публикует.

Вместе с тем такая динамика не сопровождалась укреплением перцептивных и инвестиционных измерений делового климата. Индекс экономической свободы фиксировал ухудшение и стагнацию по компонентам, значимым для долгосрочных инвестиционных решений: свободы бизнеса (50,3 пт., -24,7 пт.), инвестиционной свободы (30 пт., значение не изменилось), эффективности судебной системы (11,5 пт., -40,2 пт.) и защиты прав собственности (20 пт., -35,2 пт.); показатель финансовой свободы за период 2019–2026 гг. вырос (20 пт., +10 пт.) [2]. При этом показатели налогового бремени (93,5 пт., +4,1 пт.) и фискального здоровья (96,8 пт., +11,4 пт.), в противовес, имеют высокие оценки и находятся в «свободной» зоне.

Динамика Индекса делового оптимизма за период 2019–2025 гг. характеризуется нелинейностью [3]. В 2019 г. деловые ожидания носили позитивный характер, хотя уже тогда фиксировались системные барьеры, при этом пандемия 2020 г. выступила триггером, ускорившим уже обозначившиеся негативные тенденции. В 2021 г. индекс перешел в отрицательную зону под синергетическим воздействием коронакризиса, геополитической неопределенности и внешнеэкономического давления. Период 2022–2023 гг. стал фазой наибольшего пессимизма, когда санкционное давление из потенциальной угрозы превратилось в реальный операционный фактор. К 2024–2025 гг. наблюдается постепенное восстановление показателя с возвращением в положительную область в 2025 г. Вместе с тем, пока нельзя говорить о формировании устойчивого восходящего тренда и полном восстановлении положительных значений предшествующего уровня, такая динамика имеет скорее характер стабилизации, нежели полного восстановления делового оптимизма.

Также можно заметить разрыв между оценками макроэкономической ситуации и положения на уровне отдельного бизнеса, особенно в докризисный период. Общую экономическую среду предприниматели оценивали сдержанно, в то же время оценки собственного бизнеса были заметно более оптимистичными. Это позволяет говорить о наличии устойчивой поведенческой установки, при которой предприниматели склонны воспринимать состояние собственной деятельности как более благоприятное по сравнению с внешней экономической средой. Однако в фазе кризиса данный разрыв исчезает и негативные оценки становятся всеобъемлющими и охватывают как макро-, так и микроуровень.

Динамика восприятия институциональной среды дополняет данную картину. На протяжении всего периода сохраняется высокая доля предпринимателей, неудовлетворенных взаимодействием с государством (52,4 %), что указывает на долгосрочный характер институционального недоверия. Несмотря на умеренно позитивную динамику (рост доверия), доля неудовлетворенных по-прежнему превышает половину.

Анализ факторов риска по результатам опроса ИДО показывает, что предприниматели систематически оценивают внутренние факторы как более значимые по сравнению с внешними. Даже в условиях санкционного давления ключевые риски локализуются внутри экономики. Наиболее значимые из них касаются правовой и судебной системы, опережающие по значимости налоговую, регуляторную и денежно-кредитную политику. Внешние и глобальные факторы при этом оцениваются как менее определяющие.

На протяжении всего периода сохраняется устойчивый комплекс ограничений, имеющих преимущественно структурный характер. К ключевым барьерам относятся нестабильность и невозможность долгосрочного планирования (26,21–83,00 % ответивших за указанный период); высокая налоговая нагрузка (19,42–72,73 %); избыточные административные процедуры (11,65–63,10 %); неравенство форм собственности (17,48–58,90 %); дороговизна кредитных ресурсов (9,71–45,40 %). Одновременно значительную роль играют факторы, непосредственно влияющие на функционирование бизнеса: низкая покупательная способность населения (3,88–70,00 %); неплатежи (3,88–61,20 %); дефицит квалифицированных кадров (7,77–54,5 %).

В кризисный период усиливается значение факторов неопределенности и внешнего давления, однако по мере адаптации бизнеса происходит смещение акцента обратно на внутренние институциональные ограничения. Это свидетельствует о том, что многие проблемы носят долгосрочный характер и не зависят от текущей фазы экономического цикла.

По мере развития кризиса формируется адаптационная траектория поведения бизнеса. После первоначального шока предприниматели переходят к стратегии приспособления, что выражается в частичной стабилизации оценок даже при сохранении неблагоприятных условий. Со временем даже значительные негативные факторы (включая санкции и нестабильность) перестают восприниматься как критические и интегрируются в повседневную практику ведения бизнеса.

Данные GEM обнаруживают характерный парадокс: ранняя предпринимательская активность возросла до 16,6 % в 2024 г., вместе с тем сформировалась «структурная ловушка» [4]. Так, при высоком уровне ранней предпринимательской активности доля устоявшегося бизнеса составляет лишь 5,1 %, а соотношение устоявшихся к начинающим предпринимателям (0,3) является одним из самых низких среди обследуемых стран. Иными словами, экономика активно генерирует новые предприятия, однако не создает условий для их закрепления.

Одновременно Индекс национального предпринимательского контекста (NECI) переместился с 36-го места в 2019 г. на 54-е из 56 стран в 2024 г. Наиболее уязвимыми оказались институциональные компоненты поддержки: государственная политика поддержки (1,4 балла; -1,9 балла с 2019 г.), государственные программы предпринимательства (1,9; -1,2 балла), предпринимательское образование в школе (1,9; -0,7 балла), трансфер исследований и разработок (2,2; -1,2 балла) – все то, что определяет не вход в предпринимательство, а возможность его масштабирования; а также параметры

регулирования, включая легкость входа на рынок (3,4; -0,9 балла) и налоги и бюрократию (3,8; -0,6 балла). Однако сильными остаются физическая (7,2) и коммерческая инфраструктура (5,2), а также доступность рынка (5,1).

Адаптационные стратегии бизнеса, предпринятые в течение последних трех лет для приспособления бизнеса к неблагоприятным внешним условиям и санкциям, преимущественно ориентированы на внутреннюю трансформацию: поиск новых форматов деятельности (39 %), вывод новых продуктов (31 %), обучение персонала (25 %), внедрение технологий (22 %) и повышение эффективности (21 %). Попытки выхода на новые экспортные рынки предпринимают около 20 % компаний, однако доминирование внутренних стратегий указывает на ограниченность внешней экспансии. При этом бизнес ориентирован на сохранение, сокращение персонала отмечают лишь 8 % респондентов, закрытие или продажу бизнеса – 4 %, случаи релокации отсутствуют.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Восприятие предпринимателями бизнес-климата носит сдержанно-критический характер и сочетается с элементами адаптивного оптимизма. Даже в относительно благоприятные периоды оценки носят неоднозначный характер и сопровождаются осознанием системных ограничений. Для предпринимателей характерны следующие установки: склонность к осторожной оценке внешней среды при более позитивном восприятии собственного бизнеса; высокая чувствительность к неопределенности; ориентация на краткосрочное планирование в условиях нестабильности; ограниченное доверие к государственным институтам.

В условиях кризиса восприятие среды становится более однородно негативным, однако по мере адаптации происходит их смягчение за счет формирования устойчивых моделей поведения. В результате к концу периода формируется восприятие экономики как более предсказуемой.

Ключевым деструктивным элементом для деловых ожиданий выступает не конкретное ухудшение отдельных регуляторных параметров, а непредсказуемость деловой среды, сокращающая горизонт планирования и усиливающая барьеры. Это указывает на то, что восстановление предпринимательских ожиданий требует прежде всего восстановления последовательности и предсказуемости развития экономической и политической ситуации.

В целом можно констатировать, что, несмотря на фиксируемые ограничения, белорусский бизнес продемонстрировал высокую адаптивность: предприниматели ориентируются не на сворачивание деятельности, а на ее трансформацию через изменение бизнес-моделей, внедрение инноваций и повышение внутренней эффективности. Данный потенциал может стать основой для устойчивого развития при условии формирования предсказуемой институциональной среды и последовательного снижения барьеров для масштабирования и долгосрочного планирования. Дальнейшая динамика ожиданий бизнеса будет зависеть от степени снижения неопределенности, расширения возможностей для развития бизнеса и укрепления институциональной среды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Explore Data Details – Doing Business / The World Bank Group. – URL: https://archive.doingbusiness.org/en/doingbusiness (дата обращения 10.04.2026).

2. Index of Economic Freedom / The Heritage Foundation. – URL: https://economicfreedom.heritage.org (дата обращения 10.04.2026).

3. Индекс делового оптимизма / Официальный сайт РКП. – URL: https://rce.by/ido.php (дата обращения 10.04.2026).

4. Global Entrepreneurship Research / Global Entrepreneurship Monitor. – URL: https://www.gemconsor tium.org/ (дата обращения 10.04.2026).

УДК 338.244.44:620.98

НЕЙРОСЕТЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕСТНЫХ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР СБАЛАНСИРОВАННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Корженевский Александр Геннадьевич,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Устойчивый экономический рост государства обеспечивает комплексная система факторов роста. К основным структурным факторам сбалансированного экономического роста относятся: диверсификация экономики (многообразие отраслей и рынков сбыта) и создание развитой инфраструктуры (энергосети, дороги, телекоммуникации, логистика). Именно они обеспечивают устойчивость экономики к колебаниям мировой конъюнктуры цен, глобальным кризисам цепочек поставок, санкционному давлению, демографическим изменениям мирового рынка труда, скачкам инноваций и прорывным технологиям, эпидемиологической и политической обстановке, климатическим изменениям.

Одним из ключевых элементов структурной трансформации экономики является диверсификация топливно-энергетического комплекса (ТЭК) Беларуси, которая направлена на снижение зависимости от импорта энергоресурсов, увеличение разнообразия используемых источников энергии, повышение энергоэффективности и технологической модернизации ТЭК.

Концепцией энергетической безопасности Республики Беларусь, изложенной в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 02 апреля 2026 г. № 161, отмечены ключевые особенности развития нового этапа мировой энергетики, являющиеся факторами устойчивого развития экономики Республики Беларусь, такие как: переход от монотопливных рынков отдельных энергоресурсов к единому энергетическому рынку с высокой взаимозависимостью между источниками энергии; изменение структуры энергобалансов с электрификацией секторов конечного потребления и расширением использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Из основных задач, определенных в указанной концепции, целесообразно выделить задачи, направленные на диверсификацию ТЭК, а именно: рациональное использование собственного природно-ресурсного потенциала; развитие собственной энергосырьевой базы на основе экономически обоснованного использования местных топливно-энергетических ресурсов (ТЭР); снижение экологической нагрузки энергетического сектора на окружающую среду, а также строительство сооружений для предупреждения нарушений геологического режима естественных экологических систем в результате добычи горючих полезных ископаемых [1].

Реализация этих задач достигается за счёт повышения энергоэффективности на всех стадиях энергообеспечения – от генерации энергии до ее конечного использования.

Несмотря на то, что основой энергосистемы Беларуси является тепловая генерация и атомная энергетика, большая системная энергетика не противопоставляется развитию малой энергетики, которая является неотъемлемым дополнением в решении задач создания единой системы комплексного использования ТЭР, энергетической безопасности и экологии. В связи с этим, совершенствование механизма диверсификации ТЭК как фактора устойчивого развития экономики Республики Беларусь, в первую очередь, целесообразно обеспечивать за счет расширения эффективного использования местных ТЭР с экономически обоснованным замещением импортируемых как доступными невозобновляемыми источниками энергии, так и возобновляемыми, а также внедрением современных энергоэффективных технологий.

Развитие методологических подходов к эффективности использования местных ТЭР в условиях энергоперехода целесообразно осуществлять по следующим основным направлениям.

1. Увеличение доли использования местных видов ископаемого топлива и внедрение технологий защиты окружающей среды для замены импортируемых ТЭР.

На современном этапе добыча нефти, попутного нефтяного газа и газового конденсата ГПО «Белоруснефть» осуществляется в оптимальном объеме, ограниченном природным потенциалом Беларуси. Традиционно лидирующие позиции в мире республика занимает по добыче торфа и объему выпускаемых торфобрикетов, также наращивается производство торфяных пеллет.

Кроме того, в Беларуси имеются существенные запасы горючих сланцев и бурого угля. Их глубокая переработка – это сложные и дорогостоящие проекты, которые, несмотря на наличие многолетнего научного и технологического задела, так и не были реализованы. Открытым остается вопрос экономической целесообразности с учетом особенностей состава природных ископаемых и условий залегания белорусских месторождений, стоимости технологий защиты окружающей среды при комплексной реализации таких проектов. Достоверная информация об экономической целесообразности или нецелесообразности промышленного использования этих ТЭР, а также какие-либо прогнозные оценки отсутствуют [2, 3].

По мнению автора, сложившейся ранее причиной неопределенности оценки экономической целесообразности использования сланцев и бурого угля является необходимость одновременного учета ряда групп параметров, зависящих от различных факторов и зачастую имеющих вероятностный характер, а также рассмотрения множества сценариев. Построение таких моделей стало возможным только в настоящее время – с развитием нейросетей и методов искусственного интеллекта, позволяющих осуществлять многомерный и вероятностный анализ больших данных.

С учетом результатов научных исследований и на основе указанных методов предлагается интерактивная финансовая модель оценки рентабельности, в которую целесообразно включать группы экономических и технических параметров, отражающих физико-химические свойства горючих сланцев; параметры применения современных технологий добычи, глубокой переработки и защиты окружающей среды, а также цены на сланцевую смолу, полукокс; затраты на внедрение в производство технологий получения из продуктов пиролиза газообразных и высококалорийных жидких энергоносителей (котельных и моторных топлив), строительных материалов, удобрений; удельные капитальные затраты за кВт установленной мощности. В рамках предлагаемой модели необходимо учитывать в долгосрочном периоде сценарии изменения цен на нефть и моторное топливо, точку безубыточности, чистую приведенную стоимость реализации проектов, потенциальную экономию валютных средств. Таким образом, нейросетевая модель позволит получить достоверную оценку экономической целесообразности использования сланцев и бурого угля, что создаст основу для обоснованной диверсификации ТЭК Беларуси за счёт местных ТЭР.

2. Увеличение доли использования ВИЭ в энергобалансе Республики Беларусь.

Государственной программой «Устойчивая энергетика и энергоэффективность» на 2026–2030 годы запланировано обеспечить долю ВИЭ в валовом потреблении ТЭР в объеме 7,2 % [4]. Гидроэнергетика в отличие от ветра и солнца, обеспечивает стабильную энергию, не зависящую от погоды. Гидроэнергетический потенциал водотоков Беларуси с учетом климатических изменений, экологических ограничений и особо охраняемых природных территорий составляет 441 МВт, а мощность действующих гидроэлектростанций – 96 МВт или около 22 %, в то время как в Западной Европе – 60–90 %. Современная гидроэнергетика, особенно при использовании энергии небольших водотоков, является одним из наиболее экономичных и экологически безопасных способов получения возобновляемой электроэнергии с низкой себестоимостью [5].

С точки зрения автора, сдерживающим фактором развития гидроэнергетики в Беларуси, особенно в сегменте мини- и микроГЭС, является отсутствие модели оценки эффективности строительства на потенциальных площадках, которая учитывала бы многофакторность

и вероятностный характер исходных данных. Построение такой модели становится возможным только на основе нейросетевых методов.

Ускорение темпов развития солнечной энергетики также является одним из существенных факторов устойчивого развития экономики Беларуси, которое может быть достигнуто за счет сокращения срока окупаемости при разработке мероприятий по импортозамещению. На НПО «Интеграл» имеется все возможности для создания комбинированного производства по выпуску солнечных элементов и панелей на основе импортируемых кремниевых пластин (производители 75 % мирового производства кремниевых пластин для солнечных элементов – предприятия КНР). На предприятиях Минпрома может быть организовано производство модульных комплектов солнечных электростанций с высокой степенью локализации. Оценка экономической эффективности таких проектов, однако, сопряжена с неопределённостью, обусловленной конъюнктурой цен на импортируемые пластины, сценариями окупаемости и эффектом импортозамещения, что требует применения нейросетевых методов многомерного анализа.

Определенные успехи достигнуты в развитии ветроэнергетики. Вместе с тем, для решения вопросов о целесообразности ускорения темпов развития этого ВИЭ также требуются расчетные модели эффективности на основе инструментов искусственного интеллекта с учетом накопленных в Беларуси достоверных массивов больших данных, которые могут быть использованы при моделировании.

С целью повышения эффективности использования местных ТЭР, принятия управленческих решений на основе реальных многофакторных технико-экономических моделей, а также для обеспечения межотраслевого взаимодействия, обоснования выбора технологий целесообразна разработка информационно-аналитической интеллектуальной платформы, объединяющей мониторинг, прогнозирование, аналитику и поддержку решений, и имеющей сервисы интеграции с государственными и отраслевыми информационными ресурсами. Таким образом, эффективная диверсификация ТЭК предполагает ранжирование проектов по критерию максимальной отдачи от вложенных финансовых средств. Обеспечить такое ранжирование и, как следствие, устойчивое развитие национальной экономики возможно только при внедрении в систему планирования и принятия решений моделей оценки эффективности местных ТЭР, построенных на основе нейросетей и инструментов искусственного интеллекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Концепции энергетической безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 23 декабря 2015 г., № 1084 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. – Минск. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22600161 (дата обращения 10.04.2026).

2. Дударчик В.М., Крайко В.М., Лиштван И.И. Твердые горючие ископаемые Беларуси и особенности их глубокой переработки // Доклады Национальной академии наук Беларуси. Науки о земле –2015. – Т. 59, № 3. – С. 97–101.

3. Бурые угли. // Экологический портал Республики Беларусь: [сайт]. – Минск. – URL: https://ecoportal.gov.by/nedra/mineralno-syrevaya-baza/razvedannye-nerazrabatyvaemye-mestorozhdeniya/burye-ugli (дата обращения 10.04.2026).

4. О Государственной программе «Устойчивая энергетика и энергоэффективность» на 2026–2030 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 31 декабря 2025 г. № 819 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. – Минск. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500819 (дата обращения 10.04.2026).

5. Зорина Т.Г. Возможности развития гидроэнергетики в Республике Беларусь // Сборник научных трудов БГЭУ. – Минск, 2015. – С. 176–179.

УДК 338.001.36

ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ В 2025 ГОДУ

Моторина Ольга Ивановна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В современном мире практически ни одна страна не может жить замкнуто, не взаимодействуя с внешним миром. И Республика Беларусь – не исключение. Более того, она не просто контактирует с большим количеством государств, но и строит планы своего социально-экономического развития с расчетом на это сотрудничество. Так, согласно Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года, «политика государства будет нацелена на реализацию многовекторности внешнеэкономического курса», стратегической задачей является «обеспечение сбалансированного развития внешней торговли», а одним из целевых индикаторов – рост объема экспорта товаров и услуг в 1,9 раза за 2026–2040 годы [1].

Потеря внешних рынков входит в число основных угроз национальной безопасности страны [2]. Однако угроза может быть и «извне». Ведь внешний мир является не только потенциальным рынком сбыта для отечественных товаров и услуг и источником получения инвестиций или технологий, но и «генератором» проблем в случае несбалансированности расчетов страны с нерезидентами, что может, в свою очередь, также создавать угрозу экономической безопасности. Поэтому очень важно анализировать отношения государства с иностранными контрагентами, причем не только в разрезе экспортно-импортных операций, а во всем их многообразии.

Помочь в этом может изучение платежного баланса страны [3]. Это уникальный статистический документ, на основании которого можно сделать выводы об отношениях страны с внешним миром: понять, какие товары и услуги она поставляет на внешний контур и, наоборот, закупает за рубежом; привлекает ли инвестиционный климат государства зарубежных инвесторов; нуждается ли страна в иностранном финансировании или сама вкладывает средства в зарубежные экономики и зарабатывает на этом; в какой степени она живет за счет своих граждан, работающих за границей, и т. д. В общем виде, можно сказать, что анализ платежного баланса страны помогает выявить источники поступления валюты в национальную экономику и, соответственно, оттока валюты из нее.

Для того, чтобы выявить внешние источники финансирования экономики, понадобилась некоторая перегруппировка статей платежного баланса. В общем виде, она состояла в том, что суммы инвестиций корректировались на генерируемые ими инвестиционные доходы (более подробно см. [4]). В результате были выявлены внешние каналы поступления финансовых средств в национальную экономику и, соответственно, оттока этих средств из нее. Проще говоря – откуда в государстве берется иностранная валюта и на что она тратится.

Если рассматривать источники поступления финансовых средств в белорусскую экономику в сальдовой форме, то наихудший результат (наибольшее по модулю отрицательное сальдо) в 2025 г. сложился в области внешней торговли товарами (-6,0 млрд долл. США). Учитывая, что за кредиты и займы, а также прямые и портфельные инвестиции приходится выплачивать инвестиционные доходы, из соответствующих источников также наблюдался отток валюты (-1,3, -0,5 и -0,4 млрд долл. США соответственно).

Традиционными каналами поступления иностранной валюты для Республики Беларусь являются торговля услугами, оплата труда работников, а также вторичные доходы. Достаточно большая сумма поступила из неучтенных по другим статьям источников (статья «чистые пропуски и ошибки»). В 2025 г. впервые за долгое время положительный итог

наблюдался в области наличной валюты и депозитов. Сбалансировать валютные потоки также помогло превышение кредиторской задолженности над дебиторской.

Ниже в тезисном виде будут описаны все эти внешние источники финансирования белорусской экономики в порядке уменьшения поступления средств из них.

1. Внешняя торговля услугами

В 2025 г. сальдо внешней торговли услугами увеличилось практически на треть по сравнению с предыдущим годом и достигло 4,2 млрд долл. США. Отраден тот факт, что «технической» причиной этого было существенное опережение темпа роста экспорта услуг по сравнению с импортом (116 и 109 % соответственно).

Информация о видах услуг в настоящее время является закрытой.

2. Наличная валюта и депозиты

В 2025 г. активы резидентов Республики Беларусь в виде иностранной наличной валюты «на руках» и депозитов за границей уменьшились почти на 2,4 млрд долл. США – а значит, эти средства вернулись в национальную экономику. Данный процесс сопровождался сокращением обязательств перед нерезидентами, однако отток принадлежащих им средств, хранящихся на счетах в белорусских банках, замедлился и не смог даже близко «подойти» к объему, на который уменьшились активы резидентов. В общем итоге, по анализируемому каналу в 2025 г. в национальную экономику «пришло» около 1,8 млрд долл. США.

При этом необходимо отметить, что подобная тенденция наблюдалась только в первой половине 2025 года. Во втором полугодии активы резидентов в виде иностранной наличной валюты и депозитов в зарубежных банках опять начали потихоньку расти.

Таким образом, описываемый внешний источник финансирования национальной экономики является конъюнктурным, нестабильным. Он зависит от большого количества субъективных факторов – например, от ожиданий населения насчет геополитической ситуации в мире.

3. Оплата труда работников

Данный канал являет традиционным источником поступления средств в национальную экономику. В последнее пятилетие по нему в страну приходило порядка 1,2 млрд долл. США ежегодно. В 2025 г. резиденты, временно занятые за границей, заработали около 1,8 млрд долл. США. При этом нерезидентам, работавшим в республике, пришлось выплатить 0,4 млрд долл. США. В результате, общий итог поступления валюты по данному каналу в 2025 г. составил 1,4 млрд долл. США.

Темп роста трудовых доходов мигрантов заметно выше, чем оплаты труда резидентов страны, временно работающих за рубежом: за 2025 г. по сравнению с 2024 г. первые увеличились в 2,4 раза, а вторая – только на четверть. Таким образом, при сохранении подобной динамики возрастает вероятность уменьшения притока валюты по каналу «оплата труда работников». Это тем более возможно, что в программных документах страны на фоне нехватки кадров миграция рассматривается как один из источников пополнения рабочей силы и роста.

Учитывая, что рост количества мигрантов-нерезидентов отрицательно сказывается на сбалансированности валютных потоков страны, необходимо обращать особое внимание на то, чтобы привлекаемые в страну иностранные работники были действительно нужны ее экономике с точки зрения их квалификации и компетенций.

4. Чистые ошибки и пропуски

Данная статья отражает все неучтенные статистикой явления, которые не были известны составителям платежного баланса, по крайней мере, на момент его формирования.

Финансовые средства, зафиксированные по каналу «чистые пропуски и ошибки», составили в 2025 г. 1,1 млрд долл. США. Это почти на 12 % меньше, чем годом ранее, но все же представляет собой значительную сумму, которая оказала существенную помощь в балансировке валютных потоков.

5. Вторичные доходы

Вторичные доходы остаются стабильным источником поступления валюты в страну: в 2025 г. по данному каналу в национальную экономику поступило чуть более 1 млрд долл. США – практически столько же, сколько и годом ранее.

При этом если вторичные доходы сектора государственного управления (в основном, речь идет о ввозных таможенных пошлинах, поступающих от других стран ЕАЭС) значительно (на 22,4 %) увеличились, то прочие сектора вносят отрицательную «лепту» в сальдо соответствующей статьи платежного баланса. Это происходит в основном в результате увеличения выплачиваемых резидентами Республики Беларусь налогов на получаемые за границей доходы и приобретаемое там же имущество: за год они выросли более чем наполовину и составили около 1,5 млрд долл. США.

6. Дебиторская/кредиторская задолженность

В платежном балансе имеется две разные статьи финансового счета: торговые кредиты и авансы и прочая дебиторская/кредиторская задолженность. В данном исследовании они анализируются суммарно.

За 2025 г. дебиторская задолженность выросла почти на 0,3 млрд долл. США, кредиторская же увеличилась более чем на 1,2 млрд долл. США. Это означает, что резиденты страны на 0,9 млрд долл. США должны нерезидентам больше, чем последние им. То есть если бы этих долгов не было, такая сумма валюты на чистой основе ушла бы из страны. Соответственно, можно трактовать ее как приток финансовых средств в страну по соответствующему каналу.

Рост внешней дебиторской задолженности во многом происходит по причине переориентации части поставок на рынки менее «благонадежных» и платежеспособных стран дальней дуги. Что же касается кредиторской задолженности, нужно понимать: то, что в одном периоде «пришло», в других придется отдавать, и это может усугубить проблемы с финансовыми потоками в последующие периоды [5, с. 45].

В результате внешнеэкономических операций за 2025 г. резервные активы страны увеличились практически на 2,4 млрд долл. США. Это является несомненным положительным итогом развития белорусской экономики в 2025 г.: поступившей в результате взаимодействия с нерезидентами валюты хватило не только для расчетов на внешнем контуре, но и для существенного пополнения золотовалютных резервов страны (годом ранее в результате внешнеэкономических операций они незначительно сократились).

При этом учитывая значительную долю валюты, поступающей из конъюнктурных источников, ситуацию в области платежных отношений страны с внешним миром нельзя охарактеризовать как устойчивую. Соответственно, необходимо продолжать политику, направленную на увеличение поступления финансовых средств за счет торговли товарами и услугами, привлечения прямых иностранных инвестиций и долгосрочных кредитов и займов под «качественные», перспективные валютоокупаемые проекты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf (дата обращения 14.04.2026).

2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения 14.04.2026).

3. Платежный баланс Республики Беларусь: база данных // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: https://www.nbrb.by/statistics/balpays (дата обращения 14.04.2025).

4. Моторина О.И. Внешние источники финансирования белорусской экономики в контексте национальной безопасности // Вестник Института экономики НАН Беларуси: сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2022. – Вып. 5. – С. 115–124.

5. Моторина О.И. Платежный баланс Республики Беларусь в 2023 году: что изменилось? // Банкаўскі веснік. – 2024. – № 5 (730). – С. 42–48.

УДК 338.23

РАЗРАБОТКА ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОЦЕНКИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БИЗНЕС-СРЕДЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Пашкевич Инга Васильевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Разработка организационно-экономического механизма оценки и совершенствования бизнес-среды Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации экономики является логическим завершением исследования, проводимого Институтом экономики в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы, подпрограммы «Экономика», задания 3.05 «Теоретико-методологическое обоснование направлений и механизмов развития бизнес-среды в условиях цифровой трансформации экономики».

В рамках данного исследования была разработана классификация факторов бизнес-среды с учетом цифровизации экономики, методика оценки и ранжирования стран по уровню развития как в целом их бизнес-среды, так и отдельных субиндексов, характеризующих факторные показатели, а также корреляционно-регрессионная модель, оценивающая влияние бизнес-среды на предпринимательскую активность в условиях цифровизации экономики [1–3].

Разработка организационно-экономического механизма оценки и совершенствования бизнес-среды предполагает сведение проделанной работы в единый алгоритм, на основе которого будет выработан сам механизм.

Алгоритм оценки и совершенствования бизнес-среды включил в себя 12 основных шагов.

Шаг 1

Изучение литературных источников, представляющих экспертное мнение зарубежных и отечественных ученых, о факторах, формирующих качество бизнес-среды, и разработка научно обоснованной классификации факторов бизнес-среды.

Шаг 2

Наполнение каждого фактора бизнес-среды формализованными показателями. Предпочтение должно отдаваться индикаторам, которые представлены в международных базах данных или международных рейтингах для как можно большего числа стран.

Шаг 3

Приведение выбранных индикаторов к единой стандартизированной шкале баллов. Для этого показатели всех стран по каждому индикатору нормализуются, согласно выбранной шкале (в нашем исследовании семибалльная шкала). Формулы нормализации приводятся для семибалльной шкалы:

$$X' = 6 * ((X_i - Xmin) / (Xmax - Xmin)) + 1, \quad (1)$$

или

$$X' = -6 * ((X_i - Xmin) / (Xmax - Xmin)) + 7, \quad (2)$$

где X′ – результирующие значение выбранного индикатора, баллы по семибалльной шкале;

Xi – исходное значение выбранного индикатора для i-той страны;

Xmin – минимальное значение выбранного индикатора для подготовленной выборки стран;

Xmax – максимальное значение выбранного индикатора для подготовленной выборки стран.

Формула (1) используется в случаях, когда большее значение баллов соответствует более высокому значению исходного индикатора (чем индикатор выше, тем лучше), формула (2) – когда большее значение баллов соответствует более низкому значению исходного индикатора (чем индикатор ниже, тем лучше, например, чем меньше выбросы загрязняющих веществ, тем выше балл страны).

Шаг 4

Расчет для заданной выборки стран отдельных субиндексов качества бизнес-среды: субиндекса устойчивости к экологическим угрозам, субиндекса развития инфраструктуры, субиндекс эффективности технологий с учетом цифровизации экономики, субиндекса эффективности институтов, субиндекса эффективности национальной экономики, субиндекс эффективности человеческого капитала.

Шаг 5

Расчет интегрального показателя эффективности бизнес-среды для заданной выборки стран и их ранжирование по убыванию с присвоением каждой страны места относительно других государств в данной выборке.

Расчет интегрального показателя эффективности бизнес-среды производится по формуле (3):

$$BUSINESS\text{-}ENVIRONMENT_i = 0{,}166 * ECOLOGY_i + 0{,}166 * INFRASTRUCTURE_i + 0{,}17 * * TECHNOLOGY_i + 0{,}166 * INSTITUTIONS_i + 0{,}166 * ECONOMY_i + 0{,}166 * HUMANS_i, \quad (3)$$

где BUSINESS-ENVIRONMENT_i – интегральный показатель эффективности бизнес-среды для i-ой страны;

ECOLOGY_i – субиндекс устойчивости к экологическим угрозам для i-ой страны;

INFRASTRUCTURE_i – субиндекс развития инфраструктуры для i-ой страны;

TECHNOLOGY_i – субиндекс эффективности технологий для i-ой страны,

INSTITUTIONS_i – субиндекс эффективности институтов для i-ой страны;

ECONOMY_i – субиндекс эффективности национальной экономики для i-ой страны;

HUMANS_i – субиндекс эффективности человеческого капитала для i-ой страны.

Шаг 6

Разработка научно обоснованного интегрального показателя предпринимательской активности. В настоящем исследовании интегральный показатель предпринимательской активности рассчитывался по формуле (4):

$$IEA = 0{,}25 * NBD_n + 0{,}25 * MVA_n + 0{,}25 * HTE_n + 0{,}25 * IPE_n, \quad (4)$$

где NBD_n, MVA_n, HTE_n, IPE_n нормализованные значения, соответственно, плотности новых предприятий, добавленной стоимости продукции средней и высокой наукоемкости, высокотехнологичного экспорта и поступлений экспортных платежей за пользование правами интеллектуальной собственности.

Шаг 7

Нормализация интегрального показателя предпринимательской активности по семибалльной шкале по формулам (1), (2).

Шаг 8

Построение уравнения регрессии, оценивающего влияние интегрального показателя качества бизнес-среды на интегральный индекс предпринимательской активности в статистическом пакете, проверка статистических характеристик модели и остатков на нормальность распределения, отсутствие автокорреляции и гетероскедастичности.

Шаг 9

Проведение уточняющих исследований: оценка зависимости предпринимательской активности от всех субиндексов бизнес-среды.

Шаг 10

Построение новой корреляционно-регрессионной модели, в которой незначимые субиндексы бизнес-среды не принимаются в расчет. Верификация полученной модели: оценка значимости статистических характеристик, остатков регрессии на нормальность распределения, отсутствие автокорреляции и гетероскедастичности.

Шаг 11

В рамках субиндексов бизнес-среды выявление факторов, оказывающих негативное влияние на значение всего субиндекса в анализируемой стране. Но основании данных факторов выделяются направления, по которым необходимо улучшение бизнес-среды.

Шаг 12

Разработка мер и инструментов улучшения бизнес-среды в рамках выбранных на предыдущем этапе направлений.

Алгоритм оценки бизнес-среды и направления ее совершенствования, дополненный конкретными мерами и механизмами, складывается в единый механизм совершенствования бизнес-среды Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации экономики (рисунок 1).

Рисунок 1 – Механизм оценки и совершенствования бизнес-среды

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пашкевич И.В. Теоретико-методологические подходы к оценке влияния факторов на состояние бизнес-среды // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сборник научных статей. В 2 т. Т. 1 / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси; ред. кол.: В.Л. Гурский [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2021. – С. 356–364.

2. Пашкевич И.В. Компаративная оценка уровня развития бизнес-среды Беларуси // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сборник научных статей. В 2 т. Т. 1 / ред. кол.: Д.В. Муха [и др.]; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2022. – С. 318–328.

3. Пашкевич И.В. Разработка методического подхода к оценке влияния качества бизнес-среды на предпринимательскую активность // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы: сборник научных статей: в двух томах. Т. 1. / ред. кол.: Д.В. Муха [и др.]; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2024. – С. 323–330.

УДК 338.32.053.4: 681.518.2

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЦЕЛЯХ СБАЛАНСИРОВАННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Цедрик Александр Вячеславович,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

С момента появления Концепции энергетической безопасности Республики Беларусь на период до 2035 года показатели блока «Энергетическая самостоятельность», включающие показатели «Отношение объема производства (добычи) первичной энергии к валовому потреблению ТЭР, процентов» и «Отношение объема производства (добычи) первичной энергии из возобновляемых источников энергии к валовому потреблению ТЭР, процентов» неуклонно растут как в абсолютном, так и в относительном выражении [1]. В 2010 году объем производства первичной энергии составлял 14,7 %. К 2024 году этот показатель заметно вырос до 27 % (с учетом ВИЭ и энергии, генерируемой от БелАЭС).

Помимо Концепции, оценка эффективности и стратегическое развитие энергетики отражены в ряде отраслевых госпрограмм и стратегий. К ним следует причислить Госпрограмму комплексной модернизации торфяных производств на 2021–2025 годы, а также Госпрограмму «Энергосбережение» на 2021–2025 годы, утвержденную постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24.02.2021 г., № 103, включающую в себя подпрограммы: «Повышение энергоэффективности» и «Развитие использования местных ТЭР, в том числе ВИЭ»; Концепцию развития электрогенерирующих мощностей и электрических сетей на период до 2030 года и ряд иных.

На данном этапе функционирования энергетической отрасли, в целях ее бесперебойной деятельности, происходит планомерный перевод энергетических станций на автономное оперативно-диспетчерское управление. В Беларуси уже функционируют четыре полностью цифровые подстанции. К концу 2027 года в эксплуатацию планируется ввести еще три цифровых подстанции в целях более эффективного функционирования электроэнергетического комплекса.

Предложения по совершенствованию экономических отношений и формированию импортонезависимой инфраструктуры для Республики Беларусь продиктованы тем, что формируются новые более тесные кооперационные связи с рынком ЕАЭС на общем электроэнергетическом рынке. В то же время, упразднение электроэнергетического кольца БРЭЛЛ (Беларусь – Россия – Эстония – Литва – Латвия) путем выхода стран Балтии из объединения в феврале 2025 года, позволяет судить о формировании новых экономических взаимовыгодных отношений для Беларуси в целях укрепления собственной энергетической безопасности и выгодной «энергетической дипломатии» с рынками ЕАЭС, Азии и Африки. Дорожной картой в содействии данного вопроса призвана стать Государственная программа Республики Беларусь «Устойчивая энергетика и энергоэффективность» на 2026–2030 гг. [2].

Помимо обновления основных фондов электроэнергетики в условиях цифровой реструктуризации отрасли, в источнике обозначены иные способы и меры обеспечения энергетической безопасности. К ним следует причислить активное вовлечение местных ТЭР и ВИЭ в энергетический баланс страны: пеллеты, щепа, твердые коммунальные отходы (далее – ТКО) в энергетических целях, биоэнергетика и прочее [2]. И конечно, развитие собственной атомной энергетики с формированием экономических стимулов по использованию энергии для предприятий и домашних хозяйств на различные нужды (в ЖКХ, в развитии электромобильности, для нужд иных отраслей и пр.).

При составлении программ и планов опережающего развития отрасли учитывается, что цифровая трансформация топливно-энергетического комплекса в целом и электроэнергетического в частности имеет особенности в каждом из сегментов. Например, в сфере добычи и использования ВИЭ вопрос инвестиционной привлекательности не является основным мотивом в целях создания объектов с последующей генерацией и сбытом такой энергии. По данным Международного энергетического агентства лишь с 2022 года 1 кВт·ч «зеленой» энергии стал обходится дешевле, чем 1 кВт·ч энергии из ископаемых горючих видов топлива, даже с учетом государственных субсидий *(в целях сравнения берется публикующийся агентством показатель «Средняя расчётная себестоимость производства электроэнергии на протяжении всего жизненного цикла электростанции» (или LCOE)).*

Главные мотивы создания объектов, производящих ВИЭ – это уменьшение использования ископаемых ресурсов с целью снижения антропогенной нагрузки на экосистему, а также удешевление энергии, производимой из ВИЭ за последние 5 лет, в первую очередь, за счет эффекта масштаба.

Помимо ранее названных мер в целях энергоэффективного использования основных и оборотных фондов предприятий ТЭКа значительного повышения энергоэффективности теплоэлектростанций (ТЭС) на ТКО можно достичь созданием определенных организационно-экономических механизмов, способных учесть лучшие мировые практики для Республики Беларусь в настоящее время. Предлагается интеграция (бесшовное присоединение) установок для сжигания ТКО в тепловую схему ТЭС, сжигающей органическое топливо, особенно при их совместной работе с парогазовыми установками (ПГУ). Потребуются эксплуатационные и капитальные затраты. Однако это мероприятие сэкономит средства на полную модернизацию, а экологический эффект не вызывает сомнений по сравнению с обычным складированием ТКО [3].

С 01.01.2020 г. в России вступил в силу Федеральный закон, который вводит в оборот и концептуализирует понятие «энергетическая утилизация» [4]. Сам термин характеризует процесс использования ТКО в качестве возобновляемого источника энергии (вторичного энергоресурса). Признание в РФ теплоэлектростанций, сжигающих ТКО, к категории ВИЭ является большим шагом на пути решения проблемы с их обращением. В свою очередь, ТЭС на ТКО должны удовлетворять определенным общемировым требованиям по экологической безопасности. Чтобы отпускаемая энергия была конкурентоспособной на энергетическом рынке, капитальные затраты способны покрыться за счет платы за переработку.

В свою очередь предлагается внести ТКО к категории ВИЭ на законодательном уровне для Беларуси. Производителям, перерабатывающим ТКО в энергетических целях, следует

скорректировать тарифы на ввоз оборудования для введения их в тепловую схему, делая перерасчет по возврату НДС. Предлагается:

– применять повышающие коэффициенты в первые 5 лет работы оборудования по переработке ТКО с первоочередным правом выкупа энергии государством в общую энергетическую систему страны (коэффициент 1,35 – по аналогии с энергией из ВИЭ);

– субсидировать данное мероприятие до момента самоокупаемости проекта за счет бюджетных средств и иных источников, не запрещенных законодательством.

В число важнейших задач, обозначенных в ряде ранее озвученных стратегических документов, для обеспечения перехода к сбалансированному развитию экономики, входит постепенное снижение антропогенной нагрузки, влекущей за собой загрязнение окружающей среды. Вторая причина, по которой актуальность исследований по переходу к сбалансированному эколого-энерго-экономическому развитию остается значимой, является вопрос повышения эффективности использования природных ресурсов при одновременном повышении основных экономических показателей (ВВП страны, ВВП на душу населения и пр.). То есть, целью эффективной экономической политики многих государств, интеграционных объединений и неправительственных организаций (ООН, МАГАТЭ, ЮНИДО и пр.) становится достижение эффекта «декаплинга», который подразумевает расхождение или рассогласование темпов экономического роста, с одной стороны (в сторону увеличения), и потребления ресурсов и негативного воздействия на окружающую среду – с другой (в сторону снижения) [5].

Коэффициент декаплинга (D_t), характеризующий взаимосвязь между экономическим ростом, загрязнением окружающей среды и ресурсопотреблением, рассчитывается по формуле (1):

$$D_T = 1 - \frac{E_T/Y_T}{E_0/Y_0}, \quad (1)$$

где E_0 и E_t – показатели, характеризующие негативное воздействие на окружающую среду в базовом и текущем периодах (как правило, по каждому виду воздействия коэффициент рассчитывается отдельно);

Y_0 и Y_t – показатели уровня экономического развития в базовом и текущем периодах (к ним относят показатели ВРП/ВВП).

Для Республики Беларусь актуальность данного исследования объясняется тем, чтобы определить какие факторы либо их совокупность оказывают влияние на экономический рост, а какие, наоборот тормозят его. Вместе с тем, важно иметь более полную картину, рассчитав и объединив ряд отдельных значений, характеризующих состояние экологии страны с рядом значений и показателей, характеризующих энергоэффективность экономики страны, а также отметить их взаимосвязь по каждому отдельному направлению внутри двух данных блоков и увязать их со значениями, характеризующими экономический рост страны на макроуровне. Частные случаи обнаружения взаимосвязей на определенном временном промежутке позволят выработать ряд эффективных мер, способных оказать влияние не столько на ВВП страны, сколько выбрать подходящую модель социально-экономического развития в увязке ресурсоэффективного использования и приемлемой антропогенной нагрузки на окружающую среду.

Республика Беларусь уже осуществила определенные шаги в данном направлении. К ним можно отнести строительство и эксплуатацию БелАЭС и осуществление эффективных мероприятий по минимизации трагедии на Чернобыльской АЭС (институциональный аспект; оказание медицинской помощи и реабилитации; субсидии и преференции на создание промышленных предприятий и сельскохозяйственных организаций, формирующих экономику регионов, пострадавших от аварии на ЧАЭС; жесткое экологическое законодательство с целью сохранения и воспроизводства животного и растительного мира).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь до 2035 года. Утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.12.2015 № 1084. – Минск, 2015. – 13 с.

2. О Государственной программе «Устойчивая энергетика и энергоэффективность» на 2026–2030 гг. Утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31.12.2025 № 819. – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 21.01.2026, 6–1/55668. – Минск, 2026. – 73 с.

3. Зверева Э.Р., Тугов А.Н., Грунтович Н.В., Грунтович Н.В. Перспективные направления российско-белорусского научного сотрудничества в сфере энергетики и экологии // Экономико-правовое регулирование в энергетике (Казань, 3 апреля 2024 г.) / под общ. ред. Э.Ю. Абдуллазянова. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2024. – 223 с.

4. Федеральный закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», № 450–ФЗ. Принят Государственной Думой 18 декабря 2019 г. Одобрен Советом Федерации 23 декабря 2019 г. – Москва, 2019. – 12 с.

5. Забелина И.А. Россия и Китай: экологический и ресурсный эффекты декаплинга // Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, ЭКО. – Чита, 2023. – № 3. – С. 68–92.

РАЗДЕЛ 6. ЭКОНОМИКА СФЕРЫ УСЛУГ

УДК 338.46:339.1:004(100)

ФАКТОРЫ И ЭФФЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ УСЛУГАМИ

Милашевич Елена Александровна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Цифровая трансформация сферы услуг развивается эволюционно, начиная с процессов оцифровки данных и автоматизации отдельных элементов предоставления услуги и заканчивая применением технологий блокчейн и ИИ, изменением бизнес-моделей. Если автоматизация освобождает человека от выполнения рутинных функций, не изменяя бизнес-модель, то цифровая трансформация предполагает структурные изменения в бизнес-модели, приводящие к созданию новой ценности, получению дополнительного дохода для производителя / поставщика услуги. Процесс цифровой трансформации сферы услуг предполагает собой расширение видов применяемых в отраслях услуг технологий за счет внедрения ИКТ, диффузию инноваций, появление новых бизнес-процессов, поднимает проблему необходимости соблюдения принципов цифровой безопасности при использовании и передаче данных в результате цифровых транзакций.

Цифровая трансформация мировой торговли как экономический процесс уже получила свое развитие и протекает в большинстве стран мира. Эксперты называют этот процесс «цифровой переворот» и отмечают, что мир меняется и требует изменения бизнес-моделей, которые должны быть направлены на создание новых цифровых способов взаимодействия как на B2B, так и на B2C рынках [1].

Отметим, что новые направления в области ИКТ стали появляться не в промышленности, а в секторе услуг. Именно услуги стали той начальной точкой, где процессы цифровой трансформации получили свое развитие: информационно-коммуникационные услуги, финансы, торговля, образование.

Наблюдается процесс «обрастания» товаров услугами. Современные потребители для проведения банковских операций не обращаются в банки, а скачивают приложения компаний Play Market, Apple Pay, Google Play и пользуются ими для оплаты, имея возможность оплатить покупку, услугу вне зависимости от местоположения и времени суток. Происходит слияние физического и виртуального пространства, стирание границ между цифровой и реальной экономикой.

Процессы цифровизации, цифровой трансформации рассматриваются в научном дискурсе как положительный процесс. Российские исследователи, опираясь на мировой опыт и собственные разработки, пришли к выводу, что существует понижательное давление интернет-торговли на инфляцию, поскольку сокращаются производственные, транспортные издержки, монопольная власть фирм, происходит увеличение продуктового разнообразия [2]. По прогнозам ВТО, к 2030 г. ожидается прирост международной торговли до 34 % за счет внедрения цифровых технологий [3].

В современных условиях сохраняют актуальность для экономической науки вопросы становления и развития цифровой трансформации мировой торговли услугами. Данный процесс определен группой факторов, которые систематизированы по функциональному признаку [4].

1. Инновационно-технологические факторы – появление новых инновационных технологий и подходов, позволяющих технически переводить ряд услуг в цифровой формат. Страны активно участвуют в международном обмене товарами и услугами, используя

электронные площадки и сервисы, стоимость продаж в сегменте электронной коммерции растет высокими темпами.

Развитие удаленной занятости было подстегнуто не только пандемией Ковид-19 и связанными с ней ограничениями на передвижение людей, но также и наличием соответствующих ИКТ, цифровой инфраструктуры для организации удаленной работы и появления новых возможностей для передачи информации. Широкое распространение получили системы электронных платежей, электронные банковские карты, обеспечивающие мгновенную оплату за товары и услуги, независимо от места нахождения контрагентов, появилась возможность получения оплаты за удаленную работу, независимо от страны проживания, большинство финансовых операций переведены в цифровой формат.

2. Социально-экономические факторы – повышение численности и благосостояния населения приводит к росту потребления услуг, которые оказываются в том числе в цифровом формате, путем трансграничной поставки. С одной стороны, фирмы переходят от производства исключительно товаров к производству деловых услуг, которые поставляются в цифровом формате или с использованием ИКТ (услуги в области проектирования, обработки и хранения информации, маркетинговые, управленческие, сбытовые услуги). С другой стороны, происходит процесс отделения товара от услуги – гарантийное обслуживание товаров передается отдельным независимым фирмам, не связанным с процессом производства товаров. Общий рост численности населения, увеличение продолжительности жизни вызывают потребность в высококвалифицированных медицинских услугах, страховых и пенсионных услугах, часть из которых может осуществляться из других стран с применением ИКТ [5].

Рост уровня образования населения приводит к увеличению потребности в образовательных услугах, которые также могут оказываться и в цифровом формате. Индивидуумы переходят от удовлетворения базовых потребностей в еде и жилье на удовлетворение нематериальных потребностей в организации досуга, отдыха, развлечений, повышении качества жизни. Рост благосостояния населения и наличие компьютерных технологий позволяют приобретать компьютеры, планшеты, мобильные телефоны с камерами высокого разрешения, использовать Интернет практически во всех точках мира, получать услуги непосредственно с технических устройств.

3. Регуляторно-правовые факторы – меры регулирования в области внешней торговли услугами приводят к сокращению барьеров между странами.

Меняются технические барьеры, которые требовали перемещение поставщика услуги к потребителю либо потребителя услуг к поставщику. Благодаря современным информационным технологиям, географические границы перестают играть решающую роль при поставке ряда услуг. Изменяются нормативные барьеры, начало было положено подписанию ГАТС ВТО, которое выделило сферу услуг в отдельное направление международной торговли со своими правилами и обязательствами. В настоящее время применение цифровых технологий при поставках услуг позволяет сократить расходы за счет снижения скорости и упрощения подписания договоров, поставки услуг из стран, где стоимость рабочей силы ниже, чем с стране-потребителе услуг. Трансформируются налоговые барьеры, которые играют важное значение: благодаря преференциальной налоговой политике Ирландия занимает одно из лидирующих мест в мире по экспорту IT-услуг, сосредоточив на своей территории американских IT-гигантов: IBM, HP, Intel, APC, Dell и т. д.

Реализация процесса цифровой трансформации сферы услуг требует проведения работы по трем направлениям:

1. Трансформация ключевых характеристик услуги – вместо такого свойства, как «неоднородность услуги», появляется возможность стандартизации и персонификации (банковские услуги); свойство «одновременность производства и потребления» трансформируется в нивелирование географических границ, ряд услуг имеют раздельное производство и потребление (предоставление обучающих материалов на электронную почту или в личный кабинет). Цифровая трансформация сферы услуг позволяет повысить

доступность услуг для разных слоев населения, изменить такие базовые свойства услуг, как физический контакт производителя и потребителя услуги, увеличивается охват предоставляемых услуг, расстояния перестают играть решающую роль при предоставлении услуги. В результате цифровой трансформации сферы услуг повышается качество жизни населения за счет увеличения количества и расширения спектра предоставляемых услуг населению и субъектам хозяйствования.

2. Трансформация способов предоставления услуги – развитие платформенной экономики, включая внедрение цифровых платформ и цифровых экосистем, что будет способствовать повышению покупательной способности населения за счет снижения стоимости приобретаемых услуг. Платформы предоставляют услуги с минимальным количеством посредников, потребители ориентируются на отзывы других потребителей, а также актуальные рейтинги при принятии решения о покупке услуги через цифровую платформу.

3. Появление новых видов услуг, обусловленных применением сквозных технологий – компьютерные услуги с технологиями виртуальной и дополненной реальности. Применение информационных технологий также позволяет отделить право собственности на товар от права пользования этим товаром, в результате применения цифровых технологий возникают новые виды услуг: например, каршеринг, приводящий к изменению модели поведения потребителя (владение автомобилем для осуществления поездок больше не требуется).

В результате цифровой трансформации сферы услуг, мировой торговли услугами предполагается получение экономического эффекта по следующим направлениям:

для государств – рост ВВП и производительности труда, повышение эффективности работы органов госуправления, рост эффективности НИОКР, соблюдение принципов национальной безопасности (технологической, информационной, экономической, внешнеэкономической, политической);

для субъектов хозяйствования – экономия на масштабе, расширение деятельности за счет развития смежных направлений, повышение конкурентоспособности, оптимизация издержек, повышение качества оказываемых услуг;

для потребителей услуг – повышение качества жизни, расширение возможностей получения услуг, наиболее полное удовлетворение потребностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вайл П., Ворнер С. Цифровая трансформация бизнеса. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 254 с.

2. Гребенкина А.М., Кузнецова М.Н., Синельникова-Мурылева Е.В. Влияние развития интернет-торговли на инфляцию в России // Финансы: теория и практика. – 2023. – № 27. – С. 194–205.

3. Стрелец И., Чебанов С. Цифровизация мировой торговли: масштабы, формы, последствия // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 1. – С. 15–25.

4. Милашевич Е.А. Факторы и тенденции цифровой трансформации мировой торговли услугами // Белорусский экономический журнал. – 2026. – № 1. – С. 59–71.

5. Развитие сферы услуг Беларуси в контексте мировых трендов: научный доклад / Н.Н. Морозова, Е.А. Милашевич [и др.]; науч. ред. Н.Н. Морозова; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2022. – 68 с.

УДК 338.46:[339.54+331.5]:004(476)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ДРАЙВЕР ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ И НОВЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ

Морозова Наталья Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Современный этап социально-экономического развития характеризуется необратимым переходом от постиндустриального общества к информационному вследствие цифровизации бизнес-процессов, охватывающих все сектора национальной экономики – от промышленного производства до сферы услуг. Особую трансформацию переживает сфера торговли, где внедрение информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и развитие сетевых форм взаимодействия привели к формированию нового уклада экономических отношений, основанных на платформенных решениях, больших данных и интеллектуальных алгоритмах. Данный процесс открывает возможности для экономического роста, но и порождает глубокие структурные сдвиги в сфере занятости, формируя как новые профессии, так и риски, связанные с потерей рабочих мест и фрагментацией трудовых отношений. В этой связи целью исследования явился комплексный анализ влияния цифровизации на сферу торговли и занятость с выявлением системных проблем и направлений совершенствования государственного регулирования на основе обобщения зарубежного и национального опыта.

Получившая развитие цифровая экономика определяется как экономическая деятельность, базирующаяся на цифровых технологиях, где информация выступает в роли ключевого фактора. Распространение цифровых технологий в экономической деятельности привело к диверсификации производимой продукции, ускорению глобализации информационных потоков и доминированию третичного сектора – сферы услуг. Внутренняя торговля, как один из важнейших элементов товародвижения, с одной стороны, обеспечивает реализацию произведенной продукции, с другой – способствует удовлетворению платёжеспособного спроса населения. Цифровизация в торговле выражается в переходе от традиционных форматов к многоканальной и омниканальной коммерции, основанной на интеграции физических магазинов, интернет-площадок, социальных сетей и мобильных приложений. Рынок электронной торговли во всём мире демонстрирует устойчивый рост: ожидается, что он увеличится с 4,4 трлн долларов в 2025 г. до 4,94 трлн долларов в 2026 г. при среднегодовом темпе роста (CAGR) в 12,1 % [1]. Рост в исторический период объясняется увеличением проникновения интернета, пандемией коронавируса (ускорила переход к онлайн-покупкам на пять лет), ростом популярности смартфонов, урбанизацией, развитием логистической инфраструктуры, расширением использования цифровых способов оплаты и т. п. Следовательно, цифровые технологии становятся двигателями роста, способствуя снижению издержек, повышению производительности и диверсификации экспортных корзин. Наряду с этим, в научном дискурсе всё чаще поднимаются вопросы об эффекте цифрового неравенства: разрыв в уровне цифровизации между развитыми и развивающимися странами не сокращается, а, напротив, усиливается (Matthew effect), что создаёт дополнительные барьеры для инклюзивного роста. Эффект Матфея в цифровой торговле выражается в том, что крупные платформы, популярные продавцы и успешные товары получают непропорционально большую долю внимания, трафика и прибыли, в то время как новички или мелкие игроки теряют возможность развития. Площадки (Wildberries, Ozon) продвигают товары с высоким рейтингом, большим количеством отзывов и быстрым оборотом. Товар с высокой оборачиваемостью имеет множество показов, соответственно больше продаж и, как следствие, высокий рейтинг. В итоге лидеры рынка остаются в топе, а новые товары не могут пробиться. Покупатели идут туда, где больше выбор, а продавцы – где больше покупателей,

что делает лидеров платформ еще сильнее, а маленькие площадки менее конкурентоспособными.

Республика Беларусь, стремясь к построению конкурентоспособной цифровой экономики, за последние годы добилась заметных успехов в развитии ИКТ-инфраструктуры и регулировании цифровой сферы. Создание Парка высоких технологий (ПВТ) и принятие Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики» (2017 г.) стали переломными моментами, привлёкшими инвестиции и сформировавшими специальный правовой режим до 2049 г. с льготным налогообложением. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. была ориентирована на внедрение ИКТ во все отрасли, обеспечение технологической независимости и построение «интеллектуальной экономики». Сектор торговли традиционно занимает ведущее место в экономике страны: удельный вес торговли в ВВП в 2019–2024 гг. колебался от 9,3 % до 9,8 % с пиковым значением в 2023 г., что связано с внешними шоками и переориентацией на внутренний рынок [2, с. 36]. Самым динамичным сегментом белорусской экономики становится электронная торговля: в Беларуси насчитывается почти 24,9 тысячи интернет-магазинов, причем ¾ из них сосредоточено в Минске и Минской области. Структура продаж показывает, что наибольшей популярностью пользуются товары для дома (18 %), электроника (16 %) и автотовары (13 %). Важно отметить, что белорусский рынок электронной коммерции активно осваивается иностранными игроками. Российские маркетплейсы Wildberries и Ozon занимают совокупную долю более 40 % рынка, демонстрируя высокие темпы роста. В ответ на это белорусский онлайн-гипермаркет 21vek.by удерживает около 30 % рынка, поддерживая локальные конкурентные преимущества в скорости доставки и соблюдении национального законодательства. В 2025–2026 гг. на белорусском рынке наблюдается активное развитие как существующих игроков (Emall прочно закрепился в топ-5 популярных маркетплейсов в Беларуси), так и запуск новых государственных проектов («Белпочта» официально запустила свой маркетплейс под названием POST MARKET в октябре 2025 г.). Инвестиционный проект Wildberries в индустриальном парке «Великий камень» предполагает создание распределительного центра площадью свыше 120 тыс. м² и около 5–6 тыс. рабочих мест, что иллюстрирует возникновение новых логистических кластеров в национальной экономике [3, с. 35].

Цифровизация торговли оказывает двойственное воздействие на рынок труда: 1) внедрение касс самообслуживания, автоматизированных систем управления запасами и алгоритмического управления на маркетплейсах сокращает спрос на традиционные профессии (продавцов-консультантов, кассиров, операторов складов) и соответственно рабочие места, где применяются рутинные задачи; 2) развивающийся рынок цифровой торговли формирует спрос на абсолютно новые профессии и гибкие формы занятости.

Согласно выборочному обследованию Белстата, в 2025 г. дистанционная занятость составила 0,8 % от общего числа занятых в экономике. Структуру занятых дистанционно составляли 50,6 % мужчин, из общего числа задействованных в такой форме 80 % были лица с высшим образованием и средним возрастом 35,4 года. Лидирующей сферой услуг для удалённой работы является «информация и связь» (49,7 %), в то время как торговля занимает лишь 11,4 % в структуре дистанционной занятости. Данный факт свидетельствует о том, что в чистом виде продажа товаров в онлайн-формате пока редко переводится в дистанционный формат в силу специфики (логистика, складирование). Новой нестандартной формой занятости является платформенная, осуществляемая физическими лицами по выполнению работ и оказанию услуг на основании гражданско-правового договора с использованием цифровой платформы. Она предполагает гибкие трудовые отношения, участниками которых выступают три стороны: заказчик, цифровая платформа (маркетплейс, агрегатор) и исполнитель. В 2025 г. доля такой занятости в Беларуси составила 0,5 % от занятых в экономике. Характерной чертой выступает то, что исполнитель самостоятельно контролирует процесс, устанавливает график, работает на собственном оборудовании, а платформа лишь координирует взаимодействие и осуществляет контроль качества. В структуре платформенной занятости преобладают мужчины (63,4 %), преимущественно в возрасте

37,1 года. Наиболее популярные виды деятельности: услуги такси (31,6 %), продажа товаров на постоянной основе (19,4 %) и IT-услуги (17,9 %) [4]. Исследования показали, что развитие онлайн-торговли и маркетплейсов стимулирует появление новых профессий и на стыке сфер. Среди наиболее востребованных в современных условиях оказываются: маркетплейс-менеджер (управление продажами на платформах, анализ конкурентов, ценообразование), SMM-специалист, контент-менеджер, специалист по Big Data, интернет-маркетолог [5, с. 29]. Важно подчеркнуть, что трудовая функция этих специалистов всё чаще реализуется удалённо, что делает их менее привязанными к географическому расположению работодателя и способствует росту гибкости рынка труда.

Одной из наиболее сложных проблем, сопровождающих цифровизацию торговли, является определение правового статуса платформенных работников. В большинстве стран, включая Беларусь и Россию, отношения между платформой и исполнителем носят гражданско-правовой характер (договор подряда, оказания услуг). Однако многие исследователи и международные организации (в частности, ЕС) настаивают на применении к таким отношениям трудового режима, особенно когда платформа фактически контролирует процесс выполнения работы, устанавливает цены и алгоритмы распределения заказов, а исполнитель экономически зависим от платформы. В 2024–2025 гг. в ряде стран были предприняты шаги по законодательному урегулированию этой сферы. В Европейском союзе принята Директива ЕС от 8 марта 2024 г. № 7212/24 о труде на платформах, которая устанавливает презумпцию наличия трудовых отношений, а бремя доказывания отсутствия трудового статуса возлагается на платформу. Такой подход обеспечивает максимальную защиту прав работников на социальное страхование, оплачиваемый отпуск, больничный и пенсионные отчисления. В то же время Россия пошла по иному пути: 31 июля 2025 г. был принят закон об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики, который впервые на системном уровне урегулировал отношения между агрегаторами и самозанятыми, при этом не приравнивая их к трудовым. Эксперты и профсоюзные организации критикуют такой подход, указывая на отсутствие полноценной социальной защиты платформенных занятых, включая отпуска, больничные и пенсионные отчисления.

В Республике Беларусь в 2025 г. активно обсуждался проект Указа Президента «О совершенствовании регулирования потребительского рынка», который, помимо защиты прав потребителей и борьбы с контрафактом, предполагал обязательную регистрацию всех интернет-площадок в Торговом реестре, а для иностранных – создание юридического лица на территории страны. Вводится требование к площадкам предоставлять равный недискриминационный доступ, публиковать принципы ранжирования и рейтингования товаров, обеспечивать безопасность работы сайта. Эти меры повышают прозрачность рынка, однако вопрос трудового статуса курьеров, водителей, сортировщиков и продавцов, взаимодействующих с платформами, остаётся открытым. В Беларуси к концу 2026 г. МАРТ планирует представить законопроект, регулирующий деятельность посреднических цифровых платформ (маркетплейсов, агрегаторов услуг, такси), цель которого создание реестра значимых платформ, обязательство иностранных площадок открывать юрлица в стране и ужесточение контроля за безопасностью сделок. В МПА СНГ готовят модельный закон о цифровых платформах и их использовании участниками гражданского оборота.

Обобщение международной практики позволяет выделить несколько моделей регулирования платформенной занятости: от либеральной (с акцентом на гражданско-правовые отношения, характерной для США и частично для Китая) до социально-ориентированной (страны ЕС с признанием трудового статуса). Учитывая институциональные особенности белорусской экономики и высокий уровень формальной занятости, прямолинейное копирование любой из моделей представляется затруднительным.

Для Республики Беларусь предлагается ряд направлений государственной политики:

– совершенствование трудового законодательства в части отдельной главы в законе о цифровых платформах относительно платформенной занятости, где устанавливались минимальные социальные гарантии для такой формы занятых, как размер вознаграждения

за выполненный заказ, режим работы, компенсация расходов на оборудование и связь (такой подход применяется, помимо ЕС, в Казахстане и ряде штатов США);

– налоговая политика и легализация доходов, предполагающие унификацию правил налогообложения для самозанятых, работающих через маркетплейсы, и усиление информационного обмена между платформами и налоговыми органами (аналогично российской практике), избегая двойного налогообложения и не создавая избыточные административные барьеры;

– инфраструктурная и образовательная политика, учитывающая рост занятости в онлайн-торговле и логистике, предусматривая корректировку государственных программ профессионального образования, включив в них специальности по управлению маркетплейсами, цифровому маркетингу, аналитике больших данных и кибербезопасности, соответственно система образования должна работать на опережение в подготовку кадров по новым специальностям;

– международное сотрудничество в области унификации правовых подходов в рамках ЕАЭС и СНГ к регулированию платформенной занятости и трансграничной электронной торговли, что позволит снизить риски для работников, чья деятельность носит трансграничный характер.

Таким образом, цифровизация сферы торговли является одним из ключевых драйверов социально-экономических изменений в Республике Беларусь. Развитие электронной торговли и появление новых платформенных решений стимулируют рост производительности, снижают издержки и формируют новые потребительские стандарты. Вместе с тем, цифровая трансформация рынка труда сопровождается структурными сдвигами: с одной стороны – сокращением занятости в традиционных сегментах розничной торговли, с другой – возникновением новых профессий и нестандартных форм занятости, таких как платформенная и дистанционная работа. Необходим комплексный, системный подход к регулированию цифровой экономики, включающий: адаптацию трудового законодательства к новым реалиям; обеспечение минимальных социальных гарантий для платформенных работников; совершенствование налогового администрирования и прозрачности доходов; модернизацию системы образования в соответствии с запросами цифровой экономики; формирование эффективного механизма защиты прав потребителей в онлайн-среде. Выбор оптимальной модели регулирования для Республики Беларусь требует тщательного учёта национальных экономических и институциональных условий, а также активного диалога между государством, бизнесом и профсоюзами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. E-Commerce Market Report 2026 // Research and Markets. – URL: https://www.researchandmarkets.com/reports/5735260/e-commerce-market-report?utm_campaign (дата обращения 20.02.2026).

2. Национальные счета Республики Беларусь, 2019–2024 // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2026. – 151 с.

3. Научные рекомендации по совершенствованию государственного регулирования сферы торговли: научный доклад / Н.Н. Морозова [и др.]; науч. ред. Н.Н. Морозова, А.М. Тетёркина; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2024. – 72 с.

4. Нестандартная занятость в Республике Беларусь (по данным выборочного обследования). – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2025/nestandart_zaniatost-2025.pdf (дата обращения 22.03.2026).

5. Морозова Н.Н. Новые профессии на рынке труда с развитием онлайн торговли и цифровизации // Цифровизация: экономика и управление производством: материалы 88-й науч.-техн. конф. профессорско-препод. состава, научных сотрудников и аспирантов. Минск, 29 января – 16 февраля 2024 г. / Белорус. гос. технол. ун-т; отв. за изд. И.В. Войтов. – Минск: БГТУ, 2024. – С. 29–32.

УДК 338.46:004(476)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ УСЛУГОВЫХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛАРУСИ

Пилуй Виталий Николаевич,
кандидат экономических наук,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В Республике Беларусь было создано множество информационных систем и ресурсов, а также инфраструктура единого информационного пространства для оказания электронных услуг на основе интеграции таких ресурсов и систем, как общегосударственная автоматизированная информационная система и развернувшийся на ее базе единый портал электронных услуг, система межведомственного электронного документооборота государственных органов, государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи, множество отраслевых государственных информационных систем и ресурсов. При этом цифровизация государственных органов зачастую проводилась через призму автоматизации решения их частных задач, поэтому государственные системы развивались хаотично и зачастую не оправдывали свой функционал. Это стало причиной потери целостности функционирования государственных органов (организаций) и множества преград для создания эффективных совместимых информационных систем. Обострялась данная проблема по сравнению с уровнем развития «электронного правительства» и платформизации ближайших стран-соседей. Это подтверждается и позициями страны в международных рейтингах, где она начала уступать место некогда отстающим странам-соседям [1].

Среди таких рейтингов, например, можно отметить:

1. Индекс готовности правительства к искусственному интеллекту (Government AI Readiness Index) – 107 позиция на 2023 год (минус 16 позиций). Так, например, Российская Федерация по данному показателю занимала 38 место.

2. Индекс развития электронного правительства ООН (E-Government Development Index) – 58 позиция на 2022 год (минус 18 позиций). Республика Казахстан по данному показателю занимала 28 позицию.

3. Индекс мобильной связи (GSMA Mobile Connectivity Index) – 70 позиция на 2022 год (минус 6 позиций).

В рамках мер по устранению данных недостатков был принят Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации», во исполнение которого постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 был утвержден официальный перечень показателей развития цифровой экономики и административно-территориальных единиц [2].

Указанный перечень предусматривает оценку по следующим сводным показателям:

1. Уровень внедрения технологий «электронного правительства», отражающий удельный вес количества осуществленных административных процедур и заявлений в электронной форме в общем количестве реализованных процедур и поданных заявлений.

2. Уровень цифрового развития отраслей, предусматривающий наличие у государственных органов и организаций «офисов цифровизации» и специалистов в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

3. Уровень использовании в ключевых бизнес-процессах современных технологий для работы с информацией, в том числе искусственного интеллекта, обработки и анализа больших массивов данных; робототехники, распределенного реестра, беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальности.

4. Уровень внедрения и развития государственных цифровых платформ и информационных систем (ресурсов) в отрасли, предусматривающий наличие государственных цифровых платформ для управления отраслями и широкое их использование.

5. Уровень информатизации реального сектора экономики, предусматривающий оценку внедрения и использования информационных решений в хозяйственной деятельности (управлении персоналом, проектировании, подготовке основных рабочих процессов, реализации выпускаемой продукции и других процессах).

6. Уровень цифрового развития административно-территориальных единиц, предусматривающий внедрение информационных технологий в экономику сферы услуг, в том числе технологий региональной государственной цифровой платформы «Умный город (регион)», интеллектуальных транспортных систем и оснащение камерами видеонаблюдения населенных пунктов, подключенными к республиканской системе мониторинга общественной безопасности [3].

Таким образом, в Беларуси сформирована комплексная система мониторинга, где фундаментальные статистические индикаторы служат базой для оценки и оперативного управления. Эта система постоянно совершенствуется, интегрируя новые методы сбора данных, включая использование больших данных и административных источников. Первая официальная апробация данных показателей применении в 2023 г. выявила низкие темпы внедрения ряда цифровых решений, несмотря на наличие множества реализованных государственных программ по компьютеризации, информатизации, цифровой трансформации и развитию «электронного правительства» национального и отраслевого характера. В части цифровизации услуговых видов деятельности можно провести следующие данные [4].

1. Здравоохранение. По оценке Миссии Всемирной организации здравоохранения, средний показатель уровня развития информационных систем здравоохранения Республики Беларусь на 2023 г. составлял 72,5 % и оценивается как «высокий».

2. Образование. В 2023 году в Республике Беларусь оцифровка бизнес-процессов в организациях системы Министерства образования находится на начальных этапах: основные процессы (учебная деятельность) оцифрованы в 22 % учреждений, вспомогательные (администрирование, хозяйственные нужды) – в 15 %. К 2025 г. запланирована масштабная цифровая трансформация, включающая модернизацию ИТ-инфраструктуры.

3. Транспорт. Развитие данных видов услуг можно оценить как «среднее». У 16 % организаций Министерства транспорта и коммуникаций на 2023 г. оцифрованы основные и у 8% управленческие бизнес-процессы. Уровень цифрового развития транспортно-логистической системы на уровне регионов оценивается как «низкий» за 2023 г.: охват населенных пунктов (с населением более 3 тыс. человек) интеллектуальными транспортными системами составляет менее 1 %, а доля пассажирских транспортных средств, оснащенных универсальной системой управления транспортными средствами с подключением к системе электронных табло, в общем количестве транспортных средств, выполняющих автомобильные перевозки пассажиров – также менее 1 %. Около 7 % остановочных пунктов оснащены электронными табло и менее 1 % пассажирских транспортных средств оборудованы автоматизированной системой оплаты и контроля проезда.

4. Туризм, Культура и Спорт. В Республике Беларусь активно развивается туризм, а на цифровых платформах представлена возможность онлайн-бронирования более 3,2 тыс. объектов размещения. Уровень цифрового развития в сфере культуры на уровне регионов на 2023 г. находится на низком уровне: в среднем лишь 8 % объектов культуры имеют специализированные интернет-сайты и лишь 10 % услуг в сфере культуры оказывают с применением цифровых технологий. Также наблюдался низкий уровень цифрового развития спортивных учреждений (Минспорта) – только в 3 % из них оцифрованы основные и вспомогательные процессы, и учреждений культуры (Минкультуры) – 5 %.

5. Торговля. Более 78 % организаций Республики Беларусь в 2022 г. использовали сеть Интернет для предоставления сведений об организации, ее товарах (работах, услугах), а также

40 % для осуществления электронных расчетов с потребителями. В стране действует более 30 тыс. онлайн-магазинов. Более 24 % организаций в роли производителя товаров, работ (услуг) присутствуют на электронных торговых площадках. По данным странового исследования ПРООН в 2024 г. более 15 % граждан осуществляют коммерческую деятельность в сети Интернет (занимаются онлайн-торговлей) и 87 % граждан совершают покупки через сеть: Интернет-магазины, маркетплейсы и социальные сети.

Проводимое в 2025 году страновое исследование цифровой готовности по методике Программы развития ООН выявило оптимизм граждан в отношении перспектив и возможностей использовать цифровые технологии для повышения уровня жизни, также отметило недовольство населения страны сложностью взаимодействия с государством и исключением ряда групп населения из преференций от цифрового развития – это, например, не масштабированные на сельские регионы сервисы цифровой медицины или образования, недостаточное информирование и постоянная необходимость получения государственных услуг и административных процедур в бумажной форме. Данный оптимизм отразился и в показателях международного рейтинга. Среди таких показателей, например, можно отметить Индекс развития ИКТ (ICT Development Index), при расчете которого исследованы данные цифрового развития 164 стран. Средний балл по указанной совокупности стран составляет 78,2 балла, в том числе самый низкий у Республики Бурунди – 25,3 балла, а самый высокий у Саудовской Аравии – 99,2 балла. Сорок семь стран, в том числе и Республика Беларусь, относятся к странам с высоким уровнем развития ИКТ с показателями от 90 до 100 баллов.

Таким образом, если в 2023 году набирала 86,9 баллов, уступая таким странам, как Россия (88,9 баллов), Казахстан (88,9 баллов), Литва (92,4 балла), Латвия (93,8 баллов), Эстония (96,9 баллов), то принятые меры по цифровому развитию позволили нашей стране достичь в 2025 году показателя в 90,7 баллов, обеспечив за два года самый высокий прирост данного показателя (3,8 процентных пункта) по сравнению с соседними странами, опередив Казахстан (90,5 баллов), а также ряд стран Европейского союза, в том числе Германию (89,6 баллов), Бельгию (89,8 баллов), Чехию (89,3 баллов) и иные страны [5].

Позиции нашей страны укрепились в особенности за счет показателей стоимости корзины фиксированного широкополосного доступа в Интернет (в процентах от ВНД на душу населения) и количеству людей, имеющих мобильный телефон – наша страна получила максимальное значение (100 %). Индивидуальные значения показателей в области телекоммуникаций были следующими: доступность интернета: 91,5 % населения Беларуси пользуется интернетом, и 92,5 % домохозяйств имеют доступ к сети дома; мобильная связь: Беларусь имеет высокий уровень покрытия сетями 3G (99,9 %) и 4G/LTE (98,4 %), а количество абонентов мобильного широкополосного доступа на 100 жителей достигло 103,7. Интернет-трафик: средний объем трафика мобильного широкополосного доступа на одну подписку в Беларуси составляет 166 ГБ, а трафика фиксированного широкополосного доступа – 2005,3 ГБ. Стоимость услуг: в Беларуси наблюдаются низкие затраты на доступ к мобильной связи и широкополосному интернету: цены на мобильную связь и голосовую связь составляют 1,2 % ВНД на душу населения, а на фиксированный широкополосный интернет – 0,7 %.

Таким образом, можно сделать вывод, что Беларусь уверенно движется к построению общества, где информационные технологии доступны каждому, создавая условия для дальнейшего развития и процветания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Government AI Readiness Index 2023. – URL: https://oxfordinsights.com/wp-content/uploads/2023/12/2023-Government-AI-Readiness-Index-1.pdf (дата обращения 20.04.2026).

2. Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32200136 (дата обращения 10.04.2026).

3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300280 (дата обращения 20.04.2026).

4. Основные итоги реализации государственных программ социально-экономической направленности на 2021–2022 годы / Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/gos-programmy/Prilozhenie-2-Informatsija-o-GP.pdf (дата обращения 20.04.2026).

5. Измерение цифрового развития – Индекс развития ИКТ 2025 / Международный союз электросвязи. – URL: https://www.itu.int/hub/publication/D-IND-ICT_MDD-2025-1/ (дата обращения 20.04.2026).

УДК 338.46

НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Фёдоров Евгений Александрович,
кандидат технических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Транспортный комплекс Республики Беларусь в последние годы функционирует в условиях беспрецедентного сочетания внешних и внутренних вызовов. Санкционные ограничения, переориентация товарных потоков с западного на восточное и южное направления, закрытие воздушного пространства, а также стремительное развитие цифровых платформ – все это требует пересмотра сложившихся подходов и выработки новых стратегических ориентиров государственной политики. Помимо активно прорабатываемых в научной среде вопросов развития логистики, диверсификации цепей поставок, совершенствования тарифного регулирования и иных направлений, высокую актуальность приобретают проблемы, связанные с адаптацией механизмов программно-целевого планирования к повышенной турбулентности внешней среды, а также с нарастающим разрывом между коммерческой логикой цифровых платформ и социальной миссией общественного транспорта. Значимыми, наиболее острыми проблемами, требующими первоочередного решения, выступают: отсутствие формализованных механизмов оперативной корректировки государственных программ при наступлении внешних рисков, а также риск монополизации данных и алгоритмического замещения общественного транспорта частными цифровыми платформами, что может привести к утрате государственного контроля над управлением пассажирскими потоками в городах.

Анализ реализации Государственной программы «Транспортный комплекс» на 2021–2025 гг. выявил системную проблему: при высоком уровне финансирования (в ряде подпрограмм – более 100 % от плана) эффективность реализации снизилась с 0,95 в 2021 г. до 0,78 в 2023 г., а степень решения задач по гражданской авиации и водному транспорту упала ниже 0,6 [1–3]. Основная причина – отсутствие формализованных механизмов оперативного реагирования на наступление внешних рисков (санкции, закрытие воздушного пространства, перенаправление грузопотоков). Программа продолжала реализовываться по изначально утверждённой траектории, что приводило к «освоению» средств на мероприятиях, утративших актуальность, и недостижению ключевых целевых индикаторов. При этом сводные целевые показатели, такие как грузооборот, после 2021 года резко отстали от плановых значений: в 2023 году фактический грузооборот составил лишь

82,2 % к уровню 2020 года при плане 108,6 %. Аналогичная ситуация сложилась с экспортом транспортных услуг, который в 2022–2023 годах находился в состоянии стагнации (101,9 % и 101,8 % к 2020 году соответственно). В этой связи одним из приоритетных направлений развития государственной политики выступает внедрение в практику программно-целевого планирования методического подхода, основанного на сочетании риск-ориентированного и сценарного подходов. Предлагается трехуровневая сценарная архитектура: базовый сценарий – реализация утвержденного плана развития при сохранении запланированных условий в допустимых пределах; пессимистичный сценарий – антикризисный режим, активируемый при критических угрозах, предусматривающий перераспределение до 30 % бюджета госпрограммы, заморозку непрофильных проектов и снижение плановых значений целевых показателей на 25–40 %; оптимистичный сценарий – режим стратегического рывка, запускаемый при возникновении объективных возможностей опережающего развития, позволяющий повысить показатели реализации на 15–30 % через привлечение внебюджетного финансирования и ускорение ключевых проектов, с сохранением запрета на компенсацию ошибок планирования и изменений социально-значимых показателей. Переход между сценариями должен осуществляться на основе двойной системы триггеров: превентивных (раннее предупреждение о росте вероятности рисков, например, ухудшение внешнеполитической обстановки или введение новых санкционных ограничений) и реактивных (значимые отклонения целевых показателей как индикаторы системных проблем). Целесообразно также закрепить «цикличный механизм ежегодного пересмотра» Государственной программы, включающий переоценку рисков и возможностей, корректировку пороговых значений триггеров (±15 % от базовых показателей), рекалибровку целевых показателей с учётом фактического выполнения (70 % веса) и обновлённых прогнозов (30 % веса). Такой подход позволит трансформировать государственную программу из статичного документа в динамично адаптируемую систему, сохраняющую стратегическую направленность, что особенно важно в условиях высокой неопределённости и структурной перестройки экономики [4].

Еще одной актуальной проблемой, требующей активного государственного участия, является формирование социально-ориентированной цифровой экосистемы городской мобильности. Цифровые платформы-агрегаторы такси эволюционируют в мультимодальные супераппы, интегрируя общественный транспорт в свои экосистемы [1]. Анализ динамики пассажирских перевозок в Беларуси за 2015–2021 гг. [3] показывает, что рост перевозок такси (с 12,4 до 44,5 млн пассажиров) не является основной причиной падения спроса на общественный транспорт (потеря около 500 млн пассажиров): даже при максимальной оценке переключение с общественного транспорта на такси объяснило бы не более 6–7 % спада. Главными факторами являются автомобилизация (парк легковых автомобилей за 30 лет вырос в 3,6 раза и к 2024 г. превысил 3 млн единиц, что соответствует уровню один автомобиль на трёх жителей) и изменение моделей мобильности населения. В условиях стремительного развития цифровых платформ сохраняется высокий риск того, что при отсутствии активной государственной политики частные платформы, опираясь на контроль над большими данными о транспортном поведении граждан и алгоритмами ранжирования, начнут перенаправлять пассажиропотоки с общественного транспорта на коммерчески более выгодные для них сервисы (такси, каршеринг, кикшеринг). Как свидетельствует международный опыт (в частности, ситуация на рынке такси России, где он фактически монополизирован с непрозрачными механизмами ценообразования), развитие цифровых платформ в правовом вакууме ведёт к усилению зависимости исполнителей и утрате государственного контроля над критическими данными.

Классическая линейная эволюция уровней MaaS (Mobility as a Service), включающая последовательный переход от интеграции информации (уровень 1) к интеграции бронирования и оплаты (уровень 2), затем к интеграции сервисного предложения (уровень 3) и лишь в конце – к интеграции социальных целей (уровень 4) [3], в условиях доминирования

частных платформ оборачивается серьёзными рисками. Как отмечается в современных исследованиях [5], развитие MaaS без своевременной интеграции социальных целей не позволяет транспортным системам подняться выше второго или третьего уровня, поскольку достижение социальных целей напрямую влияет на уровень монетизации платформ. Сдерживающим фактором выступает рыночная логика и лоббирование интересов цифровых платформ. В результате возникает институциональный и технологический разрыв: бизнес-логика, зашитая в платформе, сопротивляется задачам, которые снижают коммерческую эффективность, но необходимы городу (обеспечение доступности для маломобильных групп, поддержание социальных тарифов, приоритет общественного транспорта).

В качестве альтернативы линейному развитию предлагается перейти к «циклической модели» построения цифровой экосистемы городского пассажирского транспорта, в которой интеграция социальных целей задаётся как системообразующий вектор с самого начала, определяя нормативные, технологические и экономические рамки для всех операционных слоёв. В этой модели должны быть реализованы три непрерывные функции: социальная стратегия (определение долгосрочных целей транспортной политики, утверждение стандартов открытости данных, правил субсидирования), управление социально-ориентированным развитием (оптимизация маршрутов и расписаний на основе данных о спросе, координация с операторами каршеринга, кикшеринга и такси) и обратная связь (мониторинг показателей социальной эффективности, выявление «узких мест» транспортной сети). Государству в такой модели отводится роль инфраструктурного интегратора: оно не разрабатывает конечные приложения, а создаёт открытые стандарты обмена данными, единый платёжный хаб (например на базе ЕРИП, валидаторов и сервиса «О!плати»), аналитическое ядро для сбора и обработки данных, а также правила недискриминационного оказания транспортных услуг. Ключевым инструментом реализации баланса интересов становится аккредитация государством частных цифровых платформ, которая предоставляет им коммерческие выгоды (доступ к данным и продажа билетов на общественный транспорт, включение собственных сервисов в мультимодальные маршруты) в обмен на встречные обязательства: передачу обезличенных агрегированных данных о поездках на такси, каршеринге и кикшеринге для планирования работы общественного транспорта; соблюдение стандартов недискриминационного ранжирования коммерческих услуг (например, запрет на искусственное продвижение такси); обеспечение инклюзивности интерфейсов; локализацию пользовательских данных на территории Республики Беларусь.

Таким образом, под влиянием структурных изменений и цифровой трансформации, транспортный комплекс Республики Беларусь находится в «точке принятия решений», где фрагментированная цифровизация, развитая сеть общественного транспорта как социальная гарантия, готовность крупных цифровых платформ к диалогу и накопленный отечественный технологический задел создают уникальное окно возможностей. Своевременная проработка предлагаемых направлений позволит сформировать инструменты реализации государственной политики в транспортной системе страны, направленные на социально-ориентированное развитие общественного транспорта и технологический суверенитет его цифровой экосистемы. Упущение этого окна возможностей, напротив, приведёт к монополизации данных, алгоритмическому замещению общественного транспорта, росту цифрового неравенства и деградации его социальной миссии, что потребует в будущем значительно больших ресурсов для исправления сложившихся дисбалансов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. В 2026 году в Yandex Go появится общественный транспорт // Информационное агентство РБК. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/10/2025/68f669629a79476f07796255 (дата обращения 19.03.2026).

2. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10209000003 (дата обращения 17.03.2026).

3. Mobility as a Service: Development scenarios and implications for public transport / G. Smith, J. Sochor, I.C.M. Karlsson // Research in Transportation Economics, Elsevier. – 2018. – Vol. 69. – P. 592–599.

4. Фёдоров Е.А. Методический подход к разработке и реализации государственных программ развития транспортного комплекса // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы: сб. науч. ст.: в 3 томах. Т. 2 / ред. кол.: Д.В. Муха (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: БГУИР, 2025. – С. 67–73.

5. Structure of the Integration of Mobility as a Service (MaaS) with Urban Policy / Y. Toyama, G. Hayauchi, F. Nakamura, Y. Kanda, // Proceedings of the 10th TRA Conference, 2024, Dublin, Ireland – 2024. – Vol. 2: Sustainable Transport Development. – P. 730–736.

УДК 338.46:379.8(476)

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРИДОРОЖНОГО СЕРВИСА БЕЛАРУСИ

Веремейчик Татьяна Владимировна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Современное состояние и перспективы развития придорожного сервиса в Республике Беларусь характеризуются формированием комплексной инфраструктурной сети вдоль магистральных автомобильных дорог общего пользования. Данная система включает широкий спектр материально-технических объектов и сервисных функций, направленных на удовлетворение потребностей участников внутреннего и транзитного дорожного движения.

Объекты сервиса представляют собой многопрофильные комплексы, объединяющие автозаправочные станции (АЗС), пункты технического обслуживания (СТО), гостиничные структуры (мотели, кемпинги), а также предприятия торговли и общественного питания. Дополнительно обеспечивается доступ к услугам страхования, администрирования платных дорог и специализированным площадкам для караванинга.

Проектирование современных комплексов базируется на принципах ландшафтного дизайна и создания комфортных рекреационных зон. Особое внимание уделяется инклюзивности (формированию безбарьерной среды) и организации досуга для различных возрастных групп населения.

Внедрение систем предварительного заказа услуг и цифровизация торговых процессов способствуют повышению пропускной способности объектов и оптимизации временных затрат пользователей. Основным вектором развития отрасли является обеспечение безопасности дорожного движения и повышение качества обслуживания на 13 ключевых магистралях страны, что способствует укреплению транзитного потенциала республики и созданию благоприятных условий для автомобильного туризма.

Согласно данным Республиканского унитарного предприятия «Белдорцентр» по состоянию на 1 января 2026 г. Республика Беларусь обеспечивается сетью автомобильных дорог общего пользования протяженностью 86 446 км. В структуре дорожной сети выделяются республиканские дороги – 15 934 км (18,4 % от общей протяженности) и местные дороги – 70 512 км (81,6 %). Искусственные сооружения на автомобильных дорогах представлены 5 179 мостами совокупной длиной 186,2 км. На долю республиканских трасс приходится 2 246 мостовых сооружений (107,4 км) и 23 444 водопропускные трубы (461,4 км).

Дополнительно функционирует одна паромная переправа с механической тягой. Для республиканской сети дорог характерно наличие твердого покрытия на всем ее протяжении. Бóльшая часть из них асфальтобетон (15 434 км), остальная часть распределена между цементобетонными (336 км), щебеночно-гравийными (92 км) и покрытиями из черного щебня (65 км). Мостовые покрытия занимают 7 км.

Современная инфраструктура придорожного сервиса на республиканских автомобильных дорогах характеризуется разветвленной сетью объектов различного функционального назначения. По состоянию на текущий период функционируют 414 автозаправочных станций (АЗС), 159 газозаправочных пунктов, а также ряд объектов сопутствующей инфраструктуры: 72 гостиничных комплекса, 101 охраняемая стоянка, 436 торговых предприятий, 586 объектов общественного питания и 74 пункта технического обслуживания. Действующие АЗС представляют собой многофункциональные комплексы, соответствующие актуальным технологическим, экологическим и противопожарным регламентам.

Трансформация энергетического сектора и рост парка электромоторного транспорта обуславливают интенсивное развитие зарядной инфраструктуры. Ведущим оператором национальной сети электрозарядных станций (ЭЗС) выступает государственный концерн «Белоруснефть». На 1 января 2026 г. общее количество установленных ЭЗС достигло 747 единиц. Прогнозный план расширения сети предполагает введение в эксплуатацию еще порядка 200 объектов, включая около 70 единиц в г. Минске и распределение остальных мощностей вдоль магистральных автодорог, в областных и районных центрах. Особое значение придается внедрению 23 супербыстрых зарядных комплексов, обеспечивающих высокую пропускную способность и возможность одновременной зарядки нескольких транспортных средств [1].

С целью обеспечения системного подхода к территориальному планированию и соблюдения нормативов равномерного размещения сервисных объектов, постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 27 октября 2025 г. № 90 была утверждена «Генеральная схема развития придорожного сервиса на 2026–2030 годы». Данный документ, согласованный с РУП «Белдорцентр» и региональными исполнительными комитетами, регламентирует локацию строящихся и перспективных объектов. Генеральная схема выполняет функцию инструмента привлечения инвестиций, определяя приоритетные участки для строительства новых предприятий сервиса с учетом соблюдения рекомендуемых дистанций между однотипными объектами, что способствует сохранению устойчивых темпов количественного и качественного роста отраслевой инфраструктуры.

Вопросы организации придорожного сервиса в Беларуси регулирует целый ряд нормативных документов:

– Закон Республики Беларусь от 2 декабря 1994 г. № 3434-XII «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности»;

– Положение о порядке размещения, архитектурного оформления и оборудования объектов придорожного сервиса на автомобильных дорогах общего пользования, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 сентября 2008 г. № 1326 «О некоторых вопросах размещения объектов придорожного сервиса»;

– Указ Президента Республики Беларусь от 15 мая 2008 г. № 270 «О мерах по развитию придорожного сервиса»;

– Генеральная схема развития придорожного сервиса на республиканских автомобильных дорогах на 2026–2030 годы, утвержденная постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 27 октября 2025 г. № 90 [2].

Созданная нормативная правовая база, регулирующая вопросы придорожного сервиса, в полной мере соответствует современным требованиям рынка услуг и способствует количественному и качественному развитию придорожного сервиса в республике.

На основе представленных нормативных правовых актов Республики Беларусь, систему преференций в сфере строительства и обслуживания объектов придорожного сервиса (ОПС) можно классифицировать по четырем основным направлениям:

1) финансово-экономические льготы в сфере землепользования. Данная льгота не распространяется на объекты, возводимые в пределах г. Минска, областных центров, а также в границах прилегающих к ним районов (Брестского, Витебского, Гомельского, Гродненского, Минского и Могилевского);

2) упрощение административных процедур предоставления участков. Льготы исключаются для наиболее инвестиционно-привлекательных зон (столица, областные центры и их пригородные районы), где распределение ресурсов сохраняет конкурентный характер;

3) минимизация издержек по возмещению экологических и производственных потерь. Условием применения данной нормы является локализация объекта в пределах придорожной полосы (контролируемой зоны) республиканских автомобильных дорог либо на участках, непосредственно к ней примыкающих. Это позволяет существенно снизить капитальные затраты на начальной стадии реализации инвестиционного проекта;

4) стимулирование через инструменты льготного кредитования. Субъектам хозяйствования предлагаются льготные кредитные линии на срок до пяти лет со сниженной процентной нагрузкой: в национальной валюте – в размере 2/3 ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь в иностранной валюте – по фиксированной ставке 8 % годовых [2].

Основные перспективные направления развития придорожной инфраструктуры Республики Беларусь:

1. Развитие многофункциональных комплексов (МФК). МФК обеспечивают объединение автозаправочных станций, торговых площадей, предприятий общественного питания и гостиничных мощностей. Проектирование таких узлов базируется на строгом соблюдении нормативов безопасности и дифференциации парковочных зон по типам транспортных средств.

2. Технологическая трансформация и развитие электрозарядной инфраструктуры. В условиях глобальной электромобильности стратегическим приоритетом становится установка станций быстрой зарядки (ultra-fast chargers). Данная мера рассматривается как обязательный стандарт технической оснащенности объектов дорожного сервиса, обеспечивающий конкурентоспособность транспортных коридоров.

3. Интеграция сервисной сети в туристическую экосистему. Предполагается создание инфраструктурных объектов с рекреационными и культурно-историческими маршрутами. Использование высокого индекса безопасности и гостеприимства региона позволяет рассматривать дорожный сервис как значимый фактор экспорта туристических услуг.

4. Стандартизация и модернизация качественных показателей обслуживания. Необходима модернизация существующих мощностей для достижения соответствия техническим регламентам и сервисным стандартам ЕАЭС. Акцент смещается на повышение уровня комфорта, что способствует росту потребительской лояльности в условиях транзитных перевозок.

5. Освоение ключевых трасс. Первоочередное освоение территорий, прилегающих к ключевым транспортным артериям (в частности, М1/Е30), обусловлено высокой интенсивностью транспортных потоков. Развитие инфраструктуры вблизи пограничных пунктов пропуска и крупных логистических центров является важным условием реализации транзитного потенциала страны [3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беговский А. Названа общая протяженность автомобильных дорог в Беларуси. – URL: https://auto.onliner.by/2026/03/08/nazvana-obshhaya-protyazhennost-avtomobilnyx-dorog-v-belarusi (дата обращения 15.04.2026).

2. Сайт Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. – URL: https://mintrans.gov.by/ru/dorozhnoe-khozyajstvo/pridorozhnyj-servis (дата обращения 15.04.2026).

3. Развитие придорожного сервиса в Республике Беларусь: преимущества, ограничения, приоритеты. – URL: https://elib.gstu.by/bitstream/handle/220612/10469/%20%20%20%20%20%20%20%20%20,%20%20.%20%20.%20%20%20%20%20%20%20%20%20....pdf?sequence=1 (дата обращения 17.04.2026).

УДК 338.46:379.85

РЕАЛИЗАЦИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Гурская Елизавета Васильевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Круглик Дарья Андреевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В современных условиях развития сферы услуг особое значение приобретают инновационные процессы, определяющие динамику качества туристической деятельности. Как отмечается в научной литературе, «в туризме большое влияние на уровень качества услуг оказывают инновационные процессы, в частности, разработка новых туристических технологий и направлений, что влечет за собой повышение требований к качеству туристических услуг, а также подготовке работников туристической индустрии» [1, с. 5]. При этом «туризм рассматривается государством как перспективный вид деятельности и драйвер развития экономики в ряде регионов Беларуси, вопросы обеспечения и оценки качества туристских услуг остаются актуальными» [1, с. 45]. Туризм выделен в отдельный приоритет направлением социально-ориентированной политики. В Беларуси реализуются туристические мероприятия, нацеленные на улучшение качества жизни населения, включая туристическое кредитование, программу кешбэка, корпоративный туризм как часть социального пакета и реферальные программы.

Туристическое кредитование в Беларуси представляет собой финансовый продукт, который предлагают некоторые банки населению в форме целевых займов или рассрочки, предназначенных исключительно для оплаты путёвок, санаторно-курортного лечения и экскурсионных программ. Человек не получает на руки деньги, но может поехать отдыхать или лечиться прямо сейчас, а платить потом небольшими суммами. Формально это обычная банковская услуга, работающая на рыночных принципах: банк проверяет платёжеспособность клиента, но не требует подтверждения низкого дохода или статуса нуждающегося. Однако если посмотреть на социальный результат, то становится понятен её профилактический смысл. Регулярный отдых и санаторное лечение снижают риск хронической усталости, профессионального выгорания и серьёзных соматических и психических заболеваний. Именно болезни и связанная с ними потеря трудоспособности очень часто становятся отправной точкой трудной жизненной ситуации – человек теряет работу, его доходы падают,

расходы на лечение растут, и семья оказывается на грани бедности. Таким образом, туристическое кредитование работает на опережение: оно не помогает справляться с уже наступившей бедой, но заметно уменьшает вероятность того, что она вообще случится. Важно и то, что человек действует самостоятельно – принимает решение взять кредит, выбирает направление поездки и отвечает за своевременное погашение долга. Государство или банк лишь предоставляют удобный инструмент, не подменяя собой личную ответственность гражданина. Таким образом, туристическое кредитование органично вписывается в логику активизации собственных усилий человека, которая составляет одну из ключевых целей социального обслуживания, хотя формально таковым не является.

Программа кешбэка за путешествия по Беларуси, которая действует, например, при использовании карты «Покупка» Беларусбанка. Когда человек оплачивает такой картой гостиницу, билеты на поезд, экскурсии или ресторан в другом городе, банк возвращает ему небольшой процент от потраченной суммы. С точки зрения отдельного человека это просто приятная экономия. Но в масштабах страны этот механизм приводит к важным социальным последствиям. Люди начинают чаще путешествовать по своим родным местам, а не только за границу. Их деньги остаются в малых городах и сёлах – они идут местным таксистам, продавцам сувениров, хозяевам агроусадеб и официантам. Там появляются рабочие места, и доходы местных жителей постепенно растут. А когда у человека есть стабильный заработок, ему гораздо легче избежать бедности или других трудных жизненных ситуаций. Получается, что программа кешбэка, будучи чисто маркетинговым инструментом, выполняет важную социальную роль: она сглаживает разницу между богатым Минском и бедными регионами и тем самым снижает риск обнищания для многих семей [2].

Корпоративный туризм как часть социального пакета. Крупные белорусские предприятия, такие как МАЗ, БЕЛАЗ или «Гродно Азот», закупают оптом санаторные путёвки и экскурсионные туры, а затем раздают их своим сотрудникам либо бесплатно, либо за небольшую доплату. Для работника это возможность отдохнуть и подлечиться по цене гораздо ниже рыночной, а для предприятия – способ сохранить здоровье и работоспособность персонала. Важно, что такая поддержка доступна всем сотрудникам, независимо от их доходов и семейного положения, и не требует подтверждения нуждаемости. Поэтому по закону это нельзя назвать социальной услугой. Но, если посмотреть на суть, то корпоративный туризм отлично вписывается в логику профилактики. Человек, который раз в год отдыхает в санатории, реже болеет и берёт больничные, в целом остаётся активным дольше, а значит, его семья меньше сталкивается с ситуацией, когда из-за болезни кормильца резко падают доходы. Кроме того, такой отдых помогает снять стресс и предотвратить эмоциональное выгорание, которое тоже может привести к серьёзным жизненным трудностям. Так что корпоративный туризм – это не просто приятный бонус от работы, а реальный вклад в устойчивость человека и его семьи.

Реферальные программы в туризме. Многие турагентства и онлайн-сервисы бронирования платят своим клиентам небольшие деньги за то, что те приводят друзей. Например, человек делится ссылкой, по которой его знакомый покупает тур, а он получает за это 20 или 50 рублей на карту. По сути, это обычная маркетинговая акция, и ни о какой социальной помощи здесь речи не идёт. Однако у этого механизма есть социальный эффект. Такие программы позволяют зарабатывать тем, у кого много знакомых, но мало других возможностей для заработка. Чаще всего это студенты или пенсионеры. Для них даже небольшие суммы в 50 рублей могут быть серьёзным подспорьем. На эти деньги можно купить лекарства, оплатить проезд или сводить ребёнка в кружок. И при этом человеку не нужно подтверждать, что он бедный, не нужно собирать справки и стоять в очередях. Достаточно просто быть активным и рассказывать друзьям о туристических предложениях. Так обычный маркетинговый приём превращается в инструмент, который помогает людям с низкими доходами немного улучшить своё положение [3].

Рассмотренные туристические мероприятия – кредитование, кешбэк, корпоративный и реферальный туризм – формально не подпадают под законодательное определение социальной услуги, однако каждый из них в своей сути направлен на профилактику трудных жизненных ситуаций и активизацию собственных усилий граждан. Именно эти признаки (превентивность и поддержка самостоятельности) являются ключевыми для социального обслуживания, что позволяет рассматривать данные мероприятия не как прямую социальную помощь, а как эффективный социально ориентированный механизм. Обращаясь к законодательному определению, «социальная услуга – это деятельность по предупреждению или преодолению трудной жизненной ситуации, не связанная с материальной помощью, где ключевыми являются профилактика проблем и активизация собственных усилий гражданина» [4]. В отличие от этого мы считаем, что социальная политика, проводимая государством, охватывает значительно более широкий спектр направлений: торговлю, транспорт, связь, финансы, образование, здравоохранение, культуру и другие сферы. Фактический перечень таких услуг подпадает под более широкое понятие, чем формально закреплённый в документах.

Перечисленные мероприятия не попадают под данное определение социальной услуги, поскольку предоставляются не организациями социального обслуживания, а банками и компаниями, не нацелены исключительно на помощь в уже наступившей трудной ситуации и связаны с получением денег или экономией. Их действие направлено на профилактику – то есть на этап, предшествующий возникновению трудной жизненной ситуации, когда её наступление ещё возможно предотвратить. Кроме того, указанные услуги способствуют созданию условий и возможностей для граждан самостоятельно поддерживать своё благополучие. В связи с изложенным, подобные мероприятия правомерно характеризовать как социально ориентированные услуги, дополняющие традиционные социальные услуги и заслуживающие рассмотрения в качестве важной части современной социальной политики.

Можно определить, что понятие социальной услуги является недостаточно широким для описания услуг, оказываемых населению, и по этой причине есть необходимость в выделении новой категории услуг, а именно социально ориентированных услуг. Это наглядно демонстрирует пример мероприятий в сфере туризма: если традиционная социальная услуга предполагает помощь в уже наступившей трудной ситуации, то туристическое услуги работают на предотвращение таких ситуаций через создание возможностей для отдыха, оздоровления и дополнительного заработка. Таким образом, социально ориентированные услуги включают не только меры социальной защиты, но и широкий спектр рыночных инструментов, опосредованно способствующих повышению уровня и качества жизни. Исходя их этого, мы можем дать более чёткое понятие. Под социально ориентированными услугами нами подразумеваются услуги, направленные на повышение уровня и качества жизни населения, развитие человеческого потенциала и создание равных возможностей для самореализации граждан. В отличие от традиционной социальной услуги, ориентированной на помощь в уже наступившей трудной жизненной ситуации, социально ориентированная услуга работает на опережение, предотвращая такие ситуации через развитие человеческого капитала, доступность оздоровления, отдыха и дополнительных доходов, в том числе с использованием рыночных инструментов.

Таким образом можно сделать следующие выводы:

1. Туристические мероприятия (кредитование, кешбэк, корпоративный и реферальный туризм) не являются социальными услугами в узком юридическом смысле, но выполняют важную профилактическую функцию, снижая риски возникновения трудных жизненных ситуаций через оздоровление, отдых и дополнительные доходы.

2. Существующее законодательное определение социальной услуги ориентировано на помощь в уже наступившей трудной ситуации, тогда как рассмотренные инструменты работают на опережение, что обосновывает необходимость введения и закрепления категории «социально ориентированные услуги», которые включают рыночные механизмы, способствующие повышению качества жизни, развитию человеческого потенциала и равных возможностей для самореализации граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Повышение качества в сфере услуг: тенденции и приоритетные направления: научный доклад / Н.Н. Морозова [и др.]; науч. ред. Н.Н. Морозова; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2024. – 94 с.

2. Козловская Н.В. Внутренний туризм как фактор выравнивания регионального развития // Региональная экономика и социальное развитие. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 112–120.

3. Петрова Е.И. Неформальные механизмы дохода в туристической сфере: социальный аспект реферальных программ // Туризм и региональное развитие. – 2021. – № 2 (14). – С. 45–52.

4. Закон Республики Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-З (в редакции от 30 декабря 2025 г.) «О социальном обслуживании». – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10000395 (дата обращения: 27.04.2026).

УДК [338.46+351.824.1]:004(476)

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ ИТ-ОТРАСЛИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Савлук Татьяна Константиновна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Реагируя на глобальные вызовы – пандемийные ограничения, геополитическую напряженность и экономические санкции, – белорусское государство адаптировало нормативно-правовую базу с помощью комплекса мер. Регулирование ИТ-сектора трансформировалось от частичных мер к формированию целостной системы, направленной на достижение цифрового суверенитета, стимулирование отечественных разработок и обеспечение кибербезопасности.

Становление правового поля регулирования ИТ-сферы в Беларуси прошло несколько этапов, характеризующихся постепенным усложнением и структурированием подходов. Начальным звеном стало принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики», который создал базовые условия для функционирования Парка высоких технологий (ПВТ) и предоставил резидентам особые преференции для деятельности в сфере искусственного интеллекта и других перспективных направлений [1]. Этот документ стал катализатором притока инвестиций и кадров в отрасль, однако к началу 2020-х годов в условиях нарастания неблагоприятных явлений потребовалась более системная работа.

Дальнейшее развитие нормативной базы происходило по следующим ключевым направлениям:

– Цифровизация государственного управления – принятие Закона Республики Беларусь от 7 декабря 2023 г. № 314-З, который внес изменения в Закон «Об основах административных процедур» и закрепил правовой статус электронных административных процедур, ввел понятия «цифровизация административной процедуры» и «информационное взаимодействие» [2]. Данные меры направлены на повышение эффективности госуправления в сложных условиях через снижение транзакционных издержек и внедрение проактивного формата предоставления услуг.

– Формирование технической стандартизации – создание национального технического комитета по стандартизации в сфере искусственного интеллекта, что является основой для обеспечения совместимости и безопасности цифровых решений отечественного производства [1].

– Развитие образовательного и кадрового потенциала – введение в 2023 г. новых специальностей в высшем образовании, таких как «Безопасность информационных технологий» и «Информационно-аналитические системы безопасности», что свидетельствует о осознании государством критической важности подготовки специалистов для обеспечения технологической независимости [2].

Особенностью белорусского подхода является опережающее нормативное регулирование, выражающееся в создании правовых рамок для еще только формирующихся технологических областей. Это особенно ярко проявляется в активной работе над законопроектом об искусственном интеллекте, которая ведется в рамках рабочей группы с участием Национальной академии наук, Оперативно-аналитического центра при Президенте и Министерства связи и информатизации [1].

В условиях нарастания внешних вызовов, включая санкционное давление и ограничения на приобретение высокотехнологичной продукции, в Беларуси была разработана и утверждена Концепция обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года (постановление Совета Министров от 31 декабря 2024 г. № 1074) [3]. Этот документ представляет собой системный ответ на негативные тенденции и задает вектор цифровой трансформации экономики и государственного управления на ближайшую перспективу. Ключевыми целями документа являются: обеспечение национальных интересов в сфере цифрового развития; создание основы формирования механизма обеспечения цифрового суверенитета; минимизация рисков санкционного давления и ограничений на приобретение высокотехнологичной продукции и ИКТ; создание благоприятных условий для ускоренной разработки и внедрения технологических инноваций [3].

Диагностируемые в Концепции проблемы отражают уязвимости белорусской ИТ-сферы в условиях нестабильности. Среди них – слабое понимание и недостатки реализации государственной политики в отдельных отраслях экономики, разная степень цифровой зрелости отраслей и организаций, низкие темпы развития экономики данных, а также высокая степень использования импортных аппаратных и программных средств [3]. Эти проблемы обуславливают зависимость национальной экономики от внешних поставщиков и создают серьезные риски в условиях геополитической нестабильности.

Для достижения поставленных целей Концепция предусматривает реализацию мер по семи ключевым направлениям:

1. Формирование нормативной правовой базы – развитие законодательства, адекватного вызовам цифровой эпохи.
2. Принятие организационно-распорядительных мер – совершенствование системы государственного управления в сфере цифрового развития.
3. Развитие национальной ИТ-индустрии – стимулирование разработки отечественного программного обеспечения.
4. Развитие промышленного потенциала – создание производства высокотехнологичной продукции (микро- и радиоэлектроника).
5. Стимулирование научно-исследовательского сектора – формирование основы для развития отечественных ИКТ.
6. Развитие кадрового потенциала – подготовка и переподготовка специалистов в сфере цифровых технологий.
7. Формирование ИКТ-инфраструктуры – создание технологической основы для цифровой стабильности [3].

Ожидается, что реализация Концепции позволит обеспечить эффективное государственное регулирование и результативную реализацию государственной политики в сфере цифрового развития, достичь высокой степени цифровизации системы государственного управления, экономики и социальной сферы, а также создать благоприятные условия для ускоренной разработки и внедрения технологических инноваций [3].

В условиях негативных тенденций искусственный интеллект становится не только инструментом оптимизации экономических процессов, но и источником новых рисков, требующих адекватного нормативного реагирования. В Беларуси технологии на основе ИИ уже применяются в промышленности, сельском хозяйстве, медицине, логистике и других секторах экономики [1]. Однако правовое регулирование этой сферы только формируется.

Развитие регулирования искусственного интеллекта в Беларуси характеризуется стремлением найти баланс между стимулированием инноваций и минимизацией связанных с ними рисков. С одной стороны, признается инновационный потенциал ИИ, о чем свидетельствует его активное внедрение для оптимизации производственных процессов, прогнозирования поломок оборудования, мониторинга состояния посевов в сельском хозяйстве, диагностики заболеваний в медицине [1]. С другой стороны, государство осознает серьезные риски, связанные с бесконтрольным использованием данных технологий.

Среди ключевых рисков, отмечаемых белорусскими экспертами: искусственная монополизация мировыми лидерами рынка технологий ИИ и ограничение доступа к ним; манипуляция общественным мнением с помощью дипфейков и дезинформации, созданной нейросетями; избыточный сбор и незаконный оборот персональных данных на фоне повсеместного внедрения ИИ; профессиональная деградация в таких сферах, как медицина и образование; снижение навыков критического мышления и потеря индивидуальности творческого подхода [1].

Негативные тенденции обусловили необходимость реформирования системы государственного управления в ИТ-сфере. В 2025 г. были внесены изменения в Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации», направленные на совершенствование государственного регулирования цифрового развития [4]. Эти изменения включают: расширение полномочий регионов в сфере цифрового развития за счет местных инновационных фондов; расширение перечня услуг, предоставляемых отраслевыми офисами цифровизации и Центром цифрового развития для государственных органов и организаций за счет бюджетных средств; повышение статуса координации цифровой трансформации – Премьер-министр лично курирует Министерство связи и информатизации и возглавляет Наблюдательный совет ПВТ [4].

Анализ изменений в регулировании ИТ-сектора Беларуси в условиях негативных тенденций позволяет сделать вывод о формировании комплексного подхода государства, сочетающего стимулирование инноваций с обеспечением технологической независимости и безопасности. Разрабатываемое законодательство об искусственном интеллекте, реализация Концепции цифрового суверенитета до 2030 года и институциональные преобразования в сфере цифрового развития свидетельствуют об осознании белорусским руководством стратегической важности ИТ-отрасли для преодоления негативных тенденций.

Для укрепления информационной и экономической безопасности целесообразным является реализация следующих мер: корректировка законодательства, мониторинг технологий, международное сотрудничество по киберугрозам, создание цифровых платформ, усиление аутентификации, цифровая грамотность, подготовка кадров, НИОКР и объединение регуляторов в кибербезопасности [5, с. 49–50].

Однако эффективность принимаемых мер будет зависеть от последовательности их реализации, адекватности финансирования и способности сохранить баланс между регулированием и свободой инноваций. Дальнейшее развитие ИТ-отрасли в Беларуси будет определяться способностью государства и бизнеса к совместному поиску решений, отвечающих как текущим вызовам, так и долгосрочным целям цифровой трансформации экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. В Беларуси разрабатывается законодательная основа для активного внедрения систем искусственного интеллекта. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/september/90188/ (дата обращения 13.04.2026).

2. Обзор законодательства Республики Беларусь в области цифровизации за декабрь 2023 года. – URL: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2024/january/76461/ (дата обращения 13.04.2026).

3. Как будет обеспечиваться цифровой суверенитет Беларуси до 2030 года. – URL: https://etalonline.by/novosti/korotko-o-vazhnom/tsifrovoy-suverenitet-belarusi/ (дата обращения 13.04.2026).

4. Беларусь улучшает цифровое регулирование. – URL: https://eng.belta.by/president/view/belarus-improves-digital-regulation-landscape-168144-2025/ (дата обращения 13.04.2026).

5. Приоритетные направления обеспечения экономической безопасности сферы услуг Беларуси: научный доклад / Н.Н. Морозова [и др.]; науч. ред. Н.Н. Морозова; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2023. – 92 с.

РАЗДЕЛ 7. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

УДК 343.2.7(346.545)(347.19)

СНИЖЕНИЕ КРИМИНОГЕННЫХ РИСКОВ В ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Гладкая Екатерина Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Проведение политики декриминализации экономики Республики Беларусь является необходимым условием для устойчивого развития страны, повышения ее конкурентоспособности на международной арене и обеспечения социальной стабильности. Ключевыми аргументами в поддержку проведения данной политики являются:

1. Повышение инвестиционной привлекательности. Экономическая преступность создает негативный имидж страны для иностранных и отечественных инвесторов. Устранение криминальных элементов способствует созданию более прозрачной и предсказуемой бизнес-среды, что стимулирует приток инвестиций.

2. Улучшение делового климата и условий для бизнеса. Легальный и честный бизнес становится более конкурентоспособным по сравнению с теневым сектором. Упрощение процедур, снижение коррупционных рисков и снижение административных барьеров создают условия для развития малого и среднего предпринимательства.

3. Снижение уровня ненаблюдаемой экономики. Ненаблюдаемая экономика подрывает налоговые поступления, создает несправедливую конкуренцию и способствует отмыванию денег. Декриминализация способствует легализации бизнеса, увеличению налоговых поступлений и укреплению финансовой системы.

4. Повышение социальной стабильности и доверия к государству. Борьба с экономической преступностью уменьшает уровень коррупции, повышает доверие граждан к институтам власти.

5. Создание условий для защиты прав и законных интересов добросовестных субъектов хозяйствования.

6. Развитие правового государства и укрепление правопорядка. Совершенствование законодательства и практики борьбы с экономическими преступлениями способствует формированию культуры законопослушного поведения в бизнесе.

7. Обеспечение равных условий для всех участников рынка.

8. Предотвращение экономических кризисов и финансовых потерь. Устранение криминальных схем помогает снизить риски финансовых потерь для государства, бизнеса и граждан.

9. Формирование устойчивой экономики.

10. Международная интеграция и соответствие международным стандартам. Реализация мер по декриминализации экономики соответствует международным обязательствам по борьбе с отмыванием денег, коррупцией и экономическими преступлениями (например, рекомендациям FATF).

Работа по декриминализации экономических рисков субъектов хозяйствования была начата в Республике Беларусь в 2017 г. на основании распоряжения Премьер-министра Республики Беларусь от 23.02.2017 № 58р «О создании межведомственной экспертной группы по выработке предложений по вопросам декриминализации экономических рисков субъектов хозяйствования» и продолжается до настоящего времени. За этот период курс с либерализации

ответственности субъектов экономических отношений постепенно сменялся на ее усиление, что в 2021–2024 гг. привело к росту числа экономических преступлений и численности лиц, их совершивших [1, 2].

В 2025 г. в рамках выполнения поручений Главы государства и Совета Министров Республики Беларусь Министерством экономики Республики Беларусь разработан проект Указа Президента Республики Беларусь «Об изменении Директивы Президента Республики Беларусь», в соответствии с которым предлагается Директиву Президента Республики Беларусь от 31.12.2010 № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» (далее – проект Указа об изменении Директивы № 4) изложить в новой редакции. Основные положения проекта Указа об изменении Директивы № 4 включают меры по ускорению перевода взаимодействия «государство – бизнес» в цифровой формат; расширение инструментов привлечения трудовых ресурсов; закрепление института семейного предпринимательства; гарантии минимизации вмешательства контролеров в хозяйственную деятельность; меры по декриминализации экономических рисков; меры по развитию поддержки малого и среднего предпринимательства и прочее. В части мер по декриминализации экономических рисков проектом Указа об изменении Директивы № 4 предусмотрено освобождение от уголовной ответственности за налоговые преступления при полном возмещении ущерба, уплате уголовно-правовой компенсации, пеней и штрафов, введение отсрочки, рассрочки их уплаты; пересмотр пороговых значений ущерба; принцип равенства уголовно-правовой оценки субъектов частной и государственной форм собственности; индивидуализация применения мер пресечения под стражу.

В дальнейшем проведение политики декриминализации экономики Республики Беларуси предполагает постепенное снижение уровня криминальных проявлений в экономической сфере и укрепление правового и институционального поля. Прогнозируется: улучшение бизнес-климата благодаря совершенствованию нормативной правовой базы, снижению административных барьеров и повышению прозрачности деятельности субъектов хозяйствования; снижение уровня экономической преступности за счет усиления правоохранительных мер, модернизации системы расследования и профилактики, а также усиления ответственности за отдельные виды экономических правонарушений; рост доверия к институтам власти и бизнес-среде, что будет способствовать привлечению иностранных инвестиций и развитию честной конкуренции; расширение практики использования цифровых платформ, автоматизация процессов контроля и мониторинга для предотвращения криминальных схем; повышение уровня правовой культуры среди участников рынка путем обучения, проведения информационной работы и развития механизмов защиты добросовестных субъектов хозяйствования.

При этом действенный механизм снижения криминогенных рисков в национальной экономике должен носить комплексный характер и включать в себя следующие элементы:

1. Мониторинг и анализ криминогенной ситуации (для систематического отслеживания состояния экономической преступности, выявления новых тенденций и закономерностей в данной сфере).

2. Разработку и внедрение профилактических мер (повышение финансовой грамотности субъектов хозяйствования путем обучения основам финансовой безопасности, формирования культуры неприятия коррупции и других экономических преступлений; совершенствование системы внутреннего контроля и аудита в организациях; развитие сотрудничества между государственными органами и субъектами хозяйствования (внедрение систем автоматического мониторинга финансовых транзакций, анализа больших данных для выявления подозрительных операций, блокчейн-технологий для обеспечения прозрачности сделок), проведения информационно-разъяснительной работы).

3. Совершенствование законодательства (на основе результатов анализа на предмет выявления пробелов и коллизий, препятствующих эффективному противодействию экономической преступности).

4. Усиление правоприменительной деятельности (для обеспечения эффективного расследования экономических преступлений путем совершенствования методов оперативно-розыскной деятельности, повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, укрепления материально-технической базы).

5. Развитие международного сотрудничества (предполагает укрепление сотрудничества с зарубежными государствами в сфере обмена информацией, оказания правовой помощи и проведения совместных операций в целях противодействия экономической преступности).

6. Оценку эффективности мер по снижению криминогенных рисков (предполагает регулярную оценку эффективности реализуемых мер и их корректировку в зависимости от складывающейся ситуации).

Как представляется, основу проведения политики декриминализации экономики Республики Беларусь должна составить государственная программа, положения которой будут предусматривать не только направления по снижению криминогенных рисков в экономике Республики Беларусь, но и конкретные меры по достижению ее цели и задач.

Примерная структура такой программы может быть представлена в следующем виде:

1. Общие положения

1.1 Анализ текущего состояния результатов декриминализации экономики Республики Беларусь и прогноз развития общественных отношений в указанной сфере

1.2 Обоснование необходимости проведения дальнейших мероприятий по декриминализации экономики Республики Беларусь

2. Цель, задачи, структура программы

3. Основные направления реализации программы и меры по достижению ее цели и задач

1. Совершенствование законодательства путем устранения правовых пробелов и коллизий, способствующих криминализации экономики.

1.1 Совершенствование антикоррупционной правовой политики и законодательства, направленных на создание эффективных механизмов предотвращения и раскрытия коррупционных схем и правонарушений.

1.2 Декриминализация экономических рисков субъектов хозяйствования в сфере налогообложения.

1.3 Совершенствование правового регулирования доходной деятельности некоммерческих организаций в контексте нивелирования предпосылок к нелегальному хозяйствованию.

1.4 Развитие правовых механизмов по противодействию коммерческому шпионажу и умышленному разглашению коммерческой тайны.

2. Повышение качества государственного регулирования и управления в сфере осуществления хозяйственной деятельности. Создание благоприятной среды для осуществления хозяйственной деятельности.

2.1 Разработка конструктивных нормативных правовых решений по формированию единой практики эффективного противодействия экономической преступности.

2.2 Гармонизация норм уголовного и административно-деликтного законодательства, направленных на регулирование института освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности.

2.3 Противодействие монополистической деятельности и развитие конкуренции.

3. Усиление контроля над ненаблюдаемой экономикой. Внедрение в деятельность правоохранительных, других заинтересованных государственных органов современных методов борьбы с экономической преступностью.

3.1 Повышение эффективности правовых инструментов противодействия легализации средств, полученных преступным путем.

3.2 Расширение практики применения цифровых технологий в уголовном процессе как средство повышения его эффективности.

3.3 Цифровизация деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Число преступлений, совершенных против порядка осуществления экономической деятельности по территории Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000004 (дата обращения 27.03.2026).

2. Численность лиц, совершивших преступления против порядка осуществления экономической деятельности по территории Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000010 (дата обращения 27.03.2026).

УДК 338.2-049.5:34

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кочурко Юлия Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Аппарат Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Многовековая история человеческого общества показала, что уровень развития права неразрывно связан с экономическим и культурным уровнем развития общества. Право может закреплять различные способы распределения и потребления произведенных материальных и духовных благ. Однако все такие способы оказываются реальными и выполнимыми в той мере, в какой реально учитывают экономическое положение страны.

Правовое регулирование экономических отношений – это одна из форм регулирования взаимодействия, возникающего в обществе. Она в полной мере обеспечивает поведение субъектов предпринимательских отношений в соответствии с требованиями действующих на территории государства норм права. В основу правового регулирования экономических отношений со стороны государства заложены нормы хозяйственного и гражданского права.

В различные исторические эпохи выдающиеся мыслители обращали внимание на защищенность как важнейшую жизненную потребность человека, общества и государства. Так, Аристотель считал главным в управлении общественными делами обеспечение безопасности граждан. Б. Спиноза определял цель гражданского состояния общества через мир и безопасность жизни социума [1, с. 7].

Понятие «экономическая безопасность страны» отражает способность соответствующих политических, правовых и экономических институтов государства защищать интересы своих ключевых субъектов в рамках национальных хозяйственных традиций и ценностей.

Экономическая безопасность традиционно рассматривается как важнейшая качественная характеристика экономической системы, которая определяет её способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчивое обеспечение ресурсами развития народного хозяйства, а также последовательную реализацию национально-государственных интересов. Экономическая безопасность включена в систему государственной безопасности, вместе с такими её слагаемыми, как обеспечение надежной обороноспособности страны, поддержание социального мира в обществе, защита от экологических бедствий. Актуальным является изучение сущности экономической безопасности, механизмов ее правового обеспечения.

Система обеспечения экономической безопасности включает в себя, во-первых, совокупность субъектов обеспечения безопасности, т. е. имеет определенную структуру органов (организаций); во-вторых, систему государственных (межгосударственных, общественных или индивидуальных) мер различного характера, направленных на защиту

жизненно важных интересов; в-третьих, деятельность субъектов по реализации этих мер [2, с. 74–75].

Механизм обеспечения экономической безопасности страны – это система организационно-экономических и правовых мер по предотвращению экономических угроз. По мнению некоторых ученых – юристов механизм обеспечения экономической безопасности представляет собой организационно-правовое явление – социально-юридическую систему, которая функционирует в рамках правовой системы общества [3, с. 20].

Механизм обеспечения экономической безопасности включает в себя следующие элементы: внешнеэкономические связи; поддержание высокой конкурентоспособности, развития импорта; привлечение иностранных инвестиций; выявление внутренних и внешних угроз безопасности национальной экономики; разработка и совершенствование нормативных правовых актов, регламентирующих экономические процессы; создание материальных запасов производственного и непроизводственного назначения.

Обеспечение экономической безопасности также включает процессы правовой регламентации экономических отношений и реализацию правовых предписаний, которая осуществляется уполномоченными на это субъектами в установленном порядке. Право выступает инструментом правовой регламентации общественных отношений, в рамках которой определяются правовые параметры взаимодействия, и посредством реализации права осуществляется управление и координируется деятельность субъектов, воздействующих на те или иные экономические объекты и процессы, устанавливается контроль за названными отношениями. Право способно оказывать высокоэффективное воздействие на сознание и поведение людей. Оно содержит в себе информацию о должном и дозволенном, о запрещенном и социально полезном поведении. Право также несет в себе не только правовую информацию, но и знание о самых разнообразных сторонах жизни общества.

Правовой режим обеспечения экономической безопасности государства – особый порядок правового регулирования, а также организации и функционирования государственных органов, который направлен на противодействие угрозам экономической безопасности, оперативную ликвидацию последствий их проявления, в том числе путем предупреждения противоправных посягательств на экономическую безопасность [4, с. 64].

К механизмам правового обеспечения экономической безопасности можно отнести юридическое прогнозирование, правовой мониторинг, подготовку и экспертизу нормативных правовых актов в данной сфере.

Юридическое прогнозирование в сфере обеспечения экономической безопасности государства заключается в определении качественных и количественных параметров риска возникновения критической ситуации в экономике с позиции права на основе имеющихся представлений об опасностях и правовых характеристик типичных угроз.

Прогнозирование в сфере обеспечения экономической безопасности государства направлено на научное познание будущего состояния экономической безопасности, условий и факторов, влияющих на его изменение. Соответственно прогноз как его результат представляет собой научно обоснованное, вероятностное суждение о тенденциях развития угроз экономической безопасности, их детерминантах и последствиях, включающее качественную и количественную оценки предполагаемых изменений состояния всех объектов и субъектов, с выработкой мер по предупреждению угроз.

В обоснование необходимости принятия (издания) нормативного правового акта должна быть включена информация о всестороннем и объективном прогнозе предполагаемых последствий его принятия (издания). Особенностью юридического прогнозирования является то, что выбор и применение избранных правил поведения должны быть эффективными, т. е. экономически обоснованными.

Проведение правового мониторинга в сфере обеспечения экономической безопасности обусловлено потребностью совершенствования организации работ в области своевременного выявления и предупреждения угроз путем осуществляемого непрерывно или с заданной периодичностью анализа нормативных правовых актов (их качества, эффективности) в целях

контроля над состоянием защищенности критически важных объектов обеспечения экономической безопасности от угроз в виде выявления пробелов, неточностей, ошибок в законодательстве, создающих эти угрозы.

Основная цель мониторинга – оценка эффективности правового регулирования обеспечения экономической безопасности государства и совершенствование (систематизация) законодательства в рассматриваемой сфере. Основные задачи мониторинга – предоставление субъекту обеспечения экономической безопасности объективной информации о тенденциях и потребностях правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере; выявление противоречий, коллизий, дублирования в правовом регулировании, определение эффективности действия правовых норм; обобщение и анализ зарубежного опыта в сфере правового обеспечения экономической безопасности с последующей разработкой предложений по его использованию в законодательстве Республики Беларусь; отслеживание практики реализации нормативного правового акта в ходе обеспечения экономической безопасности.

При подготовке нормативных правовых актов в сфере обеспечения экономической безопасности должна идентифицироваться угроза, негативно отражающаяся на состоянии экономической безопасности, определяться концептуальные варианты решения выявленной проблемы (сохранение действующего нормативного правого акта, внесение в него изменений, признания его утратившим силу, подготовка нового нормативного правого акта).

Проект нормативного правового акта должен пройти комплексную экспертизу: лингвистическую, призванную определить четкость формулировок, исключающую неоднозначное лингвистическое толкование текста правовой нормы; логико-правовую, направленную на проверку внутренней непротиворечивости содержания оцениваемой правовой нормы (нормативного правового акта), отсутствия пробелов в правовом регулировании, согласованности положений нормы с другими нормами существующей системы права; правовую, направленную на проверку на предмет соответствия норм нормативного правового акта положениям Конституции, международным нормам, а также соответствия данных актов правилам юридической техники; экономическую, криминологическую и иные виды экспертиз, определенные законодательством.

При экспертной оценке проекта нормативного правового акта проверяются – полнота перечня возможных угрожающих ситуаций и причин их возникновения; оценка вероятности возникновения угрожающих ситуаций; общий эффект негативного воздействия экономически небезопасных условий и факторов; специфика угрожающих воздействий; характеристика вреда населению, окружающей среде и объектам производственной и социальной инфраструктуры в результате реализации угроз; сравнительная оценка снижения вероятности возникновения угрожающих ситуаций при предусмотренных проектом мерах по их предупреждению; оценка развития угрожающих ситуаций при вводе в действие предусмотренных проектом мер по их локализации по сравнению с развитием и масштабами угроз экономической безопасности государства при их отсутствии.

Механизмы правового обеспечения экономической безопасности направлены на создание правовых основ деятельности субъектов хозяйствования, не допускающих неоднозначной трактовки и криминализации экономических отношений, устранение условий и предпосылок роста экономических преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вишневский А.А. Концепция и формирование административно-правового механизма обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь. – Минск: Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2014. – 235 с.

2. Национальная безопасность Республики Беларусь: современное состояние и перспективы / М.В. Мясникович [и др.]; Ин-т нац. безопасности Беларуси, НАН Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Право и экономика, 2003. – 562 с.

3. Макарейко Н.В. Механизм правового обеспечения экономической безопасности // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2008. – № 1(8). – С. 15–20.

4. Денисевич А.В. Теоретико-прикладные основы правового регулирования обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь: монография. – Минск: Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2014. – 216 с.

УДК 349.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЕНИЮ КЛИМАТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Курилович Мария Петровна,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Усиление глобального реагирования на угрозу изменения климата и укрепление способности стран справляться с последствиями его изменения нашло свое отражение в качестве цели в Парижском соглашении к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 12 декабря 2015 г. В сентябре 2019 г. на Саммите по климату были предложены меры для правительств государств, связанные с регулированием климата, среди них: переход к «зеленой» экономике, в том числе с помощью привлечения инвестиций для ускорения перехода к менее углеродоемкой экономике, инвестирование в устойчивые решения, стимулирование установлением мер ответственности за негативные последствия для окружающей среды, повышение устойчивости обществ и людей; экологизация рабочих мест; борьба со всеми климатическими рисками; многоаспектное сотрудничество [1]. Результаты международных мероприятий, посвященных достижению целей устойчивого развития (далее – ЦУР) свидетельствуют о необходимости согласованного развития комплексной устойчивости (в единстве ее экологического, социального и экономического элементов с выработкой соответствующих системных подходов) и усилении отдельных направлений для достижения заявленных целей к концу периода планирования. Принятие срочных мер по адаптации к изменению климата входит в экологическую составляющую устойчивого развития.

Адаптация к изменению климата относится *к основным национальными интересами в экологической сфере* в соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утв. Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5. Благодаря чему данная тематика находит широкое отражение в национальных документах программного и стратегического характера. Так, принятая на новую пятилетку Государственная программа «Экология» на 2026–2030 годы, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 791 (далее – Программа), одной из значимых на обозначенный период целей заявляет принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями (отсылая к ЦУР 13), тем самым подчеркивая ее приоритетность для Республики Беларусь. Национальная стратегия развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 года, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 мая 2024 г. № 393, содержит положения о значимости циркулярной экономики для решения климатических проблем и относит адаптацию к климатическим изменениям к экологическим целям. В целях выполнения взятых на себя в рамках международных соглашений обязательств, а также в соответствии с Национальным планом действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы, утв. Постановлением Совета Министров

Республики Беларусь от 10 декабря 2021 г. № 710, предусмотрена разработка Национального плана действий в области адаптации к изменению климата и Стратегии долгосрочного развития Республики Беларусь с низким уровнем выбросов парниковых газов. В рамках названных стратегических документов планируется обосновать приоритетные направления и меры стимулирования внедрения низкоуглеродных технологий, технологических и организационно-управленческих инноваций, направленных на предотвращение и минимизацию загрязнения окружающей среды, в том числе в отдельных сферах. Однако их разработка не завершена. Вышесказанное демонстрирует взаимосвязь устойчивого развития с формированием климатической устойчивости.

В экологическом законодательстве Республики Беларусь понятие «климатическая устойчивость» не употребляется. При этом, как правило, последняя представляет собой способность экосистем приспосабливаться, адаптироваться к изменениям, восстанавливаясь и сохраняя основные функции, т. е. в отличае от смягчения последствий фокусируется на адаптации и управлении уже имеющимися последствиями для предотвращения их ухудшения [2]. Белорусский законодатель в данном контексте оперирует понятием «адаптация к изменению климата», использует также термин «смягчение последствий изменения климата». Определение данных понятий предлагается в размещенном на официальном правовом форуме Беларуси проекте Экологического кодекса Республики Беларусь (далее – проект) [3]. Так, названный проект определяет, что под *изменением климата* понимается «статистически значимое колебание средних показателей состояния климата либо его изменчивости в течение десятилетия или более продолжительного периода, которое прямо или косвенно обусловлено антропогенной деятельностью, вызывающей изменения в составе глобальной атмосферы, и накладывается на естественные колебания климата, наблюдаемые на протяжении сопоставимых периодов времени» (ст. 304 проекта). Адаптация к изменению климата осуществляется *в целях* «предотвращения и уменьшения неблагоприятных последствий и ущерба вследствие изменения климата для здоровья физических лиц, естественных экологических систем, общества и экономики, снижения уязвимости к изменению климата, а также использования благоприятных возможностей, связанных с изменением климата» (ст. 305 проекта). По сути, законодатель в проекте отмечает приоритетность формирования комплексной климатической устойчивости, а не только лишь смягчение последствий изменения климата.

В отношении Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII в ред. от 17.07.2023 «Об охране окружающей среды» отметим, что он предусматривает осуществление регулирования воздействия на климат (ст. 77), включающего: «мероприятия по предотвращению изменения климата в целях достижения сбалансированности между выбросами парниковых газов из источников и их абсорбцией поглотителями, а также мероприятия по адаптации к изменению климата на основе принципа экономического стимулирования рационального (устойчивого) использования природных ресурсов», не раскрывая суть таких мероприятий. Относя задачи по смягчению последствий изменения климата и адаптации к его изменению, в т. ч. посредством торговли квотами на выбросы парниковых газов, к средствам развития «зеленой» экономики (ст. 47). В технических нормативных правовых актах фигурирует также понятие «устойчивость к климатическим воздействиям», однако, представляющее собой несколько иную категорию.

Находясь в русле достижения целей устойчивого развития, Республика Беларусь ставит перед собой задачу по пересмотру экономических отношений в сторону повышения их экологичности, что при стремительном развитии технологий, разработке механизмов адаптации к меняющимся условиям влечет смену подходов к производству и поиск тех новых технологий, которые будут способны обеспечить экологизацию хозяйственной деятельности, сохранив экономические выгоды. Основная роль государства в таких процессах заключается в создании должных условий (правовых, организационных и экономических) для развития новых технологий, позволяющих реализовывать экологические приоритеты. Так, оно создает правовые возможности для реализации гражданами своего права на участие в принятие

экологически значимых решений и в реализации проектов, которые оказывают/могут оказать воздействие на окружающую среду, основы для формирования экологической культуры граждан; обеспечивает реализацию правовых механизмов вовлечения бизнеса в данные процессы (в т. ч. посредством государственно-частного партнерства); поддерживает научные исследования в приоритетных сферах; закрепляет правовые механизмы выявления и оценки рисков разных категорий и видов; устанавливает ответственность субъектов в качестве стимулирования к экологически позитивной деятельности при сочетании мер позитивного поощрения и правоограничительной мотивации; оказывает государственную поддержку с помощью правовых и экономических мер (прямые инвестиции; льготное кредитование; развитие инструментов «зеленого» финансирования, системы экологического страхования и обязательного экологического аудита, экологического комплаенса на предприятиях; создание специальных фондов целевого использования средств; применение потенциала государственно-частного партнерства при финансировании разработок, производстве и внедрении «зеленых» технологий; управление рисками при реализации таких проектов, что повышает результативность государственного контроля за соблюдением экологических требований при осуществлении хозяйственной и иной деятельности) в разработке и применении тех видов технологий, которые пока не способны самостоятельно выдержать конкуренцию, к которым относятся и новые «зеленые» технологии.

Включенность государства в международное сотрудничество, участие в международных соглашениях, таких как Парижское соглашение, осознание роли в реализации целей устойчивого развития, а также регулярная отчетность по выполнению основных показателей, ориентируют государство на поиск механизмов адаптации к изменению климата с учетом глобальных процессов, несмотря на то, что принятие мер адаптации к его изменениям на локальном уровне и ситуационное реагирование обходятся дешевле и проще в реализации. В связи с чем, в целях формирования климатической устойчивости в условиях глобальной «зеленой» трансформации и обеспечения надлежащих условий для адаптации государства к изменению климата под влиянием научно-технического прогресса, важной задачей государства становится создание внутригосударственных условий, при которых субъекты хозяйствования выберут данный путь, что возможно через стимулирование к совершению определенных действий, в том числе и методом закрепления мер ответственности за действия, уводящие от эколого-экономических целей. Вместе с тем, требуется дальнейшее совершенствование национального законодательства, создающего правовую основу для внедрения новых технологий, экологических инноваций субъектами хозяйствования, взаимодействия государства, субъектов экономической деятельности и общественности в вопросах охраны окружающей среды, при организации управления возникающими рисками; конкретизация механизмов адаптации к изменению климата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цель 13: Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/climate-change/ (дата обращения 15.04.2026).

2. Что такое адаптация и климатическая устойчивость? // United Nations climate change. – URL: https://unfccc.int/ru/temy/adaptaciya-i-soprotivlyaemost-k-izmeneniyu-klimata/the-big-picture/chto-oznachayut-adaptaciya-i-klimaticheskaya-ustoychivost (дата обращения 24.03.2026).

3. Проект Экологического кодекса Республики Беларусь // Правовой форум Беларуси. – URL: https://forumpravo.by/publichnoe-obsuzhdenie-proektov-npa/forum15/17813 (дата обращения 02.04.2026).

УДК 347

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА АВТОРСКОГО ПРАВА

Слижевская Оксана Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Авторское право представляет собой самостоятельный институт гражданского права, нормами которого регулируются отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства.

Законодательство Республики Беларусь в области авторского права основывается на Конституции Республики Беларусь, и состоит из Гражданского кодекса Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь от 17 мая 2012 г. «Об авторском праве и смежных правах», нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь, иных актов законодательства Республики Беларусь. К иным актам законодательства, прежде всего, относятся постановления Совета Министров Республики Беларусь и постановления Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь определены объекты авторского права, личные неимущественные права авторов и исполнителей, имущественные права на произведения науки, литературы и искусства, компьютерные программы, базы данных, исполнения, фонограммы, передачи организаций эфирного или кабельного вещания. В Законе Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» детализированы положения, в соответствии с которыми вышеназванным объектам предоставляется правовая охрана.

В настоящее время ЮНЕСКО официально признано, что «теоретическим фундаментом авторского права служит потребность предоставления человечеству плодов познания и, следовательно, необходимость поощрения стремления к знаниям посредством вознаграждения тех, кто приобщает к ним других людей». Считается, что авторское право способствует как творческой деятельности, так и деятельности предпринимателей, поскольку гарантирует их инвестиции, обеспечивая таким образом развитие индустрии культуры, и, соответственно, широкое распространение произведений в интересах общества [1, с. 6].

Аналогичная точка зрения официально признана также в рамках Европейского союза. Так, в преамбуле Директивы о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе указано, что авторы должны получать соответствующее вознаграждение за использование своих произведений, чтобы иметь возможность продолжать свою творческую деятельность, так же как и производители должны его получать, чтобы иметь возможность финансировать эту работу. Механизмом, обеспечивающим эти права, является авторское право, которое гарантирует вознаграждение и позволяет окупить значительные инвестиции, необходимые для создания таких технически сложных продуктов, как фильмы и произведения мультимедиа. Кроме того, в Директиве обращается внимание и на гуманитарную составляющую рассматриваемого института: «Эффективная и строгая система охраны авторского права и смежных прав – это один из основных инструментов, позволяющих гарантировать европейскому творчеству и культурному производству получение необходимых ресурсов и сохранение автономии и достоинства создателей и исполнителей» [2, с. 4].

Однако, несмотря на официальную признанность авторского права и существование ряда авторитетных философско-правовых доктрин, обосновывающих его, этот институт в современную эпоху подвергается серьезной критике. Сегодня никого уже не удивить тем, что авторское право является одной из самых конфликтных областей права. Соответственно,

в обществе с каждым годом получают все новую и новую поддержку воззрения, подвергающие сомнению актуальность и полезность данного института [2, с. 5].

Наиболее выдающимся из авторов, критикующих авторское право, в XIX столетии был Пьер Жозеф Прудон (1809–1865 гг.), посвятивший этому вопросу отдельное сочинение – «Литературные майораты». Целью данного труда стал разбор проекта закона о литературной собственности (1862 г.), которым планировалось придать авторскому праву бессрочный характер. Французский философ и экономист подверг авторское право (литературную собственность) сомнению с точки зрения политической экономии, эстетики, нравственности и публичного права. Прудон оспаривает ставшее классическим утверждение Наполеона III, что интеллектуальное произведение есть такая же собственность, как земля или дом, и что, следовательно, эта собственность должна пользоваться такими же правами и не может нарушаться иначе, как в интересах общественной пользы. Вывод Прудона таков: «Установление литературной собственности противоречит всем принципам политической экономии, так как ее нельзя вывести ни из понятия продукта, ни из понятия мены, кредита, капитала и процента. Услуга писателя, если рассматривать ее с точки зрения экономической и утилитарной, непременно заставляет подразумевать существование между автором и обществом договора мены услугами и продуктами, а из этого обмена вытекает то положение, что по вознаграждению писателя назначением в пользу его срочной привилегии, литературное произведение становится собственностью общества». Прудон горячо выступает лишь против того, чтобы произведение, выпущенное автором в свет, оставалось его собственностью. Также мыслитель считает, что произведения искусства по самой своей природе являются вещами непродажными. А также, наделение конкретного человека правами на продукт творчества нарушает права общества [3, с. 105].

Американский экономист и издатель Генри Чарлз Кэрри (1793–1879 гг.), один из основателей теории гармонии интересов, сторонник промышленного и аграрного протекционизма, доказывал, что существование авторского права – это абсурд. По его мнению, в каждом сочинении различаются две стороны: содержание и внешняя форма. Содержание составляют излагаемые в книге мысли или факты, а форму – язык, на котором они сообщаются читателю. Ни та, ни другая стороны не могут считаться собственностью автора, так как факты и идеи он заимствует у предшествующих писателей или находит их в окружающей его среде, истории, природе. Они не созданы автором, а являются достоянием человечества [4, с. 106].

Также необходимо отметить взгляды Стефана Бейера – судьи Верховного Суда США. Он утверждает, что право автора контролировать использование плодов своего творчества не оправдывает предоставления авторско-правовой монополии на произведение. По мнению С. Брейера, право автора может охраняться достаточно эффективно такими средствами, как правительственные субсидии авторам, особые контракты между пользователями и издателями, особое вознаграждение, выплачиваемое автору и издателю из прибылей, получаемых от продажи экземпляров произведения за период с начала первого издания и до момента осуществления второй публикации [5, с. 108].

Автор концепции «копилефт» Ричард Столлман, ссылаясь на Конституцию США, подчеркивает: «Авторское право является соглашением с обществом, а не естественным правом. Предмет политики авторского права в том, какие соглашения приносят выгоду обществу, а не какими правами могут обладать издатели или читатели». Р. Столлман строит свою аргументацию, исходя именно из данного принципа, который слабо применим к континентальному авторскому праву, где последнее формировалось как право естественное. Вывод автора концепции «копилефт» следующий: «Сегодня соглашения об авторских правах более не являются выгодными для общества, и настало время пересмотреть их, время признать законодательно пользу, которую извлекает общество из свободы делать и распространять копии… Чем проще копировать и распространять информацию, тем полезнее она становится, и все менее выгодным для нас оказывается авторское право, как оно существует сейчас» [2, с. 12].

Л. Лессиг считает, что современное законодательство, регулирующее использование художественных произведений, крайне несовершенно. По мнению автора, в былые времена культура была свободной, однако в будущем она останется таковой, только если современное авторское право сойдет с пути, которым оно движется сейчас. Автор подчеркивает, что свободная культура не означает культуру без собственности: «Это не та культура, где художнику не платят. Культура без собственности, в которой творцам не платят, – это анархия, а не свобода. Я не ратую за анархию». Как видно, Л. Лессиг не является радикалом, стремящимся к отмене авторского права. В то же время он оппонирует тем, кто считает, что авторское право – такое же священное и абсолютное право, как и право собственности. По мнению Л. Лессига, необходимо восстановить нарушенный баланс между интересами общества и правообладателей. Автор отмечает, что американцы лишились критического взгляда, который помогает видеть разницу между истиной и экстремизмом, что американская культура потеряла чувство равновесия, и что в культуре этой царит ныне собственнический фундаментализм, не имеющий никакого отношения к традиции. Л. Лессиг, в отличие от многих критиков авторского права, предлагает конкретный путь развития этого института. Так, по его мнению, нужно сократить сроки действия авторских прав, расширить сферу свободного использования произведений, в которой окажется Интернет, вернуться к системе формальностей, с соблюдением которых связывается возникновение прав на продукты творчества [3, с. 59].

Итак, рассмотренные взгляды и теории критиков авторского права по своему влиянию, а также логичности и аргументированности пока еще вряд ли могут на равных конкурировать с учениями, обосновывающими этот институт. В то же время несомненным достоинством таких воззрений является то, что в них четко выражается и заостряется проблема актуальности и общественной полезности авторского права в условиях информационной эпохи. Практически вся критика современного авторского права, имеющая какое бы то ни было распространение и влияние в мире, исходит от американских общественных деятелей и юристов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права: Сб. актов законодательства / Сост. В.Г. Гавриленко. – Мн.: ИООО «Право и экономика», 2024. – 384 с.

2. Куркова Н. Административно-правовая защита авторских и смежных прав // Российская юстиция. – 2022. – № 7. – С. 4–12.

3. Коршунов Н.М. Интеллектуальная собственность (исключительные права): учеб. пособие. – М., 2022. – 254 с.

4. Лосев С.С. Авторское право: национальное и международное законодательство. – Мн.: Ураджай, 2020. – 210 с.

5. Космовская И.Л. Защита авторских прав. Особенности отдельных видов объектов. Авторский договор // Юридический мир. – 2018. – № 9–10. – С. 108–115.

УДК 349.6

ВИДЫ ТЕХНОЛОГИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОХРАНУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И УСТОЙЧИВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ашарчук Янина Владимировна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В экологическом законодательстве Республики Беларусь юридические и физические лица, индивидуальные предприниматели способны внедрять наилучшие доступные технические методы, малоотходные, энерго- и ресурсосберегающие технологии в целях охраны окружающей среды. Указанные виды технологий можно найти в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII (в ред. от 30.12.2025 № 126-З) (далее – Закон). Их применение может экономически стимулироваться (ст. 43 Закона). Отметим, что в ст. 43 Закона перечисляются не все виды технологий, направленных на охрану окружающей среды. Помимо малоотходных технологий в главе про требования в области охраны окружающей среды (глава 13 Закона) предусматриваются и безотходные технологии в контексте малоотходных технологий.

В то же время в Законе «Об охране окружающей среды» не содержатся дефиниции рассматриваемых технологий, кроме наилучших доступных технических методов, что, на наш взгляд, не совсем корректно, так как они употребляются в данном нормативном правовом акте. Добавим, что ранее термин «экологически чистая и малоотходная технология» закреплялся в Законе Республики Беларусь «Об отходах» от 25 ноября 1993 г. № 2609-XII, который утратил силу в связи с вступлением в силу нового Закона Республики Беларусь «Об обращении с отходами» от 20 июля 2007 г. № 271-З (в ред. от 30.12.2025 № 126-З). Однако в действующем Законе «Об обращении с отходами» не употребляются ни безотходные, ни малоотходные, ни ресурсосберегающие технологии. Единственным примером использования технологий в узком смысле в законодательстве об обращении с отходами является запрет на применение технологий, приводящих к образованию стойких органических загрязнителей в объемах, превышающих установленные обязательными для соблюдения техническими нормативными правовыми актами (ст. 29–30 Закона «Об обращении с отходами»). По нашему мнению, регулирование обращения с отходами в первую очередь связано с внедрением малоотходных и безотходных технологий, но законодательство придерживается подхода о применении и внедрении наилучших доступных технических методов товаров, обеспечивающих продление их жизненного цикла (долговечности) (ст. 15 Закона «Об обращении с отходами»). Данные понятия не следует отождествлять, а применять наравне.

В других актах эколого-правового содержания употребляются следующие виды технологий: технологии по очистке химических и иных веществ в составе сточных вод (ст. 49 Водного кодекса Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З (в ред. от 17.06.2023 № 296-З) или технологии добычи и переработки торфа согласно ст. 19 Закона Республики Беларусь «Об охране и использовании торфяников» от 18 декабря 2019 г. № 272-З. Указанные технологии можно рассматривать как инструменты для выполнения какой-то деятельности. В Законе Республики Беларусь «Об охране атмосферного воздуха» от 16 декабря 2008 г. № 2-З (в ред. от 17.06.2023 № 296-З) в ст. 10 в рамках экономического стимулирования предусматривается внедрение и использование энергосберегающих и (или) ресурсосберегающих технологий, наилучших доступных технических методов, причем дефиниция предусматривается только в отношении последних. Также в ст. 30 указанного Закона находим еще один вид технологий – новые, содержание и дефиниция которых не раскрывается, но упоминается, что для них устанавливаются предельное значение концентрации загрязняющих веществ в выбросах загрязняющих веществ в атмосферный

воздух. Отметим, что в экономическом стимулировании ничего про новые технологии не говорится, а рассматриваемая статья находится в главе про требования в области охраны атмосферного воздуха (глава 5). В научной литературе отмечают, что новые технологии упоминаются совместно с такими понятиями, как «наилучшие доступные технические методы, новые технологические процессы, новшества, инновации» и др. [1, с. 213]. Данный термин встречаем и в Кодексе Республики Беларусь о недрах от 14 июля 2008 г. № 406-З (в ред. от 05.03.2024 № 357-З) применительно к статье про опытно-промышленную разработку месторождения полезных ископаемых (ст. 57). Кодекс о недрах употребляет в том числе технологии использования геотермальных ресурсов недр (ст. 65), технологии добычи или переработки минерального сырья (ст. 80) и др. Они схожи с теми, которые урегулированы в Водном кодексе или Законе «Об охране и использовании торфяников». Также в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, в п. 47.4 один из способов совершенствования механизмов по охране климата – новые технологии. Следовательно, новые технологии играют не последнюю роль в охране окружающей среды, при этом в Законе «Об охране окружающей среды» они еще не получили должного закрепления, также они тесно связаны с охраной климата. В дополнение к использованию технологий для регулирования воздействия на климат в Законе Республики Беларусь «Об охране озонового слоя» от 12 ноября 2001 г. № 56-З (в ред. от 29.12.2023 № 332-З) упоминаются озонобезопасные технологии, определение которых содержится в ст. 1. Основное назначение таких технологий: исключить использование озоноразрушающих веществ, не оказывать вредного воздействия на озоновый слой, снижать неблагоприятные последствия изменения климата. Причем в п. 2 ст. 77 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в контексте мероприятий по охране климата про технологии ничего не говорится, но законодатель отсылает нас к экономическому стимулированию, которое уже строится на внедрении и использовании технологий. Таким образом, в законодательных актах, направленных на охрану и использование различных природных объектов, трактуется про различные виды технологий в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, однако отсутствует их система.

Отметим, что существует другая категория технологий в области охраны окружающей среды – информационные. В научной литературе выделяются следующие области экологического права, где могут использоваться возможности информационных технологий: «информационно-коммуникативные цифровые технологии, используемые в сфере государственного управления; системы обработки полученных данных о состоянии природных ресурсов и ведения информационных систем; автоматизированное ведение государственных природоресурсных кадастров; создание электронных баз данных реестров и регистров» [2, с. 405]. Данные виды уже развиваются в Республике Беларусь. Актуальными направлениями цифровизации в области охраны окружающей среды согласно государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 год, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66, являются: создание и внедрение системы удаленного мониторинга и учета состояния окружающей среды (количество населенных пунктов, включенных в республиканскую информационную систему автоматизированного мониторинга окружающей среды), создание республиканской информационной системы автоматизированного мониторинга окружающей среды. Как видим, использование информационных технологий в области охраны окружающей среды – возможность у субъектов оценить, мониторить состояние окружающей среды, что непосредственно связано с правом каждого на благоприятную окружающую среду. Далее это право обеспечивается посредством осуществления отдельных административных процедур с помощью Е-паслуги, например, получение лицензии на осуществление деятельности, связанной с воздействием на окружающую среду, но там перечислены не все административные процедуры, поэтому данное направление необходимо совершенствовать дальше [3].

Помимо названных категорий примерами использования информационных технологий могут быть следующие: «современные технологии природопользования, нанотехнологии в сельском хозяйстве» [4, с. 20]. Также информационные технологии позволяют контролировать «выбросы вредных веществ, мониторить и оценивать состояние экосистем и предсказывать последствия экологических изменений». Важный компонент использования информационных технологий – допустимость эффективно «управлять отходами, что играет важную роль в достижении экологической безопасности» [5]. В целях охраны окружающей среды государство создает электронные базы данных регистров и реестров. Согласно Закону «Об охране окружающей среды» государственный реестр экологической информации о состоянии окружающей среды и воздействии на нее, а также реестры экологической информации о состоянии окружающей среды и воздействии на нее размещаются Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды, другими государственными органами и иными юридическими лицами, осуществляющими ведение указанных реестров, в доступном месте, на своих официальных сайтах в Интернете (ст. 19).

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что в большей мере технологии в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов представлены в виде тех, которые непосредственно задействованы на производстве, при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а также в виде информационных технологий, которые позволяют отслеживать состояние окружающей среды, систематизировать информацию в данной области. Первая группа технологий нуждается в систематизации и выработке единой терминологии для ее эффективного использования в любом акте экологического законодательства. Добавим, что технологии имеют свою специфику применительно к каждому природному объекту и преимущественно употребляются в контексте экономического стимулирования. Вторая категория широко распространяется в Республике Беларусь и нацелена на эффективное обеспечение права каждого на благоприятную окружающую среду. Следовательно, внедрение технологий в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов связано с развитием научного прогресса, адаптацией общества к современным вызовам и принятием необходимым мер для устойчивого будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шахрай И.С., Кузьмич И.П. Новые технологии как объект правового регулирования // Правовое обеспечение национальной экономической безопасности: теоретические и практические проблемы совершенствования правотворчества: Сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. кругл. стола, г. Минск, 5 июня 2025 г. / Ин-т экономики НАН Беларуси; редкол.: Е.Н. Гладкая [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2025. – С. 210–218.

2. Курилович М.П. К вопросу о повышении эффективности правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием новых технологий в экологической сфере // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы: Сб. науч. ст.: в 3 т. / ред. кол.: Д.В. Муха (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: БГУИР, 2025. – Т. 3. – С. 404–409.

3. Е-Паслуга. – URL: https://e-pasluga.by/home/services-page.html (дата обращения 17.04.2026).

4. Шахрай И.С., Кузьмич И.П. Право в эпоху новых технологий: тенденции и перспективы развития // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2022. – № 1. – С. 16–23.

5. Носиров И.А., Очилов А.О., Аборкина Е.О., Давронова Ф.И. Роль информационных технологий как инновационное решение в обеспечении экологической безопасности // В центре экономики. – 2025. – Т. 6, № 2. – С. 21–27.

УДК 346.62

НОВАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ЗНАКОВ (ТОКЕНОВ)

Бондарь Дарья Алексеевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

На сегодняшний день общественные отношения в сфере обращения цифровых знаков урегулированы законодательством Республики Беларусь, которое постоянно трансформируется по мере усложнения данных общественных отношений. Среди последних тенденций развития сферы обращения цифровых знаков в Республике Беларусь отмечаются рост числа криптобирж и криптообменников, появление первых криптообменников, рассматриваются вопросы о создании криптофондов и национальной криптовалюты. Относительно недавно был принят Указ Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», направленный на совершенствование порядка совершения сделок (операций) с цифровыми знаками (токенами) (далее – Указ № 367).

Принятие Указа Президента Республики Беларусь от 16 января 2026 г. № 19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)» (далее – Указ № 19) ознаменовало наступление нового этапа государственного регулирования рынка цифровых знаков. Данный нормативный правовой акт вводит в правовое поле Республики Беларусь новый вид финансовой организации – криптобанк – и легализует использование токенов как средства расчёта в императивно определенных случаях.

Исходя из положений Указа № 19, в том числе утверждённого им Положения о деятельности криптобанков (далее – Положение о деятельности криптобанков), криптобанк можно определить как качественно новое институциональное образование в финансовой системе Республики Беларусь, сочетающее в себе функционал традиционного банковского сектора экономики и организаций, осуществляющих деятельность в сфере обращения цифровых знаков. Так, согласно ч. 2 п. 1 Указа № 19 под деятельностью криптобанка понимается совмещение деятельности с использованием цифровых знаков (токенов) с совершением банковских, платежных и иных связанных с ними финансовых операций в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Говоря конкретнее, в функциональном блоке субъектов рынка цифровых знаков криптобанк вправе осуществлять такой вид деятельности с использованием цифровых знаков (токенов), как иная деятельность с использованием цифровых знаков (токенов), в том числе содержащая признаки профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам, деятельности инвестиционного фонда, секьюритизации, а также осуществление операций по созданию и размещению собственных цифровых знаков (токенов).

Среди основных нормативных требований, предъявляемых к криптобанкам, отметим следующие:

1. Организационно-правовая форма юридического лица. Правовой статус криптобанка вправе получить только акционерное общество (ч. 1 п. 1 Указа № 19).

2. Двойное лицензирование деятельности. Для получения статуса криптобанка юридическое лицо должно являться резидентом Парка высоких технологий (далее – ПВТ) и быть включено в реестр криптобанков Национального банка Республики Беларусь (п. 1 Указа № 19).

3. Размер уставного фонда и депозита. Закреплена обязанность учредителей криптобанка до подачи заявления о включении в реестр криптобанков сформировать уставный фонд в размере не менее 20 млн белорусских рублей, и в дополнение к этому криптобанк не позднее десяти рабочих дней со дня включения в реестр обязан разместить в Национальном банке

денежные средства в размере 10 млн белорусских рублей в условном безотзывном банковском вкладе (депозите) (п. 5 Положения о деятельности криптобанков).

Положения Указа № 19 также позволяют выделить некоторые особенности правового режима деятельности криптобанков, такие как двойной контроль и двойное регулирование деятельности криптобанков (как со стороны Национального банка (п. 2, 7, 14, 24 Положения о деятельности криптобанков), так и со стороны Секретариата Наблюдательного совета ПВТ (п. 7, 24 Положения о деятельности криптобанков)), применение в отношении деятельности криптобанков правового режима деятельности небанковских кредитно-финансовых организаций (п. 6 Положения о деятельности криптобанков), особенности рекламирования некоторых видов деятельности криптобанка, обусловленные характером такой деятельности (п. 12 Положения о деятельности криптобанков).

Говоря о правовой и экономической природе криптобанков, эксперты также рассматривают зарубежный опыт правового регулирования деятельности данных или схожих по видам деятельности организаций. Так, выделяются две основные «регуляторные парадигмы формирования и легитимизации криптобанков»: 1) связанная с созданием специализированной банковской категории – SPDI (реализована в США), 2) предполагающая применение механизма двойного лицензирования деятельности организации без создания нового вида финансовой организации (модульная парадигма) (реализована в Европейском союзе, ОАЭ, Сингапуре) [1, с. 19–20]. Что касается подхода законодателя Республики Беларусь, отмечается, что обнаруживается схожесть с обеими моделями: с американской – с точки зрения институционального аспекта, с модульной – с точки зрения специфики системы контроля деятельности криптобанков [1, с. 20].

Что касается позиции самих регуляторов, представители Национального банка рассматривают криптобанк как «банк, который будет иметь возможность работать с криптовалютой». Следовательно, при разработке дальнейшего правового регулирования деятельности криптобанков предполагают использовать подходы, «аналогичные обычной банковской деятельности» (в том числе в отношении пруденциальных требований к функционированию криптобанков, бухгалтерского учёта) с учётом специфики деятельности с использованием цифровых активов [2].

Важнейшей новацией в правовом регулировании рынка цифровых знаков эксперты называют легальное закрепление возможности использования цифровых знаков (токенов) в качестве средства расчёта. В настоящее время определены конкретные случаи, когда применение цифровых знаков допускается при расчётах:

– при получении физическими лицами, осуществляющими ремесленную деятельность, деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, а также самостоятельную профессиональную деятельность, цифровых знаков (токенов) на свои криптоаккаунты, открытые в криптобанках, в качестве встречного предоставления при исполнении обязательств по внешнеэкономическим договорам;

– в целях исполнения обязательств по внешнеэкономическим договорам юридическим лицом – резидентом и юридическим лицом – нерезидентом через криптобанки в случаях, установленных Советом Министров Республики Беларусь и Национальным банком;

– при получении криптобанком вознаграждения (платы) за оказываемые услуги;

– при получении криптобанком неустойки (штрафа, пеней), уплачиваемой в связи с неисполнением и (или) ненадлежащим исполнением обязательств (п. 3 Положения о деятельности криптобанков).

Понимая важность регулирования данной сферы общественных отношений и постоянного его совершенствования для национальной экономической безопасности Республики Беларусь, остановимся на значении данных новаций для непосредственных участников рынка обращения цифровых знаков и предпринимательского сообщества в частности. Так, аспекты практического применения данных правовых норм связаны с: 1) возможностью совмещения активов клиента в криптобанке (цифровых знаков и фиатных денег) и упрощением распоряжения ими, 2) упрощением работы с иностранными

контрагентами в случаях, когда законодательством разрешается использовать цифровые знаки в качестве средства расчёта, 3) снижением криминогенных рисков при проведении финансовых операций с цифровыми знаками [3].

Основные положения Указа № 19 вступают в силу через шесть месяцев после его официального опубликования, и уже сейчас, по информации регуляторов, 60 % мероприятий по реализации Указа № 19 выполнено, ко 2 июля 2026 г. ожидается завершение всех необходимых мероприятий по линии регуляторов [4]. Также ожидается, что первые криптобанки будут созданы в ближайшее время после вступления Указа № 19 в силу, например, над созданием криптобанка уже работает резидент ПВТ ЗАО «Уайт Бёрд».

Таким образом, основными новациями в сфере правового регулирования деятельности в сфере обращения цифровых знаков (токенов) являются закрепление в законодательстве Республики Беларусь правового режима деятельности криптобанков как гибридной институциональной единицы на стыке банковского сектора экономики и рынка цифровых знаков, а также установление конкретных случаев использования цифровых знаков в качестве средства расчёта. Среди перспективных направлений развития правового регулирования в сфере обращения цифровых знаков видится теоретическая проработка подходов к правовой природе криптобанков, мониторинг и анализ практики применения Указа № 19 и на их основе совершенствование правового регулирования деятельности криптобанков; изучение перспектив использования цифровых знаков как средства расчёта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Панков Д.А., Стефанович Л.И., Зубок С.В. Экономика криптобанка: формирование и особенности модели // Банкаўскі веснік. – 2026. – № 2. – С. 13–28.

2. Правила работы с криптоактивами утвердят в Беларуси // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/april/93060/ (дата обращения 15.04.2026).

3. Криптобанки в Беларуси: разбор Указа № 19 от 16.01.2026 // Бухгалтерские технологии. – URL: https://opyt.by/kriptobanki-v-belarusi-razbor-ukaza-19/ (дата обращения 15.04.2026).

4. Регистрация криптобанков в Беларуси будет возможна со 2 июля 2026 года // Экономическая газета. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/registratsiya-kriptobankov-v-belarusi-budet-vozmozhna-so-2-iyulya-2026-goda/ (дата обращения 15.04.2026).

УДК 347.21

ДЕНЬГИ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Зенькович Виолетта Дмитриевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

В настоящее время преобладающее количество заключаемых договоров связано с предоставлением определенной суммы денежных средств, что требует точного и корректного понимания природы денег. Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь деньги относятся к объектам гражданских прав, но не выступают как самостоятельный объект, а причисляются к вещам и регулируются вещным правом. По причине овеществления денег зачастую складывается и представление о них как об осязаемом объекте материального мира, которыми являются банкноты и монеты. Происходит такое овеществление вследствие того, что вещи в понимании законодателя – объекты телесные (физические). Следовательно, деньги, как особая категория вещей,

должны иметь исключительно физическое выражение. В результате этого возникает противопоставление наличных и безналичных денег. Последние, как нематериальные объекты, вещами не признаются, что порождает юридические затруднения в природе безналичных денежных средств. Для разрешения сложившейся ситуации важно, прежде всего, определить, что подразумевается под деньгами и такими категориями, как наличные и безналичные денежные средства.

Несмотря на то, что данные термины являются устоявшимися и повсеместно используемыми, на сегодняшний день они не имеют юридически закрепленного определения. В Гражданском кодексе, в частности в ст. 141, указано: «Белорусский рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Республики Беларусь». Следовательно, деньги в форме белорусского рубля являются законным платежным средством. Такие положения Гражданского кодекса при этом не коррелируются с положениями Банковского кодекса.

Согласно ст. 29 Банковского кодекса Республики Беларусь банкноты и монеты, выпущенные в обращение Национальным банком, являются единственным законным платежным средством на территории Республики Беларусь. В данном контексте речь идет исключительно о наличных деньгах. Можно было бы предположить, что белорусский законодатель не выделяет отдельной категории безналичных денежных средств, а только безналичную форму расчетов, однако это мнение опровергается ст. 28 Банковского кодекса, в которой говорится, что эмиссия денег, осуществляемая Национальным банком, «возможна как посредством выпуска в обращение наличных, так и безналичных денежных средств». В связи с этим возникает правовая неопределенность: хотя законодатель выделяет две категории денег – безналичные и наличные, только последние он называет законным платежным средством. Эта коллизия норм подтверждает необходимость разработки единого подхода к пониманию терминов.

В научной литературе также не существует единого мнения относительно определения термина «деньги». М. Литовченко, анализируя природу денег, писал: «… государство признает их единицею ценности всех меновых благ и всеобщим платежным средством, так что в них оценивается всякая res имущественного оборота и ими производится удовлетворение (платеж) по всем обязательствам, какие только не могут быть исполнены их первоначальным (договорным) предметом. В этом новом своем качестве деньги являются деньгами в правовом смысле» [1, с. 8]. С учетом анализа ряда особенностей денежных средств М. Литовченко все же пришел к выводу о вещном характере денег: «как res, деньги прежде всего – res corporalis, вещь ценная сама в себе, потому ли, что она заключает в себе ценный материал – монета; потому ли что она представляет его собою, как вещью – бумажные деньги. В силу этого последнего бумажные деньги не подлежат амортизации» [1, с. 32]. Такой взгляд на деньги получил поддержку у множества цивилистов советского времени. Однако стоит отметить, что внедрение безналичных расчетов в советских государствах произошло значительно позднее – в эпоху перестройки. Следовательно, мнения советских ученых сформированы представлением лишь о находящихся в обращении наличных денежных средствах, существование же безналичных – не учитывается.

Вещи в юридическом смысле обычно обладают индивидуальными качествами и физическими свойствами, что позволяет их четко идентифицировать и отличать от других объектов. Деньги, как средство обмена, являются эквивалентом стоимости, они не обладают уникальными характеристиками, которые могли бы их индивидуализировать. В качестве примера, банкноты одной и той же номинальной стоимости могут быть обменены друг на друга, их физическая идентичность не имеет юридического значения.

По утверждению С.П. Протасовицкого, «деньги – ценность идеальная. Они не имеют материальной субстанции, не занимают место в пространстве, непосредственно не воспринимаются нашими органами чувств. Они не тождественны банкнотам и монетам: последние являются лишь инструментом обладания деньгами, свидетельством о праве

на них. А безналичные деньги вообще не предполагают вещественного содержания. Следовательно, деньги не принадлежат к классу вещей в их узком (телесном) смысле и потому не могут быть гражданско-правовой вещью» [2, с. 62]. В таком случае, деньги не отождествляются с наличными деньгами, не являются вещами в юридическом смысле и рассматриваются как самостоятельный, неосязаемый объект. В этих условиях банкноты (монеты), а равно банковский счет служат подтверждением прав на этот объект. Соответственно, термины «наличные денежные средства» и «безналичные денежные средства» являются условными, оба охватываются общим понятием «деньги».

В Гражданском кодексе Российской Федерации безналичные денежные средства рассматриваются как имущественные права (ст. 128 ГК РФ). Иными словами, безналичные денежные средства не считаются вещами (подобно наличным деньгам), а представляют собой обязательственные права требования. Разъясняя их правовую природу, В.Ф. Попондопуло писал: «безналичные денежные средства, являясь объектами обязательственного права (права требования), находятся на банковских счетах и означают право владельца счета на получение наличных денег или на перечисление безналичных денег на другие счета (как свои счета, так и счета контрагентов по договорам или по государственным требованиям, например, об уплате налога). Праву требования владельца счета, обращенному к банку, в котором открыт счет, корреспондирует соответствующая обязанность банка» [3, с. 46]. В такой ситуации очевидно, что, являясь имущественными правами, безналичные деньги уже не могут быть причислены к деньгам, если считать последние вещами.

Российский законодатель решил указанную проблему иным способом: убрав термин «деньги» из объектов гражданских прав, он заменил их на термин «наличные денежные средства», отнеся их к вещам, и на термин «безналичные денежные требования», отнеся их к имущественным правам (ст. 128 ГК РФ). Однако, российский законодатель, проводя такое разграничение, по тексту кодекса продолжает использовать термин «деньги» или же «денежные средства» Полагаем, в гражданско-правовых нормах, в которых используется более общий термин «деньги», подразумеваются как наличные, так и безналичные денежные средства. И в силу того, что некоторые из этих норм закрепляют передачу денег в собственность (как например, договор займа), то это влечет распространение вещных прав в том числе и на безналичные денежные средства (права требования). Таким образом, утверждение о праве собственности на безналичные денежные средства действительно имеет под собой основание. Однако споры в юридической литературе продолжаются: может ли право собственности – порождение вещного права – переходить не на вещи, а, как в случае с безналичными деньгами, на имущественные права?

К.Т. Трофимов, выступая против того, что право собственности может переходить исключительно на вещи, утверждал: «Аргументы противников признания права собственности на безналичные деньги основаны на причинах физического характера (отсутствие индивидуализированного вещного объекта). Подобный подход обусловлен скорее историческим восприятием, чем анализом современных реалий. Многие авторы отмечают, что в настоящее время телесность уже не может служить критерием разграничение благ на имеющие вещную и обязательственную природу» [4, с. 41]. В свою очередь, В.А. Белов относительно правовой природы безналичных денег говорил о том, что «безналичных денег как объекта права собственности не только не существует, но и не может существовать вообще. Внесение наличных денег в банк, извлечение их из банка или изменение записей по счетам на основании состоявшихся соглашений о переводе долгов говорит только об изменении субъектов и состава прав денежных требований» [5, с. 157].

По нашему мнению, выделение безналичных денежных средств в качестве самостоятельного объекта гражданских прав и отнесение их к правам требования не отражает их действительной сущности. Безналичные деньги непосредственно используются для расчетов и не представляют собой требование, которое может быть

предъявлено другому лицу. Как указывал С.П. Протасовицкий: «По договору текущего банковского счета банк оказывает контрагенту финансовые услуги: открытие счета, учет денег владельца счета, осуществление операций по счету и т. д., а владелец счета вправе получать такие услуги. Другими словами, право владельца текущего счета – это не право денежного требования к банку, а право на получение предусмотренных законодательством и договором банковских услуг. Дело в том, что над деньгами в отличие от вещей возможно лишь юридическое (не фактическое) господство, и банки, оказывая финансовые услуги, обеспечивают его» [2, с. 63]. В этом контексте деньги служат объектом, для передачи которого совершается определенное действие. Именно совершение данного действия является обязанностью должника (банка), а кредитор, в свою очередь, обладает правом требовать совершения этого действия. Если считать безналичные деньги правами требования, то закономерно возникает вопрос, а какое действие кредитор имеет право требовать от банка? Сами по себе безналичные деньги не подразумевают обязанность банка совершить определенное действие, право требования к банку возникает не в момент зачисления денежных средств, а в момент заключения договора банковского счета. Так, обязанность банка зачислить денежные средства имеется и тогда, когда денег на счете нет. Деньги – то, по поводу чего заключается договор банковского счета.

Юридически деньги являются универсальным эквивалентом, предназначенным для обмена товаров и услуг, и равным счетом, не имеет значения, в какой форме они выражены: наличной или безналичной. К тому же, уже в настоящее время можно констатировать фактическое вытеснение безналичными денежными средствами наличных, что приведет, если не к исчезновению наличных денег, то к их минимальному участию в гражданском обороте. Меж тем, постепенное внедрение цифрового белорусского рубля, который сам по себе является той же формой денег, вновь поднимет вопросы правовой природы денег и вызовет те же споры. Учитывая все особенности, деньги как наличные, так и безналичные не могут быть приравнены к вещам, не следует относить их и к обязательствам. Они представляют собой самостоятельный объект гражданских прав, обладая статусом законного средства платежа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Литовченко М. Деньги в гражданском праве. – К.: Типо-лит. И.Н. Кушнерева и Кº, 1887. – 50 с.

2. Протасовицкий С.П. Теория частноправового регулирования финансов: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Протасовицкий Сергей Петрович; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2020. – 315 с.

3. Попондопуло В.Ф. Денежные средства: понятие и правовой режим // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 2. – С. 40–51.

4. Трофимов К.Т. Деньги как объект гражданских прав // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 37–48.

5. Белов В.А. Денежные обязательства. – М.: АО Центр ЮрИнфоР, 2001. – 237 с.

УДК 346.2

К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Хомич Владислав Сергеевич,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и их интеграция в ключевые сферы социально-экономических отношений ставят перед правовой системой Республики Беларусь фундаментальный вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта. От выбора законодателем того или иного принципа интеграции искусственного интеллекта в белорусскую правовую систему зависят механизмы гражданско-правовой ответственности, защита прав потребителей и определение авторства на результаты интеллектуальной деятельности.

В настоящее время в национальном законодательстве отсутствует единый нормативный правовой акт, определяющий правовой статус искусственного интеллекта. Однако потребность в его разработке осознана на высшем государственном уровне. Так, Конституционный Суд Республики Беларусь в своем Послании Президенту Республики Беларусь, Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь, Совету Республики Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности» от 12 марта 2025 г. (далее – Послание) прямо указал на необходимость принятия нормативного правового акта, который закладывал бы правовые основы для регулирования технологий искусственного интеллекта с закреплением эффективных правовых гарантий соблюдения прав и свобод человека в процессе разработки и использования таких технологий.

В своем Послании Конституционный Суд отметил: «Полагаем, что с учетом влияния технологий искусственного интеллекта на процессы социально-экономического развития, реализацию конституционных прав и свобод граждан необходимо принять Закон «О технологиях искусственного интеллекта» для установления четких юридических правил на принципах безопасности и ответственности всех участников данных отношений» [1].

Существенным ориентиром для национального законодателя стал Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта», утвержденный Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ 18 апреля 2025 г. Данный документ задает общий вектор гармонизации подходов на постсоветском пространстве и акцентирует внимание на приоритете прав человека, а также безопасности применения искусственного интеллекта и соответствующих технологий.

В белорусской правовой доктрине, как и в общемировой правовой теории, на данный момент формируются различные точки зрения на правосубъектность искусственного интеллекта. Ключевой вопрос ставится следующим образом: могут ли роботы (иные автономные системы) рассматриваться как объект права; как физическое лицо; как юридическое лицо; как электронное (цифровое) лицо; как источник повышенной опасности со всеми вытекающими последствиями (ответственность, страхование) и т. д. [2, с. 17].

Доминирующий подход, представленный такими исследователями, как В.П. Мороз, М.А. Семенихин и Е.Н. Гладкая, основывается на признании искусственного интеллекта объектом права. В частности, М.А. Семенихин обосновывает несовместимость материальной природы компьютерной программы с автономией воли и имущественной самостоятельностью, присущими субъекту права [3, с. 53].

В свою очередь, рассмотрение искусственного интеллекта в качестве физического лица предполагает приравнивание робота к человеку с наделением его естественными правами.

Однако такая позиция отвергается многими учеными ввиду отсутствия у искусственного интеллекта биологической природы, сознания, эмоций и возможности личного несения ответственности.

Рассмотрение искусственного интеллекта в качестве юридического лица критикуется за отсутствие у него «человеческого субстрата» – в отличие от «классических» юридических лиц, где действуют реальные люди, способные выражать волю.

Представляет интерес и позиционирование искусственного интеллекта в качестве электронного (цифрового) лица. Белорусский ученый-юрист Ю.О. Лысаковская предлагает наделить системы искусственного интеллекта ограниченной правосубъектностью (способностью быть агентом, носителем отдельных прав) без уравнивания с человеком, но с признанием за ним специального статуса в цифровой среде. Для реализации этой концепции предлагается принятие специального нормативного правового акта, а также внесение изменений в Конституцию Республики Беларусь с целью закрепления конституционно-правового статуса такой «личности» и институционализации агентских отношений в рамках кодификации хозяйственного законодательства [4]. По мнению Ю.О. Лысаковской, такие изменения необходимы для разделения «человеческого права» и «права роботов».

Искусственный интеллект в качестве источника повышенной опасности представляет собой подход, не акцентирующий внимание на правосубъектности как таковой, но регулирующий деликтную ответственность. В данном случае искусственный интеллект приравнивается к деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих (по аналогии с транспортными средствами или механизмами).

Однако для онтологической оценки жизнеспособности подобных подходов к определению правосубъектности искусственного интеллекта анализ зарубежных нормативных актов, а также экономической релевантности, по нашему мнению, является недостаточным. Необходимо обратиться к фундаментальным философским вопросам (в рамках философии сознания): обладает ли искусственный интеллект сознанием, волей или интенциональностью, необходимыми для признания за ним статуса лица?

Правосубъектность в классическом понимании неразрывно связана с философскими категориями воли, разума и способности осознавать значение своих действий и их последствия. В юридической науке это выражается через понятия правоспособности и деликтоспособности. Если искусственный интеллект рассматривать как физическое или полноценное юридическое лицо, то логично предположить наличие у него аналога сознания или, по крайней мере, способности к подлинному пониманию (семантике), а не просто к имитации поведения.

Именно данный тезис был подвергнут критике в рамках мысленного эксперимента американского аналитического философа Дж.Р. Серля «Китайская комната». Дж.Р. Серль выступил против концепции «сильного искусственного интеллекта», согласно которой правильно запрограммированный компьютер обладает подлинным пониманием и когнитивными состояниями, тождественными человеческим.

Так, человек (физическое лицо), не знающий китайского языка, действуя по формальным правилам преобразования иероглифов, может успешно имитировать понимание речи, хотя в действительности остается на уровне синтаксиса, лишенного семантики. Компьютерная программа функционирует аналогично: манипулирует символами, не придавая им смысла. Синтаксис не порождает семантику, а следовательно, искусственный интеллект не обладает так называемым «квалиа» – субъективным переживанием, необходимым для подлинного сознания.

Исходя из аргумента Дж.Р. Серля, применительно к вопросу о субъектности искусственного интеллекта представляется возможным сделать следующие выводы, актуальные для совершенствования отечественной правовой теории:

Предоставление искусственному интеллекту полноценной правосубъектности не представляется возможным ввиду того, что система, лишенная понимания смысла своих действий (семантики), не может быть субъектом права, способным к волеизъявлению и ответственности.

Предложение Ю.О. Лысаковской о закреплении ограниченной правосубъектности искусственного интеллекта через конструкцию электронного (цифрового) лица представляет определенный интерес и аргументированность, однако требует детальной проработки в части конкретных «прав» и «обязанностей», поскольку аргумент Дж.Р. Серля фактически сохраняет свою силу и в отношении данной позиции. По всей видимости, автор исходит из того, что «семантический аргумент» («Китайская комната») может быть преодолен путем формирования отдельного «права роботов» (в связи с чем Ю.О. Лысаковской и предлагается закрепить конституционно-правовой статус «искусственной (цифровой) личности») [4, с. 204]. В противном случае сохраняется риск размывания ответственности реальных лиц – разработчиков и владельцев систем искусственного интеллекта.

Интеграция философского знания в правовую науку позволяет более взвешенно подойти к решению проблемы статуса искусственного интеллекта. Анализ мысленного эксперимента «Китайская комната» Дж.Р. Серля убедительно показывает, что современные системы искусственного интеллекта, несмотря на впечатляющие успехи в имитации человеческой деятельности, остаются инструментами манипуляции синтаксисом, лишенными подлинного понимания.

В заключение следует отметить, что на данный момент для правовой системы Республики Беларусь наиболее рациональной и теоретически обоснованной правовой логикой является отказ от признания за искусственным интеллектом правосубъектности. При этом искусственный интеллект может рассматриваться в качестве специфического объекта гражданских прав – источника повышенной опасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Послание Президенту Республики Беларусь, Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь, Совету Республики Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности» от 12 марта 2025 г. // Конституционный Суд Республики Беларусь. – URL: https://kc.gov.by/document-86733 (дата обращения 05.04.2026).

2. Концепция проекта закона Республики Беларусь «Об искусственном интеллекте, роботах и робототехнике»: аналитический доклад / Н.М. Минько [и др.]; Институт экономики НАН Беларуси. – Мн.: Право и экономика, 2022. – 102 с.

3. Семенихин М.А. К вопросу гражданской правосубъектности электронных лиц // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 24–31.

4. Лысаковская Ю.О. Расширение сферы агентских правоотношений в связи с созданием технологических возможностей для делегирования агентской функции объектам прав – носителям искусственного интеллекта // Цифровые технологии в системе частно-правовых (цивилистических) отношений. – 2025. – С. 190–204.

УДК 346.51

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КРИЗИСНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Якубовский Ольгерд Андреевич,
Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Государственное управление – это особая институциональная среда, для которой характерна постоянная динамика под воздействием внутренних и внешних факторов. В этих условиях кризисные процессы являются неизбежной причиной преобразования устоявшейся системы и её элементов. По мнению одного из основоположников системного подхода А.А. Богданова, «кризис есть нарушение равновесия и в то же время процесс перехода к некоторому новому равновесию» [1, с. 22]. В контексте государственного управления кризис представляет собой триггер, способствующий трансформации и модернизации уже сформировавшейся системы, её механизмов и инструментов, а также базовых институтов и их функций. В науке выделяется прикладная дисциплина, основными задачами которой являются прогнозирование, предупреждение, выявление, ликвидация и устранение негативных последствий кризисных явлений – антикризисное управление.

Основная проблема антикризисного управления заключается в том, что оно не имеет чёткой дефиниции в науке и практике. Чаще всего под ним понимается микроэкономическая категория, которая отождествляет отношения, складывающиеся на уровне отдельного предприятия в вопросах организации системы прогнозирования, предупреждения и разрешения кризисных ситуаций и их последствий. В современных научных работах термин «антикризисное управление» часто ассоциируется с управлением кризисными процессами на макроэкономическом уровне, которое осуществляется в рамках государственной политики. Как отмечает российский экономист Л.В. Шубцова, «государство играет роль организатора и координатора правовых, финансовых, организационных, управленческих мероприятий, проводимых на всех уровнях, особенно на микроуровне» [2, с. 11]. Помимо организационных функций, оно является одним из участников экономических отношений в различных формах, в частности, путём фискальной хозяйственной деятельности.

Государственное антикризисное управление не может ограничиваться исключительно экономическими процессами как объектом регулирования. Проработка решений в области разрешения отдельных кризисных ситуаций требует всестороннего анализа социально-экономической среды и формирования многовекторной матрицы принятия решений в поле действия нескольких подсистем общества. Государственное антикризисное управление выходит за рамки простого администрирования и является частью публичной политики государства. Кризисы, протекающие на макроэкономическом уровне, в своей сущности, имеют сложный характер и затрагивают вопросы социально-политического восприятия экономических процессов. По мнению российского учёного Е.В. Охотского, «экономика в условиях кризиса утрачивает способность функционировать в режиме расширенного воспроизводства, механизмы регулирования общественных отношений лихорадит, финансовые и социально-политические потери приобретают системный характер» [3, с. 8].

Особое значение в обеспечении эффективной системы антикризисного государственного управления имеет правовой инструментарий. Как отмечает доктор экономических наук В.Ж. Дубровский, «важнейшая антикризисная функция государства – формирование и воспроизводство общепризнанной и обеспеченной соответствующим механизмом защиты системы правил, которые требуют, запрещают или разрешают конкретные действия хозяйствующих субъектов» [4, с. 13]. В основе правового регулирования кризисных ситуаций в широком смысле лежит создание благоприятных условий для поддержания социально-экономической устойчивости государства к интрасоциентальным

и экстрасоциентальным факторам. Построение такой системы, по нашему мнению, зависит от гармонично сформированной структуры форм и целей государственного управления, которая выражается в следующих типах правовых механизмов и инструментов: предупредительные (превентивные) и регулятивные.

Основная функция антикризисного управления – предупредительная, которая реализуется путём создания условий для стабильного долгосрочного и эффективного функционирования отдельных форм государственного управления. Она предусматривает стратегическое планирование, постановку концептуальных ориентиров развития общества, а также технологии юридического прогнозирования в соответствии с актуальными условиями социально-экономического развития, что в совокупности позволяет своевременно и эффективно реагировать на поступающие и возможные угрозы. Непрерывное совершенствование (обновление) системы государственного управления является ключевым фактором её стабильного функционирования в периоды турбулентности.

Правовые механизмы регулятивного типа нацелены на разрешение кризисных ситуаций экономического или иного характера путём своевременного реагирования на сложившиеся обстоятельства. Такая группа правовых механизмов включает специальные правовые режимы, которыми предусмотрено ограничение правосубъектности физических и юридических лиц (например, правовой режим чрезвычайного положения), а также меры адресного характера, вводимые в качестве ответа на отдельные ограничения или принимаемые в целях повышения эффективности функций элементов системы государственного управления (например, параллельный импорт, позволяющий снизить негативный эффект от санкционных ограничений на поставки товаров в государства-реципиенты санкций). Особенностью регулятивных правовых механизмов выступает приоритет публичных интересов, что сужает сферу саморегулирования субъектов правоотношений и может привести к новым кризисам. Правовые механизмы и инструменты, выполняющие задачи по предотвращению и преодолению кризисных ситуаций, по мнению белорусского исследователя С.А. Минич, подразделяются на «краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные» [5, с. 29] в зависимости от характера наступающих кризисов.

Таким образом, управление кризисными процессами государством выходит за рамки экономического регулирования. Оно имеет системный характер и затрагивает иные подсистемы общества, в частности, политическую и социальную. Ключевая задача государственного антикризисного управления – это создание и поддержание системы, способной оперативно адаптироваться под наступающие вызовы экономического или иного характера, в частности, обеспечивающей взаимосвязь подсистем общества, что достигается за счёт сбалансированного применения правового инструментария.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука: (Тектология). – 3 изд. перераб. и доп. л. – М.: Книга, 1929. – Ч. 3. – 221 с.

2. Шубцова Л.В. Государственное антикризисное управление: системный подход // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 5. – С. 11–18.

3. Охотский Е.В. Государственное управление в кризисной ситуации // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 2–1(12). – С. 8–22.

4. Дубровский В.Ж. Институционализация антикризисной роли государства // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2009. – № 2(24). – С. 12–20.

5. Минич С.А. Правовые механизмы и инструменты повышения внутренней устойчивости экономики Республики Беларусь // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 24–34.

Научное издание

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 95-летию Института экономики НАН Беларуси

Технические редакторы:
Т. Г. Бочарова, Л. П. Вилейко, В. Б. Григорьева,
О. М. Залесская, А. В. Рыхлицкая

Подписано в печать 08.06.2026. Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Цифровая печать.
Усл. печ. л. 32,6. Уч.-изд. л. 25,4.
Тираж 20. Заказ 1094.

Издатель: учреждение образования
«Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий №1/238 от 24.03.2014,
№2/113 от 07.04.2014, №3/615 от 07.04.2014.
Ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск

Полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Информационно-вычислительный центр
Национального статистического комитета Республики Беларусь».
Просп. Партизанский, 12а-8а, 220070, Минск, Республика Беларусь
ЛП № 02330/10 от 28.10.2013
тел. (375-17) 379-70-32
факс: (375-17) 378-52-11
www.ivcstat.by